С.-А. Г. Б.
Инв. № 160705
Отдел Востоковедения.

ТУРКЕСТАНСКІЙ СБОРНИКЪ

сочиненій и статей

относящихся

до средней Азіи вообще

и

Туркестанскаго края въ особенности,

составляемый

по порученію г. Туркестанскаго военнаго генералъ-губернатора М. Г. Чернаева.

В. И. Межовымъ.

Томъ 327.

Санктпетербургъ.

1883.

ХРОНИКА.

Назначеніе М. Г. Черняева генералъ-губернаторомъ Туркестана даетъ свои плоды. Недаромъ генералъ Черняевъ считался за человѣка, который лучше другихъ понималъ пользу сохраненія добрыхъ отношеній къ туземцамъ. Вотъ что сообщаетъ «Новое Время» о послѣднихъ распоряженіяхъ въ Туркестанѣ (№ 2485).

„Генералъ Черняевъ и прежде, въ бытность свою въ Туркестанѣ, обращалъ вниманіе на бытовыя особенности мусульманскаго населенія и многіе порядки, приносящіе пользу, оставлялъ безъ измѣненія въ присоединяемыхъ къ Россіи ханствахъ настолько, насколько это входило въ размѣры его власти. Въ настоящее время, слѣдуя тѣмъ же взглядамъ, онъ возстановилъ существовавшіе при туземномъ владычествѣ должности арыкъ-аксакаловъ и курбашей, въ которыхъ ощущалась настоятельная надобность. Арыкъ-аксакалы—это должностныя лица изъ знающихъ дѣло туземцевъ для наблюденія за обводненіемъ края. Такъ какъ Туркестанъ вообще бѣденъ водой, то искусственная ирригація тамъ составляетъ дѣло первостепенной важности. Весь населенный Туркестанъ покрытъ цѣлою сѣтью каналовъ и арыковъ, устроенныхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Труда на нихъ положено страшно много; попадаются каналы имѣющіе болѣе 30 саженъ ширины и достигающіе 5 и 6 футовъ глубины. Вся эта система ирригаціи создана не нами, а туземцами, много сотень лѣтъ назадъ, и въ этомъ отношеніи у нихъ можно поучиться.

Наблюденія показали, что система арыковъ, находившаяся въ рукахъ туземцевъ и туземныхъ аксакаловъ, всегда была въ отличномъ порядкѣ и распредѣленіе воды совершалось замѣчательно правильно. Кромѣ того, каналы эти во многихъ случаяхъ служили для рѣчнаго судоходства. До генерала Черняева въ краѣ вмѣсто арыкъ-аксакаловъ имѣлось нѣсколько русскихъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ ирригаціей въ областяхъ. Такъ какъ завѣдывать такимъ дѣломъ одному въ цѣлой области нельзя, то должность эта обращалась въ синекуру, не принося пользы населенію. Наконецъ, кромѣ личнаго знанія и усердія, весьма важно знать жителей и нужду каждаго въ водѣ, чтобы вода распредѣлялась толково. Это настолько важно, что надо предполагать, что туземные аксакалы и при нашихъ областныхъ все-таки негласно продолжали кое-гдѣ существовать“.

„Что касается до курбашей, то должность ихъ соотвѣтствуетъ полиціймейстерской въ туземныхъ частяхъ городовъ. Съ учрежденіемъ курбашей, туземцамъ въ спорныхъ дѣлахъ и въ случаѣ жалобы на обиды, легче будетъ дойдти до русскихъ властей, чѣмъ прежде“. Эту перемѣну политики и уничтоженіе туркестанскихъ безобразій нельзя не привѣтствовать. Какъ извѣстно, въ Туркестанѣ существуетъ вѣковая культура и хозяйство мѣстнаго населенія, которые не мѣшало бы охранить отъ вторженія пріѣзжихъ спекулянтовъ съ цѣлью на-

живы. Прежняя администрація допустила почему-то мысль, что чиновники призваны измѣнить даже туземное хозяйство. Рядомъ съ этимъ начали захватываться этимъ чиновничествомъ, сады и ирригація, бывшіе петербургскіе бюрократы начали заниматься шелководствомъ, коневодствомъ и требовать казенныхъ субсидій. Начали проектировать новое распредѣленіе поземельной собственности (не мѣшаетъ припомнить, къ чему привело подобное вторженіе въ хозяйство въ Индіи). Чиновники Туркестана стали огромной компаніей предпринимателей, коммерческихъ дѣятелей, не имѣя понятія о туземныхъ производствахъ, а административныя обязанности уступили мѣсто коммерческимъ. Въ заключеніе все это кончилось безобразной спекуляціей и расхищеніемъ. Туземное же хозяйство, существовавшее вѣка, понесло ударъ. Нынѣ результаты этой системы достаточно разоблачены.

Послѣдствія ревизіи сенатора Гирса, по словамъ того же „Новаго Времени", уже начинаютъ обнаруживаться. Немало чиновниковъ находятся подъ слѣдствіемъ и вѣроятно нѣкоторыхъ постигнетъ участь Гуюса, Нольде, Савенкова (*) и другихъ, преданныхъ суду еще покойнымъ К. П. Кауфманомъ. Немало будетъ открыто вѣроятно злоупотребленій, которыя всегда бываютъ на окраинахъ, но, повторяемъ, строгая ревизія очиститъ воздухъ и подниметъ честь русскаго управленія.

Въ подтвержденіе къ этому мы прочли слѣдующее въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" и „Голосѣ".

«Ревизующій въ настоящее время Туркестанскій край сенаторъ Гирсъ доноситъ министерству внутреннихъ дѣлъ о нѣкоторыхъ результатахъ своей ревизіи, открывшей массу злоупотребленій въ мѣстной администраціи, и проситъ названное министерство о безотлагательномъ назначеніи туда новыхъ лицъ для занятія тѣхъ административныхъ постовъ въ краѣ, которые остаются теперь незанятыми, вслѣдствіе удаленія сенаторомъ прежнихъ начальниковъ отъ ихъ мѣстъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ нашло нужнымъ безотлагательно удовлетворить это ходатайство».

Такимъ образомъ, благодаря энергической дѣятельности посланныхъ ревизоровъ въ Туркестанъ, злоупотребленіе обѣщаетъ быть разоблаченнымъ и обнаруженнымъ. Мы привѣтствуемъ это начало, такъ какъ не разъ указывали на подобныя явленія. Примѣръ Туркестанской ревизіи можетъ убѣдить, что подобныя ревизіи и контроль дѣйствій администраціи на окраинахъ не проходятъ безъ пользы. Нашъ взоръ и мысли поневолѣ переносятся въ край, гдѣ такая же ревизія ожидается съ особымъ нетерпѣніемъ. Это Восточная и Западная Сибирь. Доносящіяся извѣстія убѣждаютъ, что ревизія здѣсь должна-бы начаться съ волостныхъ правленій, а не губернскихъ, и могла бы пожать извѣстные плоды.

3

— По поводу назначенія генерала Черняева туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, въ послѣднемъ нумерѣ журнала «Times of India», отъ 26-го мая, помѣщена статья о будущей политикѣ Россіи въ Средней Азіи. Авторъ коротко перечисляетъ факты изъ жизни генерала Черняева и дѣйствія его на Востокѣ, и изъ этого заключаетъ, что «политика Россіи должна быть непремѣнно воинственною». Поэтому, онъ совѣтуетъ англійскому правительству приготовиться и, вмѣсто того, чтобъ апатично относиться къ дѣйствіямъ Россіи, принять, на всякій случай, необходимыя мѣры, чтобъ имѣть возможность прямо дѣйствовать въ надлежащій моментъ. «Разумѣется—заключаетъ онъ—мы должны выжидать, но бодрствовать».

— Въ газетѣ «Times of India», отъ 26-го мая, помѣщены извѣстія изъ Афганистана. Кабульскій эмиръ обратился недавно съ рѣчью къ главнымъ начальникамъ, въ которой, между прочимъ, обратилъ ихъ вниманіе на быстрое приближеніе русскихъ къ афганской границѣ и просилъ поддержать его въ случаѣ необходимости, на что афганцы выразили полную готовность съ своей стороны.

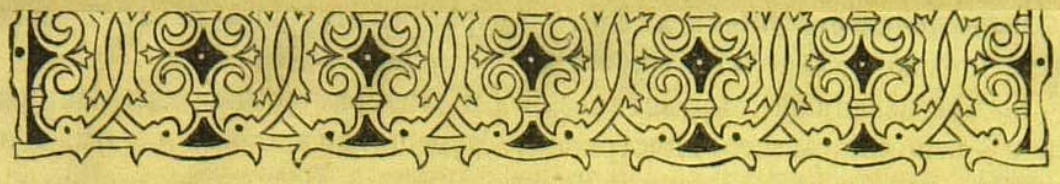
История. Военная
1882. Мартъ

Некрологъ К. П. фонъ-Кауфмана.—4-го мая, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, скончался въ Ташкентѣ туркестанскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ инженеръ-генералъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ 1-й. „Русскій Инвалидъ" сообщаетъ, между прочимъ, что К. П. фонъ-Кауфманъ родился 19-го февраля 1818 года; воспитывался въ главномъ инженерномъ училищѣ; 25-го декабря 1836 года произведенъ въ инженеръ-прапорщики, съ оставленіемъ при училищѣ для продолженія курса наукъ въ офицерскихъ классахъ. Произведенный за отличные успѣхи въ наукахъ сначала въ подпоручики, а черезъ годъ въ поручики, К. П. фонъ-Кауфманъ, 22-го февраля 1839 года, былъ назначенъ въ новогеоргіевскую инженерную команду, затѣмъ, въ брестлитовскую, а въ мартѣ 1842 года переведенъ въ грузинскій инженерный округъ. Служба его въ рядахъ кавказской арміи ознаменована многими подвигами мужества и выдающихся отличій. Въ 1861 году, уже генералъ-маіоръ, К. П. фонъ-Кауфманъ назначенъ былъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства. Въ апрѣлѣ 1865 г. онъ былъ назначенъ виленскимъ, ковенскимъ, гродненскимъ и минскимъ генералъ-губернаторомъ, главнымъ начальникомъ Витебской и Могилевской губерніи и командующимъ войсками виленскаго военнаго округа. Въ

октябрѣ 1866 года, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ былъ уволенъ въ отпускъ на 11 мѣсяцевъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, а затѣмъ, въ іюлѣ 1867 года, назначенъ командующимъ войсками туркестанскаго военнаго округа. Назначеніе это снова призывало К. П. фонъ-Кауфмана къ боевой дѣятельности; въ апрѣлѣ 1868 года, онъ принужденъ былъ выступить съ отрядомъ для дѣйствія противъ бухарцевъ. Сосредоточивъ отрядъ въ укрѣпленіи Джизакъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ двинулся съ нимъ черезъ Яны-Курганъ къ Самарканду. Непріятель собрался въ весьма значительныхъ силахъ на такъ-называемыхъ Самаркандскихъ высотахъ. Войска наши, перейдя Зеравшанъ по грудь въ водѣ, штыками выбили бухарскія войска изъ ихъ крѣпкихъ позицій и, обративъ непріятеля въ бѣгство, овладѣли всею его артиллеріею и всѣмъ лагеремъ. На слѣдующій день, 2-го мая, Самаркандъ сдался нашимъ войскамъ безъ выстрѣла и генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, удостоенный высочайшей искреннѣйшей признательности, объявленной въ высочайшемъ приказѣ, награжденъ, сверхъ того, орденомъ св. Георгія 3-й степени. Съ занятіемъ Самарканда, военныя дѣйствія еще не прекратились. Бухарцы нѣсколько разъ нападали на отрядъ, расположенный въ самаркандскихъ садахъ, тревожили его днемъ и ночью. По полученнымъ свѣдѣніямъ, бухарскій эмиръ собиралъ значительныя силы на Зерабулакскихъ высотахъ и генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, не желая давать ему времени усиливаться, двинулся форсированнымъ маршемъ къ Каты-Кургану и оттуда по дорогѣ на Кермине до Зерабулакскихъ высотъ. Принявъ личное начальство надъ войсками и раздѣливъ ихъ на двѣ штурмующія колонны, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ атаковалъ непріятеля, занявшаго весьма сильную позицію въ числѣ 6.000 сарбазовъ, 15.000 конницы при 14-ти орудіяхъ. При первомъ натискѣ нашемъ непріятельская артиллерія снялась съ позиціи и скрылась, бухарская пѣхота (сарбазы), потерявъ почти половину людей своихъ въ кровавомъ бою, отброшена была отъ дороги въ степь, а конница, не предпринимая никакихъ энергическихъ дѣйствій, бѣжала съ поля сраженія. Одержавъ, такимъ образомъ, блистательную побѣду надъ бухарскими войсками, К. П. фонъ-Кауфманъ торопился возвратиться въ Самаркандъ, гдѣ въ его отсутствіе незначительный гарнизонъ, тамъ оставленный, былъ запертъ въ цитадели почти поголовно возмутившимися жителями. Распоряжаясь лично войсками въ самомъ горячемъ бою, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ нанесъ столь сильное пораженіе непріятелю, что бухарскій эмиръ призналъ сопротивленіе невозможнымъ. Доведенный до крайности успѣхами нашего оружія, онъ рѣшился просить мира и, 23-го іюня 1868 года, въ Самаркандѣ были подписаны мирныя условія. За славную защиту Самарканда фонъ-Кауфманъ былъ пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла и высочайше повелѣно было начертать на бѣлой мраморной доскѣ главнаго инженернаго училища имя его съ присовокупленіемъ надписи: „1868 года, Самаркандъ“. Непріязненные поступки хивинскаго хана относительно русскихъ подданныхъ и захватъ ихъ въ плѣнъ вызвали въ 1873 году экспедицію въ Хиву. Для дѣйствій противъ хивинцевъ было сформировано два отряда: оренбургскій и туркестанскій, который долженъ былъ двинуться отъ Джизака. Русскимъ войскамъ приходилось совершить одинъ изъ небывалыхъ по своей трудности походовъ, какъ извѣстно, увѣнчавшійся блистательнымъ успѣхомъ: 29-го мая войска наши заняли Хиву. За покореніе Хивинскаго ханства генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени, а 1-го января 1874 года, за особыя заслуги произведенъ въ инженеръ-генералы. Съ занятіемъ Ташкента, а потомъ Ходжента, Россія продвинула свои среднеазіатскія границы на востокѣ до богатой Ферганской долины и, такимъ образомъ, стала въ самыя близкія сношенія съ Коканомъ, куда въ то время только что возвратился на престолъ Худояръ-ханъ, послѣ вторичнаго своего изгнанія изъ родины. Жестокое обращеніе Худояра-хана со своими подвластными вызвало всеобщее возстаніе населенія, среди котораго явились проповѣдники священной войны и изгнанія русскихъ изъ Средней Азіи. Вожаки возстанія выслали эмисаровъ въ пограничные наши уѣзды для возбужденія населенія и двинули въ наши предѣлы нѣсколько вооруженныхъ шаекъ. Пламя развившагося мусульманскаго движенія охватило все протяженіе восточной границы туркестанскаго генералъ-губернаторства, отразившись отъ Уратюбе и почтоваго тракта между Ташкентомъ и Самаркандомъ до Ауліэ-

ата и Токмакскаго уѣзда. Близость восточной границы Кураминскаго уѣзда съ коканскими владѣніями и вторженіе шаекъ въ долину Атрека, отстоявшую всего въ 70—80 верстахъ отъ Ташкента, ставили въ первое время туркестанское начальство въ весьма затруднительное положеніе. Собравъ наскоро войска и раздѣливъ ихъ на нѣсколько колоннъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ двинулся противъ непріятеля и 22-го августа, у крѣпости Махрамъ, одержалъ блестящую побѣду надъ коканцами. За эту побѣду онъ былъ награжденъ алмазами украшенною шпагою, съ надписью: „За пораженіе коканцевъ, 22-го августа 1875 года". Послѣдствіемъ дальнѣйшихъ дѣйствій нашихъ войскъ было покореніе Коканскаго ханства, причемъ наиболѣе враждебныя намъ личности были арестованы, а лица, поведеніе которыхъ было двусмысленно, высланы изъ края. Успокоенное населеніе радовалось прекращенію волненій и междоусобій, раздиравшихъ страну, и просило повергнуть свою участь милостивому рѣшенію русскаго царя. 19-го февраля 1876 года, состоялось высочайшее повелѣніе о присоединеніи къ имперіи всей територіи бывшаго Коканскаго ханства и образованіи изъ нея новой Ферганской области. Тяжкая болѣзнь, поразившая смертью К. П. фонъ-Кауфмана, на 65-мъ году жизни, положила предѣлъ его высокополезной и доблестной дѣятельности на боевомъ и административномъ поприщахъ.

6.
Историч. Вѣстникъ. годъ 3-й т. 9.



В. В. ВЕРЕЩАГИНЪ.

ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда вся артистическая Европа и зарождающійся художественный мірокъ Америки внимательно слѣдятъ за художественною дѣятельностью геніальнаго русскаго живописца, въ то время, когда европейскіе и американскіе художественные и литературные журналы отводятъ на своихъ страницахъ почетное мѣсто статьямъ объ этомъ художникѣ—намъ, кажется, нѣтъ надобности объяснять нашимъ русскимъ читателямъ причину появленія въ нашемъ журналѣ настоящей статьи. Слишкомъ рѣдки міровые успѣхи и побѣды русскихъ талантовъ, чтобы не напоминать постоянно о тѣхъ изъ нихъ, которые уже при жизни пріобрѣли имя въ исторіи искусства и культуры человѣчества, которые вырвали пальму первенства у художниковъ западной Европы, давно, привычно и крѣпко державшихъ ее въ своихъ рукахъ.

Выставка картинъ Верещагина, устроенная самимъ художникомъ осенью 1880 г. въ Парижѣ, въ отелѣ Rue Volney, хотя и не впервые познакомила съ этими произведеніями Европу, однако главнымъ образомъ способствовала упроченію міровой славы Верещагина. На этой выставкѣ было собрано почти все, что написалъ художникъ: въ одной залѣ развѣшано было собраніе его картинъ изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг.; въ другой залѣ красовалась замѣчательная коллекція картинъ, явившихся плодомъ путешествія его по британской Индіи; наконецъ, въ третьей выставлены были фотографическіе снимки съ его средне-азіатскихъ картинъ. Тутъ, повторяемъ, было собрано въ оригиналахъ или снимкахъ почти все то, что художникъ

сдѣлалъ до своего 38-ми-лѣтняго возраста, втеченіе 22 лѣтъ своей артистической дѣятельности.

Художественный, артистическій и литературный міръ Парижа вскорѣ вспомнилъ, что иностранецъ Верещагинъ вовсе не былъ новичкомъ въ Парижѣ. Вспомнили, что Василій Васильевичъ Верещагинъ прошелъ тамъ курсъ въ „Школѣ изящныхъ художествъ" („Ecole des Beaux Arts" или прямо „les Beaux Arts"—какъ зовутъ ее французы); онъ учился тамъ усердно, своеобразно и оставилъ о себѣ такого рода репутацію, которая предвѣщала карьеру необыкновенную.

Въ дѣлѣ искусства Верещагинъ явился въ школу „des Beaux Arts", впрочемъ, уже съ установившимися взглядами. Какъ извѣстно, отецъ Верещагина, новгородскій помѣщикъ, желалъ, чтобы изъ сына его вышелъ морякъ, самъ же Верещагинъ желалъ сдѣлаться художникомъ. В. В. Верещагинъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія очень просто: онъ поступилъ въ морское училище, а часы досуга проводилъ въ школѣ рисованія. И тутъ, и тамъ, онъ занимался такъ усердно, что кончилъ курсъ въ морскомъ училищѣ однимъ изъ первыхъ и получилъ въ рисовальномъ классѣ академіи художествъ серебряную медаль. На службѣ во флотѣ онъ пробылъ не долго и уже 18-ти лѣтъ, въ 1860 г., вышелъ въ отставку и окончательно посвятилъ себя живописи. Передъ тѣмъ ему удалось уже повидать свѣтъ: онъ посѣтилъ Англію и былъ въ Лондонѣ; почти тотчасъ по выходѣ въ отставку ему удалось совершить поѣздку въ Парижъ и на Пиринеи. Годъ спустя, онъ уже былъ на Кавказѣ, записывая и зарисовывая свои путевыя впечатлѣнія.

Описаніе поѣздки Верещагина на Кавказъ, составленное имъ самимъ, съ его иллюстраціями, помѣщено было во французскомъ ежемѣсячномъ журналѣ „Le Tour du Monde". Поѣздка на Кавказъ была предпринята очень основательно: Верещагинъ посѣтилъ все сѣверное предгоріе, начиная со Ставрополя, пробрался оттуда въ Тифлисъ и Закавказье. Всюду его поражали все новыя и новыя впечатлѣнія.

Послѣ поѣздки на Кавказъ, Верещагинъ пришелъ къ убѣжденію, что необходимо пройти строгую школу подъ хорошимъ руководствомъ для того, чтобы одолѣть всѣ трудности техники живописи и выработать себѣ правильный рисунокъ. Въ 1864 г. онъ отправился въ Парижъ, прямо къ знаменитому французскому живописцу Жерому, и заявилъ ему, чтобы тотъ принялъ его въ число своихъ учениковъ.

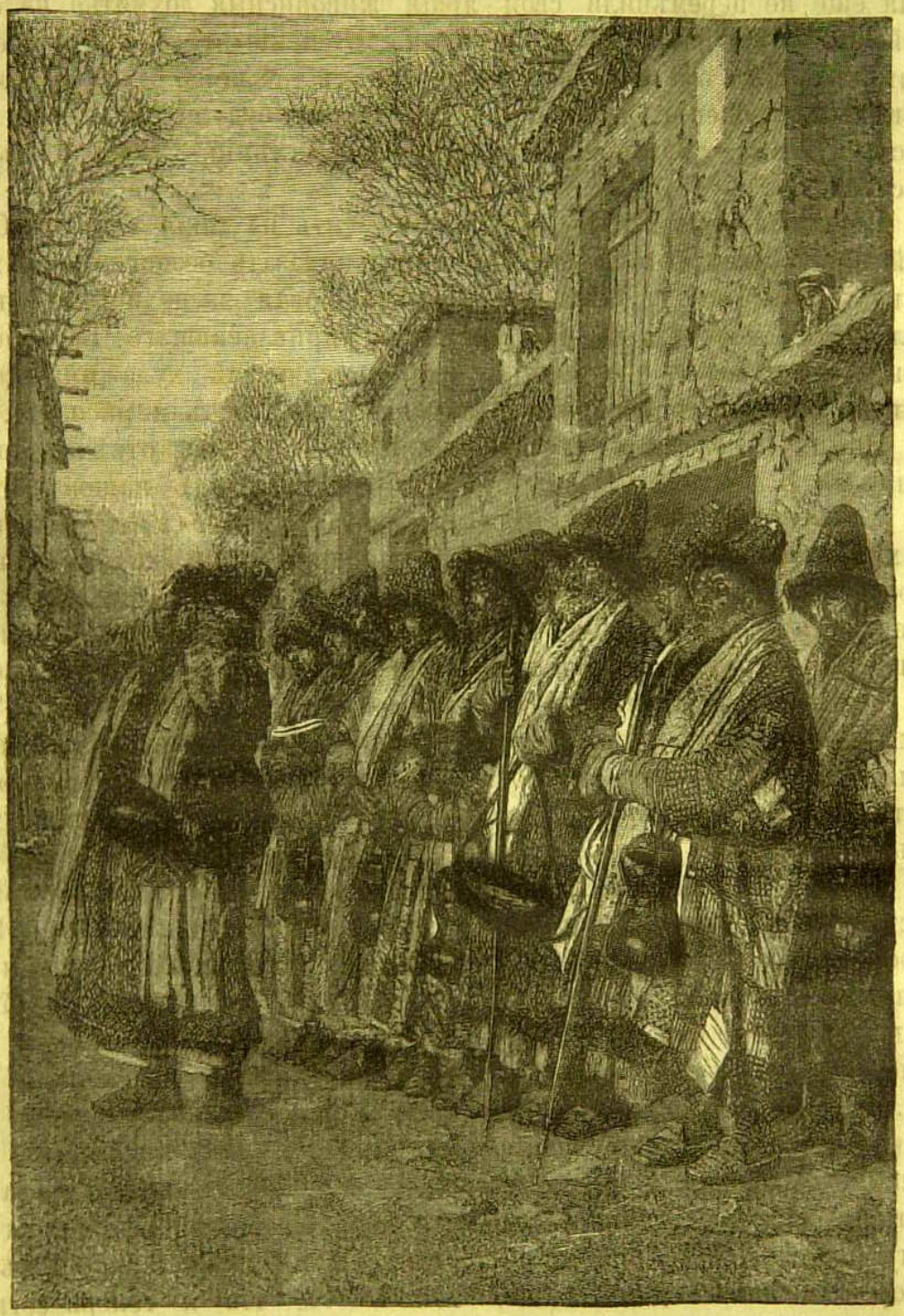
— Кто прислалъ васъ ко мнѣ? спросилъ Жеромъ любезно Верещагина.

— Ваши картины, отвѣтилъ послѣдній.—Я буду учиться только у васъ и ни у кого болѣе.

Этого было достаточно, какъ оказалось, и слѣдующіе 2—3 года Верещагинъ занимался въ школѣ „des Beaux Arts", подъ руководствомъ Жерома.

Верещагинъ работалъ очень прилежно, учился очень усердно, но

всегда въ немъ сильно пробивалось стремленіе работать на свой ладъ. Когда Жеромъ заставлялъ его писать съ классическихъ мраморовъ, Верещагинъ проводилъ половину времени въ работѣ съ натуры, пред-



Дервиши поющіе хоромъ.

почитая афинскимъ мраморамъ живое тѣло и кровь. Въ то же время онъ не измѣнялъ своему прирожденному стремленію,—вѣрнѣе, своему принципу — и постоянно уходилъ въ сторону съ торной дороги, въ

поискахъ за новыми сюжетами. Время вакацій онъ проводилъ не въ Аньерѣ, Барбизонѣ и другихъ окрестностяхъ Парижа, но гдѣ нибудь на далекомъ востокѣ Европы, въ Персіи, среди тѣхъ племенъ, которыя еще не перемѣнили свои яркія живописныя лохмотья на европейскіе черные сюртуки и пиджаки. Втеченіе этихъ кратковременныхъ поѣздокъ онъ побывалъ на окраинахъ той неизвѣданной области новыхъ наблюденій, которая въ недалекомъ будущемъ должна была доставить ему столь обильную жатву впечатлѣній. Время это быстро наступило.

Въ сотый разъ Россія собралась бросить на дикія племена Средней Азіи горсть своихъ воиновъ, чтобы наказать безпокойныхъ хищниковъ. Въ 1867 г. была предпринята новая экспедиція подъ начальствомъ генерала К. П. Кауфмана, пригласившаго Верещагина присоединиться къ русскому отряду въ качествѣ художника-добровольца, обязаннаго не драться, а только наблюдать и рисовать.

Нечего и говорить, что это предложеніе вполнѣ отвѣчало желаніямъ В. В. Верещагина, который и сопутствовалъ нашему отряду во всѣхъ его движеніяхъ, не останавливаясь передъ „художественными рекогносцировками", предпринимавшимися имъ особнякомъ. На этотъ разъ Верещагинъ проникъ почти въ самое сердце Азіи: выѣхавъ изъ Оренбурга, онъ пробрался на Аральское море, на линію нашихъ фортовъ, и вмѣстѣ съ нашими побѣдоносными войсками былъ въ Чемкентѣ, Ташкентѣ, Ходжентѣ и вошелъ въ Самаркандъ. Тутъ талантъ его могъ развернуться на просторѣ. Верещагинъ вглядывался въ картины боя, зарисовывалъ ихъ; часто самъ храбро принималъ участіе въ бою съ шашкой въ рукѣ, но на геройство свое онъ смотрѣлъ, въ сущности, какъ на простую трату времени.

Такимъ-то образомъ Верещагину было суждено снять съ этой области завѣсу, скрывавшую отъ взоровъ образованнаго міра цѣлый своеобразный міръ. Правда, немало путешественниковъ описывали ранѣе этотъ край, но ни одинъ художникъ, по истинѣ достойный этого имени, не переносилъ край этотъ на полотно. Верещагинъ очутился на дѣвственной почвѣ живописнаго: предъ его взорами разстилались сапфировыя озера въ берегахъ розоваго цвѣта, самыя красивыя въ природѣ горы, самыя обширныя равнины, населенныя племенами, коснѣющими въ остаткахъ древней цивилизаціи. Города доставляли ему массу типовъ, и онъ черпалъ въ этомъ художественномъ кладѣ обѣими руками. Его картина „Дервиши", снимокъ съ которой мы помѣщаемъ здѣсь, показываетъ, что и теперь есть въ Средней Азіи люди, могущіе поспорить съ бенедиктинцами X-го столѣтія въ искусствѣ прожить свой вѣкъ съ возможно меньшими заботами. Какъ-то разъ, рано утромъ, эти святоши, удобно закутанные въ теплыя лохмотья, слишкомъ рѣдко смѣняемыя, затянули свою пѣсню подъ окномъ Верещагина. Это была пѣсня привѣтствія и просьба о хлѣбѣ. Для Верещагина пѣснь эта была призывомъ къ

Богатый киргизъ съ соколомъ.

работѣ—и онъ немедленно принялся за нее. Конечно, было въ высшей степени соблазнительно схватить вѣрно лица и фигуры такихъ натурщиковъ: это были лѣнтяи, бездѣльники, которые даже не пытались скрывать этихъ „качествъ“ своихъ.

Тутъ же Верещагинъ увидѣлъ однажды мѣстнаго богача, владѣльца множества верблюдовъ, одѣтаго для поѣздки на охоту. Этотъ человѣкъ не охотится самъ, а заставляетъ охотиться за себя своего дрессированнаго сокола. Это правило охоты на Востокѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ правило жизни. Согласно этому и костюмъ охотника не предусматриваетъ необходимости движеній его, какъ это видно по прилагаемому снимку съ картины Верещагина „Богатый киргизъ, собирающійся на соколиную охоту“. Дрессировка сокола ведется также въ направленіи, соотвѣтствующемъ образу мыслей восточнаго ума. Начинается дѣло съ того, что сокола привязываютъ къ кисти руки какого либо бойкаго, подвижнаго мальчика, который долженъ постоянно качать и встряхивать сокола днемъ и ночью. Соколу не дается ни минуты покоя, пока его немногія мысли и представлянія не обратятся въ одно смѣшанное понятіе ужаса и безсильной злобы. Полуголодный, съ постоянно завязанными въ это время глазами, соколъ начинаетъ, наконецъ, размышлять о томъ, были ли вѣрны до сихъ поръ его представленія о вещахъ и вѣрно ли его собственное понятіе о свободномъ полетѣ и свѣтломъ утрѣ, какъ о единственномъ, что представляетъ интересъ въ мірѣ, и не слѣдуетъ ли дополнить эти понятія безжалостымъ отношеніемъ человѣка къ птицамъ. Разъ онъ доведенъ до такого размышленія, все остальное представляется крайне легкимъ. Можетъ быть, не мѣшаетъ и гг. ученымъ педагогамъ бросить взглядъ на этотъ пріемъ? Можетъ быть самый вѣрный способъ обогащенія чѣмъ либо человѣческаго ума и состоитъ въ томъ, чтобы начать съ вытрясанія изъ него чего либо.

Вслѣдъ за этими картинами Верещагина явились его „Политики“. Это не тѣ политики, которые получаютъ мѣста: они только толкуютъ о послѣднихъ. Въ Средней Азіи, какъ и во всѣхъ другихъ частяхъ земнаго шара, люди эти одѣты въ лохмотья, служащія ихъ отличительнымъ мундиромъ. Да и можетъ ли человѣкъ найти время на починку своей одежды, когда поставленъ на разрѣшеніе вопросъ объ уравновѣшеніи власти въ Туркестанѣ? Верещагинъ былъ свидѣтелемъ того, какъ они обсуждали важные вопросы минуты, не смущаемые, къ счастію, никакими новыми свѣдѣніями, которыя осложняли бы разрѣшеніе дѣла. Они ненавидятъ всякое осложненіе мысли,—тупы, грязны, невѣжественны и лѣнивы, готовы сдѣлаться рабами любаго человѣка, который вздумалъ бы подчинить ихъ себѣ. Одного взгляда на нихъ достаточно, чтобы понять почему горсти русскихъ достаточно, чтобы держать въ рукахъ Среднюю Азію.

Военное счастіе не было неизмѣнно предано нашему оружію въ эту экспедицію, а когда оно улыбалось непріятелю, орда дико празд-

Средне-азіатскіе политики.

новала свою побѣду. Какъ только очищалось нашими войсками поле битвы, эти мясники славы принимались рѣзать головы у всѣхъ убитыхъ русскихъ, неубранныхъ съ поля, клали эти головы въ саквы и отправляли ихъ въ Самаркандъ къ эмиру. Тутъ головы эти сваливались въ кучи, среди бѣлыхъ мраморныхъ колонъ съ тончайшею высѣчкою, и дворъ, выстланный блѣдно-желтымъ мраморомъ, обагрялся кровью, когда повелитель этихъ правовѣрныхъ осматривалъ головы, переворачивая ихъ носкомъ своего сапога, проникаясь при этомъ мыслью объ исключительности и высотѣ своего положенія; зрѣлища этого рода были такой же необходимой принадлежностью его жизни, какъ его темныя, грязныя, вонючія темницы были необходимой частью его дворца. Послѣ осмотра эмира, головы выставлялись на длинныхъ тонкихъ шестахъ на площади, передъ великолѣпною мечетью, являясь главнымъ украшеніемъ этого дня народнаго праздника. И этотъ моментъ торжества средне-азіатскихъ ордъ талантливо и ярко изобразилъ Верещагинъ своею кистью. Подъ жаркимъ солнцемъ пекутся въ воздухѣ на длинныхъ шестахъ эти длинноволосыя, блѣдныя русскія головы, съ искаженными чертами лица. Внизу разнокалиберная толпа азіатовъ, собравшаяся почти амфитеатромъ, съ первыми рядами халатниковъ, сидящихъ, поджавъ подъ себя ноги. Тутъ на общей почвѣ удовлетворенія патріотическаго и религіознаго фанатизма собрались и перемѣшались всѣ классы населенія: рядомъ съ дервишемъ и нищимъ стоятъ и сидятъ на коняхъ мѣстные богачи; со спинъ верблюдовъ блѣдные, худые больные также наслаждаются общимъ зрѣлищемъ, и вдали такія же худыя собаки сидятъ и бѣгаютъ, чуя добычу, и высунувъ отъ жары языкъ. Въ самой середкѣ толпы стоитъ ея любимый мулла, поддерживающій настроеніе чтеніемъ соотвѣтствующихъ стиховъ Корана, указывающихъ на значеніе такого праздника. Постоянно слышатся въ-перемежку возгласы „Аллахъ!“ и „Тамерланъ“, и послѣдняго, видѣвшаго въ человѣчествѣ только матеріалъ для казней и убійствъ, прославляютъ на всѣ лады, словословятъ и чтутъ, какъ чтутъ другіе народы величайшихъ дѣятелей на благо народное. Мечеть, въ которой находится его гробница, и самая гробница обращены въ предметъ поклоненія. Верещагинъ перенесъ и ихъ на полотно и познакомилъ цивилизованный міръ съ внутреннимъ и внѣшнимъ видомъ этого памятника. Множество типовъ, видовъ, этюдовъ было вывезено Верещагинымъ въ этотъ разъ изъ Средней Азіи.

Вернувшись изъ этой поѣздки, Верещагинъ не долго оставался въ Европѣ, работая то въ Мюнхенѣ, то въ Парижѣ. Его постоянно сильно тянуло опять въ этотъ неизвѣданный край. Онъ еще разъ окунулся въ эти яркія моря свѣта и красокъ, работалъ горячо, жадно и вернулся въ Европу съ еще болѣе богатымъ запасомъ матеріала. На этотъ разъ онъ поселился на три года въ Мюнхенѣ, устроивъ тамъ себѣ первую мастерскую на открытомъ воздухѣ. „Если вамъ

приходится писать сцены на воздухѣ, говоритъ онъ, то необходимо, чтобы натурщикъ вашъ и позировалъ на открытомъ воздухѣ". Удовлетворяя этимъ своимъ требованіямъ, Верещагинъ устроилъ себѣ мастерскую, вращавшуюся по рельсамъ и открытую съ одного бока, такъ чтобы модель его, во время работы, находилась на открытомъ воздухѣ, залитая солнечнымъ свѣтомъ. Эта мастерская вращалась вслѣдъ за солнцемъ при помощи особаго нехитраго механизма.

Продолжительность отдыха въ Мюнхенѣ только разжигала въ Верещагинѣ желаніе броситься въ новыя, нетронутыя кистью области. На этотъ разъ онъ остановился на Индіи: туда тянула его сила тропическаго свѣта, яркость красокъ природы, человѣческихъ сооруженій, одежды туземцевъ, разнообразіе типовъ, богатство архитектуры. Индія манила къ себѣ и другаго знаменитаго живописца: года 3—4 передъ тѣмъ Реньо составилъ было уже себѣ маршрутъ поѣздки въ Индію, но его сразила нѣмецкая пуля въ борьбѣ за родину.

Верещагинъ отправился въ Индію изъ Петербурга, въ 1873 г., когда тамъ была устроена его первая большая выставка средне-азіатской коллекціи картинъ, на которой толпились тысячи зрителей, перебывавшихъ по нѣскольку разъ въ залахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ почти впервые у насъ было примѣнено къ выставкѣ искусственное, художественно-расположенное освѣщеніе, стѣны и окна затянуты коричневымъ коленкоромъ—словомъ, былъ данъ урокъ „показомъ"—по выраженію покойнаго М. Д. Скобелева—какъ надо устраивать выставки.

Изъ Петербурга Верещагинъ отправился чрезъ Одессу въ Константинополь, Каиръ, Суецъ, Бомбэй, посѣтилъ Индостанъ, взбирался на Гималай, проникъ отчасти въ Тибетъ. Впечатлѣніе его выставки индійскихъ картинъ, устроенной въ Петербургѣ весной 1880 г., полагаемъ еще слишкомъ свѣжо, чтобы вспомнить здѣсь эту замѣчательную галлерею, которая, сама по себѣ, одна могла составить уже имя художнику.

Возвращеніе его изъ Индіи совпало почти съ началомъ нашей войны съ Турціей. Вмѣстѣ съ нашими войсками, въ хвостѣ разныхъ начальствующихъ лицъ потянулось не мало художниковъ. Большинство тамъ и осталось, не видѣвъ войны и наглядѣвшись вдоволь на своихъ патроновъ. Только 3—4 человѣка отнеслись добросовѣстно къ дѣлу: Верещагинъ, Ковалевскій, Полѣновъ... Но Верещагинъ все же былъ впереди и этихъ своихъ талантливыхъ товарищей. „Онъ точно, неотступно наблюдалъ все, начиная отъ общей картины боя и кончая эффектами кровавыхъ пятенъ на снѣгу, тутъ же набрасывая колеры въ свой походный альбомъ", пишетъ В. И. Немировичъ-Данченко въ своихъ интересныхъ статьяхъ „Художникъ на боевомъ полѣ" [1]). „Особенный цвѣтъ льда, застывшаго у мелкой рѣченки, вечернее освѣ-

[1]) „Художественный Журналъ", №№ 1, 2, 3 за 1881 г.

щеніе снѣга, оригинальная складка въ лицѣ встрѣтившагося ему турка или болгарина—все это выхватывается Верещагинымъ изъ дѣйствительности, все это становится его достояніемъ. Въ его многочисленныхъ картинахъ нѣтъ ни одной черточки занятой у другаго, созданной воображеніемъ,—это реалистъ по преимуществу. Это не правда фотографическая, не правда силуэтовъ у контуровъ, это сама жизнь съ ея тепломъ и свѣтомъ, съ ея красками, съ ея дыханіемъ и движеніемъ, и для наблюденія за этою жизнью Верещагинъ никогда не колебался идти туда, гдѣ смерть была очень легкимъ выигрышемъ, гдѣ кругомъ въ свистѣ пуль и трескѣ лопавшихся гранатъ громче всего говорили инстинкты самосохраненія и быстро замиралъ дешевый экстазъ боевыхъ энтузіастовъ"...

Верещагинъ настолько реалистъ по преимуществу, что, переводя на полотно одну голую дѣйствительность, какъ она ему представляется, онъ совершенно и поневолѣ пренебрегаетъ тѣмъ, что зовется въ живописи „композиціей". Природа не всегда обращаетъ вниманіе на композицію, которою живутъ школы живописи. Природа даже часто не выдѣляетъ ясно всѣхъ подробностей картины—и вотъ почему Верещагинъ, неизмѣнно вѣрный природѣ, не рѣдко даетъ въ своихъ картинахъ лишь намеки на руки, ноги, лицо. Какъ колористъ, долго работавшій въ Мюнхенѣ, Верещагинъ любитъ рѣзкіе контрасты; никто не способенъ въ то же время лучше Верещагина, искуснѣе его, залить всю картину обильнымъ, яркимъ свѣтомъ. Нѣкоторые посѣтители его выставокъ думаютъ, что Верещагинъ преувеличиваетъ силу свѣта и тѣней въ своихъ картинахъ,—но кто видѣлъ свѣтовые эффекты Средиземнаго моря, Сициліи, Мальты, сѣвернаго побережья Африки, тотъ повѣритъ правдѣ освѣщенія картинъ Верещагина.

Вѣрность дѣйствительности въ картинахъ войны 1877—78 гг. вызвала множество нападокъ на эти картины Верещагина. Его обвиняли, можетъ быть, не совершенно безосновательно, въ нѣкоторой односторонности. Но дѣло въ томъ, что въ душѣ Верещагина родилось и укрѣпилось чувство отвращенія къ войнѣ, и не потому, что втеченіе ея у него одного брата убили, а другого брата и его самого ранили. Нѣтъ, не личныя невзгоды и горе волновали его душу: она содрогалась при видѣ тысячей русскихъ труповъ, гнившихъ подъ редутами Плевны, окаменѣвшихъ на утесахъ и въ ущельяхъ Шибки, при видѣ тысячей турокъ, умершихъ и обреченныхъ на смерть въ плевненскихъ заколоченныхъ лазаретахъ. Верещагинъ и задался въ своихъ картинахъ войны проповѣдью отвращенія къ войнѣ: онъ поражаетъ зрителя видомъ труповъ гвардейцевъ, убитыхъ при Горномъ Дубнякѣ—и чѣмъ ближе онъ всматривается въ эту картину смерти, тѣмъ болѣе растетъ число труповъ, увязшая грива какъ бы колышется и открываетъ новый рядъ жертвъ, которыхъ сейчасъ поглотитъ мать сыра-земля.

Какъ и всегда, Верещагинъ работалъ на войнѣ усердно, горячо,

безъ отдыха. Нервность работы еще усиливалась тѣмъ, что въ самомъ началѣ войны, еще до перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, Верещагинъ былъ раненъ подъ Парапиномъ, на миноноскѣ Скрыдлова, и долженъ былъ пролежать болѣе 2-хъ мѣсяцевъ въ госпиталѣ, въ Бухарестѣ. Приходилось наверстывать потерянное время—и Верещагинъ работалъ съ утра и до вечерней зари подъ Плевной, въ дни ея обложенія и послѣ сдачи арміи Османа паши. Верещагинъ не только собиралъ матеріалъ въ свои походные альбомы, но собиралъ съ поля битвы и цѣлыя груды рваной, простреленной, пропитанной кровью одежды, мундировъ, собиралъ обломки оружія, аммуниціи; все это должно было впослѣдствіи служить ему образцомъ,

Въ траншеяхъ Шипки.

моделью для его картинъ, дышащихъ правдою и вѣрностью дѣйствительности.

Послѣ войны Верещагинъ окончательно поселился во Франціи, неподалеку отъ Парижа, въ мѣстности, называемой „Maisons Lafitte“, гдѣ живетъ немало художниковъ. Домъ Верещагина стоитъ уединенно, окруженный со всѣхъ сторонъ деревьями. Его стерегутъ двѣ чудныя гончія собаки, вывезенныя изъ Средней Азіи.

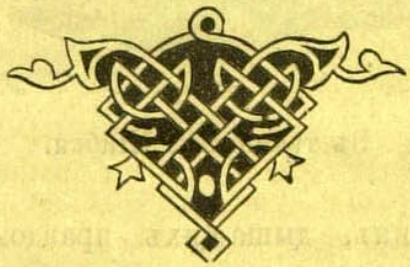
Уединеніе Верещагина раздѣляетъ только жена его. Оба они живутъ такъ тихо, невидимо, что объ образѣ ихъ жизни сложилась въ окружности цѣлая легенда. Дѣло въ томъ, что съ утра до ночи Верещагинъ работаетъ въ своихъ мастерскихъ. Ихъ двѣ: одна вращающаяся, доступная свѣту и воздуху и устроенная по образцу его мюн-

хенской мастерской, другая обыкновенная мастерская, но громаднѣйшихъ размѣровъ: 100 футъ длины, 50 ширины и 33 фута вышины. Дверь мастерской вышиной въ 3 сажени, окно вышиной въ 6 и шириною въ 3 сажени. Это самая большая мастерская художника на земномъ шарѣ. Художникъ едва замѣтенъ въ ней; каждое слово его, какъ бы они не было тихо сказано, порождаетъ эхо. Самыя большія картины его кажутся въ этой громадной мастерской крошечными жанрами. Часть этой мастерской отдѣлена перегородкой и обращена въ хранилище для картинъ и холстовъ, къ другому концу примыкаютъ комнатки, въ которыхъ натурщики одѣваются въ нужные костюмы. Тутъ и тамъ развѣшены живописные предметы, привезенные съ Востока: ковры, шали, куски шелковыхъ матерій, попоны, сѣдла, оружіе, щиты, кольчуги, шашки и громадныя маски, которыя надѣваются индусами во время ихъ религіозныхъ торжествъ и т. п.

Мы заключимъ нашу статью коротенькой, но очень вѣрной характеристикой Верещагина, сдѣланной авторомъ замѣтки о немъ, напечатанной въ американскомъ журналѣ „Scribner's Magazine“:

„Мы могли бы приложить къ Верещагину, не по существу конечно, а только формы ради, изреченіе Наполеона о русскомъ человѣкѣ: „Поскребите этого человѣка, угрюмаго и эксцентричнаго на внѣшній взглядъ, и вы увидите доброе и нѣжное сердце, глубоко преданное истинѣ“.

В. С. Р.



12.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ КАМЕНСКІЙ.

(Некрологъ)

Намъ передано извѣстіе, полученное по телеграфу, что 12 декабря въ Пишпекѣ умеръ извѣстный промышленный дѣятель Иванъ Ѳедоровичъ Каменскій. Покойный былъ слишкомъ замѣтною личностью, чтобы умолчать о немъ. Эпилогъ его жизни былъ драматиченъ и трогателенъ. Недавно онъ еще былъ виднымъ промышленнымъ дѣятелемъ, піонеромъ торговли въ средней Азіи, человѣкомъ создавшимъ широкіе планы и осуществлявшимъ изъ нихъ многое. Онъ въ числѣ первыхъ въ Кульджѣ завелъ торговыя сношенія съ китайцами, далъ сбытъ русскому хлѣбу, изслѣдовалъ Турфанъ, дѣлалъ открытія въ области богатствъ края и мечталъ создать цѣлую будущность для торговли на нашихъ границахъ. Покойный отличался замѣчательной предпріимчивостью и энергіей. Когда пришлось пролагать путь торговлѣ во время дунганскаго возстанія, близъ Кульджи онъ создалъ на свой счетъ отрядъ охраны изъ черкесовъ, при немъ былъ ракетный станокъ. Каменскій пролагалъ путь русской торговлѣ среди опасностей, въ краѣ, гдѣ неуважались трактаты, и успѣлъ все-таки завести сношенія тамъ, гдѣ теперь снова рѣжутъ русскихъ прикащиковъ и грабятъ купцовъ (см. вышеприведенное извѣстіе изъ „Туркестан. Вѣдом.“).

Ему неудалось, однако, осуществить въ концѣ своей жизни любимой мечты: затрудненія на границѣ, уступка Кульджи, остановки его хлѣбныхъ операцій, упорныя требованія китайцевъ и отсутствіе поддержки и протекціи русской торговлѣ сгубили богатую русскую фирму, и подкосили самого дѣятеля. Личность И. Ѳ. Каменскаго хорошо была знакома Сибири. Происходя изъ дома предпріимчивыхъ братьевъ Каменскихъ, извѣстныхъ въ коммерческомъ мірѣ, онъ уѣхалъ въ Сибирь и имѣлъ дѣла сначала въ Томскѣ, а потомъ переселился въ Кульджу. Человѣкъ замѣчательнаго ума, смѣлыхъ плановъ, онъ сочувствовалъ всякому общественному дѣлу. Въ 60-хъ годахъ онъ создаетъ въ Томской губерніи на свой счетъ земледѣльческую школу, которая стоила ему до 40,000 р. Это было грандіозное предпріятіе, крестьянскій институтъ, приспособленный къ мѣстнымъ потребностямъ. Сначала этой школѣ оказывали протекцію, а послѣ раззорили ее. И. Ѳ. Каменскій оказывалъ содѣйствіе и помощь разнымъ ученымъ

предпріятіямъ *) и былъ избранъ почетнымъ членомъ Императорскаго Географическаго общества. Своими дарованіями онъ могъ принести много пользы въ краѣ; онъ былъ пуристъ, отличался рыцарскимъ благородствомъ и безусловной честностью. Люди коммерческіе могли упрекать его въ недостаткѣ практичности, идеализмѣ, но никто не сомнѣвался въ его нравственности. Онъ былъ извѣстенъ за благороднѣйшаго человѣка весьма многимъ изъ сибирской интеллигенціи и

*) Какъ извѣстно, онъ оказалъ существенную поддержку экспедиціи г. Потанина; онъ также покровительствовалъ мѣстной печати и ему обязаны жертвами многія филантропическія учрежденія.

цѣнился за умъ, независимый характеръ и благородныя стремленія. И тѣмъ не менѣе онъ погибъ при всѣхъ своихъ дарованіяхъ, при возвышенныхъ планахъ раззоренный, нравственно убитый, не будучи въ состояніи больной выѣхать изъ средней Азіи. Имущество его вслѣдствіе кризиса было продано съ аукціона для уплаты чрезмѣрнаго долга китайцамъ. Такъ кончилъ земное странствованіе одинъ изъ видныхъ дѣятелей русской промышленности.

Всѣ знавшіе личныя качества покойнаго, его умъ и сердце, сознаютъ всю горечь настоящей потери. Смерть искупаетъ честное имя этого піонера промышленности, павшаго подъ вліяніемъ обстоятельствъ.

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ—1883 г. № 29

ГЕНРИХЪ ЛАНСДЕЛЛЬ.

Мы получили отъ извѣстнаго путешественника Генриха Ланселля одну изъ послѣднихъ статей его, напечатанную въ „The Leisure Hour“ за іюнь 1883 г., о поѣздкѣ въ Бухару. При этомъ намъ прислана и біографія англійскаго пастора съ его фотографіей. Портретъ этотъ, однако, не особенно точенъ и мы имѣемъ его лучшую фотографію, полученную лично въ наше краткое свиданіе съ нимъ въ Петербургѣ. Онъ очень торопился тогда. О Сибири онъ говорилъ съ охотою, при чемъ зачѣмъ-то ему нужно было точно знать: „есть ли у насъ ртутные рудники?“ Мы нашли въ немъ спокойнаго, мягкаго и благочестиваго пастора. Въ немъ не замѣтно было даже критическаго взгляда на русскую жизнь, столь свойственнаго англичанамъ, но въ немъ видна была энергія и настойчивость его расы. Онъ говорилъ прекрасно и очень изысканно по французски. Вотъ напечатанная его біографія.

„Д-ръ Ланселль, родившійся въ Тентерденѣ, въ Кентѣ, поступилъ въ лондонскую богословскую коллегію въ 1865 году и былъ посвященъ въ викаріи къ покойному канонику Миллеру въ Гринвичѣ, въ 1867 году. Въ 1869 г. онъ сдѣлался секретаремъ столичнаго общества для церковной миссіи въ Ирландіи. Черезъ пять лѣтъ онъ образовалъ Церковное гомилетическое общество, почетнымъ секретаремъ котораго и до сихъ поръ состоитъ; въ слѣдующемъ году онъ предпринялъ изданіе „Clergyman 's Magazine,“ который и до сихъ поръ продолжаетъ издавать. Но болѣе д-ръ Ланселль извѣстенъ, какъ путешественникъ и, такъ сказать, любитель-миссіонеръ, ибо онъ не только путешествовалъ вокругъ свѣта и за двумя исключеніями, посѣтилъ всѣ европейскія страны, но посѣтилъ даже части Сибири, Средней Азіи, Бухары и Хивы, гдѣ ни одинъ англичанинъ не былъ до него. Своей главной цѣлью въ путешествіяхъ, д-ръ Ланселль сдѣлалъ раздачу евангелій. Каждый годъ онъ раздавалъ тысячи брошюръ туземцамъ дикихъ странъ, черезъ которыя проѣзжалъ. Его смѣлыя экспедиціи сдѣлали его опытнымъ. Въ 1878 г. онъ оставилъ Петербургъ съ двумя вагонами, нагруженными св. Писаніемъ и другими книжечками, которыя онъ раздавалъ во время проѣзда 5,500 миль. Въ 1879 г. онъ проѣхалъ черезъ Азію къ сибирскимъ тюрьмамъ и руд-

никамъ; оставляя библіи и брошюры въ каждой больницѣ и каждой тюрьмѣ по всей Сибири, онъ роздалъ въ видѣ подарка или продажи 55,800 книгъ. Тогда-же д-ръ Ланселлъ продолжалъ свой путь вокругъ свѣта, черезъ Японію и С. Франциско, и, проѣхавъ черезъ Америку и Атлантическій океанъ, совершилъ кругъ въ 25,500 миль. Въ 1880 г. д-ръ Ланселлъ удовольствовался поѣздкой въ 7,000 миль, на гору Араратъ въ Арменію, возвратившись черезъ Константинополь, Аѳины и Римъ, а въ 1882 году совершилъ отважное путешествіе въ 11,000 миль черезъ Русскую Среднюю Азію, т.-е. черезъ Кульджу, Бухару и Хиву, гдѣ онъ роздалъ 5,000 евангелій и 1,000 другихъ брошюръ. Д-ръ Ланселлъ издалъ весьма интересную книгу „Черезъ Сибирь", которая имѣла обширный сбытъ и была переведена на нѣмецкій и шведскій языки. Подобно большинству путешественниковъ, д-ръ Лансдель—масонъ, и въ 1876 году онъ былъ опредѣленъ провинціальнымъ главнымъ девонскимъ капелланомъ. Въ 1876 г. онъ былъ избранъ членомъ Королевскаго Географическаго Общества, въ 1880 г.—пожизненнымъ членомъ Братской ассоціаціи преуспѣнія науки, а въ 1882 г. покойный кантерберійскій архіепископъ пожаловалъ ему почетную степень доктора богословія за его литературныя и миссіонерскія заслуги".

Эта замѣтка помѣщена въ духовной газетѣ „Church Bells" („Церковные Колокола"); къ ней приложенъ портретъ Генри Ланселля, снятый съ фотографіи.

Н. Я.

16.

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ—1882 г. №№ 39 и 40

КТО БЫЛЪ КУЧУМЪ?

„Татарскія легенды, занесенныя въ лѣтописи Сибири, говорятъ, что „Едигеръ, по смерти своей, оставилъ жену беременну, а знатные изъ татаръ, будучи о владѣніи земли въ несогласіи, и нехотя ожидать родинъ княгини вдовы, послали къ бухарскому хану Муртазѣ просить его, чтобы онъ одного изъ своихъ сыновей прислалъ къ нимъ на княженіе. По сему прошенію Муртаза отпустилъ средняго сына Кучума со многими людьми въ Сибирь, который при своемъ пріѣздѣ принялъ спокойное владѣніе, а княгиня Едигерова ушла въ Бухарію и родила тамъ Сейдяка.“ Миллеръ въ своемъ знаменитомъ трудѣ „Описаніе Сибирскаго Царства“, приводя эту легенду, установилъ только тотъ фактъ, что ханъ именемъ Кучумъ Муртазаевъ сынъ, пришелъ на Иртышъ изъ казачьей орды, взялъ городъ Сибирь, Едигера и Бикъ-булата убилъ и всю землю покорилъ своей власти. (Оп. Сиб. Цар. § 72).

Приведенныя легенды, подкрѣпленныя авторитетомъ знаменитаго академика, были достаточными, чтобы считать Кучума киргизъ-кайсакомъ, свергнувшимъ династію сибирскихъ владѣтельныхъ князей.

Признавая на время вѣроподобность киргизъ-кайсацкаго происхожденія Кучума, остановимся на рѣшеніи вопроса: вызвала-ли Кучума въ Сибирь изъ Бухаріи жажда завоеваній, врожденная всѣмъ потомкамъ Чингисхаидовъ, или онъ былъ вызванъ на княженіе сибирскими владѣтелями, вслѣдствіе междуусобій, или, быть-можетъ, ему принадлежитъ честь возстановленія (а не сверженія) старѣйшихъ царскихъ сибирскихъ родовъ и возвращенія отнятыхъ у его предковъ правъ на царское достоинство?

Обратимся къ преданіямъ, занесеннымъ въ лѣтописи Строгоновскую и Есиповскую, и возобновимъ въ памяти легендарную исторію сибирскихъ владѣтельныхъ князей, до покоренія этой страны Ермакомъ. Родоначальникомъ Сибирской династіи считается Онъ или Ивани, владѣющій юртами по рѣкѣ Ишиму. Одинъ „изъ простыхъ татаръ“ убиваетъ Ивани, подчиняетъ своей власти его владѣнія, а затѣмъ, узнавъ, что старшій сынъ убитаго князя, Тайбуга, живъ, приближаетъ его къ себѣ, осыпаетъ ласками и даетъ ему княженіе на Турѣ, гдѣ Тайбуга и основываетъ городъ Чингидинъ (Тюмень).

Засимъ по лѣтописямъ идет перечисленіе потомковъ Тайбуги до Сейдяка: Тайбуга былъ отцомъ Хаджи, Хаджа—Мара, Маръ отцомъ Адера и Абалака, Адеръ—Мамеда, Мамедъ отцомъ Казыя, Казый—Едигера и Бекъ-Булата и отъ Бека-Булата произошелъ Сейдякъ.

Обратимъ пока вниманіе на два обстоятельства: Ивани убитъ своимъ подданнымъ „изъ простыхъ татаръ" и этотъ подданный, осыпавъ ласками сына убитаго отца Тайбугу, даетъ ему княженіе вдали отъ своего юрта. Замѣтимъ, говорю, эти обстоятельства и сличимъ лѣтописную родословную татаръ съ болѣе достовѣрнымъ источникомъ, грамотой Государя Ѳеодора Ивановича къ Кучуму-царю Сибирскому 1579 года. Въ ней значится слѣдующее:

„Изъ давныхъ лѣтъ Сибирское Государство была вотчина прародителей нашихъ, блаженныя памяти, Великихъ Государей Рускихъ Царей, какъ еще на Сибирскомъ Государствѣ былъ дѣдъ твой Ибакъ Царь (Упака) и зъ Сибирские земли всякую дань давали нашимъ прародителемъ Государемъ Царемъ; а послѣ дѣда твоего Ибака Царя, были на Сибирскомъ Гдр... Князи Тайбугина роду Магметъ К..... сле его Казый князь, а после Казыя Едигеръ князь, и тѣ всѣ князи дѣду нашему, блаженныя памяти, Великому Государю Царю, Великому князю Василью Івановичю всеа Русіи, и отцу нашему, блаженныя памяти, Великому князю Івану Васильевичу всеа Русіи с Сибирские земли дань давали".

Отсюда мы узнаемъ, что Маметъ, Казый и Едигеръ дѣйствительно существовали и правили Сибирью одинъ за другимъ, но кто такой былъ Ипакъ-царь и откуда произошелъ родъ Кучума, становятся вопросами открытыми. Миллеръ (Сиб. Истор. § 67) говоритъ: Имени Ипака я не нашелъ въ Казанскихъ лѣтописяхъ, которыя у меня имѣются. Развѣ онъ былъ не отъ владѣющей фамиліи Казанскихъ хановъ, но только владѣлецъ особаго удѣльнаго поколѣнія, какихъ въ степи между Волгою и Яикомъ много находилось. Абдулъ-Газы (Hist. Mong. et Tatar) приводитъ родословную Чингизхаидовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Чингизъ-ханъ, у него сынъ Джучій (тоже Чуча, Чжоцинъ), у него сынъ Шейбани, у него Бегадуръ, у него Джучи-Бука, у него Бадакулъ, у него Мунга-Тимуръ, у него Бикъ-Конды-Огланъ, у него Али-Огланъ, у него Хаджи-Мугамедъ, у него Мухмаденъ, у него Ибакъ-ханъ.

Родословная эта показываетъ, что дѣдъ Кучума Ибакъ-ханъ происходитъ отъ Шейбанидовъ. По другимъ источникамъ извѣстно, что Ибакъ прославился значительною ролью, которую онъ въ 1481 г. игралъ при убіеніи Ахметъ-хана Золотой орды; онъ дѣйствовалъ тогда за-одно съ ногайцами. Впослѣдствіи Ибакъ состоялъ въ довольно частыхъ сношеніяхъ съ Иваномъ III. Наши лѣтописи, описывая происшествіе убіенія Ахметъ-хана, называютъ его и Ибакомъ, и Упакомъ, и Ивакомъ (Соф. I лѣт. II. Новгор. 4 лѣт. II). Лербергъ (Изслѣдов. служащія къ объясненію древней русской исторіи), склоняется къ тому мнѣнію, что Упакъ есть измѣненное имя Ипака, что Упакъ и Ипакъ одно и то же лице.

Найдя родственную преемственность, мы можемъ съ большимъ вѣроятіемъ допустить, что Кучумъ подчинилъ своей власти Сибирь не изъ одной жажды къ завоеваніямъ, тутъ были причины родоваго мщенія. Но откуда взялся Ипакъ, царь Тюменскій, какъ назвалъ его Ѳеодоръ Ивановичъ?

Миллеръ говоритъ (Сиб. Ист. § 46): Упакъ безъ извѣстной причины на шурина своего Мара (внука Тайбуга) войною напалъ и нашелъ способъ его умертвить. Подчеркиваемъ слово „безъ извѣстной причины" и продолжаемъ выписку изъ Миллеровой Исторіи. „Махметъ, сынъ Обдеровъ (внукъ Мара) при взятіи (Упакомъ) Чимги-Тура въ малолѣтствѣ убереженъ былъ чрезъ нѣкоторыхъ знатныхъ татаръ отъ Упакова гоненія, и когда пришелъ въ совершенный возрастъ, то снискалъ способы къ потрясенію Казанскаго ига... такъ что ханъ Упакъ, пребывающій въ Чинги-Турѣ со всѣми обрѣтавшимися татарами животъ потерялъ". Послѣ покоренія Чинги-Туры, Махметъ княжескую столицу перенесъ на Иртышъ и построилъ здѣсь городокъ Искеръ.

Замѣтимъ между прочимъ, что основаніе Искера, также какъ и Чемги-Туры, является какъ-бы результатомъ кровавой расправы сибирскихъ владѣтелей. Послѣдующіе владѣтели вырѣзываютъ предъидущихъ и удаляются къ сѣверу. Чингій убиваетъ Ивани и переводитъ столицу въ Чингидинъ, Махметъ убиваетъ Ипака и удаляется въ Искеръ. При этомъ наслѣдственная перемѣна династій идетъ чрезъ поколѣніе. Ипакъ убиваетъ Мара, внукъ Мара Махметъ убиваетъ Ипака, внукъ Ипака Кучумъ убиваетъ внука Мара, Едигера и наконецъ Сейдякъ выгоняетъ Кучума.

Если прослѣдить ходъ этой наслѣдственной распри съ послѣдняго ея фазиса, то окажется, что каждая кровавая расправа происходила изъ желанія возстановить свои законныя права на сибирское ханство. Такъ Сейдякъ отвоевываетъ Искеръ отъ Кучума, мстя ему за смерть своего отца, Кучумъ убиваетъ Едигера и Бикъ-Булата, мстя за смерть дѣда своего, царя Ипака, Махметъ убиваетъ Ипака, отвоевывая дѣдовскія права на сибирское княженіе, но Ипакъ убиваетъ Мара безъ „извѣстной причины". Не кроется-ли здѣсь причина въ той-же родовой мести, въ томъ-же возстановленіи своихъ законныхъ правъ на Сибирское ханство, какую мы видѣли въ войнахъ Сейдяка, Кучума и Мухамета? Не мстилъ-ли Ипакъ, убивая Мара за кровь какого-нибудь изъ своихъ предковъ изъ рода Чингисхаидовъ? Но тогда является другой вопросъ, кто изъ потомковъ Чингисхаида царствовалъ въ сибирскихъ городкахъ или одновременно съ родомъ Тайбуги, или прежде воцаренія этого рода? Родъ Тайбуга начинается послѣ смерти Ома или Ивани. Мы замѣтили, что Ивани убитъ простымъ татариномъ Чингіемъ. Чингій захватываетъ Ишимскій юртъ, а вмѣстѣ съ нимъ и ханскую власть; потомъ, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, возвышаетъ и дѣлаетъ помощникомъ себѣ сына убитаго Ивани—Тайбугу. Дѣйствительно-ли Тайбуга былъ отцемъ Ивани? Многіе оріенталисты и въ особенности извѣстный академикъ Зерновъ считаетъ Тайбугу сыномъ

Чингія. При этомъ допущеніи легко объяснятся возведеніе Тайбуги на сибирское княженіе, легко объяснятся цѣль, съ которою Чингій убилъ Ивани и причина, почему Тайбуга назвалъ основанный имъ городъ—Чингидиномъ. Трудно допустить, чтобы Тайбуга новый городъ наименовалъ въ честь убійцы своего отца, въ особенности трудно согласить такой взглядъ съ понятіями азіатовъ, у которыхъ родовая месть освящена обычнымъ правомъ. Теперь является вопросъ, кто-же былъ Ивани или Онъ? Вельяминовъ-Зерновъ предполагаетъ, что имя Ивани легко могло образоваться изъ имени Шейбани, и что легендарный Онъ есть не что иное, какъ Шейбани, потомокъ Чингисхана.

Если такъ, трагическая смерть Мара будетъ также, какъ и послѣдующія подобныя событія, результатомъ борьбы двухъ княжескихъ династій. При этомъ династія, отъ которой происходилъ Ипакъ, дала ему право именоваться царскимъ титуломъ, на что указываетъ и вышеприведенная грамота Ѳеодора Іоанновича. Ипакъ въ грамотѣ именуется царемъ, прочихъ-же сибирскихъ владѣтелей, имѣющихъ свою родословную, Ѳеодоръ Іоанновичъ называлъ только князи.

Искаженіе имени Шейбани едвали можетъ считаться невозможнымъ; въ монгольскихъ и татарскихъ именахъ это не рѣдкость; такъ сынъ Чингизъ-хана Джучій, по различнымъ источникамъ именуется Чучи и Чжацынъ; другой сынъ Оготай называется Угодай и Угетей, третій Тули переименованъ въ Таулая. Едигеръ есть то же лицо, что и Ядигаръ и пр., что-же мудренаго въ искаженіи Шейбани въ Ивани, въ особенности если достовѣрно извѣстно, что Шейбани назывался также Шибаномъ и Шыбономъ.

Допустивъ, что коренной родъ сибирскихъ владѣтельныхъ князей происходитъ изъ Чингизъ-хана, понятными становятся и причины тѣхъ неурядицъ и междоусобій между Шейбанидами и Чингидидами, которые настолько ослабили могущество Сибирскаго царства, что его всецѣло могла забрать въ свои руки горсть предпріимчивыхъ и отважныхъ русскихъ казаковъ.

Каждый пострадавшій въ междоусобныхъ распряхъ владѣтельный домъ удалялся на югъ въ Бухару или Киргизскую степь, набиралъ тамъ шайки кочевниковъ и подобно бурѣ врывался въ Сибирь отвоевывать свои порабощенныя права. Бухарскіе волонтеры въ случаяхъ удачи заводили здѣсь торговлю и осѣдлость, чѣмъ и объясняется встрѣчаемая между мѣстнымъ татарскимъ населеніемъ около Тюмени примѣсь бухарскихъ типовъ.

Соединивъ всѣ приведенныя данныя, мы получимъ хронологическій перечень сибирскихъ владѣтелей въ слѣдующемъ видѣ: Шейбани владѣлъ Ишимскимъ юртомъ; за смертію династія его на время прерывается. Родъ Чингія, утвердивъ свою власть и боясь родоваго мщенія, отходитъ на сѣверъ въ городъ Чингидинъ. Сынъ Чингія Тайбуга и внукъ Маръ царствуютъ около 100 лѣтъ. Вскорѣ воинственный потомокъ ишимскихъ Шейбанидовъ Ипакъ мститъ за своихъ предковъ, убиваетъ Мара и утверждаетъ свое владычество въ

Чингидинѣ. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ внукъ Мара, Маметъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, платитъ Ипаку кровью за кровь, но боясь родоваго мщенія отъ прежней династіи, не остается въ старой столицѣ, а переводитъ ее на Иртышъ и строитъ здѣсь новый городъ Искеръ.

Есть много данныхъ къ предположенію, что основаніе Искера относится приблизительно къ 1495 году. Послѣ Махмета княжилъ сынъ его Казый, а послѣ Казыя сынъ послѣдняго, Едигеръ. При Едигерѣ немного позднѣе 1563 года является въ сибирскія юрты послѣдній Шейбанидъ, могущественный Кучумъ, внукъ Ипака, вырѣзываетъ потомковъ Чингія и подчиняетъ своей власти весь сѣверъ Сибири до береговъ Ледовитаго океана. Чрезъ двадцать лѣтъ горсть отважной казацкой дружины, воодушевленная жаждой славы, смѣлыми движеніями, отняла у Кучума почти половину его владѣній. Счастливый случай доставилъ однако Кучуму возможность разбить Ермаковы дружины (5 августа 1584) и передать сибирскій юртъ сыну своему Алею. Въ томъ-же году племянникъ Едигера Сейдякъ вторгается въ Сибирь съ шайками бухарцевъ и выгоняетъ Алея. Снова водворяется династія Чингидидовъ. Наконецъ, въ 1588 г. московскій воевода Данило Чуяновъ захватываетъ Сейдяка въ плѣнъ и отвозитъ въ Москву.

Заканчивая замѣтку нашу предоставляемъ самому читателю рѣшить вопросъ: кто былъ Кучумъ? Можно-ли считать его киргизъ-кайсакомъ?

И. Словцовъ.

21.

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ—1882 г. № 7

САИДЪ-АЗИМЪ-БАЙ.

(Изъ туркестанскихъ воспоминаній).

Наши завоеванія въ Средней Азіи и занятіе Туркестана, Кокана и другихъ мѣстъ, заставили насъ столкнуться и познакомиться съ новою средою инородцевъ, жившихъ своею жизнью, имѣвшихъ свою культуру и представлявшихъ много оригинальныхъ явленій. Этотъ инородческій міръ азіатцевъ представлялъ массу типовъ, которые уловить и понять намъ не всегда удавалось. Здѣсь были свои вожди, своя интеллигенція, аристократія, свои дипломаты, политики, честолюбцы, герои и авантюристы.

Мы познакомимъ съ однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей азіатцевъ, котораго многіе хорошо помнятъ. Эта сила, къ сожалѣнію, въ переходное время была дурно направлена и причинила много затрудненій и своимъ собратьямъ и намъ. Разгадать ее удалось не съ разу. Эта звѣзда имѣла свое время, она достигла высшей точки на своемъ горизонтѣ, а затѣмъ имѣла свое паденіе и закатъ. Мы имѣемъ въ виду воскресить нѣкоторыя воспоминанія и сдѣлать небольшую характеристику этого азіатскаго типа.

Ловкій, умный, смѣтливый, Саидъ-Азимъ - Мухкамедъ-Баевъ началъ свою карьеру еще до прихода русскихъ. Происходя отъ рабовъ, онъ сперва и мечтать не смѣлъ о сколько-нибудь самостоятельномъ положеніи, — ему невозможно было выдѣлиться изъ толпы мелкихъ торговцевъ; а душа его между тѣмъ жаждала почестей, богатства, славы, - она не уживалась съ посредственностью. Оставалось одно изъ двухъ: или на вѣкъ проститься со всякими розовыми мечтами и запрятаться въ какую-нибудь темную лавченку грязнаго ташкентскаго базара, или же властвовать надъ тѣмъ самымъ обществомъ, которое не хотѣло признать его достоинства и принять въ свою среду. Жребій былъ брошенъ.

Первыя усилія Саидъ-Азима были направлены къ тому чтобы выслужиться передъ ташкентскимъ бекомъ *) и съ его помощью сдѣлаться извѣстнымъ самому хану кокандскому; для этого были пущены въ ходъ всевозможныя средства, въ выборѣ которыхъ онъ не стѣснялся,—подкупъ, навѣты, доносы и т. п., все было хорошо для него, лишь-бы достиг-

нуть завѣтной цѣли. Такимъ образомъ, преодолѣвая всѣ препятствія, уничтожая всѣхъ противниковъ, постепенно поднимался онъ. Тогда-то поняли его сограждане, что напрасно презирали человѣка, который съ минуты на минуту изъ бѣднаго торговца могъ превратиться въ грознаго повелителя; они почувствовали на себѣ его силу и стали бояться; одни покорно подчинились его вліянію, другіе же, напротивъ, затаивъ свою злобу, стали въ сторонѣ, выжидая удобный случай, чтобы погубить его. Это не ускользнуло отъ прозорливости Саидъ-Азима и заставило его призадуматься. Въ средне-азіатскихъ независимыхъ ханствахъ фортуна до того измѣнчива, что человѣкъ, пользующійся, напримѣръ, самымъ почетнымъ, вполнѣ обезпеченнымъ положеніемъ, никогда не можетъ поручиться за завтрашній день:—мигомъ, благодаря какому-нибудь доносу, безъ всякой основательной причины, онъ можетъ лишиться не только званія и имущества своего, но даже и жизни. Убѣдившись на опытѣ въ непостоянствѣ судьбы, предусмотрительный Саидъ-Азимъ принялся пріискивать другой путь къ упроченію своего положенія.

Накопивъ кое-какія средства, онъ понемногу покинулъ административную дѣятельность и, точно судьба его подтолкнула, предался торговлѣ, но не мѣстной, которая не обѣщала большихъ прибылей, а внѣшней, представлявшей его предпріимчивому уму болѣе обширное поприще. Войдя въ сношенія съ русскими торговцами, онъ быстро подвинулъ свои торговые обороты и не ограничился однимъ Туркестаномъ и его западными окраинами,—частенько можно было его встрѣтить даже и на нижегородской ярмаркѣ. Однако, несмотря на первоначальный успѣхъ, обѣщавшій много въ будущемъ, честолюбивый Саидъ-Азимъ не былъ въ состояніи удовольствоваться одною торговлею,—его натура стремилась къ болѣе многосторонней дѣятельности.

Тонкое чутье подсказало ему образъ дѣйствій, котораго ему слѣдовало придерживаться. Хотя и смутно, онъ все-таки догадывался,—какую важную, первостепенную роль придется въ недалекомъ будущемъ играть русскимъ въ Средней-Азіи. Какъ только русскія войска побѣдоносно вступили въ Туркестанскій край, Саидъ-Азимъ-Бай былъ первымъ, чтобы ихъ встрѣтить. Послѣ этого ничего нѣтъ удивительнаго, что русскіе охотно приняли его услуги: для начала этотъ человѣкъ могъ быть очень полезнымъ.

Правдой и неправдой получивъ доступъ къ нашимъ властямъ, Саидъ-Азимъ немедленно монополизировалъ себѣ это право. Онъ направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы по возможности отстранить всѣхъ туземцевъ отъ администраціи и сдѣлаться передаточною, посредничествующею инстанціею

*) Еще въ то время, когда Ташкентъ составлялъ отдѣльное бекство и зависѣлъ отъ кокандскаго хана.

между первыми и послѣднею,—чтобы помимо его ничто не творилось; однимъ словомъ, онъ умудрился убѣдить всѣхъ, что безъ него въ городѣ Ташкентѣ ничего нельзя предпринять и что онъ самый необходимый человѣкъ, безъ котораго шага нельзя сдѣлать, ни одной мѣры предпринять, никакого порядка устроить. Добившись этого результата и имѣя противъ всякихъ бѣдъ и напастей твердую, постоянную опору въ нашей администраціи, ему уже нетрудно было воспользоваться плодами своей ловкой политики.

Возбуждая противъ себя негодованіе, вполнѣ справедливое, соотечественниковъ своихъ, Саидъ-Азимъ относился къ этому совершенно равнодушно; онъ зналъ, что его боялись и что онъ въ состояніи принудить къ смиренію каждаго, кто осмѣлился-бы открыто ему противодѣйствовать. Постепенно онъ пріобрѣлъ такое громадное вліяніе, что туземное населеніе Ташкента стало считать его вторымъ лицомъ въ городѣ послѣ генералъ-губернатора. Противниковъ своихъ Саидъ-Азимъ держалъ въ постоянномъ страхѣ, чему немало способствовали многочисленные его сторонники; сторонниками же его были: или раздѣлявшіе съ нимъ незаконно-пріобрѣтаемыя выгоды, или получавшіе отъ него плату и подарки и служившіе ему послушными орудіями для достиженія его цѣлей, или же, наконецъ, принужденные подчиняться его требованіямъ изъ боязни гоненій.

Благодаря ловкости и изворотливости, Саидъ-Азимъ-Баю всегда удавались всѣ продѣлки, незаконность которыхъ оставалась скрытою отъ русскихъ. Послѣдніе были вполнѣ убѣждены, что этотъ человѣкъ совершенно преданъ ихъ интересамъ. И въ самомъ дѣлѣ, истину было трудно открыть. Саидъ-Азимъ никогда не отказывался ни отъ какой благотворительности (даже въ пользу русскихъ), ни отъ одного пожертвованія, съ замѣчательнымъ гостепріимствомъ и радушіемъ принималъ у себя завоевателей, задавалъ въ честь ихъ пиры и празднества, никогда не упускалъ ни одного удобнаго случая, чтобы оказать какую-нибудь услугу,—короче сказать, искусно пускалъ пыль въ глаза.

Въ дѣйствительности было совсѣмъ другое.

Передъ русскими и передъ своими соплеменниками Саидъ-Азимъ представлялъ изъ себя два совершенно различныхъ лица. Передъ русскими всегда покорный, ласковый, улыбающійся, предупреждающій малѣйшія желанія, готовый на всякую услугу. Можно было-бы подумать, что преданность его не остановится ни передъ какими жертвами. Въ средѣ же своихъ соотечественниковъ это былъ совсѣмъ другой че-

ловѣкъ: чрезвычайно высокомѣрный, повелительный, отдающій приказанія тономъ, нетерпящимъ противорѣчій, угрожающій наказаніемъ за всякое неповиновеніе, онъ походилъ скорѣе на независимаго хана ташкентскаго, чѣмъ на нашего подданнаго,—мы же были лишь его вѣрными помощниками, добрыми друзьями. Любопытно было посмотрѣть, когда онъ ѣхалъ по туземному городу: въ великолѣпномъ халатѣ, на отличной лошади, покрытой богатою попоною, важно подвигался онъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Встрѣчные обязаны были привѣтствовать его почтительными поклонами,—въ противномъ же случаѣ они подвергались замѣчаніямъ. Тамъ же, гдѣ было большое стеченіе народа, сателлиты его кричали: „Турунгъ-Бай-Каля"! т.-е. встаньте, господинъ ѣдетъ». Ни дать, ни взять, ханъ кокандскій или эмиръ бухарскій. Играя въ двойную игру, Саидъ-Азимъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы выставить насъ въ черномъ свѣтѣ передъ туземцами, а себя выказать единственнымъ ихъ защитникомъ. Очень старательно поддерживалъ онъ въ своихъ соплеменникахъ убѣжденіе, что если-бы его не было, то всевозможныя бѣды непремѣнно обрушились-бы на нихъ, и что если ихъ щадятъ, то единственно по его милости, такъ какъ русскіе страшатся его вліянія въ туркестанскомъ краѣ.

Доискаться истины было тѣмъ труднѣе, что мусульмане, не довѣряя кяфирамъ *), клонились болѣе въ сторону своего единовѣрца. Азимъ-Бай росъ.

К—ъ.

(*Окончаніе будетъ*).

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ—1883 г. № 9

САИДЪ-АЗИМЪ-БАЙ.

(Изъ туркестанскихъ воспоминаній).

(*Окончаніе*).

Завидно было смотрѣть, съ какою увѣренностью Саидъ Азимъ-Бай распоряжался въ туземной части Ташкента, точно онъ имѣлъ на то законное право. Туземцы, въ особенности же должностныя лица, какъ-то: аксакалы [1]), кази [2]), курбаши [3]) и др., обязаны были приходить къ нёму на поклонъ съ приличными приношеніями. Несоблюдавшій этого и выказывавшій себя недоброжелателемъ правителя-самозванца, преслѣдовался самымъ жестокимъ образомъ и погибалъ жертвою ложныхъ навѣтовъ, которые, къ несчастію, всегда достигали желаемой цѣли. Вліяніе Саидъ-Азима было до того сильно, что должностныя лица изъ туземцевъ избирались только по его указаніямъ, почему они большею частью и были его послушными слугами. Безъ посредничества Саидъ-Азима рѣдко какое дѣло обходилось; онъ вмѣшивался во все и по всѣмъ дѣламъ давалъ совѣты, получая за нихъ

[1]) Аксакалъ—старшина: отъ словъ акъ—бѣлый и сакалъ—борода.
[2]) Кази—судья
[3]) Курбашъ—полиціймейстеръ.

и плату, и подарки. Нужно-ли было какому нибудь сарту [1]) удостовѣреніе о личности, или поручительство, обращались все къ тому же Саидъ-Азиму, безъ помощи котораго это было сопряжено съ большими затрудненіями. Почти ни одинъ подрядъ не обходился безъ Саидъ-Азима,—отъ каждаго онъ имѣлъ прибыль; а между тѣмъ бралъ онъ подряды самымъ плутовскимъ образомъ и о точности ихъ исполненія нисколько не заботился. Когда нужны были деньги, Саидъ-Азимъ не стѣснялся занимать ихъ у кого только хотѣлъ, но объ уплатѣ долговъ и не думалъ, вполнѣ увѣренный, что кредиторы побоятся съ него взыскивать и, вооружась терпѣніемъ, будутъ ожидать, когда ему самому вздумается уплатить. Въ особенности Саидъ-Азимъ былъ мастеръ преслѣдовать своихъ враговъ; ложно обвинивъ кого нибудь, онъ тотчасъ представлялъ ложныхъ свидѣтелей, подкупалъ казіевъ, добывалъ фальшивые документы.

Въ доказательство всего сказаннаго можно бы привести множество примѣровъ самоуправства Саидъ-Азима; ограничимся на этотъ разъ однимъ наиболѣе выдающимся.

Всѣмъ, я думаю, извѣстно, что населеніе Средней Азіи дѣлится на различныя племена, какъ-то: узбековъ, таджиковъ, киргизовъ, кара-киргизовъ и др.; но кромѣ этого дѣленія существуетъ еще другое—на „черную“ и „бѣлую“ кость. Подъ черною костью подразумѣваются низшіе слои средне-азіатскаго населенія. Къ бѣлой же кости принадлежатъ тѣ мусульмане, которые отличаются знатностью своего происхожденія; къ послѣдней, между прочимъ, относятся всѣ ходжи [2]). Ходжи считаютъ себя прямыми потомками знаменитыхъ халифовъ Али, Абубекра, Османа и Омара, и, гордясь своимъ родствомъ съ пророкомъ „Мохаммедомъ“ какъ блюстителемъ мусульманства, избѣгаютъ всякихъ сношеній съ кяфирами-завоевателями; впрочемъ, и отъ черной кости они держатся далеко, такъ какъ сближеніе съ нею признаютъ великимъ для себя униженіемъ. Про ходжей говорятъ, что большинство изъ нихъ— суфіи, т.-е. люди постоянно занимающіеся богословіемъ и придерживающіеся правила, „гушъ дярдямъ“ [3]), что значитъ—чтобы ни одного дыханія не было безъ мысли о Богѣ. Люди эти отличаются отъ другихъ мусульманъ примѣрною нравственностью, строгою жизнію, согласною съ закономъ Мохаммеда, и благотворительностью. Со времени владычества хана Кокандскаго Мохаммедъ-Али-Хана, въ Ташкентѣ пользовались наибольшими извѣстностью и уваженіемъ семейства трехъ ходжей: Ханъ-Тюря-Ишана, Юсуфъ-Ханъ-Ишана и Ишана-Вали [4]). Эти ходжи на собственный счетъ построили большія медрессе [5]), въ которыхъ на своемъ иждивеніи содержали нѣсколько тысячъ учениковъ.

Избалованный судьбою, не встрѣчая болѣе затрудненій къ удовлетворенію всѣхъ своихъ желаній, Саидъ-Азимъ-Бай не могъ равнодушно смотрѣть на ходжей, которые упорно отказывались отъ всякаго сближенія съ нимъ, ссылаясь на его низкое происхожденіе. Зная ихъ набожность, онъ сперва попытался склонить ихъ на свою сторону разными пожертвованіями въ пользу мечетей и училищъ, раздачею милостыни

---

[1]) Сартъ—городской житель.

[2]) «Ходжей» не слѣдуетъ смѣшивать съ «хаджами». Названіе «хаджи» можетъ получить всякій, побывавшій въ Меккѣ.

[3]) Слово въ слово—мысль надъ дыханіемъ.

[4]) Всѣ трое считаются «ауліе», т.-е. святыми.

[5]) Медрессе—училище.

и т. п., потомъ даже выстроилъ на свой счетъ большую мечеть. Но это не подѣйствовало, — ходжи попрежнему относились къ нему съ презрѣніемъ и непріязнію; тогда онъ прибѣгнулъ къ разнаго рода угрозамъ, придиркамъ и преслѣдованіямъ, но и это ни къ чему не повело. Видя безуспѣшность всѣхъ своихъ усилій, онъ рѣшилъ во что бы то ни стало сломить гордость ходжей, почему и задумалъ породниться съ ними, приготовившись, на случай отказа, прибѣгнуть даже къ насилію. Для выполненія своихъ замысловъ,

онъ обратилъ вниманіе на девятилѣтнюю Баби-Зайнябъ дочь извѣстнаго Юсуфъ-Ханъ-Ишана, о которомъ мы только что говорили; дѣвочка эта по матери доводилась племянницею бывшему владѣтелю Кашгара, Якубъ-беку.

И вотъ онъ подсылаетъ къ ходжамъ одного богатаго ташкентца, по имени Абулъ-Касимъ-Хана, съ предложеніемъ отдать ему девятилѣтняго ребенка въ жены, угрожая, въ случаѣ отказа, навлечь всевозможныя бѣды на ея родителей. Удивленные и вмѣстѣ съ тѣмъ взбѣшенные такою дерзостью, ходжи дали слѣдующій отвѣтъ:

„Каждому доброму правовѣрному должно быть извѣстно, что постановлено въ книгѣ «Гидаетъ-аль-бидая» [1]), во второй части о бракѣ. Пророкъ Мохаммедъ сказалъ: да было-бы извѣстно, что безъ согласія отца или брата женщина не можетъ выйти замужъ; въ противномъ случаѣ долженъ быть совершенъ разводъ". Саидъ-Азимъ вѣроятно забылъ, что при женитьбѣ требуется равенство происхожденій, а между тѣмъ, мусульмане происходятъ отъ разныхъ родовъ, изъ которыхъ одинъ выше другого. Мы-же, ходжи, какъ прямые потомки Мохаммеда, считаемся выше всѣхъ родовъ, принадлежимъ къ бѣлой кости, а потому никакъ не можемъ унизиться родствомъ съ черною костью, къ которой принадлежитъ Саидъ-Азимъ. Кромѣ того, наша дочь несовершеннолѣтняя, а Саидъ-Азиму подъ пятьдесятъ".

Получивъ такой положительный отказъ, честолюбивый плебей еще болѣе озлился. Онъ считалъ себя чуть-ли не ханомъ Ташкентскимъ, и вдругъ какіе-нибудь ходжи осмѣливались не повиноваться ему! Чтобы наказать непокорныхъ, онъ приказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ украсть дѣвочку; но ходжи были на-сторожѣ и похитители вернулись съ пустыми руками. Оставалось единственное средство, хитрость, къ которому и прибѣгнулъ Саидъ-Азимъ. Онъ подкупилъ судью Азимъ-Кази и поручилъ ему такъ оформить дѣло, чтобы имѣть законное право требовать дѣвочку къ себѣ. Азимъ-Кази назвался въ гости къ ходжамъ; принятый весьма радушно, онъ вывелъ изъ оказаннаго ему гостепріимства заключеніе, что ходжи согласны, почему немедленно и составилъ фальшивый риваятъ [2]), скрѣпивъ его печатями своею и муфтія [3]), будто родители дѣвочки согласны отдать ее въ жены Саидъ-Азиму. По этому подложному документу Саидъ-Азимъ сталъ требовать свою невѣсту; ходжи воспротивились и дѣло перешло на судъ русскихъ властей. Не зная ни русскаго языка, ни русскихъ законовъ, ходжи выбрали своимъ повѣреннымъ одного очень почтеннаго и ученаго татарина; иначе борьба была-бы неровная. Русскіе ходжей не знали и, кромѣ того, повѣрили навѣтамъ Саидъ-Азима, который по-

[1]) Собраніе мусульманскихъ законовъ.
[2]) Риваятъ—рѣшеніе.
[3]) Муфтій—секретарь кази.

спѣшилъ выставить ихъ бунтовщиками и врагами русскихъ [1]). Если бы не повѣренный (извѣстный ташкентскій житель Алимъ-Хаджи-Юнусовъ, получившій воспитаніе въ казанскомъ университетѣ), дѣло было бы непремѣнно проиграно. Послѣ долгихъ споровъ состоялось, наконецъ, нелишенное оригинальности постановленіе: „Саидъ-Азиму въ искѣ отказать, дѣвочку, какъ несовершеннолѣтнюю, выдавать замужъ нельзя, по достиженіи-же ею совершеннолѣтія предоставить ей выборъ жениха, а Саидъ-Азиму право свататься". Потерпѣвъ неудачу, Саидъ-Азимъ обрушилъ весь свой гнѣвъ на повѣреннаго, добросовѣстно исполнившаго свою обязанность. Несчастный старикъ, не разъ доказавшій свою преданность Россіи [2]), былъ, вслѣдствіе взведенныхъ на него Саидъ-Азимомъ обвиненій, посаженъ въ тюрьму, а потомъ высланъ на цѣлый годъ въ Лепсинскую станицу [3]).

Примѣръ этотъ довольно наглядно доказываетъ, какъ было трудно бороться съ Саидъ-Азимомъ. Самые отважные изъ его противниковъ принуждены были присмирѣть и ожидать лучшаго времени, чтобы свергнуть ненавистное иго своего соотечественника. А между тѣмъ, Саидъ-Азиму этотъ страхъ былъ на-руку,—еще болѣе прежняго принялся онъ своевольничать и угнетать своихъ согражданъ; онъ дошелъ, наконецъ, до того, что не только пересталъ скрывать свои дѣйствія отъ русскихъ, но даже во многихъ дѣлахъ открыто явился ихъ конкуррентомъ. Частенько стали доноситься до ушей нашихъ властей дерзкіе отзывы Саидъ-Азима о нашихъ порядкахъ, нашей слабости, о шаткости нашего положенія въ Туркестанскомъ краѣ и т. под. Однимъ словомъ, смѣлый авантюристъ бравировалъ; онъ былъ уже черезъ-чуръ увѣренъ въ своемъ могуществѣ, считая русскихъ лишь орудіемъ для достиженія его честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ замысловъ,—чаша переполнилась. Нѣкоторымъ изъ русскихъ удалось подробно разузнать о продѣлкахъ Саидъ-Азима и о томъ, въ какое неловкое и даже опасное положеніе онъ ставилъ насъ по отношенію къ туземному населенію и насколько вредно было для нашего авторитета его вліяніе. Когда истина начала понемногу обнаруживаться, враги Саидъ-Азима подняли головы и со всѣхъ сторонъ раздались жалобы на его беззаконія. Русскіе спохватились наконецъ, но сдѣланную ошибку не легко было поправить, тѣмъ болѣе, что это набросило бы весьма неблаговидную тѣнь на наше управленіе, поддавшееся, хотя и случайно, вліянію одного человѣка; сразу никакъ нельзя было отказаться отъ авантюриста. Поэтому прибѣгли къ слѣдующему средству: пріискали Саидъ-Азиму соперниковъ изъ туземцевъ, принадлежавшихъ къ лучшей части населенія.

Къ счастью нашему, въ этотъ разъ выборъ оказался удачнымъ: онъ палъ на людей болѣе достойныхъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ. Главнѣйшими были: Джура-Бекъ [1]), Баба-Бекъ [2]) и другіе беки, потерявшіе свои владѣнія во время послѣдней войны нашей съ Бухарою. Люди эти откровенно ненавидѣли Саидъ-Азима, но они долго принуждены были молчать, такъ какъ опасались его преслѣдованій. Изъ нихъ всѣхъ одинъ Джура-Бекъ сохранилъ свою самостоятельность; почти во всемъ онъ являлся ярымъ противникомъ хитраго временщика. Но одинъ въ полѣ не воинъ, по этому Саидъ-Азимъ не обращалъ никакого вниманія на его ненависть. Но вотъ времена измѣнились и авторитетъ временщика подорвался въ конецъ. Джура-Бекъ и его единомышленники изъ отъявленныхъ враговъ нашихъ превратились вдругъ въ людей полезныхъ, преданныхъ нашимъ интересамъ, готовыхъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ доказать свою услужливость. Ихъ заслуги были достойнымъ образомъ оцѣнены: они выдвинулись на первый планъ, а Саидъ-Азимъ былъ отодвинутъ на второй. Замѣтивъ его паденіе, всѣ недовольные поднялись сразу и обвиненія за обвиненіями посыпались на него. Саидъ-Азиму поневолѣ пришлось притихнуть; онъ смирился и стушевался куда-то, разсѣялась и его партія. Но тѣмъ не менѣе память о его вліяніи, въ переходную эпоху, о его недюжинныхъ способностяхъ осталась въ преданіяхъ.

К—тъ.

30.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Алимъ-Хаджи-Юнусовъ.

Одною изъ первыхъ добродѣтелей у мусульманъ, т. е. исповѣдующихъ исламъ, считается благотворительность. Кораномъ поставляется въ обязанность каждому доброму правовѣрному по мѣрѣ силъ и возможности помогать неимущимъ. Милостыня бываетъ двоякаго рода: зякатъ, даваемая въ точно опредѣленныхъ размѣрахъ деньгами, товаромъ, скотомъ, зерномъ или плодами, и садакатъ — добровольныя приношенія, размѣръ которыхъ зависитъ отъ воли дающаго. И нужно отдать полную справедливость послѣдователямъ Магомета, предписаніе это всегда свято исполняется и весьма часто въ очень крупныхъ размѣрахъ. Въ особенности среди богачей немного найдется такихъ, которые не принесли бы своей лепты на пользу бѣдствующаго человѣчества. Наиболѣе распространеннымъ видомъ добровольной благотворительности безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ считать пожертвованія значительныхъ суммъ на постройку и обзаведеніе мечетей и медрессе (училищъ). Въ населенныхъ мусульманами странахъ положительно нѣтъ ни одного города, въ которомъ не было бы одной или нѣсколькихъ медрессе, сооруженныхъ на капиталы, пожертвованные или же завѣщанные разными благотворителями. И не только воздвигаются зданія, но къ нимъ непремѣнно пріурочивается извѣстное количество земли, называемой вакуфною, доходами съ которой обезпечивается дальнѣйшее существованіе учрежденій. Зданія же этихъ медрессе обыкновенно отличаются изящною, величественною мавританскою архитектурою, служащею лучшимъ украшеніемъ городовъ. Древнія же постройки положительно могутъ быть признаны образцемъ изящества и искусства. Единственно въ чемъ можно упрекнуть эти медрессе, такъ это въ томъ, что при очень красивой внѣшности, они лишены внутреннихъ удобствъ. Зданія эти обыкновенно представляютъ собою громадный прямоугольникъ или квадратъ; въ серединѣ находится площадь, вокругъ которой въ два этажа тянутся кельи для учащихся.

Кельи большею частію тѣсны и темны, такъ какъ не имѣютъ оконъ,—дневной же свѣтъ проникаетъ въ нихъ лишь черезъ отворенныя двери; поэтому лѣтомъ въ нихъ сыро, а зимою холодно. Несмотря на то, что курсы въ этихъ медрессе очень продолжительны, учащіеся однако выносятъ изъ нихъ далеко не обширныя познанія, такъ какъ все обученіе ограничивается исключительно богословскими науками и заучиваніемъ наизусть корана. Всецѣло подчиненныя невѣжественному фанатическому духовянству, медрессе вмѣсто того, чтобы содѣйствовать успѣшному умственному и нравственному развитію и быть центромъ распространенія всесторонняго образованія на Востокѣ, способствуютъ лишь полнѣйшему умственному застою, усиленію фанатизма и отчужденію мусульманскаго міра отъ всего чужеземнаго. Истолковывая вкривь и вкось предписанія и наставленія своего пророка Магомета, мусульмане до сихъ поръ не хотѣли признавать никакихъ нововведеній и не только не интересовались европейскою цивилизаціею, но даже считали вѣроотступничествомъ всякое сочувствіе къ какимъ либо европейскимъ порядкамъ.

Но въ настоящее время, повидимому, въ этихъ понятіяхъ совершается рѣзкій, утѣшительный переворотъ. Мусульманскій міръ какъ будто освобождается отъ состоянія одуряющей неподвижности, стряхиваетъ свою вѣковую, непробудную спячку и рѣшается двинуться по пути западной цивилизаціи; онъ убѣдился въ ея благотворныхъ послѣдствіяхъ. Это наступательное движеніе по пути прогресса, коснулось теперь и Средней Азіи; по крайней мѣрѣ въ нашихъ среднеазіятскихъ владѣніяхъ, а также и въ средѣ другихъ нашихъ мусульманскихъ подданныхъ уж еоткрыто проявляется стремленіе къ усвоенію культурныхъ началъ Европы.

Въ Средней Азіи починъ этому благому дѣлу положилъ татарскій улемъ, извѣстный Алимъ-Хаджи Юнусовъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ, ознакомившись всесторонне и основательно съ мусульманскими языками и науками, прослушалъ въ казанскомъ университетѣ полный курсъ естественныхъ наукъ, любовь къ которымъ у него осталась и до сего времени, проѣхалъ вдоль почти всю Европейскую Россію, посѣтилъ Константинополь, Египетъ, Аравію, Индію и черезъ Афганистанъ и Бухару пробрался въ Ташкентъ, который и избралъ своимъ постояннымъ мѣстомъ жительства. Здѣсь, въ центрѣ

Средней Азіи, не щадя трудовъ и расходовъ, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, почтенный Алимъ-Хаджи принялся пріобрѣтенныя имъ познанія и свѣдѣнія примѣнять къ жизни. Осторожно, сообразуясь съ понятіями туземцевъ, онъ терпѣливо и настойчиво началъ подготовлять почву для сближенія мусульманъ съ русскими, для ослабленія фанатизма среди своихъ единовѣрцевъ и для введенія въ странѣ болѣе раціональнаго и плодотворнаго образованія, сталъ распространять болѣе разумныя понятія о торговлѣ и въ особенности отдался ознакомленію съ природными богатствами страны, съ цѣлью развить правильную эксплоатацію ихъ и тѣмъ еще болѣе поднять значеніе края. Достойны удивленія и подражанія частыя экскурсіи въ горы, которыя Хаджи совершалъ въ одиночествѣ въ поискахъ за минералами. Почти что ему одному мы обязаны открытіемъ многихъ минераловъ, существованіе которыхъ до него никто и не подозрѣвалъ. Не довольствуясь этимъ, мусульманскій новаторъ поступилъ членомъ въ разныя ученыя общества, въ которыхъ возбудилъ не мало весьма важныхъ и полезныхъ экономическихъ вопросовъ. Но, къ несчастью, безпорядочное управленіе генерала Кауфмана пріостановило на время успѣхи старика Юнусова; а тутъ еще нашлись враги и завистники, которые разными наговорами и сплетнями успѣли навлечь на него немилость генералъ-губернатора и обрушить на него разныя напасти; такимъ образомъ, старику волей - неволей пришлось на неопредѣленное время отложить осуществленіе его благихъ замысловъ. Не взирая на эти неудачи, Алимъ-Хаджи не переставалъ все-таки секретно заниматься своимъ излюбленнымъ дѣломъ, ограничившись лишь подготовительною работою. Насколько послѣдняя была плодотворна, можно судить по списку предметовъ, отправленныхъ имъ на московскую выставку.

Наконецъ судьба сжалилась надъ нимъ и со вступленіемъ М. Г. Черняева на видный постъ туркестанскаго генералъ-губернатора, для Юнусова наступила новая эра, давшая его любознательному, предпріимчивому и изобрѣтательному уму возможность выказаться во всемъ своемъ блескѣ. Чтобы преждевременнымъ разоблаченіемъ не помѣшать успѣхамъ стараго мусульманскаго ученаго, удовольствуюсь на этотъ разъ простымъ указаніемъ, что онъ въ настоящее время усиленно занятъ приведеніемъ въ исполненіе многихъ весьма замѣчательныхъ и много обѣщающихъ проектовъ.

Возвращаюсь однако къ предмету настоящей статьи, отъ которыхъ я слегка уклонился.

Всѣми силами заботясь о процвѣтаніи страны, пріютившей его и, что весьма естественно, напрягая все умѣнье къ тому, чтобы вырвать своихъ единовѣрцевъ изъ-подъ власти убійственнаго застоя и апатіи, Хаджи сдѣлалъ нѣсколько попытокъ примѣнить къ своимъ цѣлямъ и мусульманскую благотворительность. Такъ, между прочимъ, онъ пріобрѣлъ въ туземной части г. Ташкента значительный участокъ земли, который уступилъ въ полное распоряженіе по крайней мѣрѣ сорока бѣднымъ мусульманскимъ семействамъ. На этомъ же участкѣ онъ намѣревается учредить медрессе, въ которомъ помимо богословскихъ наукъ онъ предполагаетъ ввести преподаваніе и разныхъ свѣтскихъ наукъ, какъ напримѣръ: географіи, исторіи и другихъ. Такимъ образомъ, на долю этого училища выпадетъ первая и завидная честь привитія зачатковъ европейской цивилизаціи въ Средней Азіи.

Н. П. Стремоуховъ.

34
Журналъ Минист. Нар. Просв. 1882. ч. 222. Іюль

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новыя изслѣдованія о буддизмѣ.

The Sacred books of the East translated by various oriental scholars and edited by *F. Max-Müller*. Vol. I, X, XI (Священныя книги востока, переведенныя разными оріенталистами и изданныя *Максомъ-Мюллеромъ*. Томы I, X и XI). Oxford. 1879—1881.

Начиная съ 1879 г., въ Англіи издается подъ общимъ заглавіемъ „Священныхъ книгъ востока" рядъ весьма важныхъ переводовъ, сдѣланныхъ извѣстными оріенталистами. Громкое имя главнаго редактора ручается за полную научность этого важнаго литературнаго предпріятія, а появившіеся въ настоящее время томы вполнѣ оправдали тѣ ожиданія, съ которыми оно было встрѣчено, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ печати впервые заговорили о предполагавшихся къ обнародованію важнѣйшихъ священныхъ книгъ востока. По первоначальному плану имѣлось въ виду издать въ двадцати-четырехъ томахъ переводъ важнѣйшихъ книгъ шести религіозныхъ системъ, то-есть: 1) брахмановъ, 2) буддистовъ, 3) послѣдователей Заратуштры, 4) Конъ-фу-цзы, 5) Лао-цзы и 6) Мухаммеда. Въ послѣдствіи этотъ планъ былъ нѣсколько расширенъ: кромѣ названныхъ переводовъ, обѣщаны также переводы жайнскаго священнаго писанія.

Въ предисловіи къ первому тому переводовъ издатель и главный редакторъ Максъ-Мюллеръ, съ свойственными ему мастерствомъ и ясностью изложенія, разъясняетъ какъ главную задачу своего предпріятія, такъ и значеніе издаваемыхъ переводовъ. Несомнѣнно, въ

35

настоящее время существуетъ довольно сильный интересъ къ вопросамъ о началѣ, ростѣ и паденіи религіи вообще. Но, говоритъ издатель, — интересъ этотъ болѣе теоретическій, нежели историческій [1]). Психологи и богословы горячо обсуждаютъ, какъ человѣчество вырабатывало свои религіозныя идеи, и при этомъ не обращается должнаго вниманія на памятники, а между тѣмъ дѣйствительное развитіе религіозной мысли можно вѣрно усмотрѣть и понять только изучая памятники; въ нихъ мы можемъ наблюдать зарю религіознаго сознанія человѣка, что̀, по справедливому замѣчанію М. Мюллера, навсегда останется зрѣлищемъ самымъ вдохновляющимъ въ міровой исторіи [2]). Не слѣдуетъ искать въ этихъ памятникахъ сѣдой старины глубокой мудрости; напротивъ зачастую въ нихъ попадается много дѣтскаго, утомительно скучнаго и даже отталкивающаго; за всѣмъ тѣмъ изученіе ихъ весьма важно, и истинный историкъ легко уразумѣетъ и оцѣнитъ значеніе тѣхъ уроковъ, которые они намъ преподаютъ. Высшій, и въ иныхъ случаяхъ единственный интересъ, представляемый священными памятниками востока,—историческій. Для богослова или миссіонера знакомство съ ними необходимо въ такой же степени, какъ для полководца знаніе непріятельской страны; особое значеніе получаютъ тѣ же памятники, разсматриваемые какъ историческіе документы. Во всякой странѣ, гдѣ сохранились священныя книги, устно черезъ посредство преданія, или въ письменной редакціи, онѣ представляютъ древнѣйшіе документы, отмѣчаютъ собою начало документальной въ противуположность къ традиціонной исторіи. Такое значеніе необходимо слѣдуетъ признать въ Индіи за Ведами, ведическою и затѣмъ буддійскою литературой, въ древней Персіи за Авестой, въ Китаѣ за классическимъ пятикнижіемъ, и за Кураномъ у Арабовъ. Отсюда, весьма понятно, почему историки обратили особливое вниманіе на священныя книги; въ нихъ содержатся драгоцѣнныя свѣдѣнія не только о религіи народовъ древности, но и многочисленныя данныя о ихъ нравственности, общественныхъ учрежденіяхъ и законахъ.

Древнихъ священныхъ книгъ далеко немного; весьма немногіе народы сохранили свои священныя писанія, и весьма многія изъ священныхъ книгъ стали доступны Европейцамъ въ оригиналахъ только въ послѣднее время, благодаря успѣхамъ востоковѣдѣнія, дав-

---

[1]) Vol. I, стр. XLII.

[2]) Тамъ же, стр. XI.

шимъ возможность не только исправить прежніе переводы, но и изготовить новые съ памятниковъ, открытыхъ въ послѣдніе годы. Таково, по мнѣнію издателя, въ общихъ чертахъ значеніе обнародованныхъ и предполагающихся къ дальнѣйшему изданію переводовъ священныхъ книгъ. Быть можетъ, многіе читатели пожелаютъ большей полноты въ общемъ введеніи къ первому тому и найдутъ также, что значеніе изданныхъ переводовъ въ области изслѣдованій о зародышѣ, ростѣ и паденіи религій человѣчества не отмѣчено съ достаточною опредѣленностью; весьма вѣроятно, восполнить этотъ пробѣлъ составить задачу всѣхъ спеціальныхъ введеній къ отдѣльнымъ томамъ изданія, и дѣйствительно въ предисловіяхъ и руководящихъ введеніяхъ къ уже появившимся переводамъ затрогиваются и частью разрѣшаются вопросы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ сей часъ указанной области изслѣдованій.

I.

Въ настоящей замѣткѣ предполагается познакомить читателя съ содержаніемъ двухъ томовъ, посвященныхъ буддійскимъ священнымъ книгамъ, именно съ томами X и XI. Не смотря на то, что переводы въ обоихъ томахъ не представляютъ для знакомыхъ съ литературой предмета доселѣ неизвѣстной новинки, тѣмъ не менѣе оба тома полны интереса и для спеціалиста, и вообще для читателя, не чуждаго научнымъ изслѣдованіямъ о развитіи религіознаго чувства въ человѣчествѣ. Въ обоихъ томахъ мы имѣемъ переводы, сдѣланные или знатоками, или оріенталистами, пользующимися извѣстностью; переводамъ предпосланы введенія, цѣль которыхъ установить для читателя надлежащую точку зрѣнія на переведенный памятникъ, разъяснить ему время появленія, и показать значеніе переводимой книги въ цѣлой литературѣ. Задача не легкая въ санскритской филологіи вообще, а въ области буддійскихъ изслѣдованій въ особенности. Трудность эта очень хорошо сознается всѣми изслѣдователями. По мнѣнію автора переводовъ, помѣщенныхъ въ XI томѣ разбираемаго изданія, наше теперешнее знакомство съ палійскимъ канономъ то же, что̀ полное его незнаніе (the present state of our knowledge, or rather ignorance, of the Pâli Pitakas...)[1]), и хотя, не смотря на такое откровенное заявленіе, тотъ же писатель, на первой стра-

---

[1]) Vol. XI, стр. XXXIII.

ницѣ своего введенія, смѣло утверждаетъ, что въ его томѣ заключается a collection of texts which should be as complete a sample as one volume could afford of what Buddhist scriptures, on the whole, contain, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду первое показаніе, читатель по необходимости долженъ отнестись недовѣрчиво ко второму. Одно изъ двухъ: или г. Р. Дэвидсъ, вмѣстѣ съ другими современными изслѣдователями, плохо (то-есть, даже совсѣмъ не) знакомъ съ содержаніемъ палійскихъ питакъ,—въ такомъ случаѣ не смѣло ли утверждать, что изданные имъ переводы представляютъ полное собраніе образчиковъ содержанія палійскаго канона; или второе вѣрно, тогда первое скромное заявленіе окажется по меньшей мѣрѣ излишнимъ. Думаемъ, однакоже, на основаніи многихъ данныхъ, что г. Р. Дэвидсъ, заявляя первое, былъ болѣе правъ, нежели давая свое второе показаніе. Буддисты, какъ извѣстно, имѣютъ громадную массу священныхъ книгъ на различныхъ языкахъ, въ оригиналахъ и переводахъ; во всей этой обширной литературѣ нѣтъ ни одной книги догматическаго содержанія — священной по преимуществу, одинаково чтимой буддистами всѣхъ толковъ; нѣтъ памятника, занимающаго въ цѣлой буддійской литературѣ то же положеніе, какъ напримѣръ, Куранъ въ мусульманской, или Библія у христіанъ. Отсюда, само собою разумѣется, выборъ памятника для такого изданія, какъ „Sacred books of the East", представляетъ особыя трудности. Автору перевода должны быть вполнѣ ясны тѣ главенствующія идеи буддизма, которыя въ различныя эпохи были различны. Можно было бы набрать множество буддійскихъ памятниковъ, прославляющихъ строгій аскетизмъ или широкое милосердіе ко всему сущему, и вся эта масса образчиковъ буддійской литературы весьма мало разъяснила бы читателю неспеціалисту основную сущность цѣлой религіозной системы, не объяснила бы ему, почему эта система безотраднаго пессимизма овладѣла религіознымъ сознаніемъ значительной части рода человѣческаго. Другая трудность, которую неминуемо встрѣтитъ всякій переводчикъ, состоитъ въ хронологическомъ опредѣленіи избраннаго памятника. Такимъ образомъ, онъ долженъ сказать читателю, почему избранный имъ памятникъ почитается имъ характернымъ образцемъ буддійской литературы, и къ какому времени онъ относится. Разсматривая содержаніе названныхъ выше двухъ томовъ съ сейчасъ намѣченной точки зрѣнія, намъ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, разъяснили ли читателю авторы переводовъ значеніе избранныхъ ими памятниковъ и опредѣлили ли удовлетворительно ихъ эпоху. Двое переводчиковъ, Максъ Мюллеръ и Р. Дэвидсъ, значитель-

ную часть руководящихъ введеній къ своимъ переводамъ посвящаютъ именно разсмотрѣнію хронологическаго вопроса. Краткое, но весьма содержательное введеніе третьяго переводчика, Фаусбеля,—совершенно иного характера; къ его разсмотрѣнію мы вернемся впослѣдствіи, а теперь обратимся къ изложенію и разбору изслѣдованій двухъ первыхъ оріенталистовъ. Для Р. Дэвидса вопросъ о времени избранныхъ и переведенныхъ имъ памятниковъ можетъ быть рѣшенъ съ полнымъ вѣроятіемъ, или говоря его же словами, „can be fixed without much uncertainty"; читатель, прочитавъ такое рѣшительное и увѣренное положеніе, конечно, будетъ нѣсколько изумленъ, узнавъ далѣе, что выводъ, полный вѣроятія, получается на основаніи гипотезы, научное значеніе которой оцѣнивается авторомъ весьма оригинально; на эту гипотезу авторъ рекомендуетъ смотрѣть такимъ образомъ: „it should not however be looked upon as anything more than a good working hypothesis to be accepted until all the texts of Buddhist Pâli Suttas shall have been properly edited" [1]). Его аргументація, по собственному сознанію, только вѣроятна, но не вѣрна (amounts only to probability, not to certainty); выводъ почти, но не совсѣмъ вѣренъ (This conclusion, however, is only almost, and not quite certain); дата удовлетворительна только для настоящаго времени и имѣетъ практическое значеніе (a provisional date sufficient at present for practical purposes,—то-есть, для писанія ученыхъ введеній?). Не столь самоувѣренны и, конечно, не исполнены противорѣчій положенія и выводы Макса Мюллера; но въ сущности, какъ Р. Дэвидсъ, такъ и Максъ Мюллеръ, вовсе и не рѣшаютъ вопроса о времени переведенныхъ ими памятниковъ, а занимаются разсмотрѣніемъ болѣе общаго вопроса о времени всего палійскаго канона; при рѣшеніи же этого послѣдняго вопроса обращаются къ старымъ гипотезамъ, недавно подновленнымъ весьма искусною аргументаціей, но едва ли выдерживающимъ какую-либо, хотя бы самую снисходительную и нетребовательную критику.

Выводы о времени всего канона, но не переведенныхъ ими памятниковъ, оба сейчасъ названные оріенталисты строятъ на основаніи давно извѣстныхъ и по сіе время едва ли правильно оцѣненныхъ преданій о такъ-называемыхъ буддійскихъ соборахъ, и какъ Р. Дэвидсъ, такъ и Максъ Мюллеръ, вполнѣ слѣдуютъ аргументаціи д-ра Ольденберга, появившейся нѣсколько ранѣе. Вопросъ о томъ, на сколько это преданіе достовѣрно или какъ оно древне—не обсуждается ни однимъ

---

[1]) Vol. XI, стр. X, XI, XII.

изъ названныхъ ученыхъ; между тѣмъ совершенно очевидно—правильность вывода находится въ прямой зависимости отъ характера и степени достовѣрности преданій о соборахъ.

II.

Палійскіе комментаторы священнаго писанія предпосылаютъ своимъ толкованіямъ на нѣкоторыя части „трехъ сосудовъ„ (то-есть, трехъ-питакъ) краткій обзоръ древнѣйшихъ судебъ буддійскаго священнаго канона; такое введеніе съ ихъ точки зрѣнія не только умѣстно, но и безусловно необходимо вслѣдствіе ихъ догматическаго воззрѣнія на всецѣлость содержанія канона. Они вѣрили точно также, какъ и современные буддисты твердо вѣруютъ, что въ „трехъ сосудахъ" содержится только слово ихъ вѣщаго Учителя, и въ доказательство непреложной истинности своей вѣры разказываютъ, какъ это слово, не смотря на всякаго рода опасности, грозившія его чистотѣ, благодаря усиліямъ святыхъ мужей сохранило свою чистоту неприкосновенною, и черезъ двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ ученіе нисколько не измѣнилось, осталось совершенно такимъ же, какъ и въ то время, когда оно было живымъ глаголомъ великаго учителя. Являлись поносители святого закона, еретики пытались затемнить истину лжеученіями, но мужи святые, преемники великаго, умѣли бороться съ врагами и преодолѣвать ихъ. Они собирались купно въ одно мѣсто, твердо и свято храня въ своей памяти всѣ слова отошедшаго вѣщаго, устраивали спѣвки, пропѣвали вмѣстѣ слова Учителя, какъ бы возобновляли въ своей памяти новое авторизованное изданіе святыхъ проповѣдей; всякія новшества и лжеученія тщательно отметались. Въ живыхъ сосудахъ, въ памяти святыхъ мужей хранилось только древнее и истинное ученіе.

Чрезъ длиный рядъ преемства святыхъ учителей древнее и истинное ученіе, хранимое въ памяти, дожило наконецъ до того времени, когда святость между людьми стала умаляться, и спустя нѣсколько столѣтій по смерти Учителя происходитъ на Цейлонѣ общее внесеніе ученія въ книги. Такимъ образомъ все, что̀ буддисты разказываютъ объ исторіи своего канона, съ ихъ точки зрѣнія неопровержимо доказываетъ полную истинность основнаго догмата о томъ, что въ трехъ питакахъ содержатся только подлинныя слова Учителя. Въ древнѣйшихъ судьбахъ буддійскаго канона преданіе отмѣчаетъ три важные факта; палійскій канонъ, по религіозному созна-

нію вѣрующихъ, древенъ и содержитъ истинное слово Учителя; въ продолженіе многихъ столѣтій и до нашихъ дней онъ сохранился неизмѣннымъ, благодаря усиліямъ святыхъ мужей, которые умѣли во время 1) собирать сходки или устраивать спѣвки (сангити), то-есть, по переводу европейскихъ изслѣдователей созывать соборы; собирались же эти сходки потому, что въ буддійской общинѣ, на зарѣ ея исторической жизни, появлялись новшества, лжеученія, иначе развились 2) еретическія секты. Оба отмѣченные факта относятся къ древнѣйшей исторіи буддійскаго канона; третій знаменательный фактъ въ развитіи того же священнаго писанія, то-есть, внесеніе ученія въ книги свершился гораздо позднѣе. Кромѣ сейчасъ названныхъ событій, преданіе сохранило весьма немного достовѣрныхъ извѣстій, о судьбахъ какъ самой общины, такъ и ея священнаго канона; а потому, при такой скудости историческихъ данныхъ, нисколько не удивительно, что до сихъ поръ, какъ только возникаетъ вопросъ о хронологическомъ опредѣленіи какого-либо буддійскаго памятника, европейскій изслѣдователь становится на точку зрѣнія палійскаго комментатора, то-есть, обращается къ извѣстіямъ о сходкахъ буддійскихъ аскетовъ въ первыя вѣка ихъ историческаго существованія, и на основаніи скудныхъ, взаимно противорѣчивыхъ и ясно тенденціозныхъ извѣстій о сходкахъ или соборахъ, какъ ихъ принято называть между европейскими учеными, рѣшается вопросъ не о времени одного извѣстнаго памятника, а цѣлаго канона [1]).

Вопросъ о времени памятника, разсуждаютъ обыкновенно, — не можетъ быть рѣшенъ на основаніи палеографическихъ данныхъ; всѣ дошедшія до нашего времени рукописи слишкомъ новы; изслѣдователю предлежатъ очень новые списки весьма древнихъ сочиненій; не болѣе надежными руководителями оказываются лингвистическія данныя. Остается одинъ способъ для рѣшенія вопроса о времени памятника, то-есть, строится такой силлогизмъ: разсматриваемый памятникъ въ настоящее время составляетъ часть канона, «опредѣляя время всего канона, мы опредѣлимъ время нашего памятника [2]). При этомъ совершенно упускается изъ виду, что никакихъ нѣтъ указаній на то, изъ какихъ частей канонъ состоялъ въ древности и всегда ли въ него входили однѣ и тѣ же части. А нѣкоторые соображенія по

---

[1]) См. напримѣръ, *Oldenberg*, Mahâvagga, стр. XXV и сл.; *Max Müller*, Sacred books of the East, vol. X, стр. XXIX; *Rhys Davids*, тамъ же vol. XI, стр. XI слѣд.

[2]) *Max Müller*, vol. X, стр. X.

этому послѣднему вопросу бываютъ иногда не чужды даже наивности. Такъ М. Мюллеръ высказываетъ слѣдующее: Вторая глава Дхаммапады называется appamâda vaggo; если въ Махавансѣ (то-есть, въ цейлонской хроникѣ конца V вѣка по Р. Х.) намъ разказывается, что во время обращенія царя Асоки монахомъ Нигродха, буддійскій монахъ объяснялъ ему appamâda-vaggo, мы едва ли можемъ сомнѣваться, что уже въ то время существовало собраніе стиховъ объ appamâda такое же, какое мы имѣемъ теперь въ Дхаммападѣ и Саннютаникаѣ" (vol. X, стр. XXXII). На основаній показанія памятника V в. по Р. Х. утверждается существованія литературнаго произведенія въ III в. до Р. Х. Существованіе въ III в. до Р. Х. нѣкоторыхъ стиховъ, нынѣ извѣстныхъ подъ общимъ заглавіемъ Дхаммапада весьма вѣроятно, но конечно, не свидѣтельствами столь поздняго памятника какъ Махавансо—долженъ доказываться фактъ ихъ существованія въ то время. Вопросъ о томъ, всегда ли канонъ состоялъ изъ тѣхъ же частей, на которыя онъ дѣлится теперь, обходится молчаніемъ, или же устраняется соображеніями, лишенными всякой вѣроятности; затѣмъ обращаются къ опредѣленію времени всего канона.

Для опредѣленія времени палійскаго канона есть два важные факта: 1) канонъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ принадлежитъ намъ теперь, не упоминаетъ о третьемъ соборѣ временъ Асоки, около 242 г. до Р. Х.; 2) въ канонѣ упоминаются первый соборъ въ Ражагрихѣ (477 до Р. Х.) и второй въ Вайшали (377 до Р. Х.).

На основаніи этихъ двухъ фактовъ выводится, что канонъ получилъ законченный видъ въ промежутокъ времени послѣ втораго собора и до третьяго, или же во время третьяго собора. Быть можетъ, даже значительная часть канона существовала до втораго собора; описаніе двухъ соборовъ находится въ концѣ Виная-питаки, и въ этомъ обстоятельствѣ усматриваютъ указанія на то, что эти отчеты были послѣдними авторизованными частями канона. Теорія эта, впервые высказанная съ большимъ искусствомъ Ольденбергомъ, съ незначительными видоизмѣненіями была принята авторами двухъ разбираемыхъ томовъ. Значеніе, даваемое изслѣдователями преданію о соборахъ въ дѣлѣ хронологическихъ разысканій, естественно выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о времени его происхожденія и объ отношеніи традиціоннаго разказа къ историческому факту. Извѣстій о соборахъ, современныхъ факту, пока не найдено и буддисты разныхъ толковъ признаютъ не одно и то же число соборовъ; но всѣ,

кажется, согласны въ томъ, что было первое собраніе святыхъ мужей тотчасъ по смерти Учителя, и другое черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ. Объ этихъ двухъ первыхъ сходкахъ сохранились извѣстія не одинаковой древности; наиболѣе старыя вошли въ составъ канона, другія, болѣе позднія, находимы у палійскихъ комментаторовъ, въ цейлонскихъ хроникахъ, у китайскихъ путешественниковъ и буддійскихъ историковъ (Таранатха).

Относительно достовѣрности извѣстій о двухъ первыхъ соборахъ, мнѣнія европейскихъ изслѣдователей расходятся. Нѣкоторые принимаютъ, что до насъ дошли извѣстія, какъ о первомъ, такъ и о второмъ соборѣ одинаково достовѣрныя; другіе, напротивъ, начинаютъ исторію канона со времени второго собора, и не признаютъ за извѣстіями о первомъ соборѣ никакой исторической достовѣрности, хотя разказы, какъ о первомъ, такъ и о второмъ соборѣ, повторяются въ однихъ и тѣхъ же источникахъ, и по своей сущности одинако вѣроятны: въ нихъ нѣтъ ни миѳическихъ подробностей и разукрашеній, словомъ, ничего такого, что̀ лишало бы ихъ правдоподобія; не слѣдуетъ только въ этихъ разказахъ о такъ-называемыхъ соборахъ смѣшивать двѣ стороны, не въ одинаковой степени достовѣрныя: самый фактъ сходокъ едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію; при самомъ крайнемъ скептицизмѣ едва ли найдется дѣйствительно вѣское и неопровержимое соображеніе отрицательнаго характера; сходки устроялись совершенно естественно, и были необходимымъ слѣдствіемъ даннаго положенія дѣлъ. Умираетъ великій Учитель, его осиротѣлые ученики собираются для погребальныхъ обрядовъ; но вслѣдъ затѣмъ въ общинѣ проявляется какой-то духъ неурядицы; между аскетами объявились люди съ грѣховными помыслами; они какъ будто обрадовались событію, тяжкому и горестному для большинства общины; въ смерти Учителя они усмотрѣли эмансипацію отъ тяжелыхъ узъ суроваго аскетизма и громко возликовали: „не плачьте, не горюйте, нѣтъ того, кто бдительно стоялъ на сторожѣ, и говаривалъ намъ: того-то и того-то не дѣлайте". Настроеніе паствы грозило разрушеніемъ и молодой общинѣ, и ученію, создавшему ее; члены общины, уразумѣвшіе опасность, естественно должны были позаботиться о пресѣченіи зла, собрать единомышленниковъ и обсудить положеніе дѣлъ; такимъ образомъ вслѣдствіе именно этихъ причинъ состоялась первая сходка буддійскихъ аскетовъ или первый буддійскій соборъ.— Проходитъ сто лѣтъ, въ общинѣ появляются какія-то новшества, возникаютъ ложные толки, лжеученія, и она собирается вновь для

43

обсужденія своихъ дѣлъ. Устрояется, какъ и въ первомъ случаѣ, судъ и расправа, нѣчто подобное современнымъ кастовымъ панчаятамъ; характеръ судбищъ остался за соборами во всѣхъ разказахъ, хотя не безъ очевидной тенденціи традиція придала имъ обликъ конклавовъ, собранныхъ съ богословско-литературною цѣлью.

Но если сходки или спѣвки древнихъ буддистовъ были сборищами, подобными панчаятамъ, значеніе ихъ въ исторіи канона умаляется до крайней степени. Преданіе въ своемъ полномъ развитіи, а вмѣстѣ съ нимъ и большинство европейскихъ изслѣдователей, придаютъ сходкамъ совершенно иной характеръ: то были, говорятъ намъ,—соборы, конклавы, редактировавшіе священное буддійское писаніе; извѣстія различныхъ источниковъ одинаково свидѣтельствуютъ, что на первой по времени сходкѣ святые мужи занимались богословско-литературною дѣятельностью; но самую литературную работу каждый источникъ описываетъ по своему. Въ однихъ сказаніяхъ неопредѣленно и глухо говорится о литературной дѣятельности святыхъ мужей, собравшихся на конклавъ; въ другихъ, напротивъ, отмѣчаются многія мелочныя черты этой соборной богословско-литературной дѣятельносги, въ выраженіяхъ точныхъ, недопускающихъ никакого сомнѣнія, утверждается, что весь палійскій канонъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предлежитъ намъ въ настоящее время, уже существовалъ въ моментъ смерти Учителя. Словомъ, въ палійскихъ разказахъ говорится, очевидно, о палійскомъ канонѣ; въ Сыфынъ-пяо [1]) упоминается о другой винаѣ въ 80 стиховъ, Сюанъ-цзанъ, конечно, разумѣлъ иной канонъ; а Фа-сянъ довольно неопредѣленно отмѣчаетъ при разказѣ о первомъ соборѣ канонъ Махасангхиковъ—секты, явившійся, завѣдомо гораздо позднѣе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что преданіе разныхъ сектъ расходилось по этому пункту; всѣмъ имъ было обще желаніе начинать исторію своего канона съ момента смерти Учителя, у всѣхъ было желаніе доказать его подлинность именно въ этомъ смыслѣ. Амплификаціи различныхъ редакцій не были случайными или неумышленными разукрашеніями первоначальныхъ разказовъ; въ подробностяхъ, наростающихъ на остовѣ простѣйшаго и древнѣйшаго извода преданія совершенно ясно сказываются вполнѣ сознательныя желанія придать разказу о сходкахъ опредѣленный характеръ; сочинитель преслѣдовалъ цѣль ясно намѣченную: ему нужно было доказать нетолько древность и святость своего канона, но въ то же время онъ

---

[1]) *Василѣевъ*. Буддизмъ. I. Стр. 224.

желалъ устранить всякую возможность сомнѣнія въ томъ, что канонъ есть слово вѣщаго, ему нужно было возвести начало священнаго писанія ко временамъ Учителя. Такая задача могла явиться въ общинѣ лишь въ моментъ, когда подлинность канона заподозривалась и совершенно очевидно, что въ эпоху ближайшую къ живой дѣятельности Учителя, вскорѣ послѣ Его смерти истинность святого слова, принятаго въ общинѣ, не могла быть заподозрѣваема кѣмъ-либо; у всѣхъ было свѣжо въ памяти ученіе великаго аскета, самыхъ словъ и изрѣченій,—допуская самую широкую проповѣдническую дѣятельность мудреца изъ рода Сакьевъ,—едва ли было много въ то время. Скептицизмъ и отрицательное отношеніе къ священному писанію могли явиться или среди разныхъ еретическихъ сектъ въ моментъ ихъ нарожденія, или даже позднѣе, въ ту знаменательную эпоху, когда старое направленіе въ буддизмѣ смѣнилось новымъ трансцендентальнымъ махаяническимъ.

Секты, какъ увидимъ далѣе, утверждали многое, что̀ по мнѣнію другихъ толковъ, не согласно было съ доктриной Учителя; говорилось многое неподобное объ арханѣ или святомъ, утверждалось существованіе души какъ отдѣльной субстанціи, но выставляя ложныя философскія положенія, еретики весьма часто ссылались на слова учителя, то-есть, на изрѣченія изъ писанія, признаннаго святымъ въ общинѣ; ихъ противники въ отвѣтъ утверждали, что лжеучители даютъ превратное толкованіе святымъ словамъ; подлинность самыхъ словъ, послужившихъ точкою отправленія и основаніемъ для построенія ложныхъ теорій, при этомъ, не заподозривалась; полагали возможнымъ устранить совершенно и опровергнуть лжеученіе доктриной о двухъ смыслахъ въ проповѣдяхъ учителя, то-есть, принимали въ его словѣ безусловно истинное значеніе и другое условное; послѣднее дало начало лжеученіямъ, потому что было невѣрно истолковано еретиками; въ нѣкоторыхъ случаяхъ противники такъ-называемыхъ лжеученій шли далѣе и утверждали, что еретики искажали тексты, сочиняли подложныя изрѣченія; не изъ чего не видно, однакоже, чтобы въ первый періодъ буддійской исторіи скептицизмъ достигъ того развитія, которое ясно сказывается въ Махаянѣ. Махаяна отправлялась въ своихъ теоріяхъ отъ новой точки зрѣнія, отличной отъ сравакской или хинаянической, и была враждебна ученію сраваковъ, по-крайней мѣрѣ въ началѣ своей исторіи. Вмѣстѣ съ ея появленіемъ самая сущность Учителя стала пониматься иначе, нежели въ древнѣйшую эпоху. Учитель, говорили нѣкоторые, пребываетъ вѣчно на

45

небѣ Тушита, оттуда онъ ниспосылаетъ воплощеніе проповѣдника; не вѣщій проповѣдовалъ законъ, а Ананда. Сравакамъ приходилось защищать подлинность и святость своего канона, доказывать прямое и непосредственное происхожденіе своихъ книгъ отъ Учителя; явилась необходимость излагать исторію канона. Преданія о первыхъ сходкахъ уже существовали; подъ руками имѣлись матеріалы,—сознательно имъ придали въ пересказахъ иной, необходимый для извѣстной цѣли характеръ, и изъ сказаній о сходкахъ, собиравшихся для рѣшенія общинныхъ дѣлъ, сочинили протоколы конклавовъ, занимавшихся литературно-богословскими работами.

Въ старѣйшемъ разказѣ о первомъ соборѣ несомнѣнно уже есть нѣкоторое вліяніе махаяническихъ идей. И по этимъ чертамъ можно съ большимъ правдоподобіемъ опредѣлить время самой редакціи разказа. Въ разказъ вошли три различные эпизода: 1) сказаніе о поводѣ или ближайшихъ причинахъ къ созванію сходки, 2) о ея дѣятельности, 3) о судѣ надъ Анандой. Эпизодъ объ Анандѣ весьма любопытенъ.

Онъ начинается вслѣдъ за описаніемъ литературной дѣятельности конклава. Ананда подвергается суду; собраніе приглашаетъ его къ приношенію покаянія въ нѣсколькихъ грѣхахъ; одинъ изъ грѣховъ останавливаетъ на себѣ особливое вниманіе читателя. Анандѣ говорятъ: „И это, Ананда, твой грѣхъ; Господь творилъ великія знаменія, свершилъ великое просвѣтленіе, а ты не просилъ Господа: живи, Господи, цѣлую калпу (то-есть, милліоны лѣтъ), живи, Господи, цѣлую калпу на пользу и во благо многимъ людямъ, сострадая о мірѣ, на пользу и во благо богамъ и людямъ“.

Судъ надъ Анандой, его покаянія разказываются не только въ палійскихъ источникахъ; Сюанъ-цзанъ и ранѣе его Фа-сянъ описываютъ, что видѣли ступы на томъ мѣстѣ, гдѣ Ананда приносилъ покаянія; эпизодъ съ Анандой имъ былъ, очевидно, также извѣстенъ; важность разказа не опредѣляется, однакожь, исключительно его распространенностью среди многихъ сектъ. Совершенно по другимъ соображеніямъ онъ знаменателенъ: очевидно, авторъ разказа, заставлявшій святыхъ мужей упрекать Ананду въ таковомъ грѣхѣ, самъ вѣрилъ, что вѣщій можетъ прожить цѣлую калпу, то-есть, милліонъ лѣтъ на пользу и во благо міру. Такое убѣжденіе дѣйствительно существовало въ нѣкоторыхъ сектахъ и въ махаянѣ; палійскій канонъ знаетъ и объявляетъ его еретическимъ [1]).

[1]) Въ Kathâ vatthu pakarana.

Такимъ образомъ въ самомъ сказаніи о первомъ соборѣ есть прямое указаніе на время, когда окончательно сложилась редакція о богословско-литературной дѣятельности соборовъ, то-есть, въ эпоху появленія махаяническаго направленія въ буддизмѣ. Если же сказанія о литературной дѣятельности перваго собора такого поздняго происхожденія, то ясно, для исторіи канона или въ вопросахъ о хронологіи его отдѣльныхъ частей эти разказы не имѣютъ никакого значенія.

Но сказанія о первомъ соборѣ почитаются нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями вымысламъ, и даже вымысломъ не очень древнимъ; полагаютъ, что фактъ второго собора былъ причиною происхожденія легенды о первомъ соборѣ; то, что̀ разказывалось о второмъ соборѣ, послужило матеріаломъ для сказаній о первомъ; руководящею идеею при этомъ было стремленіе доказать, что доктрина была вполнѣ установлена тотчасъ по смерти Учителя [1]). Но всѣ эти соображенія нисколько не объясняютъ происхожденія другихъ эпизодовъ въ сказаніи; весьма легко понять, какъ явились подробности о литературной дѣятельности перваго собора, изъ какихъ мотивовъ прибѣгли къ такого роду сочинительству; но эпизодъ съ Анандой и судъ надъ нимъ нисколько не объясняется тѣми же мотивами. Очевидно, преданіе сохранило намъ въ этомъ эпизодѣ извѣстіе объ историческомъ фактѣ; если въ сказаніяхъ о богословско-литературной дѣятельности ясно сказывается извѣстная тенденціозность, то въ разказахъ о взаимныхъ отношеніяхъ святыхъ мужей, о судѣ, о безпорядкахъ среди братьи сохранилось историческое преданіе о фактахъ, выдумывать которые не было никакой надобности для общины. Этимъ фактамъ придали, однакоже, опредѣленную окраску въ то время, когда буддійская община воспользовалась старымъ преданіемъ для доказательства древности и подлинности своего канона.

Ольденбергъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе изслѣдователи, держатся относительно сказанія о второмъ соборѣ противоположнаго мнѣнія, видятъ въ нихъ достовѣрные историческія свидѣтельства и на основаніи ихъ опредѣляютъ время Винаи и другихъ частей канона.

Вторая сходка, также какъ и первая, была собрана по поводу соблазна, случившагося въ общинѣ черезъ сто лѣтъ по смерти Учителя. Обстоятельства дѣла разказываются такимъ образомъ: Въ городѣ Вайшали нищая братія въ день общаго покаянія и исповѣди (то-есть, въ день упошатхи) поставила мѣдный тазъ съ водой среди

---

[1]) *Oldenberg*. Mahavagga, стр. XXVII—XXIX.

собравшейся общины, и когда стали приходить міряне, еретики обратились къ нимъ съ словами: „Подайте, почтенные, общинѣ каха̂пану, половину или четверть монеты, или ма̂саку. Бываетъ у общины нужда въ необходимыхъ вещахъ". Случился тутъ при этомъ Яса, сынъ Каландаки; онъ протестовалъ и говорилъ мірянамъ: „Не давайте, почтенные, общинѣ денегъ; сакійскіе сыны не пріемлютъ злата и серебра".

Міряне, не внемля его словамъ, надавали денегъ общинѣ, и въ ту же ночь братія подѣлила богатую милостыню на доли; одну долю предложили Ясѣ, но тотъ отвергъ грѣховное приношеніе.

Произошелъ скандалъ; святые мужи, строгіе аскеты, блюдя чистоту ученія, должны были позаботиться о прекращеніи соблазна. Вайшалійская братія, именовавшаяся Важжипуттака, къ тому же заявила себя не только стяжательною, но и допускала, кромѣ того, десять грѣшныхъ новшествъ: по понятіямъ еретиковъ, не грѣшно было монаху брать злато и сребро; пять новшествъ относились къ пищѣ, одно къ сѣдалищамъ, два къ свершенію обрядовъ; наконецъ послѣднее, безусловно неотвергнутое на сходкѣ, учило, что примѣръ учителя имѣетъ для ученика неограниченное значеніе.

Новшества были одного характера: во всѣхъ ихъ сказывалось болѣе или менѣе сильное отступленіе отъ строгаго аскетизма; сравненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ существующимъ нынѣ палійскимъ канономъ поучительно по многимъ причинамъ, главнымъ же образомъ потому, что выясняетъ, какъ мало сказаніе о второмъ соборѣ проливаетъ свѣта на вопросъ о времени окончательной редакціи канона.

Всѣ десять пунктовъ отступленій носятъ въ палійскихъ текстахъ спеціальныя названія. Первое новшество обозначается терминомъ: „соль въ рогѣ". Еретики позволяли себѣ дѣлать запасы соли на тотъ случай, когда при трапезѣ не случится таковой. На сходкѣ этотъ пунктъ былъ осужденъ; отвергая грѣховное нововведеніе, община указывала на одно правило въ книгѣ, глаголемой освободительною или Пра̂тимокша; правило гласило, что всякое дѣланіе запасовъ— грѣхъ, искупаемый покаяніемъ. Авторъ повѣствованія о второмъ соборѣ этою ссылкою на правило Пра̂тимокши какъ бы хотѣлъ показать, что обсуждавшійся вопросъ былъ вопросомъ принципіальной важности; мелкіе запасы соли осуждались, новшество отвергалось, потому что въ немъ совершенно справедливо усмотрѣли ясное отступленіе отъ обѣтовъ нищенства; всякія заботы о завтрашнемъ днѣ, всякое скопидомство, въ какихъ бы ничтожныхъ размѣрахъ оно ни прояв-

лялось, необходимо должно было противорѣчить духу нестяжательности, отличавшему по преимуществу первоначальную буддійскую общину. О соли ничего не говорится въ томъ правилѣ, на основаніи котораго отвергнуто было новшество еретиковъ; имъ осуждается вообще всякое дѣланіе запасовъ; грѣхомъ почиталось ѣсть вчерашную пищу или вообще сохраненную про запасъ; если же грѣшно было сберегать пищу на завтрашній день, то совершенно ясно, нельзя было беречь соль на всякій случай, чтобы не пришлось гдѣ-либо потрапезовать безъ соли; отдѣльнаго упоминанія о запасахъ соли и не требовалось; ихъ нельзя было дѣлать точно также, какъ и всякіе другіе. Нищей братіи это должно было быть совершенно ясно. Прямо запрещается въ винаѣ одинъ только пунктъ изъ новшествъ, именно дозволявшій нищей братіи принимать золото и серебро; большинства другихъ отступленій отъ строгаго аскетизма текстъ винаи, нынѣ предлежащій намъ, нигдѣ спеціально не касается; отсюда выводилось, что въ то время, когда этотъ текстъ получилъ настоящую форму, ничего еще не было извѣстно о десяти отступленіяхъ вайшалійскихъ еретиковъ. Обсужденіе десяти новшествъ, говорятъ далѣе,—въ видѣ описанія вайшалійскаго собора, находится въ концѣ винаи, какъ бы въ приложеніи. Этотъ фактъ доказываетъ также, что Виная древнѣе вайшалійскаго собора: она уже существовала въ то время, когда въ Вайшали спорили и осуждали десять грѣшныхъ нововведеній; авторъ, описавшій событіе, не могъ интерполлировать текстъ, и ему оставалось одно, приложить свои описанія къ концу существовавшаго текста. Правда, въ томъ же текстѣ Винаи сохранилось пророчество о томъ, что Паталипутра сдѣлается столицею Магадскаго царства. Пророчество, очевидно, явилось послѣ факта, а самый фактъ перенесенія столицы имѣлъ мѣсто при томъ царѣ, при которомъ въ Вайшали засѣдалъ соборъ строгихъ аскетовъ. Отсюда дѣлается дальнѣйшій выводъ для хронологическаго опредѣленія: текстъ Винаи получилъ окончательную редакцію въ промежутокъ времени между двумя важными событіями—перенесеніемъ магадской столицы въ Паталипутру и вторымъ соборомъ [1]).

Все разсужденіе и всѣ три доказательства отличаются большою смѣлостью и малою убѣдительностью. Въ Винаѣ, дѣйствительно, нѣтъ спеціальныхъ запрещеній всѣхъ еретическихъ новшествъ, но за то есть множество дозволеній и предписаній, совершенно оправдываю-

---

[1]) *Oldenberg*, Mahâvagga, стр. XXXVI и сл.

щихъ грѣховныя поползновенія вайшалійской нищей братіи. Съ современнымъ текстомъ Винаи въ рукахъ ни одинъ строгій судъ не взялся бы отвергнуть новшества, какъ грѣховныя дѣянія. Можно ли, напримѣръ, на основаніи современной Винаи осудить нищенствующаго монаха за то, что онъ сбережетъ на завтра соль въ рогѣ? Въ текстѣ, на основаніи котораго приговоръ долженъ быть произнесенъ, общинѣ разрѣшается дѣлать запасы и пищи, и ризъ; по той же Винаѣ, въ общинѣ установлены разные чины, завѣдывающіе принятіемъ въ даръ, храненіемъ, дѣлежемъ, какъ пищи, такъ и ризъ. По современному тексту, община имѣетъ имущественныя права на движимую и недвижимую собственность; движимая собственность можетъ быть также у отдѣльнаго монаха; словомъ въ Винаѣ рисуется такое положеніе нищенствующей братіи, которое не имѣетъ ничего общаго съ строгимъ аскетизмомъ и безусловною нестяжательностью святыхъ мужей вайшалійскаго собора, осуждавшихъ еретическія новшества Важжипуттаковъ; ихъ строго-аскетическая точка зрѣнія совершенно чужда современному тексту.

Ни изъ чего не видно также, чтобы книга Винаи, по имени Culla-vagga, гдѣ содержатся разказы о соборахъ, была послѣднею въ этой питакѣ; она начинается, какъ извѣстно, съ изложенія adhikarana samathâ, что̀ по описанію Буддхагхоси, предшествуетъ отдѣлу khandhaka [1]). Наконецъ, если придавать пророчеству о Паталипутрѣ значеніе въ хронологическихъ разысканіяхъ, то конечно, слѣдуетъ его брать во всей полнотѣ, не опуская важныхъ подробностей. Въ пророчествѣ вѣщаго, записанномъ въ Винаѣ, однакоже не только говорится о томъ, что Паталипутра сдѣлается магадскою столицею, но упоминается также, что славному въ древности городу грозятъ въ будущемъ три великія невзгоды отъ огня, воды и внутреннихъ раздоровъ; въ пророчествѣ, такимъ образомъ, есть намекъ на событія, очевидно, слѣдовавшія за перенесеніемъ въ Паталипутру резиденціи Магадскихъ царей, и нѣтъ никакого основанія предполагать, что грозныя несчастія случились въ краткій промежутокъ времени, именно до созванія вайшалійскаго собора.

Такъ какъ, по преданію, редакція священнаго писанія была установлена уже на первомъ соборѣ, то при описаніи втораго посвящается немного словъ его литературно-богословской дѣятельности, и характеръ сходки, по описанію, всего ближе можно опредѣлить какъ

---

[1]) Culla vagga, стр. 290. См. также *Turnour*, Examination etc., стр. 20 (*J. of the as. soc. of Bengal*, July 1837).

50

собранія суда [1]). Судятъ еретиковъ и разбираютъ ихъ лжеученія. Собрались вмѣстѣ еретики и ихъ противники. Всего, по преданію, было семьсотъ человѣкъ: цифра значительная, особенно если принять въ разчетъ, что всѣ собравшіеся были мужи высочайшей святости. Начались обсужденія грѣшныхъ новшествъ, и поднялся великій шумъ; кричали обѣ стороны, и ни въ одномъ словѣ нельзя было добраться до смысла. Тогда обратились къ болѣе дѣйствительному средству рѣшить споръ, и пустили дѣло на голоса.

Еретики были монахи съ востока и назывались восточными; ихъ противники именуются Патхеjjака (отъ пâтха путь, можетъ быть— то же, что̀ дакшинапâтха, то-есть, Деканъ). Съ той и другой стороны было выбрано по четыре человѣка, очевидно наиболѣе выдающихся своею святостью и ученостью. Обѣ стороны имѣли такимъ образомъ своихъ представителей. Каждый пунктъ нововведеній обсуждался отдѣльно и рѣшался подачей голосовъ, въ которой принимали участіе, по однимъ разказамъ, всѣ собравшіяся, по другимъ — только восемь судей.

Разсмотрѣніе сказанія о второмъ соборѣ приводитъ къ выводу, что и второй соборъ, также какъ и первый, былъ не болѣе какъ сходкой для рѣшенія общинныхъ дѣлъ; обстоятельства дѣлъ, излагаемыя въ разказѣ о немъ, не проливаютъ никакого свѣта на время Винаи, ни на ея первоначальное содержаніе, такъ какъ новшества, осужденныя на второмъ соборѣ, вполнѣ допустимы по Винаѣ въ настоящемъ ея видѣ.

Если же на основаніи данныхъ, находимыхъ въ сказаніи о второмъ соборѣ и прямо относящихся къ Винаѣ, время этой части трехъ питакъ не можетъ быть опредѣлено удовлетворительно, то еще менѣе тѣ же данныя пригодны для хронологическихъ розысканій о другихъ частяхъ палійскаго канона; изъ этого не слѣдуетъ однакоже, чтобы хронологическій вопросъ въ изслѣдованіяхъ о буддійскихъ памятникахъ былъ бы безусловно не разрѣшимымъ; слѣдуетъ только строго различить вопросъ о времени одного какого-либо памятника отъ болѣе общаго—о времени всего канона, въ его настоящемъ составѣ.

И. Минаевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) По толкованію европейскихъ изслѣдователей, отчетъ о литературно-богословской дѣятельности второго собора былъ вставленъ въ сказаніе о первой сходкѣ. Едва ли онъ когда существовалъ въ этомъ разказѣ.

51

1882. т. 223. Отд.

Новыя изслѣдованія о буддизмѣ [1]).

III.

The Sacred Books of the East, translated by various oriental scholars and edited by F. *Max-Multer*. Vol. I, X, XI. (Священныя книги востока, переведенныя разными оріенталистами и изданныя *Максъ-Мюллеромъ*. Томы I, X и XI). Oxford. 1879—1881.

Вопросъ о времени палійскаго канона, рѣшается на основаніи хранимыхъ въ Цейлонской буддійской общинѣ преданій о такъ-называемыхъ соборахъ, и результаты изслѣдованій Олденберга почитались до послѣдняго времени нѣкоторыми за несомнѣнно вѣрныя, другими— за весьма вѣроятныя.

Порѣшивъ такимъ образомъ хронологическій вопросъ, Олденбергъ обращается къ другому, не менѣе трудному и важному; онъ спрашиваетъ: „Какая же это школа, тексты которой предлежатъ намъ на палійскомъ языкѣ"? (Which is the school, the texts of which we have before us in the Pâli language?) [2]). Этотъ второй вопросъ съ точки зрѣнія почтеннаго изслѣдователя, казалось бы, совершенно излишенъ, ибо если палійскій канонъ существовалъ уже до Вайшалійскаго собора, то-есть, въ тѣ времена, когда еще сектъ или школъ не было, то очевидно, онъ не можетъ причисляться къ произведеніямъ одной какой-либо секты изъ появившихся послѣ раскола или событія болѣе поздняго. Канонъ этотъ, говоритъ кромѣ того тотъ же ученый,—есть редакція „наиболѣе первичная, если не вполнѣ первичная" (the most original, if not the original version) [3]); ея форма, но не языкъ, была установлена (фиксирована) за полтораста лѣтъ до времени царя Асоки. (The first four portions of our version of the Vinaya received the fixed form in which we now possess them about a century and a half before the time of Asoka, except as regards the dialect [4]). Изъ таковой характеристики палійскаго канона слѣдуетъ, что вопросъ должен быть формулированъ нѣсколько иначе; можно было бы спрашивать: какая изъ многихъ буддійскихъ сектъ сохранила первичную редакцію въ палійскомъ переводѣ, такъ какъ, по словамъ Олденберга,

---

[1]) *Продолженіе*. См. іюльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

[2]) Mahâvagga, стр, XLI.

[3]) Тамъ-же, стр. XLVIII.

[4]) Тамъ-же, стр. LV.

до Вайшалійскаго собора фиксирована была форма канона, но не языкъ, иными словами палійскій канонъ есть литературное произведеніе, получившее законченную форму за 400 лѣтъ до Р. Х. на неизвѣстномъ намъ нарѣчіи или нарѣчіяхъ. Какъ нужно понимать эту законченность формъ на неизвѣстномъ языкѣ, и въ чемъ она состояла — ближе не разъясняется авторомъ.

При рѣшеніи втораго вопроса авторъ обращается, прежде всего, къ цейлонскому преданію; его древность и подлинность доказывается слѣдующими соображеніями [1]): Въ Индіи буддійскіе тексты изъ столѣтія въ столѣтіе переживали новыя судьбы, воспоминанія древней общины исчезали тамъ за поэзіей и фантазіями позднѣйшихъ поколѣній. На Цейлонѣ дѣло происходило иначе; буддійская община осталась по сіе время вѣрною „слову старцевъ" (theravâda). Нарѣчіе, на которомъ передавалось это слово, способствовало устраненію всякой фалсификаціи. Оно не было мѣстнымъ и почиталось священнымъ. Легенды и умствованія позднѣйшихъ періодовъ проникали въ цейлонскую литературу, но только въ памятники на туземномъ народномъ нарѣчіи; священный палійскій текстъ оставался нетронутымъ этими интерполяціями. По мнѣнію автора, такимъ образомъ, буддійская община на Цейлонѣ по своимъ преданіямъ и принятому въ ней канону принадлежитъ къ сектѣ „старцевъ" или Стхавировъ. Дѣйствительно, цейлонское преданіе утверждаетъ именно это о своей буддійской общинѣ; она называется правовѣрною, представительницею секты старцевъ, отъ которой отдѣлялись, какъ отъ первичнаго ствола, разныя схизмы. Трудно было бы возразить что-либо противъ этого заявленія буддійской общины, еслибъ ея преданіе не впадало въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ палійскихъ текстахъ, что̀ извѣстно и г. Олденбергу, — есть кромѣ того другія указанія, одинаково достовѣрныя, но прямо противоположныя сейчасъ приведенному заявленію: по одному Цейлонская община объявляется принадлежащею къ сектѣ Вибхажжавадиновъ, по другому—таже община имѣетъ въ своемъ канонѣ произведенія секты Махисасаковъ [2]).

Но, по мнѣнію г. Олденберга, первое, дѣйствительно наиболѣе распространенное, и извѣстное—заявленіе цейлонской общины подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ соображеній и фактовъ. Разсмотрѣніе сказанія о первомъ появленіи буддизма на Цейлонѣ приводитъ

---

[1]) Buddha etc., стр. 76 и сл.

[2]) Mahâvagga, стр. XLII, XLIII. Jâtaka vol. I, стр. 1.

г. Ольденберга къ совершенно справедливому заключенію: цейлонскія сказанія о миссіонерской дѣятельности Махинды, можетъ быть, и содержатъ въ себѣ нѣкое зерно исторической истины, но оно было окружено такимъ покровомъ вымысла, что довѣрять преданію о Махиндѣ невозможно, (...the stories of the Sinhalese concerning Mahinda may contain some germ of historical truth. This germ, however, has become surrounded by a coating of inventions which render it impossible to place any faith in the traditions of Mahinda [1]), вопросъ, о томъ, откуда буддизмъ былъ занесенъ на Цейлонъ, остается, такимъ образомъ, открытымъ. Очевидно, говоритъ г. Олденбергъ,—во всѣ времена между Цейлономъ и Деканомъ были болѣе частыя и близкія сношенія, нежели между этимъ островомъ и Индустаномъ. Страна Калинга или одно изъ прилежащихъ царствъ южной Индіи, продолжаетъ онъ далѣе,—имѣютъ наиболѣе притязанія почитаться посредствующею ареною для перенесенія буддійской литературы на Цейлонъ [2]). Редакція „Трехъ сосудовъ", сохранившаяся на Цейлонѣ, говорится далѣе [3]),—и ея нарѣчіе Пали были принесены на островъ изъ южной Индіи, вѣроятно, изъ царствъ Андхра или Калинга (...the version of the Tipitaka preserved in Ceylon and its dialect the Pâli were brought to the island from the peninsula of South India, probably from the Kingdoms of the Andhra or Kaliṅga). Подтвержденіе этой гипотезы г. Олденбергъ находитъ въ извѣстіяхъ Сюанъ-Цзана (странствовавшаго по Индіи въ VII вѣкѣ) о распространеніи секты Стхавировъ. Китайскій путешественникъ [4]), дѣйствительно, упоминаетъ о сектѣ старцевъ въ Калингѣ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя были, по мнѣнію г. Олденберга, въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Цейлономъ, но при этомъ онъ прибавляетъ и ближайшую характеристику секты: то была махаяническая секта. Эта послѣдняя и весьма важная подробность, конечно, совсѣмъ не согласуется съ представленіями о правовѣрной общинѣ старцевъ, хранительницы первичной редакціи канона. О сектахъ, бывшихъ въ странѣ Андхра, сами цейлонскіе буддисты сохранили извѣстія, ни сколько не подтверждающія гипотезы г. Олденберга Подъ общимъ названіямъ сектъ andha kâ (то-есть, изъ страны Андхра) имъ извѣстны четыре: Pubbaseliyâ, Aparaseliyâ, Râjagiriyâ, Siddhat-

---

[1]) Mahâvagga, стр. LII.

[2]) Тамъ же, стр. LIII.

[3]) Тамъ же, стр. LIV.

[4]) Тамъ же, стр. LIII. Hiouen Thsang, vol. III, 92, 154, 165.

thikâ. Всѣ четыре секты, по цейлонскому преданію, возникли поздно и были еретическими. Изъ приведенныхъ фактовъ очевидно, что не только желательны, но и крайне необходимы новыя и болѣе вѣскія данныя и соображенія, какъ въ подтвержденіе гипотезы г. Олденберга, такъ и для полнаго оправданія притязаній цейлонской буддійской общины, въ силу которыхъ она, какъ представительница древней секты „Старцевъ", изображается хранительницею древнѣйшаго и наиболѣе правдиваго преданія. Цейлонское преданіе, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, подрываетъ вѣру въ свою историческую правдивость; гипотеза г. Олденберга опровергается тѣми самыми источниками, на основаніи извѣстій которыхъ она строится, и пока мы можемъ считать не доказаннымъ ни то, ни другое. Принадлежитъ ли палійскій канонъ одной сектѣ Стхавировъ, или же въ немъ можно найдти слѣды ученій и другихъ сектъ? Пока этотъ вопросъ не разъясненъ и изслѣдованіями палійскихъ памятниковъ, точно также, какъ не выяснено и не доказано существованіе до 400 Р. Х. какого-то фиктивнаго канона на никому неизвѣстномъ нарѣчіи.

Таковая оцѣнка гипотетической исторіи буддійскаго канона, по нашему крайнему разумѣнію,—необходима, хотя и приводитъ къ однимъ только отрицательнымъ выводамъ; но въ то же время, однакоже, она помогаетъ выяснить несостоятельность многихъ, нынѣ принятыхъ въ научной литературѣ положеній о развитіи буддійскихъ догматовъ, напримѣръ, въ ученіи о Буддѣ, то-есть, о вѣщемъ спасителѣ, или нирванѣ, иначе о высшемъ благѣ буддистовъ. По послѣднему вопросу, въ подтвержденіе нашей мысли считаемъ необходимымъ высказать теперь же нѣсколько замѣчаній. О нирванѣ, какъ извѣстно, написано очень много; мы ограничимся разсмотрѣніемъ только того, что̀ говорилось о высшемъ благѣ буддистовъ въ послѣднее время.

IV.

Въ сознаніи христіанина высшее благо олицетворяется небомъ, также точно какъ высшее зло адомъ; „праведницы просвѣтятся яко солнце въ царствѣ отца ихъ", говорится въ Евангеліи,—а творящихъ беззаконія и „ангелы ввергутъ ихъ въ печь огненную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ".

Буддистъ понималъ высшее благо иначе; онъ не нашелъ его ни

---

[1]) Комментарій на Kathâvatthu-pakarana (рукопись).

56

на землѣ, ни въ небесахъ. И небо, и землю, и адъ, все это онъ обозначалъ однимъ терминомъ Самсара, то-есть, коло рожденія или круговоротъ жизни, безначальный и безконечный, исполненный скорби и явленій непостоянныхъ и призрачныхъ, и всему этому противопоставлялась—нирвана.

Самсара, круговоротъ жизни, едва ли понималась буддистами не одинаково. Ея предѣлы, а также сущность, толковались болѣе или менѣе всегда одинаково; скорбь бытія, невѣчность всѣхъ явленій міровой жизни теоретически принимались всѣми буддистами за основные признаки круговорота жизни. Въ пониманіи высшаго блага, то-есть, нирваны, не было такого соглашенія. Въ сочиненіяхъ самихъ буддистовъ есть прямыя указанія на то, что подъ словомъ „нирвана" въ разныя времена и въ разныхъ школахъ понималось не одно и то же. Объ этомъ говорятъ и палійскіе и, санскритскіе комментаторы, и ихъ извѣстія могутъ быть подтверждены многими мѣстами изъ различныхъ частей палійскаго канона. Неприводя цитатъ, ограничимся наименованіямъ нѣкоторыхъ изъ источниковъ, гдѣ есть таковыя извѣстія о различныхъ значеніяхъ нирваны, напримѣръ, въ kathâ-vatthu-ракагапа, и въ комментаріи на это сочиненіе, въ Абхидхармакоса-вjâкхjà, въ Hâмасамгûтитîкѣ, въ Ланкâватâрѣ и м. др. сочиненіяхъ. Хотя эти сочиненія до сихъ поръ не изданы, но извѣстны въ европейскихъ библіотекахъ въ нѣсколькихъ спискахъ, и едва ли можно предполагать, что спеціалистамъ остался неизвѣстнымъ самый фактъ, то-есть, неодинаковое значеніе слова „нирвана" у разныхъ сектъ и въ разныя времена. Тѣмъ не менѣе онъ весьма часто игнорировался, и въ Европѣ даже созидались новыя теоріи въ объясненіе слова „нирвана", на ряду, впрочемъ, съ весьма серьезными попытками объяснять историческое развитіе значенія этого слова. Такъ А. Веберъ и позднѣе М. Мюллеръ, въ своихъ переводахъ палійскаго памятника Дхаммапада, при толкованіи нѣкоторыхъ стиховъ старались установить правильное воззрѣніе на первональное значеніе нирваны [1]). Нирвана въ позднѣйшій періодъ развитія буддизма означало безусловное ничто, полнѣйшее уничтоженіе; но имѣло ли это слово всегда именно таковое значеніе, — по мнѣнію М. Мюллера, вопросъ этотъ долженъ рѣшаться отрицательно. Разсмотрѣніе нѣсколькихъ стиховъ Дхаммапады привело его къ такому выводу: Нирвана обозна-

---

[1]) *A. Weber*, Indische Streifen, vol. 1 стр. 122; *M. Müller*, Buddhaghosha's Parables, XL и сл.; его же, Essays, 1. 277 и сл.

чала уничтоженіе многого, себялюбія, вожделѣній, грѣха, но этимъ словомъ первоначально не обозначалось уничтоженіе субъективнаго сознанія; подъ нимъ разумѣли вступленіе души въ покой, преодолѣніе всѣхъ желаній и вожделѣній, равнодушіе къ радости и скорби, къ добру и злу, самопогруженіе души въ себя, ея освобожденіе изъ круговорота перерожденій. Ранѣе розысканій М. Мюллера тѣ же стихи Дхаммапады послужили Веберу матеріаломъ для вывода, совершенно отличнаго отъ сейчасъ изложеннаго; въ тѣхъ же стихахъ палійскаго памятника Веберъ усмотрѣлъ другое значеніе нирваны. Нирвана, по его мнѣнію, не обозначаетъ ничто, а значитъ безсмертіе или вѣчность, въ которую вступаетъ душа. Оба писателя вопросъ означеніи нирваны хотѣли рѣшить съ исторической точки зрѣнія. М. Мюллеръ прямо высказалъ, что его цѣль—отыскать то значеніе слова, какое было въ сознаніи самого великаго учителя; онъ располагалъ, однако же, весьма недостаточнымъ матеріаломъ; и при не вполнѣ достаточной ясности, одни и тѣ же изрѣченія легко толковались различно, и такимъ образомъ давали возможность появляться не одинаковымъ выводамъ. Мнѣніе М. Мюллера о нирванѣ весьма многимъ показалось смѣлымъ и болѣе гадательнымъ, нежели истиннымъ; оно возбудило противъ себя важныя возраженія. Для обсужденія вопроса былъ привлеченъ новый матеріалъ, впрочемъ все-таки далеко недостаточный; при этомъ точка зрѣнія А. Вебера и М. Мюллера совершенно упускалась изъ виду; оба они стояли на исторической почвѣ, доискивались первоначальнаго значенія, и само собою разумѣется, черезъ это самое должны были допускать старое и новое въ буддійскомъ канонѣ, то-есть, въ трехъ питакахъ. Такого воззрѣнія на священное писаніе нельзя было искать и въ книгѣ Д'Алвиса [1]), буддиста, хотя, быть можетъ, и не вполнѣ вѣрующаго; для буддиста священный канонъ есть слово вѣщаго; во всѣхъ книгахъ трехъ питакъ только одна проповѣдь, изрѣченная великимъ учителемъ; толкуя слово „нирвана", критикъ-буддистъ понималъ свою задачу иначе, нежели европейскій ученый; онъ не писалъ изслѣдованія объ историческомъ развитія значенія слова; для его цѣли надлежало только отыскать или придумать такое значеніе слова, съ помощью котораго могли бы быть примирены, сглажены всѣ очевидныя противорѣчія священнаго текста. Задача, сравнительно не особенно трудная; объ ея разрѣшеніи, задолго до пробужденія европейской пытливости по вопросу о нирванѣ, позаботились сами ста-

---

[1]) *I. D'alwis,* Buddhist Nirvána.

58

рые буддисты. Искомое значеніе извѣстно любому изъ цейлонскихъ монаховъ, конечно изъ наиболѣе начитанныхъ въ своей духовной литературѣ; оно съ ясностью и обстоятельно излагается во многихъ позднихъ буддійскихъ компендіяхъ (напримѣръ, въ Petakopadesa); вся трудность состояла въ отысканіи или такого толкованія слова, или же свѣдущаго человѣка, который могъ бы указать, гдѣ найти искомое значеніе слова.

Такое пониманіе задачи встрѣчается не только въ книгѣ буддиста, но и въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ европейскихъ ученыхъ, глубокое знакомство которыхъ съ языкомъ пали и его литературою внѣ всякого сомнѣнія. Вскорѣ послѣ того, какъ М. Мюллеръ высказалъ свое мнѣніе о буддійской нирванѣ, по тому же вопросу писалъ извѣстный знатокъ языка пали, нынѣ умершій профессоръ Чилдерсъ. Воззрѣнія Чилдерса на буддійскій канонъ и на языкъ пали совершенно сходились съ самыми ортодоксальными буддійскими; онъ былъ консервативнѣе даже Д'Алвиса, буддиста по вѣроисповѣданію. Послѣдній признавалъ, напримѣръ, что kathâvat thu pakarana, одна изъ книгъ Абхидхармапитаки, была позднѣйшимъ прибавленіемъ къ канону. Трудно было бы выразиться иначе о книгѣ, исторія которой такова [1]): великій учитель проповѣдывалъ ея тезисы на небѣ, и тогда же пророчилъ, что на землѣ книга будетъ изложена послѣ его смерти, во время третьяго собора, когда возникнутъ въ общинѣ еретическія ученія. Содержаніе книги—опроверженіе еретическихъ ученій, раннихъ и позднихъ, то-есть, даже такихъ, которыя возникли послѣ третьяго собора. Чилдерсъ же по поводу этой книги говоритъ [2]): „It is a source of great regret to me that in my article Kathâvatthupakaranam Iinadvertently followed him (то-есть J. D'Alwis) in the stupendous blunder of his assertion that the Kathâvatthu was „added by Moggaliputtatissa (at the third Convocation). The Kathâvatthu is one of the Abhidhamma books mentioned by Buddhaghosa as having been rehearsed at the first Convocation immediately after Gautama's death. Едва ли самое строгое буддійское правовѣріе можетъ быть консервативнѣе. Языкъ пали, по мнѣнію Чилдерса, былъ первичнымъ языкомъ буддійскихъ священныхъ писаній; съ него переводились эти писанія на санскритскій и другія нарѣчія; и переводчики, по соображеніямъ нашего автора, не понимали того, что̀ имъ приходилось пе-

---

[1]) Она излагается въ началѣ комментарія.

[2]) Dictionary etc., стр. 507.

редавать по санскритски. Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе этого, по нашему крайнему разумѣнію, курьезнаго представленія о познаніяхъ и догадливости древнихъ Индійцевъ, приведемъ для характеристики мнѣнія Чилдерса одинъ только примѣръ. Въ своемъ словарѣ, подъ словомъ opapâtika (adj.) accidental, phenomenal, apparitional, онъ говоритъ: The word aupapâtika not being found in Sanskrit, it seems to have greatly puzzled the northern Buddhists, when in later times they came to translate the Pâli texts into Sanskrit, and having a confused idea of its meaning, they referred it to the root pad, and coined a word aupapâduka or aupapâdaka, as its equivalent (B. Lot. 394). Unfortunately for their etymology the compound verb upapad in Pâli means to be born in the usual way. Къ несчастью, однакоже, для самаго Чилдерса слово, существованіе котораго онъ отрицаетъ въ санскритѣ, встрѣчается въ санскритской буддійской литературѣ, и такъ-называемые сѣверные буддисты очень хорошо понимали его значеніе и этимологію [1]). Сомнительною для насъ остается этимологія самаго автора.

Ученіе Чилдерса о томъ, что̀ такое буддійская нирвана, изложено имъ въ его словарѣ (стр. 205 и сл.). „Въ іюнѣ 1870 года", говоритъ онъ тамъ,—„я изложилъ теорію, разрѣшающую всѣ трудности вопроса". Въ чемъ же состояла эта теорія, и дѣйствительно ли она принадлежитъ творчеству Чилдерса, какъ это онъ самъ и вмѣстѣ съ нимъ и другіе разумѣли?

Теорія эта въ краткомъ изложеніи слѣдующая: Нирвâна имѣетъ два значенія; этимъ словомъ обозначается состояніе блаженной святости, удѣла архата, или же уничтоженіе бытія—конечная цѣль святаго, архата. Множество изрѣченій о нирванѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ словомъ „нирвâна" разумѣлось безусловное уничтоженіе бытія, уничтоженіе индивидуальности. Нирванѣ придавали слѣдующія эпитеты: ее обозначали пустотою, безусловнымъ, отвлеченнымъ, не созданнымъ, безконечнымъ, вѣчнымъ, безформеннымъ, не вѣчнымъ и т. д. Прекращеніе, уничтоженіе были также синонимами слова нирваны. „Выраженіе нирвана", говоритъ Чилдерсъ,—„первоначально ограничивалось обозначеніемъ уничтоженія бытія. Затѣмъ тотъ же терминъ послужилъ для другого обозначенія—удѣла святости или архатства. Были сочинены или придуманы два различные термина для описанія двухъ неодинаковыхъ нирванъ: однимъ

---

[1]) Абхидхармакоça вjâkxjâ, л. 193; Махâвjутпатти, 238, 1270.

терминомъ—савупâдисесаниббâна—обозначался краткій періодъ блаженнаго состоянія архата, непосредственно предшествующій вѣчной смерти, полному уничтоженію; послѣднее, въ свою очередь, называлось терминомъ анупâдисесаниббâна [1]).

Установивъ такую точку зрѣнія на терминъ нирвâна, Чилдерсъ переходитъ затѣмъ къ толкованію различныхъ изрѣченій Дхаммапады, приводя при этомъ, кромѣ того, нѣсколько не изданныхъ палійскихъ источниковъ; эти изрѣченія онъ какъ бы классифицируетъ на рубрики: въ однихъ, по его мнѣнію, говорится объ одной нирванѣ, то-есть, о блаженной святости архата, въ другихъ—о другой, то-есть, о полномъ уничтоженіи; въ третьихъ разумѣются обѣ нирваны.

Эти разъясненія слова нирваны въ научной литературѣ стали называться почему-то теоріей Чилдерса, хотя самъ Чилдерсъ признавалъ, что таковое ученіе высказывалось и до него. Гарди и Д'Алвисъ говорили въ сущности то же самое; гораздо ранѣе обоихъ этихъ писателей то же опредѣленіе нирваны съ остаткомъ и нирваны безъ остатка встрѣчается въ книгѣ профессора Васильева [2]).

Нѣкоторые изъ буддійскихъ монаховъ на Цейлонѣ принимаютъ теперь даже три нирваны для Будды: первой онъ достигъ вмѣстѣ съ всевѣдѣніемъ; вторая наступила для него вмѣстѣ съ тѣлесною смертью, и наконецъ, третья имѣетъ быть въ будущемъ, приблизительно черезъ 2500 лѣтъ. Тогда свершится полное уничтоженіе его мощей. Къ побѣдному святому древу, что̀ у Гаи въ Бихарѣ, соберутся всѣ мощи вѣщаго, примутъ живой обликъ проповѣдника и послѣ краткой проповѣди перестанутъ существовать [3]). Такая тройственная нирвана не есть измышленіе современныхъ буддійскихъ монаховъ, но встрѣчается уже въ палійскихъ памятникахъ, правда, не каноническихъ и позднѣйшихъ [4]), также точно, какъ и обозначеніе словомъ „нирвана" блаженнаго состоянія по достиженія всевѣдѣнія [5]). Такимъ образомъ толкованія Чилдерса несомнѣнно вполнѣ согласны съ однимъ изъ существующихъ нынѣ среди цейлонской буддійской общины воззрѣній на значеніе слова „нирвана". Но было ли такое тол-

---

[1]) Здѣсь авторъ приписываетъ исключительно *âрхату* — такое состояніе святости, которое было удѣломъ и другихъ буддійскихъ святыхъ нисшихъ степеней.

[2]) Буддизмъ, I, 94.

[3]) A Full account of the Buddhist Controversy held at Pantura, стр. 69.

[4]) Sampindítamahânidâna. (Жизнеописаніе Будды, рукопись).

[5]) Тамъ же.

кованіе нирваны ископнымъ? Нирвана, говоритъ Чилдерсъ,—есть обозначеніе блаженнаго состоянія архата. Но что̀ значитъ архатъ? Слово это встрѣчается въ санскритской до-буддійской литературѣ. Буддисты, принявъ его въ свою догматику, придали ему опредѣленное, точное значеніе; но это значеніе установилось не сразу, было не одно и то же въ разныя времена, у разныхъ сектъ, и по всей вѣроятности, никогда слово „архатъ" не имѣло тожественнаго значенія у всѣхъ сектъ буддійской Сангхи. Давая такое опредѣленіе нирваны, изслѣдователь выясняетъ значеніе x черезъ посредство не уясненнаго y. Самый процессъ историческаго развитія догмата упускается совершенно изъ виду.

Послѣ Чилдерса появилось еще нѣсколько новыхъ толкованій и соображеній о значеніи нирваны; новыя соображенія не всегда однакоже подкрѣплялись привлеченіемъ какихъ-либо новыхъ фактовъ. Что̀ такое нирвана?—вопросъ этотъ задаетъ себѣ также Р. Девидсъ въ своемъ сочиненіи о буддизмѣ [1]), и не безъ нѣкоторой смѣлости отвѣчаетъ: нирвана это то же, что̀ святость въ буддійскомъ смыслѣ слова, то-есть, совершенный миръ, доброта и мудрость. Нирвана, поясняетъ авторъ далѣе,—это уничтоженіе грѣховнаго состоянія ума и сердца, того состоянія, которое иначе вслѣдствіе великой мистеріи к а м м а (то-есть, дѣлъ вообще) было бы причиною возобновленнаго индивидуальнаго бытія. Затѣмъ, однакоже, у того же Р. Девидса черезъ нѣсколько строкъ выяснилось, что нирвана и святость—не одно и то же, а въ концѣ концевъ авторъ заявляетъ, что въ своихъ розысканіяхъ онъ слѣдовалъ методу М. Мюллера и Чилдерса, хотя и расходится нѣсколько, какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ, но именно это обстоятельство должно подтверждать справедливость его толкованія нирваны, такъ какъ это толкованіе не только основано на предшествующихъ работахъ двухъ названныхъ ученыхъ, но какъ бы примиряетъ ихъ. Мнѣніе Р. Дэвидса нашло себѣ послѣдователей; одинъ изъ нихъ предлагалъ даже воспользоваться этимъ толкованіемъ для поправокъ въ цейлонской хронологіи [2]). Тотъ же ученый обнародовалъ нѣсколько новыхъ палійскихъ текстовъ о нирванѣ, и въ предисловіи къ этому изданію авторъ утверждаетъ, что печатаемые имъ тексты должны окончательно порѣшить вопросъ о нирванѣ;

---

[1]) Buddhism, стр. 111 и слѣд.

[2]) *O. Frankfurter*. См. *Ind. Antiquary*, vol. X, 153. См. тамъ же *J. of the R. As. Soc. of Gr. B. and J.*, vol. XII, 548 и сл.

62

къ сожалѣнію, однакоже, весьма трудно согласиться съ мнѣніемъ автора о таковомъ именно значеніи изданныхъ имъ текстовъ. Для окончательнаго рѣшенія вопроса необходимо изданіе многихъ и многихъ текстовъ, и притомъ не однихъ только палійскихъ.

Позднѣе всѣхъ сейчасъ названныхъ ученыхъ высказался по вопросу о нирванѣ г. Олденбергъ. Большая начитанность въ палійской литературѣ, осторожность и критическій тактъ, художественное и ясное изложеніе выдѣляютъ его послѣднюю книгу изъ всего, что̀ писалось въ новѣйшее время о буддизмѣ [1]). Для обсужденія вопроса о нирванѣ авторъ привлекъ новый матеріалъ, и притомъ такой, какого не было въ распоряженіи ни у Чилдерса, ни у Д'Алвиса, а между тѣмъ Д'Алвисъ писалъ свою книгу на Цейлонѣ, у самыхъ, такъ-сказать, источниковъ буддійской мудрости.

Земному міру, управляемому закономъ причинной связи, говоритъ г. Олденбергъ, — противопоставляется, по понятіямъ буддистовъ, вѣчное. Что̀ же это такое вѣчное? Нѣчто, или же оно можетъ обозначать что-либо совершенно отличное? Въ большомъ количествѣ буддійскихъ изрѣченій описывается, что святой уже въ земной юдоли становится обладателемъ нирваны. Этимъ, по мнѣнію г. Олденберга, безусловно точнымъ выраженіемъ догматической мысли описывается состояніе человѣка на землѣ, начиная съ момента, когда онъ достигаетъ безгрѣшности и безскорбности.

Во всемъ этомъ г. Олденбергъ не расходится съ нѣкоторыми изъ вышепоименованныхъ писателей, и тѣ замѣчанія объ архатѣ, которыя были сдѣланы выше по поводу мнѣнія Чилдерса, одинаково приложимы и въ данномъ случаѣ. Но большая начитанность въ палійскихъ памятникахъ привела его къ совершенно оригинальному выводу: въ древней буддійской общинѣ, по его мнѣнію, нирвана понималась двояко: подъ этимъ словомъ разумѣли и ничто, и высшее блаженство; но ни то, ни другое пониманіе нирваны не имѣло преобладающаго значенія въ общинѣ. Все буддійское міросозерцаніе совершенно естественно должно было приводить къ отрицанію „я" и къ пониманію нирваны какъ уничтоженія; но оффиціальнымъ догматомъ (подлинное и совершенно не понятное выраженіе автора) этотъ выводъ не сдѣлался. Зачѣмъ, говоритъ г. Олденбергъ не безъ доли сентиментальности,—слабому противопоставлять рѣзущую остроту истины: побѣдный даръ освободившагося — ничто? Такимъ образомъ

---

[1]) Buddha etc., стр. 269 и сл.

установился оффиціальный догматъ буддійской церкви: по вопросамъ о томъ, есть ли „я", живетъ ли вѣщій по смерти, или нѣтъ, великій учитель ничего не преподалъ.

Еще ранѣе г. Олденберга на таковое значеніе вопроса о загробной жизни вѣщаго указалъ Тренкнеръ [1]); Будда, по словамъ этого ученаго, ничего не училъ о нирванѣ послѣ физической смерти; онъ отклонилъ этотъ вопросъ и черезъ это самое далъ возможность философамъ погружаться въ размышленія о вопросѣ самого живого интереса.

Итакъ, по мнѣнію двухъ послѣднихъ ученыхъ, вопросъ о значеніи нирваны былъ не порѣшенъ въ древнѣйшей буддійской общинѣ; оффиціальная догматика, какъ говоритъ одинъ,—или самъ Будда, какъ утверждаетъ другой,—отклонили рѣшеніе этого вопроса.

Не думаемъ, однакоже, чтобы возможно было считать эти несомнѣнно остроумныя соображенія за окончательное рѣшеніе вопроса о нирванѣ или о „я".

Если считать палійскій канонъ за произведеніе одной секты стхавировъ, получившее окончательную редакцію на трехъ первыхъ соборахъ и затѣмъ не подвергавшееся никакимъ видоизмѣненіямъ и вставкамъ, въ такомъ случаѣ является полная возможность вѣрить, вмѣстѣ съ буддистами, что двѣнадцать формулъ о неоткровенномъ уже существовали въ древнѣйшей общинѣ, и были чуть ли не изрѣченіями самаго великаго учителя. Но такъ какъ такое воззрѣніе на канонъ пока не подтверждено никакими фактами, то и вопросъ о томъ, къ какому времени мы должны относить двѣнадцать (или четырнадцать) формулъ о неоткровенномъ остается открытымъ.

По поводу этихъ двѣнадцати формулъ о неоткровенномъ буддисты разказываютъ такую притчу: Въ городѣ Сравасти жилъ нѣкій царь; задумалъ онъ разъ показать слѣпорожденнымъ слона и узнать отъ нихъ, каковъ имъ покажется слонъ. Призвалъ онъ слугу и сказалъ ему: „Ступай, человѣче, и сколько ни есть въ Сравасти слѣпорожденныхъ, собери ихъ". Тотъ по сказанному и сдѣлалъ, собралъ къ царю всѣхъ городскихъ слѣпорожденныхъ. Приказалъ царь показать имъ слона. Однимъ дали ощупать голову слона, другимъ ногу, третьимъ клыкъ, четвертымъ ухо и т. д. Призвалъ затѣмъ царь слѣпорожденныхъ къ себѣ и говоритъ имъ: „Разказывайте, каковъ слонъ"? И стали одни утверждать, что слонъ похожъ на горшокъ, другіе на

---

[1]) *Trenkner*, Milinda-Panha, 424.

столбъ и т. д. Не обошлось тутъ безъ спора, и даже драки. Потѣшился царь [1]).

Таковы же, по мнѣнію буддистовъ, и тѣ, кто утверждаетъ, что міръ вѣченъ, или не вѣченъ, что онъ конеченъ или безконеченъ, что душа и тѣло тожественны, или что душа и тѣло не тожественны, что вѣщій существуетъ или не существуетъ по смерти и т. д. Для буддиста всѣ эти тезисы были avyâkatâ (скр. a vyâkṛta), то-есть, по переводу г. Олденберга—не разрѣшенными, отклоненными буддійскою церковію, или же самимъ Буддою, по мнѣнію Тренкнера.

Но, по смыслу сейчасъ приведенной притчи и по толкованію нѣкоторыхъ палійскихъ комментаріевъ, a vyâkata можетъ значитъ и не то: буддистъ, говоря на вопросъ: вѣченъ ли міръ, или не вѣченъ, avyâkatam,—этимъ самымъ хочетъ сказать, что міръ не опредѣляемъ такими признаками, или что̀ то же, міръ опредѣляетъ иначе [2]). Такимъ образомъ эпитетъ avyâkata въ приложеніи къ цѣлому ряду вопросовъ указываетъ на то, что на эти вопросы существовали опредѣленные отвѣты въ буддійской общинѣ, отличные отъ отвѣтовъ еретическихъ сектъ.

Въ сущности и это послѣднее мнѣніе, точно также какъ и предшествующія, выше отмѣченныя, не есть исторія ученія о нирванѣ, каковая, можетъ быть прослѣжена даже по матеріаламъ, представляемымъ однимъ палійскимъ канономъ; въ этомъ поясненіи слова нирваны мы имѣемъ нѣкоторое указаніе (не вполнѣ удовлетворительное) на то, какъ нужно толковать различныя мѣста палійскихъ текстовъ. Невѣрная постановка, а потому и неправильное рѣшеніе вопроса, находятся въ сильной зависимости отъ превратнаго представленія о какомъ-то преимущественномъ значеніи и бо̀льшей правдивости цейлонскаго преданія; отсюда является и невѣрное воззрѣніе на исторію канона. Придавая преданію исключительно важное значеніе, въ историко-хронологическомъ вопросѣ о канонѣ вмѣстѣ съ этимъ и обращается должное вниманіе на то, что тѣмъ же преданіемъ говорится о различныхъ сектахъ и ихъ ученіяхъ о душѣ, о святомъ и т. д., то-есть, о такихъ вопросахъ, которые находятся въ тѣснѣйшей связи съ ученіемъ о нирванѣ и имѣли на его развитіе сильное вліяніе.

---

[1]) Udâna, VIII, 5 (рукопись).

[2]) Kathâvatthu pakarana—atthu kathâ XIV, 8. (Рукопись).

И. Минаевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Журналъ Минист. Нар. Просв. 1862 ч. 123. Сент.

НѢСКОЛЬКО НОВЫХЪ СООБРАЖЕНІЙ ПО ПОВОДУ „ПЕРЕСМОТРА“ ВОПРОСА О ПРОИСХОЖДЕНІИ ГУННОВЪ.

Славяне были Гуннами; но Гунны не были Славяне.

„Чѣмъ дальше въ лѣсъ—тѣмъ больше дровъ“. Эта народная поговорка примѣнима не только въ житейской практикѣ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ дѣлѣ науки. Есть въ области исторіи такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ и очень заманчиво и очень желательно, но судьба которыхъ выходитъ довольно странною: чѣмъ больше стараемся мы разрѣшить ихъ, тѣмъ больше они запутываются. Особенно сильно сказалось такое явленіе въ вопросѣ о происхожденіи Руси. Можно ли еще сильнѣе запутать и затемнить, какъ запутали и затемнили его наши изслѣдователи? Къ такому же положенію путаницы грозятъ, по видимому, прійдти и разсужденія наши о народности Гунновъ. Около 130 лѣтъ уже ученые обсуждаютъ этотъ вопросъ и никакъ порѣшить не могутъ. А кто только ни рѣшалъ судьбу и происхожденіе этого загадочнаго народа! Съ легкой руки Дегиня начинается цѣлый рядъ попытокъ выяснить народность Гунновъ, попытокъ, предпринятыхъ лучшими учеными Европы, въ числѣ которыхъ стоятъ: Палласъ, Энгель, Тунманъ, Бергманъ, Клапротъ, Абель-Ремюза, Нейманъ, Шмидтъ, Риттеръ, С.-Мартенъ, Вивьенъ де С.-Мартенъ, Венелинъ, Шафарикъ, Кастренъ, Вельтманъ, о. Іакинѳъ Бичуринъ, Беръ, Ам. Тьери, Уйфальви и другія, менѣе громкія извѣстности. Не удивительно, стало быть, что создалось нѣсколько теорій о происхожденіи Гунновъ. Въ Европѣ такихъ теорій три—монголь-

ская, финская и турецкая. Наши русскіе ученые создали еще четвертую—славянскую.

Творцомъ послѣдней теоріи является Юрій Венелинъ, издавшій въ концѣ 20-хъ годовъ обширное изслѣдованіе „Древніе и нынѣшніе Болгаре въ отношеніи къ Россіянамъ" (М. 1829), въ которомъ старался доказать, что Гунны были никто иные, какъ Славяне. Другіе или только вторили ему, какъ А. Ѳ. Вельтманъ и И. Е. Забѣлинъ, или просто принимали на вѣру, какъ Н. И. Костомаровъ, или наконецъ, старались подыскать новыя доказательства въ пользу славянства Гунновъ, какъ Д. И. Иловайскій. Въ послѣднее время г. Иловайскій съ особенною энергіей выступилъ въ защиту славянской теоріи и снова оживилъ этотъ вопросъ въ нашей литературѣ.

Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, наши историки могли не признать въ Гуннахъ Славянъ? Читайте сказаніе Приска Ритора о посольствѣ его къ Аттилѣ, и васъ поразитъ необыкновенное сходство этихъ двухъ народовъ. Да, по нашему мнѣнію, описать древнихъ Славянъ иначе и нельзя, какъ описалъ Прискъ Гунновъ.

Но тѣмъ путемъ, какой избралъ г. Иловайскій для изслѣдованій, едва ли можно разъяснить дѣло: безъ Азіи мы тутъ никакъ не обойдемся. Волей-неволей, а заглянуть туда необходимо, какъ часто необходимо начинать исторію нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ еще въ Азіи,—иначе не будетъ у насъ почвы подъ ногами, иначе мы будемъ строить зданіе, не возведя предварительно фундамента. До сихъ поръ на правильной дорогѣ стоялъ только знаменитый французскій оріенталистъ Дегинь, который первый возбудилъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, вопросъ о народности Гунновъ, и славу котораго ни г. Иловайскому и никому другому затмить никогда не удастся. Дегинь понялъ, что вопросъ о Гуннахъ можно разрѣшить только въ связи со всеобщимъ движеніемъ народовъ изъ Азіи въ Европу. И много уяснилось ему такого, что̀ для другихъ и послѣ него, но захватывавшихъ лишь часть этого вопроса, оставалось непонятнымъ. Если же Дегинь, по состоянію тогдашнихъ знаній въ Европѣ объ Азіи, задачи своей не рѣшилъ, за нимъ все-таки останется та заслуга, что онъ связалъ неразрывною цѣпью Хунъ-ну китайскихъ писателей съ Гуннами европейскихъ.

Но послѣдователи славянской теоріи отвергаютъ эту связь, которая прежде всего замѣчается въ имени этого народа: Хунну и Гунны. Чтобы подорвать эту связь, теперь стали даже искажать транскрип-

цію Хунъ-ну въ невозможное Хіонгну Hiungnus [1]). Затѣмъ, не хотятъ они принимать въ разчетъ постоянныхъ вторженій разныхъ народовъ изъ глубины Азіи въ Европу. Для нихъ ничего не значатъ движенія Скиѳовъ, Массагетовъ, народовъ Финскихъ, Тюркскихъ, и наконецъ, Монголовъ [2]).

Но можетъ быть, нѣтъ никакихъ извѣстій о движеній Хунъ-ну изъ восточной Азіи на западъ? И такое указаніе, какъ оказывается, существуетъ, хотя только въ китайскихъ лѣтописяхъ, что̀ ничуть не ослабляетъ его важности. Въ „Историческихъ Запискахъ" Сы-маціяня, подъ 49, 48 и 47 годами до Р. Х. по нашему лѣтосчисленію, записано, что незадолго предъ тѣмъ начались у Хунновъ раздоры, междоусобія; появились у нихъ два шаньюя (хана), одинъ другому враждебные, Чжичжи и Хуханье. Первый изъ нихъ, не надѣясь, по своей слабости, вернуться на прежнія мѣста (онъ удалился раньше на сѣверъ), „пошелъ со своимъ войскомъ на западъ, чтобы утвердить западную сторону подъ своею властію... и какъ онъ получилъ извѣстіе, что китайскій дворъ помогаетъ Хуханье шаньюю и войсками и хлѣбомъ, то и остался жить въ Западной сторонѣ. Расчисляя, что онъ собственными силами не въ состояніи утвердить спокойствіе во владѣніяхъ Хунновъ, подался далѣе на западъ къ Усуню" (земля Усуней соотвѣтствовала тогда нынѣшней Джунгаріи). Разбилъ онъ Усуньцевъ, Угѣ, Гянь-гунь, на сѣверѣ покорилъ Динлинъ. „Покоривъ три царства, онъ часто посылалъ войска на Усунь, и всегда одерживалъ верхъ... Гянь-гунь отъ Шаньюевой орды (то-есть, отъ

---

[1]) См. статью г. *Иловайскаго* «Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ», въ *Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.* 1881 г. кн. майская, стр. 31; «Разысканія о началѣ Руси» (М. 1882), стр. 520. Къ стыду нашему у насъ все еще держится иностранная номенклатура восточныхъ названій, номенклатура, которую мы къ тому же не всегда понимаемъ, какъ это доказываетъ настоящій случай. Въ китайскомъ языкѣ нѣтъ звука *нг*; европейскіе же писатели приняли передавать чрезъ *ng* твердый *н* (напр. Thang—Танъ), а однимъ *n*—мягкій *н* (напр. tian—тянь), безъ всякаго уродованія въ произношеніи.

[2]) Венелинъ положительно отвергалъ migratio gentium. Надо замѣтить, что Венелинъ задался прекрасною, но въ высшей степени трудною задачею распутать путаницу, дѣйствительно происходившую въ южной Россіи въ древности. Но самъ впалъ въ страшную крайность: онъ составилъ себѣ убѣжденіе и старался убѣдить въ этомъ другихъ, что никакіе народы изъ Азіи въ Европу никогда не переселялись, что Скиѳы, Сарматы, Массагеты, Алане, Авары, Хазары, Гунны—все это одинъ народъ, Славяне, только выступавшій на сцену не подъ собственнымъ именемъ, а подъ нарицательными именами.

главнаго стойбища Хунновъ) на западъ отстоитъ на 7000 ли (ли=1/2 версты), отъ Чешы (въ Восточномъ Туркестанѣ) на сѣверъ 5000 ли. Здѣсь Чжичжи утвердилъ свое мѣстопребываніе... Случилось, что Кангюйскій владѣтель (Кангюй соотвѣтствовало Киргизскимъ степямъ), часто стѣсняемый Усуньцами, въ совѣтѣ съ своими старѣйшинами полагалъ: что Хунны составляли большое государство, а Усунь зависѣлъ отъ нихъ [1]). Теперь Чжичжи шаньюй внѣ отечества, и находится въ тѣсныхъ обстоятельствахъ; можно пригласить его на восточную границу, совокупными силами завоевать Усунь, и здѣсь поставить его владѣтелемъ; тогда не для чего опасаться Хунновъ... Чжичжи въ походѣ потерялъ много людей, погибшихъ отъ мороза; только 3000 человѣкъ пришли въ Кангюй" [2]). Затѣмъ, вслѣдствіе отдаленности, эти подавшіеся на западъ Хунны вовсе изчезаютъ изъ виду Китайцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаются у нихъ и свѣдѣнія о западныхъ Хуннахъ.

Такимъ образомъ, историческіе памятники сохранили намъ фактъ движенія Хунновъ отъ границъ Китая на западъ за три слишкомъ столѣтія до появленія ихъ въ Европѣ. Дальше, Хунны, по китайскимъ извѣстіямъ, тѣснятъ народъ Да-Юети, то-есть, Великихъ Юетей, которые, какъ доказалъ Сенъ-Мартенъ, въ передачѣ европейскихъ писателей приняли форму—Массагеты, то-есть, Великіе Геты или Готы. И въ Европѣ Хунны появляются послѣ Готовъ.

Что же касается до того явленія, что побитые и обращенные въ бѣгство кочевники сами являются насильниками и поработителями народовъ, стоящихъ на пути ихъ движенія, то оно вполнѣ удовлетворительно объяснено покойнымъ В. В. Григорьевымъ въ превосходной статьѣ его „Объ отношеніяхъ кочевниковъ къ осѣдлымъ" [3]).

Но возможно ли допустить, чтобы народъ съ далекихъ окраинъ Азіи, претерпѣвая на пути своемъ въ Европу всевозможныя измѣненія этнографическія и политическія, сохранилъ въ теченіи столѣтій свое имя въ неприкосновенности? Цѣлымъ рядомъ примѣровъ можно доказать, что имя народа, пока онъ не подвергся еще политической

---

[1]) Зависимость на Востокѣ часто выражается одною только данью и ничѣмъ больше.

[2]) *О. Іакинѳъ*, Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, ч. I, стр. 76—80. Ср. также въ переводахъ *Camille Imbault-Huart*, Recueil de Documents sur l'Asie Centrale. Publications de l'école des langues orientales vivantes. Paris, 1881. P. 136, 139, 140.

[3]) *Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.* 1875 г. кн. мартовская.

смерти, въ большинствѣ случаевъ удерживается или же подвергается незначительному измѣненію, получая какое-нибудь приращеніе. Такъ, Юети (Геты) двигаются на западъ подъ именемъ Да-Юети; но въ Европѣ они опять Геты. Кидане вторгаются въ Восточный Туркестанъ подъ именемъ Кара-Киданей (Кара-Хатайцы у мусульманскихъ писателей). Половцевъ (Комановъ) видимъ еще подъ Китаемъ. Случается, однакожъ, что прежнее названіе совершенно измѣняется: народъ, заявившій о своемъ существованіи въ Азіи подъ именемъ Жужаней, наводитъ страхъ на юго-восточную Европу подъ именемъ Аваровъ. Но такое явленіе происходитъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда въ томъ же самомъ народѣ получаетъ первенствующее значеніе одинъ какой-нибудь родъ, который распространяетъ свое названіе на весь народъ. На этомъ основаніи надо допустить, что и у Жужаней былъ родъ Авары, которые пріобрѣли такое вліяніе, что затмили народное названіе и заставили его исчезнуть.

Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ нѣтъ, кажется, достаточныхъ основаній сомнѣваться въ тождествѣ Хунъ-ну Китайцевъ съ европейскими Гуннами.

Гораздо труднѣе опредѣлить народность Гунновъ. Мы не беремся рѣшать этотъ вопросъ, но думаемъ, что нѣкоторыя наши соображенія по сему предмету не окажутся лишними для будущихъ изслѣдователей, и можетъ быть, сколько-нибудь посодѣйствуютъ къ уясненію дѣла.

Прежде всего необходимо замѣтить, что въ степяхъ южной Россіи продолжались всѣ тѣ же порядки, какіе имѣли мѣсто въ Азіи. Народы, переваливъ за Волгу, не превращались еще въ Европейцевъ, не созидали у себя новаго строя, не измѣняли своихъ понятій и требованій, вѣками установлявшихся; а все продолжалось у нихъ до поры до времени по старому. Странно, казалось бы, высказывать такую простую вещь; но приходится это сдѣлать въ виду того, что это обстоятельство никогда въ разчетъ не принимается. Оттого мы такъ мало еще и уяснили себѣ положеніе древней Россіи до образованія Русскаго государства, что не хотимъ обратиться за разрѣшеніемъ нашихъ вопросовъ и сомнѣній къ Азіи, порядки которой намъ сравнительно хорошо извѣстны.

За разъясненія этихъ порядковъ мы больше всѣхъ обязаны о. Іакинѳу Бичурину. Обратимъ вниманіе на одинъ случай, имѣющій теперь для насъ особенное значеніе. Въ предисловіи къ своему труду, „Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, онъ заявляетъ: „Мон-

гольскій народъ получалъ названіе отъ господствующаго дома. Симъ образомъ одинъ и тотъ же народъ подъ домомъ Хунну назывался Хуннами, подъ домомъ Дулга Дулгасцами, подъ домомъ Монголъ Монголами, и будетъ дотолѣ носитъ сіе названіе, пока вновь усилившійся какой-либо домъ покоритъ его и сообщитъ ему свое, другое народное, названіе. Сіи два обстоятельства не были извѣстны Грекамъ. Ученые западной Европы упустили изъ виду первое, и не обратили вниманіе на послѣднее; и потому напали на ложныя понятія о народныхъ именахъ. Принимая части за цѣлое, или одинъ народъ за другой, они видѣли какой-то непонятный для нихъ приливъ и отливъ народовъ.... При сбивчивыхъ понятіяхъ о древнихъ народахъ въ Средней Азіи, представляя себѣ вещи въ превратномъ видѣ, они (европейскіе ученые) находили въ Китайской исторіи много темноты и странности тамъ, гдѣ все было ясно и естественно; и наконецъ единогласно заключили, что Китайцы, по своему невѣжеству, перепутали древнюю исторію Средней Азіи" (т. I, стр. III-IV).

И очень просто, и очень важно это открытіе. Побѣжденный народъ долженъ принять имя побѣдителя. И это явленіе въ Азіи видимъ на каждомъ шагу: сильный народъ поглощаетъ, такъ-сказать, слабаго сосѣда. Да и вообще въ Азіи, у кочевниковъ по крайней мѣрѣ, усиленіе происходитъ на счетъ сосѣда. Модэ-шаньюй, побивая сосѣдей, накладывалъ на нихъ имя Хунновъ и образовалъ обширную Хуннскую монархію изъ такихъ народовъ, которые Хуннами до этого времени не назывались (а можетъ быть, Модэ-шаньюй имя одного только рода [1]) распространилъ на весь народъ). Но затѣмъ, когда могущество Хунновъ стало расшатываться отъ разныхъ причинъ, выступилъ на сцену новый народъ Сяньбійцы. По этому поводу у Китайцевъ записано: „Сѣверный Шаньюй (Хунновъ) бѣжалъ, 93 г. (по Р. Х.), и Сяньбійцы, пользуясь симъ обстоятельствомъ, заняли земли его. Оставшіеся роды Хунновъ, простиравшіеся до 100,000 кибитокъ, сами приняли народное названіе Сяньби" [2]), то-есть, Хунны съ этого времени стали называться Сяньбійцами, пока и эти, въ свою очередь, не должны были принять имя новаго народа, выступившаго на историческую сцену [3]).

---

[1]) На Востокѣ «родъ» самая простая и самая распространенная политическая группа.

[2]) Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, т. I, стр. 163.

[3]) Бывали случаи и добровольнаго подчиненія слабаго народа сильному съ принятіемъ имени послѣдняго; но это дѣлалось ради матеріальныхъ выгодъ, чтобы, такъ-сказать, войдти въ долю относительно военной добычи.

Приведемъ еще примѣры. По завоеваніи Монголами Туркестана, населеніе его должно было назваться Монголами. И персидскіе писатели называли Джагатайскихъ Турокъ не иначе, какъ Монголами (собственно, Моголами), даже и въ то время, когда всякая зависимость Джагатайцевъ отъ Монголовъ, вмѣстѣ съ могуществомъ послѣднихъ, уже прекратилась; такъ что, когда султанъ Бабуръ, ничего общаго, по происхожденію, съ потомками Чингиса не имѣвшій, основалъ свою имперію въ Кабулистанѣ, персидскіе историки назвали ее Монгольскою; а затѣмъ и европейскіе, не разобравъ дѣла, окрестили ее имперіей Великаго Могола, то-есть, Великаго Монгола. На основаніи того же требованія и великій князь Московскій, во время татарскаго ига, долженъ былъ называться „татарскимъ человѣкомъ"; а равнымъ образомъ и Славяне назвались Русскими (прилагательнымъ именемъ, а не существительнымъ; существительное Россіянинъ, въ родѣ Англичанинъ, сочинено было не такъ давно), то-есть, людьми подчиненными и подданными Руси, кто бы ни была эта Русь— пришлая ли династія, или свой же родъ, получившій преобладаніе надъ прочими. Слѣдственно, имя народа сохраняется, не смотря на этнографическое измѣненіе его состава.

Возразятъ, пожалуй, что одно дѣло Азія, и другое совсѣмъ Европа. Что̀ происходило на глазахъ Китайцевъ, того не было на виду у Византійцевъ. Но въ томъ-то и дѣло, что мы многаго не можемъ объяснить у послѣднихъ потому единственно, что относимся къ нимъ съ теперешнимъ взглядомъ на современныя имъ событія, и притомъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. Такъ, не замѣчали мы до сихъ поръ, что въ настоящемъ случаѣ византійскіе писатели вполнѣ подтверждаютъ китайскихъ. Прокопій прямо говоритъ, что „Массагетовъ нынѣ называемъ Уннами" (то-есть, Гуннами) [1]). А впослѣдствіи, когда началось вторженіе въ Европу Тюркскихъ народовъ, Гуннскіе народы сдѣлались извѣстными у византійскихъ писателей (Ѳеофилактъ Симоката) подъ именемъ Турокъ. Замѣтимъ еще, что съ появленіемъ Гунновъ имя народа Сарматовъ пропало у Византійцевъ.

---

[1]) См. у *Венелина*, «Древніе и нынѣшніе Болгаре», стр. 163. Отмѣтимъ, кстати, какъ ошибался Венелинъ, заявляя, что «ни въ какомъ уголку міра цѣлый народъ не перемѣнялъ своего имени по именамъ царствующихъ лицъ. Народное имя, однажды вошедшее въ употребленіе никакими переворотами измѣнено быть не можетъ» (Тамъ же, стр. 160). Однако, европейскіе Турки называютъ себя *Османли*, то-есть, Османовцами, по имени султана Османа.

Но затѣмъ слѣдуетъ вотъ какое явленіе: Какъ только политическая власть народа-побѣдителя падаетъ, происходитъ возрожденіе (впрочемъ, не всегда) прежнихъ народныхъ группъ, искуственная связь которыхъ поддерживалась лишь силою. Послѣ Монголовъ, напримѣръ, опять появляются Найманы, Кераиты, Кипчаки и другіе народы, которые были поглощены Монголами. Самымъ же поразительнымъ примѣромъ такого явленія можетъ служить возрожденіе въ названіи мѣстности Джетэ, имени народа Ѣда, народа, изъ той мѣстности давно уже ушедшаго. А что касается до народа-побѣдителя, то онъ въ большинствѣ случаевъ теряетъ съ своимъ паденіемъ и свое имя, какъ потеряли его и Гунны. Имя это изчезло безъ всякаго слѣда, какъ изчезли имена Сяньбійцевъ, Киданей, Джурчженей, и проч. и проч.

Остановимся пока на этихъ явленіяхъ, постоянно имѣвшихъ мѣсто въ Азіи, а равнымъ образомъ и въ степяхъ южной Россіи, при наплывѣ туда кочевыхъ ордъ, и попробуемъ теперь примѣнить эти порядки къ Гуннамъ, двинувшимся отъ предѣловъ Китая въ Европу, въ чемъ какъ, замѣтили, никакого сомнѣнія быть не можетъ.

Изъ трехъ теорій монгольской, тюркской и финской только двѣ послѣднія заслуживаютъ вниманіе, и обѣ имѣютъ вѣскіе доводы въ свою пользу [1]). Не признаемъ мы въ Хуннахъ Монголовъ собственно потому, что Монголы выступили на историческую сцену позже Финскихъ и Тюркскихъ народовъ, оттого и въ Европѣ могли появиться позже послѣднихъ, какъ дѣйствительно и случилось. Движенія народовъ происходили въ правильной системѣ. Сперва валили изъ Средней Азіи въ Европу Арійцы, затѣмъ Финны, спустившись съ сѣвера, образовали нѣсколько государствъ въ Европѣ. Почти въ то же время зашевелились и Тюркскіе народы, и много послѣ — Монголы. Все движеніе ихъ основано на томъ, что на дальнемъ Востокѣ усилившійся народецъ начиналъ тѣснить своего передоваго, по направленію къ западу, сосѣда; тотъ толкалъ слѣдующаго, и такъ далѣе. Слѣды такихъ толчковъ отражались черезъ нѣсколько времени и въ Европѣ. Никакихъ перескакиваній не было и быть не могло, какъ это ясно для насъ теперь. Вотъ почему неправъ нашъ молодой славистъ г. К. Гротъ, высказавшій мысль, что Славяне могли прійдти въ Европу какъ

---

[1]) Не будемъ повторять доказательства въ пользу той и другой теорій, такъ какъ они достаточно уже извѣстны.

бы въ хвостѣ Гунновъ и другихъ народовъ [1]). Народы никогда не тащились одинъ за другимъ, въ этомъ-то и вся суть. И если Славяне пришли въ Европу одновременно съ Гуннами (съ чѣмъ мы однако согласиться не можемъ), то не иначе, какъ въ головѣ ихъ, гонимые Гуннами. Это обстоятельство не говоритъ еще въ пользу слабости первыхъ, какъ не говоритъ и за силу послѣднихъ. Обращенные въ бѣгство, кочевники скоро образуютъ грозную силу по отношенію къ передовымъ сосѣдямъ. Кочевники слабы, пока они не замышляютъ никакого военнаго предпріятія; но когда соберутся они въ плотную массу, никакая сила остановить ихъ не въ состояніи. Тутъ происходитъ процессъ чисто-механическій.

Но затѣмъ, кто правъ: тѣ ли, которые видятъ въ Хунну Тюрковъ, или тѣ, которые считаютъ ихъ Финнами,—рѣшить при настоящихъ свѣдѣніяхъ пока еще не можемъ. Лично мы стоимъ за турчизмъ Хунновъ, и какъ-нибудь выскажемъ свои соображенія на этотъ счетъ; теперь же мы преслѣдуемъ совсѣмъ другую цѣль.

Допустимъ, что Хунну были Тюрки. Часть ихъ подалась на западъ и наложила свою руку и свое имя на тѣ народы, которые стояли имъ на пути. На пути же имъ должны были стоять народы Финскаго племени, слѣды пребыванія которыхъ уже замѣтны на Алтаѣ въ то время. Горсть Тюрковъ—кочевники никогда не были многочисленны [2])—растворилась въ финской народности, какъ преоблавдавшей своею численностью, хотя и составила въ немъ тюркскую закваску. Если это такъ, то съ Гуннами впервые проникъ въ Европу тюркскій элементъ. Дѣло еще упрощается въ томъ случаѣ, когда сами Финны (или одинъ родъ Финскаго народа) назывался Хуннами. Во всякомъ случаѣ, кто бы ни были первоначальные Хунны, подъ ихъ именемъ ввалились въ Европу Финскіе народы [3]).

---

[1]) Моравія и Мадьяры въ половинѣ IX до начала X вѣка. С.-Пб. 1881. Стр. 36, 56.

[2]) Этою малочисленностью кочевниковъ (уже доказанною) и объясняется не нужная, на нашъ взглядъ, жестокость ихъ по отношенію къ побѣжденнымъ. Г. Иловайскій возстаетъ противъ малочисленности напиравшихъ кочевниковъ («Розысканія», стр. 503—504), не приводя однако убѣдительныхъ тому доказательствъ.

[3]) Къ сожалѣнію, миграція Финскихъ народовъ очень мало разработана, и дѣло это еще довольно темное, хотя нѣкоторыя точки уже обозначены, какъ напримѣръ, переселеніе Угровъ.

Населеніе южной Россіи, принявъ на себя волну Хунновъ, должно было подчиниться имъ и принять ихъ имя, имя Хунновъ. Въ томъ числѣ, конечно, и Славяне, то-есть, бо̀льшая или меньшая часть ихъ. Что Славяне были покорены Гуннами, это призналъ и Шафарикъ, признавали и другіе, такъ-сказать, инстиктивно, и признавали совершенно справедливо; но этого еще мало. Главная суть въ томъ, что Слявяне, какъ ни назывались бы ихъ роды до этого времени, должны были, хотя бы только временно, назваться Гуннами. Потомъ же, на основаніи приведеннаго выше закона, съ паденіемъ могущества Гунновъ, возродилась и независимость Славянъ, и ихъ прежнія имена.

Вотъ почему мы говоримъ, что Гунны ни въ какомъ случаѣ не были Славяне, но Славяне временно были Гуннами.

Наша теорія основана исключительно на историческихъ явленіяхъ кочевой жизни въ Азіи. Никто въ своемъ дѣлѣ не судья, но намъ кажется, что она объясняетъ просто и ясно разнорѣчивыя извѣстія о Гуннахъ у византійскихъ писателей. Правы были Амміанъ Марцеллинъ и Іорнандъ (правильнѣе: Іорданъ), когда изображали въ непривлекательномъ видѣ наружность дѣйствительныхъ Гунновъ, то-есть, Финновъ; правъ былъ и Прискъ, давая совсѣмъ другое описаніе Гунновъ, такъ какъ онъ ѣхалъ землею Славянъ, то-есть, номинальныхъ Гунновъ. Онъ не имѣлъ въ виду описывать самихъ Гунновъ, а лишь то, что̀ встрѣчалъ на пути. Славяне, по своей численности, могли играть первенствующую роль, а то и вовсе составлять главную силу въ имперіи Аттилы. Затѣмъ понятно, какъ кажется, почему Саксы именовали Славянъ Гуннами; почему Беда Достопочтенный называлъ Гуннами Западныхъ Славянъ, а Семундова Эдда вообще разумѣла подъ Гуннами Славянъ [1]).

Предоставляемъ другимъ разбирать выводы г. Иловайскаго и оцѣнивать въ цѣломъ его теорію [2]); но не можемъ отказаться отъ нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаній.

---

[1]) См. «Пересмотръ вопроса о Гуннахъ», въ *Русской Старинѣ* 1882 г. кн. февральская, стр. 727—728, «Розысканія», стр. 535. Тамъ приведены и другіе случаи.

[2]) Когда мы писали настоящую замѣтку, еще не появлялся въ печати разборъ этихъ выводовъ, сдѣланный *В. Г. Васильевскимъ*. (См. въ іюльской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Пр.* «О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ»). Разборъ этотъ, по нашему мнѣнію, совершенно разрушаетъ теорію г. Иловайскаго.

Скучно твердить одно и то же, а все-таки приходится еще разъ повторить, что терминъ „Туранцы“ употребляемъ мы совершенно неправильно. Онъ означаетъ чистѣйшихъ Арійцевъ, какъ это доказано, а не Урало-Алтайцевъ, какъ думаетъ г. Иловайскій. Нечего, стало быть, сочинять и „Туранскую расу“ [1],—иначе это будетъ безсмыслица. Не прочь онъ, по видимому, производить имя Гунновъ отъ нѣмецкаго Hund—„собака“ [2]; но и эта нелѣпость — изобрѣтеніе не г. Иловайскаго: она высказана была 40 лѣтъ назадъ однимъ очень извѣстнымъ ученымъ. Затѣмъ, у нашего изслѣдователя Турки и Татары одно и то же, упоминая Турокъ, онъ иногда прибавляетъ при этомъ. „то-есть, Татары“ [3]; но Турки еще не „то-есть“ Татары, хотя послѣдніе и говорятъ языкомъ, относящимся къ семьѣ тюркскихъ языковъ. Въ статьѣ, „Пересмотръ вопроса о Гуннахъ“ г. Иловайскій пишетъ: „Прокопій между прочимъ сообщаетъ извѣстіе, что Бѣлые Гунны имѣли бѣлую кожу и были отнюдь не безобразны. Изъ этого извѣстія можемъ заключать, что не всѣ Гунны слѣдовали обычаю безобразить свое лицо, или что Бѣлые Гунны принадлежали къ иному племени“ (стр. 723 „Розысканія“, стр. 530—531). „Бѣлые Гунны“ — это византійская кличка народа несомнѣнно Арійскаго и болѣе извѣстнаго подъ именемъ Эфталитовъ (у армянскихъ и персидскихъ писателей называемаго Теталы, Геятеля и Хоалиты). Да и сами византійскіе писатели замѣчаютъ, что Эфталитовъ не слѣдуетъ смѣшивать съ Гуннами; но почему они придали имъ это имя съ эпитетомъ „бѣлый“—это ихъ секретъ. Да и вообще надо замѣтить, что эпитеты „бѣлый“ и „черный“ означаютъ на Востокѣ

---

[1]) См. «Пересмотръ вопроса о Гуннахъ. Стр. 726. «Разысканія», стр. 535.

[2]) Тамъ же, стр. 728 «Разысканія», стр. 535. По этому поводу намъ припоминаются другіе филологическіе выводы г. Иловайскаго. Такъ, въ своихъ изысканіяхъ о началѣ Руси, онъ производилъ Волынянъ отъ Аланъ посредствовъ придыханія *в*; прибавивъ къ этому имени еще одно придыханіе *х*, онъ получилъ Хвалисовъ. Такимъ путемъ можно, кажется доказать что̀ угодно. Увлекшись затѣмъ, союзомъ Росовъ и Алановъ (Роксолановъ), г. Иловайскій сталъ производить отъ послѣднихъ даже *Улановъ*—это татарскихъ-то Огланов! Квадратный верхъ монгольской шапки и до сихъ поръ удержался на каскахъ уланъ. Возставая—и совершенно справедливо — противъ филологическихъ увлеченій въ дѣлѣ исторіи г. Иловайскій и самъ далеко не избѣгъ въ этомъ упрека. Его производство словъ отъ *богъ+туръ* отъ *Хазаръ*, и множество другихъ,—болѣе чѣмъ странно.

[3]) См. «Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ», стр. 28.

не цвѣтъ, а происхожденіе: „бѣлая кость“ и „черная кость“. Въ примѣненіи же къ народамъ служатъ для отличія „побѣдителей“ (бѣлыхъ) отъ „побѣжденныхъ“ (черныхъ).

Въ той же статьѣ г. Иловайскій сообщаетъ: „По словамъ Іорнанда, скорбь свою о смерти Аттилы Гунны между прочимъ выразили тѣмъ, что по обычаю обрили часть волосъ на головѣ и сдѣлали свои лица еще болѣе безобразными посредствомъ глубокихъ разрѣзовъ. Ибо „печаль о такомъ воителѣ они хотѣли выразить не женскими стенаніями и слезами, а мужскою кровью“. Но подобнаго рода выраженіе печали объ умершемъ вождѣ, именно царапаніе лба и носа и бритье волосъ вокругъ головы, по свидѣтельству Геродота, существовало еще у Царскихъ Скиѳовъ. А эти Скиѳы, по всѣмъ даннымъ, были племя Арійское, отнюдь не Туранское“ (стр. 718 „Разысканія“ стр. 525). Выходитъ какъ будто, что это обычай только Арійскихъ народовъ и говоритъ, слѣдовательно, въ пользу славянской теоріи народности Гунновъ. Но г. Иловайскій забываетъ, что подобный же обычай существовалъ и у Турокъ, какъ самъ же онъ и описалъ его излагая посольство Валентина къ Туркамъ (Туранцамъ, по мнѣнію г. Иловайскаго), когда Турксантъ потребовалъ отъ Грековъ почтить память его отца, только что скончавшагося, турецкимъ обычаемъ: изрѣзать себѣ лица. И Валентинъ не осмѣлился не исполнить этого требованія: онъ и его свита изрѣзали себѣ лица остріями мечей [1]). Дѣло принимаетъ теперь нѣсколько иной оттѣнокъ.

Въ своихъ „Разысканіяхъ“ (стр. 539) г. Иловайскій заявляетъ „Кромѣ первостепенной важности для исторіи славянства вообще, гуннскій вопросъ имѣетъ и непосредственное отношеніе къ начальной Русской исторіи. Роксалане съ помощью Гунновъ освободились отъ готской зависимости и этотъ гунно-роксаланскій союзъ собственно далъ толчекъ къ Великому переселенію народовъ“. Не будемъ останавливаться на томъ, что терминъ „великое переселеніе“ не совсѣмъ удачный—ибо и раньше происходили переселенія не менѣе, если только еще не болѣе „великія“,—но замѣтимъ, что зародышъ и причина переселеній имѣли мѣсто въ Азіи, а не въ Европѣ, какъ было и во время такъ-называемаго великаго переселенія народовъ.

Замѣтимъ еще по адресу не одного только г. Иловайскаго, а и

---

[1]) См. «Болгаре и Русь на Азовскомъ Поморьѣ», въ *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1875 г. кн. январьская. «Разысканія», стр. 255.

многихъ другихъ, что никакихъ „Царскихъ“ Скиѳовъ не было. У Геродота просто описка, которая указана довольно давно. Геродотъ (или его переписчики или издатели,—что̀ все равно) выпустилъ одну только букву ρ послѣ α (Βασιλικοί вм. Βαρσιλικοί), то-есть, Скиѳы Барзилійцы. А народъ Барзилійцы извѣстны намъ и по армянскимъ источникамъ [1]), какъ извѣстно и названіе страны Барзиліи, или Берзиліи.

Мы видѣли, какое значеніе имѣетъ на Востокѣ имя народное, какія происходятъ въ немъ измѣненія, и какъ оно изчезаетъ. Но исчезаютъ только имена, а не народы. То-есть народу приходится перемѣнить свое имя. Исключенія бываютъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда небольшая горсть какого-нибудь народа попадетъ въ массу чужеземнаго элемента и тамъ заглохнетъ. Гунны, вторгнувшіеся въ Европу, не на столько были малочисленны, чтобы потеряться среди Славянъ. Наконецъ, извѣстно, что послѣ смерти Аттилы Гуннская орда отхлынула обратно за Волгу. Двигаться на востокъ еще дальше Гунны не могли, потому что вскорѣ же затѣмъ начался оттуда, съ востока, напоръ разныхъ Тюркскихъ народовъ. Слѣдовательно, они затерялись гдѣ-нибудь между Волгою и Ураломъ, но исчезнуть не могли, хотя и должны были испытать на себѣ всѣ тѣ порядки, о которыхъ говорили мы въ настоящей замѣткѣ. Прежде всего пришлось имъ выдержать напоры Печенѣговъ, Гузовъ, Половцевъ, и вслѣдствіе того, подвергнуться вліянію турчизма въ сильной степени (мы допускаемъ тюркскую закваску у Гунновъ и раньше этого напора); а вмѣстѣ съ тѣмъ и принимать имя, того народа, который накладывалъ на нихъ свою руку.

Но гдѣ же, спрашивается, сидятъ средневѣковые Гунны теперь, и подъ какимъ именемъ они скрываются? Намъ сдается, что наши Башкиры, являются представителями и потомками нѣкогда страшныхъ Гунновъ. Народъ этотъ не Тюркскаго племени, но долго находившійся подъ тюркскимъ давленіемъ.

Впрочемъ, мы высказываемъ это предположеніе не болѣе, какъ въ видѣ вопроса.

---

[1]) У Моисея Хоренскаго. См. также «Армянскую географію VII вѣка по Р. Х.». Текстъ и переводъ *К. П. Патканова*. Спб. 1877, стр. 36—37.

Н. Веселовскій.

79
Русская Старина. 1882. Мартъ

ПЕРЕСМОТРЪ ВОПРОСА О ГУННАХЪ.

Статья Д. И. Иловайскаго.

Въ разсужденіи своемъ о Гуннахъ, напечатанномъ въ Ж. М. Н. Пр. (1881, май), относительно ихъ наружности, я упиралъ преимущественно на тѣ преувеличенія и то пристрастіе, которыя очевидны въ ихъ изображеніи со стороны Амміана и въ особенности Іорнанда. Я только слегка коснулся того искусственнаго безобразія, на которое могутъ указывать извѣстія о какихъ-то глубокихъ нарѣзахъ на щекахъ младенцевъ. Оставляя въ полной силѣ мое положеніе о помянутыхъ преувеличеніяхъ и пристрастіи, въ настоящемъ своемъ разсужденіи обращу особое вниманіе на такія свидѣтельства, которыя прямо указываютъ, что въ вопросѣ о наружности Гунновъ едва ли не главную роль игралъ элементъ безобразія искусственнаго. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ передъ собою два свидѣтельства, принадлежащія двумъ латинскимъ поэтамъ-панегиристамъ V вѣка, именно Клавдіану и Аполинарію Сидонію.

Клавдіанъ въ началѣ V вѣка сочиняетъ стихотворенія въ порицаніе правителю Восточной имперіи Руфину и въ похвалу правителю Западной имперіи, своему покровителю Стилихону. Въ одномъ такомъ стихотвореніи онъ описываетъ, какъ Стилихонъ побѣдилъ варваровъ, измѣннически призванныхъ Руфиномъ со стороны Дуная. Въ числѣ этихъ варваровъ являются и Гунны. Вотъ какими чертами изображаетъ ихъ Клавдіанъ:

„Это народъ, обитающій на крайнихъ восточныхъ предѣлахъ Скиѳіи, за хладнымъ Танаисомъ (gelidum Tanais), самый знаменитый изъ тѣхъ, которыхъ озаряетъ Большая Медвѣдица (Arctos alit), гнусный по своимъ нравамъ, мерзкій по наружности, съ энергіей, незнающей устали, питающійся добычею, убѣгающій отъ Цереры (т. е. отъ земледѣлія), считающій игрушкою рѣзать себѣ лицо (frontemque secari ludus) и съ гордостью клянущійся именемъ павшихъ пред-

ковъ (или родственниковъ—parentes). Никогда двойная природа (duplex natura) не соединяла въ себѣ тѣснѣе всадника-центавра съ его роднымъ конемъ: при чрезвычайной быстротѣ они не соблюдаютъ никакого строя (въ нападеніи), и (показавши тылъ) возвращаются неожиданно". (Сочиненія Клавдіана. Изд. Панкука. Paris. 1830. I томъ, 50 стр.).

Очевидно Клавдіанъ писалъ подъ впечатлѣніемъ все той же преувеличенной молвы о страшной дикости и безобразіи Гунновъ и изображаетъ ихъ съ помощью обычныхъ въ то время риторическихъ пріемовъ. Но для насъ тутъ важно собственно одно указаніе: Гунны рѣжутъ, царапаютъ, обезображиваютъ себѣ лицо. Если сопоставить это указаніе съ свидѣтельствами Амміана и Іорнанда, то увидимъ, что Гунны не только дѣлали какіе-то глубокіе нарѣзы на лицахъ младенцевъ; но и потомъ, по требованію своихъ обычаевъ, нерѣдко безобразили свое лицо новыми рубцами и царапинами. По словамъ того же Іорнанда, скорбь свою о смерти Аттилы Гунны между прочимъ выразили тѣмъ, что по обычаю обрили часть волосъ на головѣ и сдѣлали свои лица еще болѣе безобразными посредствомъ глубокихъ разрѣзовъ. Ибо «печаль о такомъ воителѣ они хотѣли выразить не женскими стенаніями и слезами, а мужскою кровью». Но подобнаго рода выраженіе печали объ умершемъ вождѣ, именно царапаніе лба и носа и бритье волосъ вокругъ головы, по свидѣтельству Геродота, существовало еще у Царскихъ Скиѳовъ. А эти Скиѳы, по всѣмъ даннымъ, были племя арійское, отнюдь не туранское Слова Клавдіана, что для Гунновъ разрѣзы на лицѣ были игрушкою, обычнымъ явленіемъ, даютъ понять, что операція эта производилась довольно часто. Они царапали лицо при смерти не только такого общаго ихъ царя какъ Аттила, но и при потерѣ своихъ мелкихъ племенныхъ князей, при смерти своихъ родителей и старшихъ въ родѣ. Намекъ на это обстоятельство у Клавдіана заключается и въ приведенномъ сопоставленіи царапанія лица съ клятвою умершими родителями. Отсюда можно заключить, что безобразные, свѣжіе рубцы и шрамы на ихъ лицахъ были обычнымъ явленіемъ, особенно въ то воинственное время, когда приходилось часто терять близкихъ людей и предводителей. Не забудемъ, что это искусственное безобразіе посредствомъ глубокихъ разрѣзовъ начиналось у Гунновъ уже съ самаго младенчества. Слова Іорнанда, что Гунны старались своихъ младенцевъ заранѣе пріучить къ перенесенію ранъ (лицевыми разрѣзами) получаютъ такимъ образомъ ясный, опредѣленный смыслъ; дѣйствительно, эти разрѣзы потомъ дѣлались для нихъ «игрушкою».

Обратимся теперь къ Аполинарію Сидонію. Въ шестидесятыхъ

годахъ пятаго столѣтія имъ написанъ длинный стихотворный панегерикъ только что возведенному на престолъ римскому императору Антемію. Въ числѣ подвиговъ, совершенныхъ симъ послѣднимъ, Сидоній упоминаетъ его побѣду надъ толпою Гунновъ, сдѣлавшихъ набѣгъ на Иллирійскія провинціи. Панегерикъ изображаетъ варваровъ слѣдующими чертами:

„Тамъ, гдѣ бѣлый Танаисъ (Albus Tanais) падаетъ съ Рифейскихъ горъ и течетъ по долинамъ Гиперборейскимъ, подъ сѣвернымъ созвѣздіемъ Медвѣдицы, живетъ народъ, грозный духомъ и тѣломъ, такъ что на самыхъ лицахъ его дѣтей уже напечатлѣнъ какой-то особый ужасъ. Круглою массою возвышается его сдавленная голова (consurgit in arctum massa rotunda caput). Подо лбомъ въ двухъ впадинахъ, какъ бы лишенныхъ глазъ, виднѣются взоры (geminis sub fronte cavernis visus adest oculis absentibus). Свѣтъ, едва брошенный въ полость мозга, проникаетъ до наружныхъ, крайнихъ орбитъ, однако незакрытыхъ (acta cerebri in cameram vix ad refugos lux pervenit orbes, non tamen et clausos) [1]; такъ чрезъ малое отверстіе они видятъ обширныя пространства, и недостатокъ красоты (majoris luminis usum) возмѣщаютъ тѣмъ, что различаютъ малѣйшіе предметы на днѣ колодца. Чтобы носъ не слишкомъ выдавался между щеками и не мѣшалъ шлему, круглая повязка придавливаетъ нѣжныя ноздри (новорожденныхъ). (Tum, ne per malas excrescat fistula duplex obtundit teneras circumdata fascia nares, ut galeis cedant). Такимъ образомъ материнская любовь обезображиваетъ рожденныхъ для битвъ, поелику при отсутствіи носа поверхность щекъ дѣлается еще шире. Остальная часть тѣла у мущинъ прекрасна: широкая грудь, большія плечи, подпоясанный ниже пупа животъ (succincta sub ilibus alvus). Пѣшіе, они представляются средняго роста; но если видишь ихъ на конѣ, то они кажутся высоки (procera forma); такими же часто являются они, когда сидятъ. Едва ребенокъ покидаетъ лоно матери, какъ онъ уже на спинѣ коня. Можно подумать, что это члены одного тѣла, ибо всадникъ какъ бы прикованъ къ лошади; другіе народы ѣздятъ на конскомъ хребтѣ, а этотъ живетъ на немъ. Овальные луки, острые дротики, страшная и вѣрная рука, несущая неизбѣжную смерть, и ярость, сыплющая удары безъ промаха. Вотъ какой народъ вторгся внезапно, переправившись на своихъ телѣгахъ черезъ замерзшій Истръ и избороздивъ колесами его влажный ледъ“.

---

[1]) Это очень темное и неудобное для передачи мѣсто у Сидонія; но смыслъ его ясенъ: авторъ, указывая на небольшіе глаза Гунновъ и доводя ихъ чуть ни до отсутствія, тѣмъ ярче желаетъ выставить ихъ чрезвычайно острое и дальнее зрѣніе. П. И.

Здѣсь въ изображеніи Сидонія повторяется почти та же характеристика Гунновъ какъ у Клавдіана, но съ нѣсколько бо́льшими подробностями относительно ихъ искусственнаго уродства. Сидоній прямо указываетъ на гуннскій обычай помощью тѣсныхъ повязокъ придавать черепу младенцевъ неестественную форму, и не одному черепу: вмѣстѣ съ нимъ носъ также получалъ приплюснутую форму, что сильно безобразило ихъ лица. Онъ объясняетъ намъ, зачѣмъ, съ какою цѣлью дѣлалось это безобразіе: ради шлема, чтобы шлемъ сидѣлъ плотнѣе на головѣ. Любопытно какъ отнеслись къ этому извѣстію нѣкоторые изъ тѣхъ европейскихъ ученыхъ, которые занимались вопросомъ о Гуннахъ. Само собой разумѣется, что, какъ скоро безобразіе Гунновъ является не прирожденнымъ качествомъ, а дѣломъ обычая, искусственнаго уродованія, то естественно это безобразіе не можетъ служить доказательствомъ какой либо извѣстной народности. Но прежде чѣмъ остановиться на подобномъ вопросѣ, въ европейской исторіографіи, по почину Дегиня, уже сложилось мнѣніе о пришествіи Гунновъ въ Европу изъ монгольскихъ степей съ чертами монгольской расы. Не всѣ однако ученые видѣли въ нихъ чистыхъ Монголовъ: нѣкоторые сочли ихъ племенемъ угро-финскимъ, и это мнѣніе можно назвать господствовавшимъ доселѣ въ исторической этнографіи; другіе склоняются къ ихъ турецкому или татарскому происхожденію. Что же сдѣлалъ извѣстный французскій историкъ Амеде Тьери въ своемъ сочиненіи Histoire d'Attila et de ses successeurs (Paris. 1856)? Вѣроятно, чтобы не обидѣть ни одну изъ этихъ почтенныхъ народностей, онъ преспокойно умѣстилъ ихъ всѣхъ трехъ въ гуннскомъ типѣ. А именно, по его мнѣнію, Гунны во первыхъ раздѣлялись на двѣ большія вѣтви: бѣлую и черную, восточную и западную. Это еще бы ничего, потому что нѣкоторые источники дѣйствительно говорятъ о племени Ефталитовъ или Бѣлыхъ Гунновъ. Затѣмъ онъ восточныхъ или бѣлыхъ считаетъ турецко-татарскимъ племенемъ, а западныхъ или черныхъ угрофинскимъ. И наконецъ предполагаетъ, что господствующимъ верхнимъ классомъ у нихъ были Монголы. Господство сихъ послѣднихъ, т. е. Монголовъ, по мнѣнію Тьери, и объясняетъ намъ почему Гунны приплюскивали своимъ младенцамъ носъ и устраивали имъ голову клиномъ: они дѣлали это будто бы для того, чтобы походить на свою аристократію, т. е. на Монголовъ. Вотъ какое объясненіе даетъ намъ Тьери; при чемъ прямое указаніе Сидонія на искусственное прилаживаніе головы къ шлему онъ отвергаетъ какъ несерьезное. (Т. I. стр. 7—9). И это мнѣніе, руководствующееся произвольными предположеніями и отрицающее источники, нашло послѣдователей въ исторической литературѣ.

Нѣсколько иначе взглянулъ на тотъ же предметъ извѣстный петербургскій академикъ Беръ въ своемъ трактатѣ о Макрокефалахъ (Die Makrokephalen im Boden der Krym und Oesterreichs. Memoires de l'Academie des sciences. VII-e serie. T. II. № 6. St. Petersb. 1860). Онъ яснѣе понялъ, что, разъ мы допустимъ искусственное уродованіе у Гунновъ, извѣстное опредѣленіе ихъ народности, на основаніи безобразной наружности, теряетъ подъ собою почву, и опредѣленіе это становится очень шаткимъ. А потому Беръ поступилъ логичнѣе чѣмъ Тьери: онъ просто отвергаетъ извѣстіе Сидонія о повязкахъ, сдавливавшихъ голову. Для этого онъ старается иначе толковать нѣкоторыя мѣста приведеннаго описанія и даже переиначиваетъ самый текстъ. Напримѣръ, вмѣсто consurgit in arctum massa rotunda caput, онъ предлагаетъ читать Caput massa rotunda consurgit in arcum, т. е. вмѣсто стѣсненной или сдавленной головы у него получается какая то дугообразная, лукообразная или сводообразная голова; что, по его словамъ, даетъ намъ простое изображеніе монгольскаго строенія головы. А еще вѣрнѣе, прибавляетъ онъ, вмѣсто consurgit in arctum поставить in arcem, т. е. in arcem capitis; выходитъ, что голова поднимается круглою массою къ темени, или оканчивается теменемъ. Затѣмъ искусственное придавливаніе носа у Гунновъ онъ отвергаетъ, потому что оно будто бы физически очень затруднительно, да и было ненужно для шлема; такъ какъ шлемъ не надѣвался ниже глазъ. Увѣряя, будто Сидоній въ данномъ случаѣ не заслуживаетъ вѣры, онъ указываетъ на его противорѣчія о глазахъ: у Гунновъ глазъ нѣтъ, и въ то же время они видятъ мелкіе предметы на днѣ колодца. Но такое толкованіе нѣкоторыхъ поэтическихъ вольностей, породившихъ нѣкоторыя недостаточно ясныя, точныя выраженія въ описаніи Сидонія, вызвано у Бера тою предвзятою мыслію, что у Гунновъ были природныя монгольскія черты, а не искусственныя, только ихъ напоминающія. Ничто не препятствуетъ предположить, что у Гунновъ употреблялись шлемы съ какими либо наличниками, ради которыхъ дѣйствительно не давали носу принять его надлежащіе размѣры. Надобно замѣтить, что Беръ не согласенъ съ мнѣніемъ объ угрофинской народности Гунновъ, а буквально держится Дегиня и называетъ ихъ чистыми Монголами. Онъ полагаетъ, что они совершенно походили на Калмыковъ, и Сидоній будто невѣрно понялъ то, что ему разсказывали объ ихъ наружности. Но въ той же монографіи почтенный ученый самъ приводитъ многіе примѣры искусственнаго уродованія и сдавливанія младенческихъ череповъ повязками у разныхъ народовъ, сдавливанія, которое до позднѣйшаго

времени встрѣчалось даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи и южной Франціи, гдѣ никакихъ Монголовъ исторія не знаетъ.

Съ какою же цѣлью Гунны такъ уродовали свою голову и лицо? Тьери отвергаетъ помянутое выше объясненіе Сидонія. А между тѣмъ это объясненіе вполнѣ удовлетворительно. Доказательствомъ тому служитъ примѣръ другихъ народовъ. Нѣкоторыя племена кавказскихъ горцевъ доселѣ употребляютъ ту же систему повязокъ для младенцевъ, т. е. придаютъ головѣ ихъ болѣе округлую и нѣсколько коническую форму. И для чего бы вы думали? Для того, чтобы ихъ національная шапка (папаха) сидѣла потомъ плотнѣе на головѣ. Если есть народы, которые голову, такъ сказать, подлаживаютъ къ шапкѣ, а не наоборотъ, то естественнымъ является стараніе дикихъ, воинственныхъ Гунновъ подогнать свою голову къ шлему, и не только голову, но и носъ. Главная ошибка сравнительной исторической этнографіи доселѣ заключалась въ томъ, что наши европейскія понятія о мужской красотѣ она примѣняла къ вопросу о Гуннахъ; тогда какъ у нихъ самымъ привлекательнымъ мущиною былъ тотъ, кто убилъ наибольшее количество непріятелей и кто могъ обвѣшать шею и грудь своего коня пучками волосъ съ кожею, содранною съ непріятельскихъ череповъ. (Говорю это по сравненію съ другими народами того времени). У народовъ дикихъ и воинственныхъ мы не рѣдко встрѣчаемъ стараніе придать страшный видъ своей наружности, чтобы ужасать непріятелей. Этотъ обычай еще въ нашу эпоху можно было наблюдать, напримѣръ, у тѣхъ американскихъ дикарей, которые уродовали свои лица и устроивали себѣ изъ волосъ и перьевъ громадные головные уборы. Нѣчто подобное встрѣчается и у древнихъ германцевъ въ эпоху болѣе раннюю, чѣмъ гуннская. У древнихъ европейскихъ народовъ мы встрѣчаемъ также примѣры татуированія своего тѣла, скальпированія непріятелей и тому подобные обычаи, свойственные временамъ дикимъ и воинственнымъ. Очевидно Гунны отличались особымъ усердіемъ по части уродованія своихъ лицъ и приданія себѣ страшнаго вида; тогда какъ у болѣе западныхъ европейскихъ народовъ, и между прочимъ у Готовъ, подобные обычаи уже давно смягчились или выходили изъ употребленія. Іорнандъ между прочимъ говоритъ, что тѣ, кто могъ бы противустоять имъ въ войнѣ, не выносили ихъ ужаснаго вида и въ страхѣ обращались въ бѣгство (quos bello forsitan minime superabant vultus sui terrore nimium pavorem ingerentes, terribilitate fugabant). Конечно въ этихъ его словахъ опять таки есть доля преувеличенія, чтобы нѣсколько оправдать пораженіе любезныхъ ему Готовъ; однако несомнѣнно и то, что Гунны своимъ искусственнымъ уродствомъ въ нѣкоторой

85

степени достигали цѣли, т. е. однимъ своимъ видомъ наводили страхъ на непріятеля. Если мы обратимся къ вторженіямъ въ Европу дѣйствительно туранскихъ народовъ, каковы Угры, Печенѣги, Половцы и наконецъ Татаро-Монголы, то не найдемъ никакихъ свидѣтельствъ, чтобы эти народы поражали европейцевъ одною своею страшною наружностію. Историческая этнографія находила въ описаніи Гунновъ калмыцкій типъ. Но кого же и когда Калмыки пугали однимъ своимъ видомъ? Развѣ дѣтей, а никакъ не взрослыхъ мужчинъ, носившихъ оружіе.

Я повторяю, что только воображеніе европейскихъ писателей новаго времени усмотрѣло монгольскія черты въ описаніи Гунновъ у Амміана и Іорнанда. Никто изъ нихъ не говоритъ объ узкихъ, косыхъ глазахъ и выдавшихся скулахъ, остромъ подбородкѣ и т. п. отличіяхъ монгольскаго типа. Никто также не говоритъ о желтизнѣ ихъ кожи. Іорнандъ сообщаетъ, что лицо Гунновъ ужасающей черноты; но если принять буквально это свидѣтельство, то ихъ можно пожалуй относить къ Маврамъ, Арабамъ, наконецъ къ Цыганамъ, (а извѣстно, что Цыгане принадлежатъ къ арійской расѣ) и т. п. Въ этомъ случаѣ мы можемъ предположить или искусственное черненіе своего лица, опять съ тою же цѣлью придать себѣ страшный видъ, или обычное преувеличеніе Іорнанда по отношенію къ ненавистнымъ Гуннамъ. Да славяне, по извѣстію греческихъ писателей той же эпохи, совсѣмъ не отличались бѣлизною лица. Объ этомъ прямо говоритъ современный византійскій историкъ Прокопій; онъ же замѣчаетъ, что они были покрыты грязью и всякою нечистотою и вообще имѣли гуннскіе нравы. Прокопій между прочимъ сообщаетъ извѣстіе, что Бѣлые Гунны имѣли бѣлую кожу и были отнюдь не безобразны. (De Bello Pers. I. 3). Изъ этого извѣстія можемъ заключать, что не всѣ Гунны слѣдовали обычаю безобразить свое лицо, или что Бѣлые Гунны принадлежали къ иному племени. Въ противуположность Бѣлымъ Гуннамъ въ источникахъ мы однако не находимъ названія Черные Гунны. Впослѣдствіи въ X вѣкѣ встрѣчаемъ въ Приазовьѣ «Черныхъ Болгаръ» или собственно Черную Болгарію. Но такія названія не означаютъ непремѣнно дѣленія народовъ по цвѣту кожи. Такъ въ русской лѣтописи мы находимъ Черныхъ и Бѣлыхъ Угровъ, безъ указанія, въ какомъ отношеніи они находились другъ къ другу. Далѣе извѣстны названія Бѣлая, Черная и Червонная Русь, которыя опять таки не имѣютъ никакого отношенія къ цвѣту кожи. Точно также извѣстны Бѣлые Хорваты, но никакихъ Черныхъ Хорватовъ мы не знаемъ.

Помянутое искусственное уродованіе у Гунновъ, по всѣмъ призна-

камъ, вмѣстѣ съ поселеніемъ ихъ въ при-дунайскихъ странахъ и съ успѣхами ихъ гражданственности, постепенно смягчалось и выходило изъ употребленія. Прокопій, говоря о византійскихъ партіяхъ цирка, сообщаетъ, что эти партіи въ своемъ костюмѣ и прическѣ подражали Гуннамъ, т. е. брили щеки и подбородокъ и подстригали кругомъ голову, оставляя чубъ на затылкѣ или на темени. Трудно предположить, чтобъ въ Византіи явились гуннскія моды, если бы Гунны продолжали себя безобразить также, какъ въ предыдущіе вѣка. Наконецъ Болгаре, водворившіеся на Балканскомъ полуостровѣ, будучи чисто Гуннскимъ народомъ, не представляютъ въ источникахъ даже никакого намека на какія либо неарійскія черты ихъ наружности. Обращу также вниманіе читателей на гуннскихъ женщинъ. Очевидно обычай безобразить свое лицо касается только однихъ мущинъ, т. е. «рожденныхъ для битвъ», какъ выражается Сидоній. Хотя женщины сарматскія извѣстны своимъ участіемъ въ войнахъ, но на безобразіе гуннскихъ женщинъ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека. Напротивъ, въ нѣмецкой пѣснѣ о Нибелунгахъ говорится о множествѣ красивыхъ женщинъ въ странѣ Гунновъ. Имѣемъ полную возможность заключить, что гуннскія женщины отнюдь не были чужды общей славянкамъ миловидности.

Что касается до объема и сложенія Гунновъ, приведенное описаніе ихъ Сидоніемъ ясно подтверждаетъ, что они были коренастый, но статный народъ средняго роста; они даже были бы высокаго роста, если бы ноги у нихъ своею длиною соотвѣтствовали туловищу. На это обстоятельство очевидно вліяла привычка съ дѣтства постоянно сидѣть на конѣ, отъ чего ноги развивались не совсѣмъ нормально и получали выгнутую наружу форму. (Есть мнѣніе, что у насъ Великороссы отличаются отъ Малороссовъ также болѣе короткими ногами). Хотя высокій ростъ и не составляетъ непремѣнную принадлежность всѣхъ славянскихъ народовъ, тѣмъ не менѣе Іорнандъ, называя Гунновъ малорослыми, и въ этомъ случаѣ относится къ нимъ съ очевиднымъ пристрастіемъ, если его извѣстіе сличить съ Сидоніемъ.

Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ иныя свидѣтельства, можетъ быть также пристрастныя, о невысокомъ ростѣ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ.

Такъ византійскій писатель IX вѣка Ѳеофанъ разсказываетъ слѣдующее по поводу смерти римскаго императора Валентиніана, царствовавшаго во второй половинѣ IV вѣка. Савроматы, «народъ малорослый и жалкій», возстали противъ Римлянъ; но были побѣждены императоромъ и прислали просить мира. Смотря на пословъ, Валентиніанъ спросилъ: «ужели всѣ Савроматы такого жалкаго вида?»

«Ты видишь изъ нихъ самыхъ лучшихъ», отвѣчали послы. Тогда онъ громко воскликнулъ объ ужасномъ положеніи Римской имперіи, противъ которой возстаютъ даже такіе презрѣнные люди, какъ Савроматы. Отъ этого сильнаго восклицанія и энергическаго всплеска руками у Валентиніана будто бы лопнула жила, и онъ истекъ кровію. Извѣстіе это имѣетъ нѣсколько легендарный характеръ; но оно указываетъ на то, какъ свысока иногда смотрѣли Греки и Римляне на дунайскихъ Сарматовъ; а подъ дунайскими Сарматами въ данномъ случаѣ разумѣется одинъ изъ славянскихъ народовъ. Кстати прибавимъ, что въ помянутомъ панегирикѣ Аполинарій Сидоній миръ, заключенный послѣ побѣды Антемія надъ Гуннами, называетъ Сарматскимъ миромъ. (Sarmaticae paci pretium etc). Ясно, что Гунновъ въ его время причисляли къ народамъ сарматскимъ. А что подъ Сарматами обозначались племена арійскія, не туранскія, въ этомъ теперь согласны почти всѣ ученые.

Средній ростъ Гунновъ, взятыхъ въ массѣ, само собой разумѣется, не мѣшалъ многимъ отдѣльнымъ личностямъ достигать атлетическихъ размѣровъ. Такъ мы имѣемъ извѣстія армянскихъ историковъ отъ V до VII и VIII вѣка, которые повѣствуютъ о Гуннахъ, дѣлавшихъ въ древности набѣги съ сѣвернаго Кавказа на армянскія владѣнія; при чемъ иногда встрѣчаемъ упоминанія о гуннскихъ богатыряхъ, вступавшихъ въ единоборство съ армянскими героями. Изъ византійскихъ же извѣстій напомню въ особенности разсказъ Прокопія о гуннскомъ витязѣ Хорсомантѣ въ исторіи Готской войны.

Изъ той характеристики Гунновъ, которую даетъ намъ Сидоній, обращу вниманіе еще на одну подробность. Именно на фразу succincta sub ilibus alvus—низко подпоясанный животъ. Никто изъ западныхъ ученыхъ доселѣ повидимому не замѣчалъ этой подробности; они даже ее не совсѣмъ понимали. Напримѣръ, въ имѣющемся у меня подъ рукою Ліонско-Парижскомъ изданіи 1836 года, которое снабжено переводомъ и комментаріями, авторы ихъ Грегуаръ и Коломбе передаютъ эту черту въ переводѣ словами une taille svelte (31 стр.), а въ комментаріѣ: ils n'ont presque point de ventre (346 стр.). Но Сидоній совсѣмъ не хотѣлъ сказать, что у Гунновъ была тонкая талія или что живота у нихъ почти не было. Онъ говоритъ, что они низко подпоясывались по животу. Для насъ русскихъ такое подпоясываніе совершенно понятно, ибо мы и до сихъ поръ встрѣчаемъ его у нашихъ крестьянъ. Относительно Гунновъ означенная фраза сдѣлается для насъ еще нагляднѣе, если мы посмотримъ на Керченскія фрески, открытыя въ 1872 году, гдѣ сарматскій элементъ Пантикапеи является именно опоясаннымъ низко по животу. И если черта эта была замѣ-

чена въ тѣ времена, то ясно, что она также составляла одно изъ бросающихся въ глаза отличій отъ другихъ народовъ.

И такъ мнѣніе о чудско или турко-монгольскомъ происхожденіи Гунновъ, основанное главнымъ образомъ на описаніи ихъ страшной наружности—это мнѣніе падаетъ само собою, какъ скоро мы подвергнемъ его болѣе тщательному анализу. Тогда мы убѣдимся, что съ одной стороны въ этомъ описаніи находится значительная доля преувеличенія, а съ другой оно ясно указываетъ на исскуственное уродованіе гуннскихъ физіономій руками ихъ родителей или ихъ собственными, на ихъ несомнѣнное стараніе придать себѣ страшный видъ, внушавшій непріятелямъ ужасъ и трепетъ.

Послѣ наружности доказательствомъ туранства служили свирѣпые, дикіе нравы Гунновъ, ихъ кочевой образъ жизни, и т. п. Но такія доказательства порождались недостаточною зрѣлостью сравнительной историко-этнографической науки. Сравнивая внимательнѣе бытъ и степень развитія разныхъ народовъ, мы убѣждаемся, что дикость, воинственность, кочеваніе и т. п. не могутъ служить признаками только монгольскихъ или турецкихъ племенъ. Арійскія племена также проходили ступени кочеваго быта, особенно тамъ, гдѣ ихъ окружала степная природа. А своею воинственностью они въ общей массѣ превосходили народы чудско и турко-монгольскіе. Византійскіе писатели относительно нравовъ прямо уподобляютъ Гунновъ Склавинамъ и Антамъ. Свирѣпостью своею Гунны поражали только на войнѣ, а во время мира это былъ простодушный народъ, по свидѣтельству того же Прокопія—противоположныя черты, которыми по преимуществу отличается славянская раса. Относительно жестокости Готы въ то время не только не были ниже Гунновъ, а иногда едвали ихъ не превосходили. Такъ самъ Іорнандъ разсказываетъ, что готскій король Винитаръ, побѣдивъ Антовъ, взялъ въ плѣнъ ихъ князя Бокса (Богша) и повѣсилъ его вмѣстѣ съ его сыновьями и семидесятью боярами. Извѣстны также и въ ту же самую эпоху свирѣпость Вандаловъ, ихъ хищничество и страсть къ разрушенію. Слѣдовательно, подобныя черты никоимъ образомъ не могутъ служить доказательствомъ туранской расы. Для насъ гораздо важнѣе то обстоятельство, что Гунны оказались народомъ весьма воспріимчивымъ къ европейской христіанской цивилизаціи; примѣръ чему мы видимъ на Болгарахъ, какъ на коренномъ Гуннскомъ племени. Извѣстно, какіе сравнительно быстрые успѣхи сдѣлали они относительно гражданственности, и какъ они въ свою очередь явились главными двигателями въ дѣлѣ цивилизаціи почти всего славянскаго міра. Даже Гунны, оставшіеся въ странахъ при-азовскихъ, совсѣмъ не были народомъ жалкимъ и бѣднымъ, какъ

это можно заключить изъ словъ того же Іорнанда. Въ половинѣ VI вѣка мы встрѣчаемъ у кубанско-таманскихъ Гунновъ князя Горда, который ѣздилъ въ Константинополь и тамъ принялъ крещеніе; причемъ самъ императоръ Юстиніанъ былъ его воспреемникомъ. Воротясь домой, Гордъ затѣялъ гоненіе на язычество и велѣлъ истреблять идоловъ; а тѣ, которые были сдѣланы изъ серебра и электрона, приказывалъ расплавлять. Такими мѣрами онъ вызвалъ возмущеніе и погибъ. Но эти идолы, изваянные изъ серебра и электра (смѣсь серебра съ золотомъ), конечно не говорятъ въ пользу особой бѣдности и дикости азовскихъ Гунновъ того времени.

Только когда мы отрѣшимся отъ всѣхъ указанныхъ недоразумѣній и заблужденій, которыя доселѣ господствовали въ наукѣ по отношенію къ Гуннамъ, только тогда для насъ сдѣлаются совершенно понятными и ясными многія мѣста средневѣковыхъ писателей, гдѣ Гунны очевидно сближаются или прямо отожествляются съ славянами. Приведу примѣры: армянскій историкъ V вѣка Моисей Хоренскій, сообщая о вторженіи Болгаръ съ сѣвернаго Кавказа въ Арменію, прибавляетъ, что мѣстность, въ которой они поселились, получила названіе Ванандъ, т. е земля Вендовъ. А слово Венды, сколько извѣстно, служило древнѣйшимъ названіемъ славянъ вообще или значительной ихъ части. Изъ византійскихъ писателей Прокопій по нравамъ и обычаямъ сближаетъ Гунновъ съ Склавинами и Антами; Кедренъ прямо говоритъ: «Гунны или Склавины». Изъ западныхъ или латинскихъ лѣтописцевъ Беда Достопочтенный называетъ Гуннами западныхъ Славянъ. Саксонъ Граматикъ говоритъ о войнѣ Датчанъ съ гуннскимъ царемъ; причемъ подъ Гуннами разумѣетъ часть балтійскихъ Славянъ. Эдда древнѣйшая (Семундова) упоминаетъ гуннскихъ богатырей, въ томъ числѣ Ярислейфа, т. е. Ярослава, и вообще подъ Гуннами разумѣетъ Славянъ. Вилькинга Сага, городъ славянскаго племени Велетовъ, называетъ столицею Гунновъ. Значительная часть древней Россіи названа страною Гунновъ у Іорнанда (Гуниваръ) [1], Гельмольда (Гунигардъ) и Саксона (Куногардія).

Любопытно слѣдующее извѣстіе Гельмольда: Saxonum voce slavi

---

[1]) Отожествлять слово варъ въ названіи Гуниваръ съ мадьярскимъ словомъ означающимъ городъ, было бы слишкомъ поспѣшно и произвольно. Мало ли какое значеніе могло имѣть это варъ. Напомню названіе аварскаго народа у Ѳеофилакта Симокаты Варъ и Хуни (сложное Вархониты). Напомню названіе рѣки (повидимому Днѣпра) у кочевыхъ народовъ временъ Константина Багрянороднаго Варухъ, что я привожу въ связь съ названіемъ у него же одного изъ Днѣпровскихъ пороговъ Вару-Форосъ. Д. И.

canes vocantur, т. е. «на языкѣ Саксовъ Славяне называются собаками». Тутъ очевидное сближеніе названія Гуннъ съ нѣмецкимъ словомъ Hund. Пользуясь этимъ созвучіемъ, Саксы обратили именованіе славянъ Гуннами въ бранное слово. Для насъ важно въ этомъ мѣстѣ Гельмольда то, что рѣчь идетъ не объ отдѣльномъ какомъ либо лѣтописцѣ; а вообще у Саксовъ Славяне назывались Гуннами. Наконецъ Шафарикъ изъ одного нѣмецкаго сочиненія 1830-хъ годовъ приводитъ такое сообщеніе: въ Швейцаріи въ Валискомъ кантонѣ потомковъ поселившихся тамъ когда-то Славянъ Нѣмцы до сихъ поръ называютъ Гуннами (Слав. Древ. I т. 2 кн. 97). Точно также, по замѣчанію латинскихъ переводчиковъ и коментаторовъ Эдды Самунда, до сихъ поръ (т. е. до ихъ времени) въ сѣверной Германіи народъ называетъ Гуннами древнихъ ея обитателей и ихъ погребальные холмы именуетъ гуннскими ложами или логовищами—Hunenbette (ibid. 96). Всѣ подобные факты доселѣ поборниками туранства Гунновъ (въ томъ числѣ и Шафарикомъ) объяснялись помощію разныхъ предположеній и измышленій, напр. близкимъ сосѣдствомъ Гунновъ и Славянъ, подчиненіемъ Славянъ Гуннамъ, или просто недоразумѣніями и т. п. Но подобныя голословныя мнѣнія, повторяю, должны наконецъ уступить мѣсто болѣе тщательному критическому анализу источниковъ.

Немалому разъясненію вопроса о Гуннахъ могутъ помочь раскопки ихъ могильниковъ; но тутъ конечно является опять вопросъ: гдѣ же искать этихъ могильниковъ и какъ отличить гуннскіе курганы отъ другихъ народовъ? Я полагаю, главная трудность въ томъ и заключается, что нѣтъ данныхъ для отличія гуннскихъ могилъ отъ славянскихъ, и если бы Гунны были особый отъ нихъ народъ, то вѣроятно давно бы и могильники ихъ обратили на себя вниманіе своими отличіями. Я только что упомянулъ о гуннскихъ ложахъ или могилахъ въ сѣверной Германіи; любопытно было бы узнать, сохранились ли до нашихъ дней указанія на нихъ со стороны мѣстныхъ жителей. Далѣе, я укажу на Болгарію, какъ мѣсто осѣдлости кореннаго гуннскаго племени. Древнѣйшій болгарскія могилы въ то же время могилы гуннскія, и любопытно было бы подвергнуть ихъ изслѣдованію. Наконецъ въ Россіи, не говоря о раскопкахъ, производившихся на югѣ, т. е. на Кубани, около Керчи и около нижняго Днѣпра, гдѣ несомнѣнно жили Гунны и гдѣ однако не найдено ихъ особыхъ могилъ, я укажу на раскопки Д. Я. Самоквасова въ древней Черниговской и Переяславской области, т. е. въ землѣ Сѣверянъ. Этихъ Сѣверянъ мы имѣемъ полную возможность отожествлять съ однимъ изъ значительныхъ гуннскихъ племенъ, съ Савирами, которые изъ болѣе южныхъ областей постепенно подвинулись къ среднему Днѣпру.

Но какъ извѣстно, раскопки, произведенные въ Сѣверщинѣ, пока не открыли намъ никакого особаго народа, отличнаго отъ Славянъ, и похожаго на Чудь или Монголовъ.

Насколько удачна предложенная мною новая постановка вопроса о Гуннахъ, пусть судятъ другіе. Во всякомъ случаѣ я остаюсь при полномъ убѣжденіи, что истина рано или поздно восторжествуетъ въ наукѣ, и что всякій историческій народъ займетъ въ исторіи должное ему мѣсто, т. е. получитъ не болѣе и не менѣе того, сколько ему слѣдуетъ.

Послѣ того какъ было уже окончено изложенное выше разсужденіе о Гуннахъ, получилъ я недавно изданную диссертацію К. Грота Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка (Спб. 1881 г.). Книга эта имѣетъ непосредственное отношеніе къ тому же вопросу, и тѣмъ болѣе, что авторъ ея беретъ для своей задачи широкую основу и предпосылаетъ событіямъ IX вѣка пространное вступленіе, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на судьбу средне-и нижнедунайскихъ земель до начала IX вѣка». Здѣсь онъ пытается выяснить тѣ народности и тѣ народныя движенія, сценою которыхъ были данныя земли, начиная съ Гетовъ и Даковъ и кончая Аварами. Казалось бы, подобное выясненіе въ наше время немыслимо въ ученой диссертаціи безъ тщательнаго пересмотра вопроса о Гуннахъ и водвореніи Славянъ на Дунаѣ. Однако, что же мы видимъ? Подробно пересматривая, напримѣръ, вопросъ о происхожденіи Румынъ, и возвращаясь къ нему не одинъ разъ, г. Гротъ почти обходитъ Гунновъ и Славянъ. Ибо нельзя же считать учеными разсужденіями слѣдующія о нихъ фразы, разбросанныя тамъ, сямъ: «Воинственная кочевая орда монгольскаго племени Гунновъ, оставивъ, по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ, степи средней Азіи, во второй половинѣ IV вѣка устремилась на западъ, въ Европу. Увлекши съ собою встрѣтившіяся на пути массы другихъ кочевниковъ, по всей вѣроятности турецкаго, а можетъ быть также и финскаго племени, она, возрастая въ количествѣ, неудержимымъ потокомъ хлынула въ степи нынѣшней южной Россіи» (33). «Есть достаточное основаніе предположить, что съ Гуннами проникли на Дунай первыя толпы Славянъ». «Эти толпы Славянъ могли быть увлечены съ береговъ Днѣстра, гдѣ онѣ до прихода Гунновъ жили подъ властью Готовъ. Были ли онѣ невольно захвачены гуннскимъ потокомъ, или присоединились къ нему по собственному побужденію, сказать трудно. Первое намъ кажется вѣроятнѣе. Неизвѣстно также составляли ли славяне въ гуннской ордѣ нѣчто отдѣльное, напр. родъ особыхъ славянскихъ

дружинъ, или они представляли одинъ изъ элементовъ того разнороднаго сброда, какимъ въ сущности была орда собственно гуннская». «Во всякомъ случаѣ эти первыя, можетъ быть и довольно многочисленныя, славянскія толпы были, такъ сказать, еще случайными пришельцами на берега средняго Дуная». «Побѣжденные возставшими противъ нихъ Готами и Гепидами, толпы Гунновъ разбрелись повидимому въ разныя стороны; часть ихъ вернулась, кажется, въ свое прежнее временное мѣстожительство на берега Чернаго моря» (35—36).

На какихъ данныхъ, на какихъ источникахъ основаны всѣ эти кажется и можетъ быть, остается для читателя неизвѣстнымъ. Любопытно то основаніе, на которомъ предположено первое проникновеніе Славянъ на Дунай вмѣстѣ съ Гуннами. Этимъ основаніемъ служатъ «показанія Приска, оставившаго описаніе своихъ впечатлѣній о путешествіи и пребываніи у Аттилы» и «указаніе Іорнанда, называющаго пиршество на могилѣ Аттилы стравой, словомъ чисто славянскимъ». Въ высшей степени характерно это повтореніе прежнихъ домысловъ, будто славянскія черты, представленныя Прискомъ, относятся не къ Гуннамъ, а къ Славянамъ, бывшимъ въ ихъ ордѣ, и будто слово страва заимствовано Гуннами у подчиненныхъ Славянъ. Выходитъ, будто Прискъ и Іорнандъ, говоря о Гуннахъ, описывали не ихъ самихъ, а подчиненныхъ имъ Славянъ. Между тѣмъ послѣдній ясно и положительно говоритъ, что слово «страва» принадлежало самимъ Гуннамъ (Stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi etc.). И есть ли какое вѣроятіе, что бы такой важный бытовой обрядъ, какъ торжественное погребальное пиршество, Гунны называли не собственнымъ, а чужимъ словомъ? Слѣдовательно, та историческая школа, къ которой принадлежитъ г. Гротъ, просто на просто отрицаетъ прямыя и положительныя свидѣтельства непосредственныхъ источниковъ. Съ помощью подобныхъ пріемовъ, онъ конечно легко отвергаетъ мнѣніе о давности Славянъ на Дунаѣ и признаетъ «первое ихъ появленіе тамъ (въ видѣ военныхъ дружинъ въ гуннской ордѣ) относящимся къ V вѣку, а первое разселеніе ихъ народными массами—къ VI вѣку» (23). Съ вопросомъ о древнихъ поселеніяхъ Славянъ на Дунаѣ тѣсно связаны свидѣтельства источниковъ о Дунайскихъ Сарматахъ, и необходимо было выяснить сихъ послѣднихъ. Если г. Гротъ не отожествляетъ ихъ со Славянами, то долженъ былъ разслѣдовать, кто же такое были эти Сарматы. Но онъ преспокойно употребляетъ слѣдующія выраженія: въ Маркоманской войнѣ «приняли участіе не только Маркоманны, Квады, но и другія германскія и сарматскія полчища» (28); «многочисленные Германцы и Сар-

маты, переселенные сюда Римлянами» (31). Подобныя выраженія повторяются и далѣе на многихъ страницахъ; но читатель такъ и остается въ недоумѣніи, что такое авторъ разумѣетъ подъ именемъ Сарматъ? Разумѣлся ли подъ этимъ названіемъ какой нибудь живой народъ или это названіе есть пустой звукъ?

Въ такомъ же родѣ идутъ и дальнѣйшія гаданія о поселеніи Славянъ въ средней Европѣ. Какъ первыя славянскія толпы проникли сюда, слѣдуя за ордою Гунновъ, такъ потомъ «въ дѣлѣ заселенія новыхъ территорій и политическаго объединенія имъ помогли другія орды турецкаго племени: сначала Болгары, потомъ Авары» (56). Оказывается, что Славяне постоянно притекали на Дунай въ хвостѣ турецкихъ племенъ, и притомъ втихомолку, украдкою отъ историческихъ свидѣтельствъ. Всѣ эти ихъ незамѣтныя для исторіи движенія въ хвостѣ турецкихъ ордъ только предполагаются. А такое предположеніе оказывается необходимымъ, потому что иначе какъ же объяснить появленіе тутъ несомнѣнно славянскихъ народовъ и государствъ въ послѣдующіе вѣка? Если бы вмѣсто подобныхъ гаданій и предположеній, авторъ ученой диссертаціи постарался, на основаніи прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, выяснить, кто такое были Гунны и Болгаре и на чемъ основаны мнѣнія о ихъ монгольствѣ и татарствѣ, тогда гаданія и домыслы о незамѣтныхъ движеніяхъ Славянъ въ среднюю Европу и на Дунай устранились бы сами собою. Но до такого критическаго отношенія къ помянутымъ мнѣніямъ еще не достигла та историческая школа, изъ которой онъ вышелъ.

Вслѣдствіе невѣрнаго представленія о Болгарскомъ царствѣ, будто бы основанномъ татарскою ордою, не выяснились отношенія этого царства къ Моравской державѣ, такъ называемая Тисская Болгарія и болгарское владычество въ Трансильваніи; хотя у него этимъ предметамъ посвящено не мало страницъ (85—97). Ставъ на ложную точку зрѣнія, авторъ поневолѣ отвергаетъ свидѣтельство Анонима Нотарія о томъ, что Мадьяры нашли болгарскія княжества на территоріи древней Дакіи. Положимъ, Анонимъ позволялъ себѣ разные вымыслы; но онъ былъ тенденціозенъ собственно по отношенію къ Мадьярамъ; а съ какой стати было ему выдумывать что либо говорившее въ пользу широкаго распространенія Болгаръ къ сѣверу отъ Дуная? И тутъ же какъ нарочно приведены факты, его подтверждающіе, именно одна грамота XIII вѣка, вспоминающая о болгарскомъ владычествѣ въ Трансильваніи, и славянское нарѣчіе трансильванскихъ Болгаръ, отличавшееся архаическими особенностями (92—93). Какимъ же образомъ эти Болгаре, обитавшіе тамъ до прибытія Мадьяръ, могли сохранить древнѣйшія формы славянскаго языка,

если бы они не были Славяне? Такой естественный вопросъ, по извѣстнымъ пріемамъ школы, устраняется слѣдующимъ предположеніемъ: Славяне трансильванскіе принадлежали къ вѣтви Славянъ болгарскихъ (94). Замѣтьте, они принадлежали не къ Болгарамъ собственно, а къ болгарскимъ Славянамъ. Но что это за племя, болгарскіе Славяне, и откуда оно взялось, такіе вопросы или остаются безъ отвѣта со стороны школы или вызываютъ рядъ новыхъ домысловъ и предположеній.

Точно также поверхностно выясняется далѣе племенное происхожденіе Моравапъ. Хотя въ заглавіи книги стоитъ прежде всего Моравія; но оказывается, что вопросъ о народности Моравапъ не входилъ въ задачу изслѣдованія и могъ быть «только слегка имъ затронутъ» (98). Поэтому вопросы о проповѣди Кирилла и Меѳодія и церковно-славянскомъ языкѣ сводятся только къ указанію разнообразныхъ мнѣній (99 и далѣе). На основаніи предположеній о позднемъ появленіи (въ концѣ VI вѣка) Славянъ въ Панноніи, Истріи и Каринтіи, о невоинственномъ ихъ характерѣ и т. п. разсматриваются ихъ отношенія къ Франкской монархіи (104 и далѣе); причемъ совсѣмъ остались неразъясненными отношенія Славянъ къ Аварамъ и вся эпоха Аварская; а кто такое были Авары, о томъ нѣтъ даже и попытокъ къ разъясненію. Такимъ образомъ относительно происхожденія и характера Моравской державы, послѣ этой диссертаціи мы не только остаемся при тѣхъ же скудныхъ свѣдѣніяхъ, какія существовали до ея появленія, но и самыя эти свѣдѣнія подверглись еще болѣе невѣрному освѣщенію.

Гораздо съ бо́льшею любовью и съ бо́льшимъ тщаніемъ г. Гротъ отнесся къ начальной исторіи Мадьяръ. Тутъ на первомъ же шагу онъ встрѣтился съ извѣстнымъ ихъ притязаніемъ происходить отъ Гунновъ Аттилы. Но, какъ оказывается, сами мадьярскіе ученые, и преимущественно Гунфальви, отвергаютъ теперь какъ гуннское происхожденіе племени Секлеровъ, такъ и вообще уже не настаиваютъ на близкомъ родствѣ Мадьяръ съ Гуннами «Помимо своей научной несостоятельности, сближеніе Мадьяръ съ Гуннами, съ цѣлью опредѣленія народности первыхъ, не можетъ ни къ чему повести уже потому, что происхожденіе самихъ Гунновъ представляетъ пока неразрѣшимую загадку—вслѣдствіе абсолютнаго отсутствія какихъ бы то ни было положительныхъ данныхъ для ея рѣшенія, напр. остатковъ языка. Мы можемъ только предполагать, что гуннская орда была сбродомъ разныхъ кочевыхъ элементовъ какъ монгольскаго и туроцкаго, такъ вѣроятно и финскаго племенъ» (158). Этотъ выводъ или, точнѣе сказать, этотъ тупикъ, къ которому пришла турен-

ская теорія Гунновъ въ теченіе полуторасталѣтняго своего существованія, въ высшей степени любопытенъ и поучителенъ; но въ то же время онъ совершенно естественный. Ни къ чему иному и не могла придти туранская теорія, отрицающая, напримѣръ, положительныя указанія источниковъ на славянскій языкъ Гунновъ и отнимающая у Болгаръ ихъ родной языкъ. Такимъ образомъ Гунны Валаміра и Аттилы, которыхъ источники описываютъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ племенемъ, представлявшимъ сплошную однородную массу, оказываются на основаніи предположеній и вѣроятій какимъ-то сбродомъ разныхъ туранскихъ элементовъ, точнѣе сказать какими-то безплотными тѣнями; хотя эти тѣни никуда не исчезли и продолжали жить въ разныхъ славянскихъ народностяхъ, особенно въ Болгарахъ.

Объемъ настоящей статьи не позволяетъ мнѣ входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе второй половины книги, посвященной собственно Мадьярамъ; хотя и здѣсь можно сдѣлать много замѣчаній на критическіе, историческіе и филологическіе пріемы автора. Напримѣръ, онъ отрицаетъ связь между именемъ народа Мадьяры и города Маджаръ на р. Кумѣ, на томъ основаніи, что названіе города не собственное, а значитъ по татарски «развалины»: «Маджаръ былъ разрушенъ Тамерланомъ» (151). Но извѣстно ли автору, что этотъ городъ изображается значительнымъ и торговымъ по нашимъ лѣтописямъ въ 1319 году, по поводу убіенія Михаила Тверскаго въ Ордѣ? Слѣдовательно названіе его существовало до Тамерланова разоренія. Онъ повторяетъ также невозможное толкованіе названія Мордва, какъ «люди воды» (165); тогда какъ здѣсь ва совсѣмъ не финское слово, а русское собирательное окончаніе. Сама Мордва не называла себя въ такой именно формѣ; а такъ называли ее Русскіе. Далѣе весьма гадательными представляются разсужденія Грота о характерѣ турецкихъ и финскихъ народовъ и ихъ взаимномъ вліяніи (187—189), о Хазарахъ (211), о пути Угровъ по рр. Окѣ и Угрѣ (213), о Бѣлыхъ и Черныхъ Уграхъ, между которыми никакой разницы не оказывается (236—246), о времени появленія Угровъ на Дунаѣ (247) и пр. пр.

Обращу вниманіе читателей на отношеніе автора къ извѣстію нашей лѣтописи подъ 898 годомъ о прохожденіи Угровъ мимо Кіева и ихъ становищѣ на мѣстѣ, которое называлось Угорскимъ. Въ своей Исторіи Россіи (ч. II, прил. I) я доказываю, что названіе урочища «Угорское» лѣтописецъ постарался осмыслить и связалъ съ нимъ становище Угровъ; что урочище это расположено было на крутомъ лѣсистомъ берегу Днѣпра и входило въ черту внѣшняго вала, окру-

жавшаго городъ Кіевъ; что противъ него не могла переправляться кочевая орда, ибо Днѣпръ тутъ развѣтвляется на многіе рукава и притоки; что Уграмъ не лежалъ путь мимо Кіева и, наконецъ, что они появились уже на Дунаѣ гораздо ранѣе 898 года. Г. Гротъ не согласенъ со мною, и приводитъ примѣры Печенѣговъ и Половцевъ, которые приходили подъ Кіевъ (261). Но это не аналогія. Вопросъ поставленъ не относительно набѣговъ на Кіевъ, а относительно лѣтописнаго домысла, будто урочище Угорское получило свое названіе потому, что тутъ Угры останавливались станомъ, когда проходили мимо Кіева съ востока по дорогѣ въ Паннонію. Извѣстно также, что Печенѣги, осаждавшіе Кіевъ, стояли гораздо далѣе, за Лыбедью, а не на такой близкой мѣстности какъ Угорское. Надобно не имѣть понятія о топографіи Кіева, чтобы повторять наивный домыселъ лѣтописца о происхожденіи названія Угорское отъ бывшаго на немъ когда-то становища проходившей тутъ кочевой орды. Принявъ это показаніе русской лѣтописи за историческій фактъ г. Гротъ очевидно не знаетъ что дѣлать съ 898 годомъ, и считаетъ его ошибкою лѣтописца. Точно также онъ считаетъ ошибкою лѣтописца слова, что Угры «устремились чрезъ горы великія яже прозвашася горы Угорскія» (т. е. Карпатскія). Онъ задался цѣлью доказать, что Мадьяры вошли въ Паннонію съ юга, черезъ Желѣзныя ворота Дуная, а не съ востока черезъ Карпаты, какъ о томъ согласно говорятъ русская лѣтопись и мадьярскій Анонимъ Нотарій короля Бѣлы. Всѣ показанія послѣдняго авторъ отвергаетъ сплошь; тогда какъ слѣдовало бы отвергать только то, что не выдерживаетъ провѣрки по другимъ даннымъ. А такъ называемаго Нестора онъ считаетъ достовѣрнымъ тамъ, гдѣ является очевидная несообразность, т. е. въ вопросѣ объ Угорскомъ; указаніе же его на путь Мадьяръ чрезъ Карпатскія горы отвергаетъ голословно. Мы такой критики не понимаемъ. Если черезъ Карпаты трудно было проходить кочевой ордѣ, то чрезъ Желѣзныя ворота, гдѣ горы оставляютъ проходъ только рѣчнымъ порогамъ, путь былъ еще труднѣе; а движеніе чрезъ боковыя, горныя долины остается однимъ предположеніемъ; чрезъ Карпаты также ведутъ многія рѣчныя долины и боковыя тропинки. Затѣмъ г. Гротъ, настаивая на южномъ пути чрезъ Валахію, не объяснилъ намъ слѣдующаго обстоятельства. Валахія, по крайней мѣрѣ западная ея часть, и сосѣдняя часть Трансильваніи находились тогда во владѣніи Болгаръ; а знаменитый болгарскій царь Симеонъ только что разгромилъ Мадьяръ въ самыхъ ихъ жилищахъ. Какъ же это они послѣ того прошли безпрепятственно по землѣ своихъ побѣдителей, и притомъ чрезъ горныя тропинки, которыя легко было оборонять отъ кочевниковъ? Эти

соображенія автору очевидно и въ голову не пришли. Такимъ образомъ вопросъ о пути Мадьяръ, послѣ многихъ разсужденій о немъ г. Грота, остался пунктомъ еще болѣе темнымъ.

Далѣе, вмѣсто того, чтобы сочинять Мадьярамъ путь изъ Черноморья къ Желѣзнымъ дунайскимъ воротамъ мимо Кіева, автору слѣдовало заняться гораздо болѣе важнымъ вопросомъ: о началѣ государственной организаціи въ мадьярской ордѣ. А для этого слѣдовало болѣе выяснить ихъ отношенія къ Хазарамъ, что въ свою очередь обязывало его заняться разъясненіемъ хазарской народности, а не обходить ее совершеннымъ молчаніемъ, какъ будто она уже вполнѣ разъяснена. Г. Гротъ полагаетъ, что въ мадьярскую орду вошли и турецкіе элементы, на основаніи разныхъ изслѣдованій о мадьярскомъ языкѣ. Но онъ слишкомъ поверхностно коснулся извѣстій Константина Б. о Кабарахъ, которые отдѣлились отъ Хазаръ, ушли къ Уграмъ, и къ семи ихъ племенамъ присоединились въ качествѣ восьмаго. Это осьмое племя, по словамъ Константина Б., превосходило храбростью собственно угорскія племена, и еще въ его время сохраняло свой языкъ. Слѣдовательно, оно заняло какъ бы первенствующее положеніе въ мадьярской ордѣ, и весьма возможно, что именно этотъ чужой элементъ послужилъ закваской при образованіи государственнаго быта и далъ Мадьярамъ династію. Разъяснить это обстоятельство было тѣмъ важнѣе, что ни г. Гротъ, ни кто другой не указалъ историческихъ аналогій, доказывающихъ, что Мадьяры, какъ финское племя, способны были создать государство сами по себѣ, безъ помощи чужаго элемента [1]).

Равнымъ образомъ осталась недостаточно выясненною г. Гротомъ другая, также весьма важная сторона дѣла: участіе нѣмцевъ въ мадьярскомъ вторженіи и та роль, которую разъигралъ при этомъ Арнульфъ. Авторъ очевидно пытается уменьшить это участіе и по-

---

[1]) Во всякомъ случаѣ вопросъ о Кабарахъ требовалъ отъ автора болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ голое охужденіе того, что сказано мною о нихъ по поводу Аваровъ (въ Розыск. о началѣ Руси) Дѣло въ томъ, что господствовавшая теорія о Гуннахъ доселѣ спутывала и вопросъ объ Аварахъ. Теперь же, когда я пересмотрѣлъ вопросъ о Гуннахъ, болѣе уяснилась для меня и народность Аваровъ, которыхъ западные лѣтописцы часто называли Гуннами. (Аварская держава въ Панноніи состояла изъ небольшаго господствующаго кавказскаго племени Аваръ и многочисленнаго славянскаго или гуннскаго населенія). Вмѣсто простой передачи легендарныхъ разсказовъ о Лебедіѣ и Арпадѣ, г. Гроту слѣдовало выяснить прежде Аваръ, Хазаръ и отношенія къ нимъ Угровъ; тогда бы возникновеніе мадьярскаго государства не осталось также темно и легендарно, какъ было и до появленія его диссертаціи. Между

чему-то считаетъ переселеніе Мадьяръ въ Моравію просто событіемъ «непредъотвратимымъ» (324). Разумѣется, если мы станемъ на точку фатализма, то никакихъ разъясненій въ исторіи и не потребуется.

Наконецъ самый главный выводъ г. Грота заслуживаетъ особаго вниманія по своей новизнѣ и оригинальности. Оказывается, что разрушеніе Великоморавской державы и водвореніе на ея мѣстѣ мадьярской орды были чрезвычайно полезны для славянства: эта орда спасла его отъ германизаціи. «Таковы великіе результаты мадьярскаго погрома» (415). Какъ въ вопросѣ о Гуннахъ туранская теорія пришла къ вышеприведеннымъ отрицательнымъ результатамъ; такъ и въ значеніи мадьярскаго погрома ни къ чему болѣе историческому она не могла придти. Когда же будетъ возстановлена истинная, начальная исторія славянства до IX вѣка включительно; когда убѣдятся, что это не были тамъ-сямъ разсѣянныя и незамѣтно для исторіи проникшія на западъ кучки; что то была эпоха, въ которую славянство, такъ сказать, лилось черезъ край обширными потоками и между прочимъ наводнило Дунайскія земли; что кризисъ, наступившій въ моравской державѣ по смерти Святополка, походилъ на подобные временные кризисы въ исторіи Чеховъ, Поляковъ, Русскихъ и т. д. — тогда выводы относительно возможной германизаціи славянства конечно получатся совершенно другіе. А теперь, благодаря туранской теоріи, мы можемъ успокоиваться на счетъ западныхъ славянъ тою мыслію, что мадьяризація спасаетъ ихъ отъ германизаціи, а германизація отъ мадьяризаціи.

Въ заключеніе мы должны всетаки отдать справедливость несомнѣнному трудолюбію и порядочной эрудиціи, которыя обнаружилъ молодой авторъ въ своей книгѣ. А ея, указанные мною, недостатки относятся не столько лично къ нему, сколько составляютъ неизбѣжные результаты той исторической школы, изъ которой онъ вышелъ.

Д. И. Иловайскій.

Москва

прочимъ г. Гротъ только въ примѣчаніи, мимоходомъ, упоминаетъ мнѣніе г. Куника о турецкой династіи у Мадьяръ (225); тогда какъ, и вторяю, этотъ пунктъ требуетъ серьезнаго разсмотрѣнія. Но при этомъ нужно еще предварительно опредѣлить, были ли Кабары пришлымъ турецкимъ или туземнымъ кавказскимъ племенемъ. Я приводжу ихъ въ связь съ Черкесами-Кабардинцами (тоже и покойный Брунъ). Если г. Гротъ несогласенъ, то ему слѣдовало нѣсколько заняться этимъ предметомъ. Д. И.

Журналъ Мин. Нар. Просв. 1882 Ч. 219. Янв.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Труды третьяго международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ. 1876. Томъ первый, подъ редакціей *В. В. Григорьева.* Съ картою и осьмью таблицами рисунковъ. С.-Петербургъ. 1879—1880.—Томъ второй, подъ редакціей барона *В. Р. Розена.* Съ приложеніемъ пяти литографированныхъ снимковъ. С.-Петербургъ и Лейденъ. 1879.

I.

Появленіе Трудовъ 3-го международнаго съѣзда оріенталистовъ, происходившаго въ 1876 году въ С.-Петербургѣ, прошло у насъ вовсе незамѣченнымъ; а между тѣмъ Труды эти сдѣлали не малый вкладъ въ науку и возбудили много вопросовъ, удачное разрѣшеніе которыхъ несомнѣнно прольетъ новый свѣтъ на прошлое Востока. Причина такого равнодушія нашей критики къ Трудамъ съѣзда заключается—думаемъ—въ томъ, что содержаніе статей, помѣщенныхъ въ этихъ двухъ объемистыхъ томахъ, чрезвычайно разнообразно, спеціально, и требуетъ извѣстной подготовки для оцѣнки ихъ. Въ предлагаемой статьѣ мы не предполагаемъ представить строго-научный разборъ Трудовъ С.-Петербургскаго съѣзда оріенталистовъ, а лишь познакомить читателей съ содержаніемъ ихъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ высказать свои соображенія по поводу затронутыхъ тамъ вопросовъ.

Въ I-мъ томѣ прежде всего мы знакомимся съ дѣйствіями организаціоннаго комитета 3-го съѣзда оріенталистовъ, съ подготовительными работами по устройству этого съѣзда и съ занятіями съѣхавшихся оріенталистовъ на самомъ съѣздѣ.

По плану, первоначально выработанному въ организаціонномъ ко-

митетѣ, предполагалось издать три тома Трудовъ: одинъ томъ долженъ былъ заключать въ себѣ статьи на иностранныхъ языкахъ; второй томъ комитетъ разчитывалъ наполнить статьями нашихъ ученыхъ, на русскомъ языкѣ, и наконецъ, дать еще третій томъ, который предполагалось составить изъ ряда задуманныхъ комитетомъ обозрѣній нашихъ трудовъ по изученію Востока. Мысль составить подобныя обозрѣнія возникла въ комитетѣ вслѣдствіе того, что наши труды на поприщѣ изученія Азіи недостаточно извѣстны отечественной публикѣ и вовсе неизвѣстны въ западной Европѣ. Съ другой стороны, эти обозрѣнія наглядно показали бы, что̀ нами уже сдѣлано и на что̀ слѣдуетъ обратить вниманіе. Осуществись эта мысль комитета вполнѣ—и происходившій у насъ съѣздъ оріенталистовъ могъ бы считать эти обозрѣнія однимъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ, имъ достигнутыхъ. Но, къ сожалѣнію, очень немногія лица, взявшіяся за составленіе обозрѣній по предметамъ имъ близкимъ по занятіямъ, представили ихъ, да и то несвоевременно, чѣмъ печатаніе перваго тома затянулось, и второй могъ раньше появиться въ свѣтъ, такъ какъ матеріалъ для него былъ уже готовъ. Кромѣ того оказалось, что статей на русскомъ языкѣ недостаточно для составленія отдѣльнаго изъ нихъ тома, и онѣ были соединены вмѣстѣ съ обозрѣніями. Такимъ образомъ вышло всего два тома. Но за то, совершенно неожиданно, явилось особое приложеніе къ Трудамъ: изслѣдованіе К. А. Коссовича о „Пѣснѣ Пѣсней“ [1]), которое также прошло у насъ незамѣченнымъ, но въ которомъ авторъ еще разъ подѣлился съ нами своими глубокими филологическими познаніями и объяснилъ это, долго не поддававшееся ученымъ, знаменитое произведеніе древнееврейскаго творчества.

Дѣятельность членовъ съѣзда на засѣданіяхъ выразилась, во-первыхъ, въ сообщеніи новѣйшихъ изслѣдованій по разнымъ отраслямъ востоковѣдѣнія, и вовторыхъ, въ представленіи отвѣтовъ на вопросы, предложенные организаціоннымъ комитетомъ для разъясненія научныхъ дезидератъ и оживленія засѣданій. Эта ученая дѣятельность съѣзда и была своевременно представлена въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, на основаніи изданныхъ тогда бюллетеней [2]). Здѣсь же мы коснемся другой стороны дѣла,

---

[1]) Canticum Canticorum. Ex hebraeo convertit et explicavit Dr. *Cajetanus Kossowicz*. Petropoli, 1879.

[2]) Ноябрьская книжка 1876 года.

именно, характера и значенія этихъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ [1]).

Вопросы, повидимому, заинтересовали ученый міръ, такъ какъ изъ 38 вопросовъ на 22 послѣдовали сообщенія. Но сообщеніе не значитъ еще рѣшеніе. И дѣйствительно, рѣшеній было очень немного, такъ какъ немного было прямыхъ отвѣтовъ на предложенные вопросы. Много говорилось, такъ сказать, по поводу вопросовъ. Приведемъ примѣры. На вопросъ (№ 1): „Историческіе источники свидѣтельствуютъ, что Сибирь постоянно, въ теченіе болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, высылала въ Среднюю Азію народъ за народомъ: какія обстоятельства содѣйствовали тамъ распложенію народонаселенія, и почему съ завоеваніемъ Сибири, распложеніе это и выселенія оттуда прекратились?“ — сперва говорилъ что-то не совсѣмъ понятное и совсѣмъ не идущее къ дѣлу г. Соловкинъ; а потомъ нашъ знаменитый синологъ В. П. Васильевъ, который собственно возражалъ противъ вопроса, доказывая, что Сибирь никогда не была такъ населена, какъ нынѣ, и никогда никакихъ народовъ въ Среднюю Азію не высылала. Сообщеніе г. Васильева можно принять, какъ очень цѣнную поправку къ редакціи вопроса, но все-таки причины, почему прежде Азія имѣла возможность высылать толпы кочевниковъ въ Европу (въ этомъ-то вѣдь и вся сущность вопроса), остались не затронутыми. Точно также и въ высшей степени интересное сообщеніе В. П. Васильева о шаманизмѣ не было прямымъ отвѣтомъ на вопросъ (№ 2): „Шаманизмъ, господствующій до сихъ поръ между инородцами Сибири, не обращенными еще въ Христіанство, у всѣхъ ли у нихъ одинаковъ; или представляетъ особенности смотря по тому, къ какой этнографической семьѣ принадлежатъ эти инородцы“? Вопросъ этотъ остался не разъясненнымъ, а онъ затрогиваетъ одну изъ существенныхъ сторонъ шаманизма, этой, довольно еще темной для насъ, религіи.

Если мы причислили эти два сообщенія къ очень цѣннымъ по своему содержанію, то не можемъ сказать того же о многихъ другихъ. Къ послѣдней категоріи относятся, прежде всего, разъясненія г. Терентьева. По поводу вопроса (№ 14): „Монеты мусульманскихъ династій, по даннымъ заключающимся въ изображенныхъ на нихъ надписяхъ, принято вообще считать историческимъ источникомъ болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ лѣтописи и тому подобные неоффиціальные документы:

---

[1]) О тѣхъ отвѣтахъ, которые помѣщены въ ряду статей Трудовъ, рѣчь будетъ впереди.

вполнѣ ли это основательно, и всегда ли можно сказанія послѣднихъ поправлять при помощи первыхъ?", г. Терентьевъ сдѣлалъ указаніе на одинъ оффиціальный памятникъ, противорѣчащій несомнѣнному историческому свидѣтельству. Онъ обратилъ вниманіе собранія на хронологическую ошибку въ надгробной надписи о времени смерти хана Шейбани. Извѣстно, что ханъ этотъ умеръ въ 1510 году; а по могильному памятнику выходитъ, будто бы—въ 1569. Слѣдовательно, заявлялъ лекторъ, „болѣе довѣрія должно быть оказываемо монетнымъ легендамъ, какъ документамъ оффиціальнымъ" (стр. XCVIII). Примѣръ едва ли удачный. Трудно допустить ошибку въ годѣ смерти лица на могильной плитѣ, ему воздвигнутой. Невольно рождается сомнѣніе въ правильномъ чтеніи надписи: не принимается ли годъ постановки памятника за годъ смерти хана? Чтеніе монограммъ на подобныхъ памятникахъ дѣло далеко не легкое. Тутъ ошибались и такіе знатоки мусульманской палеографіи, какъ знаменитый Френъ. Предложенный же комитетомъ вопросъ имѣлъ въ виду нѣкоторые случаи когда монетныя даты сообщаютъ невѣрныя свѣдѣнія, и которыя нумизматамъ надо принимать въ разчетъ при выясненіи противорѣчій между лѣтописными памятниками и монетными легендами [1]). Мы позволимъ себѣ указать на одинъ оффиціальный документъ, который, думаемъ, заслуживаетъ бо́льшаго довѣрія, чѣмъ монеты. Это—вакуфные документы. Чтобы имѣть право владѣнія вакфомъ, необходимо получить письменное на то утвержденіе съ приложеніемъ ханской печати; и эту процедуру надо продѣлывать всякій разъ при вступленіи на престолъ новаго хана. При этомъ поспѣшность—прямой интересъ обладателей вакфовъ. Понятно, поэтому что ни хронологической и никакой другой ошибки тутъ быть не можетъ.

Разсужденіе г. Терентьева о значеніи словъ Сартъ и Таджикъ вовсе не коснулось сути вопроса, то-есть, опредѣленія этихъ словъ изъ историческихъ памятниковъ, и вызвало лишь нѣкоторыя разъясненія П. И. Лерха, предложившаго этотъ вопросъ.

Были, наконецъ отвѣты, отличавшіеся чистымъ пустословіемъ. Такъ, г. Маховъ вызвался дать обясненіе по 17-му вопросу: „Долгое существованіе въ Японіи династіи кіотскихъ микадо, не пользовав-

---

[1]) Интересное разъясненіе этого вопроса можно найдти въ замѣткѣ *В. В. Григорьева*: «По поводу кашгарскихъ монетъ съ именемъ Абдуль-Азизъ хана» въ *Извѣстіяхъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества*, 1881 г., т. X, вып. 1-й; стр. 50—55.

103

шихся никакою политическою властію, и, совмѣстно съ этою династіею, существованіе нѣсколькихъ династій сіогуновъ, дѣйствительно правившихъ государствомъ — есть ли это явленіе характеризующее только японскую исторію, или встрѣчается оно и въ исторіи другихъ среднеазіатскихъ народовъ, какъ результатъ особыхъ, свойственныхъ имъ представленій о „бѣлой" и „черной" кости, и какимъ образомъ можно объяснить происхожденіе этихъ представленій?" Но вмѣсто того, чтобы указать на аналогичные случаи (напримѣръ, Хаканъ и Бекъ у Хазаръ) и объяснить причину подобнаго явленія, какъ требовалось вопросомъ, лекторъ распространился о происхожденіи двоевластія въ Японіи, то-есть о вещи извѣстной и переизвѣстной, а сущности дѣла не коснулся.

Не совсѣмъ понятно намъ сообщеніе г. Говарса на вопросъ: „Какія именно обстоятельства прекратили вдругъ, въ началѣ XI вѣка, торговлю между мусульманскимъ Востокомъ и сѣверною Европою, торговлю, процвѣтавшую постоянно въ теченіе VII—X столѣтій?" При чемъ въ этой торговлѣ желѣзный вѣкъ съ его подраздѣленіями, мы сознаемся — не понимаемъ; но г. Говарсъ какъ-то связываетъ этотъ вѣкъ съ торговлею между сѣверною Европой и мусульманскимъ Востокомъ. На тотъ же вопросъ отвѣчали Д. А. Хвольсонъ и А. Я. Гаркави. Оба они видѣли причину прекращенія этой торговли въ паденіи Хазарскаго царства. Мы думаемъ, что причины прекращенія ея надо искать не въ Европѣ, а въ Азіи. Припомнимъ подобный же случай, но имѣвшій мѣсто спустя три столѣтія, а потому и болѣе намъ извѣстный. Послѣ паденія Хазарскаго царства, торговля между сѣверною Европой и Среднею Азіей стала оживать, благодаря образованію Хорезмскаго государства въ низовьяхъ Аму-Дарьи. Снова стали повторяться тѣ же явленія въ области торговли, какія характеризуютъ время Саманидовъ. Эту вторичную уже торговлю задушили Монголы, которые произвели страшный переворотъ въ Азіи. То же произошло и въ X вѣкѣ, когда роль Монголовъ играли Турки, хотя, можетъ быть, и въ болѣе слабой степени. Ихъ движеніе изъ Средней Азіи въ переднюю и южную Россію нарушило прежній политическій строй, и въ самой Азіи убило всякую торговую предпріимчивость. Если наше предположеніе вѣрно, то торговля между мусульманскимъ Востокомъ и сѣверною Европою пресѣклась бы въ томъ случаѣ, еслибы Хазарское царство продолжало существовать и послѣ X столѣтія. Тутъ Хазарское царство не при чемъ.

Вообще можно сказать, что отвѣты прямо на вопросъ давали почти только лица, ихъ предложившія (№№ 13, 18, 19, 21, 22, 25, 33); а изъ иностранцевъ прямо отвѣчали: Кернъ (№ 28), Либлейнъ (№ 11), Говарсъ (№ 4), Эномото (№ 17), Оппертъ (№ 32).

На самомъ уже съѣздѣ предложены были г. де-Рони три вопроса: 1) „есть ли возможность возстановить, въ интересѣ сравнительнаго языкознанія, языкъ, коимъ говорили Китайцы въ періодъ династіи Хань, а равно и языкъ, употреблявшійся ранѣе того времени?“ 2) „каковы характеръ и лингвистическое сродство корейскаго языка?“ 3) „сообщаютъ ли китайскіе историки достовѣрныя свѣдѣнія о движеніи первыхъ выселеній Китайцевъ въ бассейнъ Желтой Рѣки?“ По всѣмъ этимъ вопросамъ давалъ объясненія В. П. Васильевъ, а по первому и самъ г. де-Рони.

По поводу вопросовъ можно сказать, что въ нихъ преслѣдовались двѣ цѣли. Лица, ихъ предложившія, или думали получить разъясненія отъ другихъ изслѣдователей на разныя, возникавшія у нихъ при работахъ сомнѣнія, или старались обратить вниманіе ученыхъ на нѣкоторыя ложныя мнѣнія, прочно утвердившіяся въ ученомъ мірѣ иногда просто только вслѣдствіе недоразумѣнія. Къ числу этихъ послѣднихъ относятся вопросъ о значеніи термина „Туранъ“ и „Туранскій“ (№ 18), давно уже разрѣшенный В. В. Григорьевымъ [1]), вопросы—о Харлухахъ (№ 21), о религіозномъ фанатизмѣ Арабовъ (№ 26), о религіозномъ ученіи, заключающемся въ Авестѣ (№ 27), и нѣкоторые другіе.

Нѣкоторые вопросы, къ удивленію, вовсе не были затронуты на съѣздѣ. Напримѣръ, вопросъ (№ 3): „Видимъ, что почти каждый основатель новой степной монархіи въ Средней Азіи даетъ подданнымъ своимъ кодексъ законовъ: какія были тому причины при извѣстномъ однообразіи степныхъ обычаевъ и образа жизни, и съ какою цѣлію дѣлались такія кодификаціи?“ Тутъ затронута интересная черта кочевыхъ обычаевъ, на которую нельзя не обратить вниманія [2]).

---

[1]) См. его монографію «О Скиѳскомъ народѣ Сакахъ». С.-Пб. 1871, стр. 194—202.

[2]) Не затронутъ этотъ вопросъ и въ прекрасномъ трудѣ К. Ѳ. Голстунскаго, издавшаго наиболѣе важный памятникъ степнаго законодательства: «Монголо-Ойратскіе Законы». С.-Пб. 1880. Правда, авторъ говоритъ, что составленіе законовъ 1640 года есть «выработка на самомъ сеймѣ такого акта, который долженъ былъ установить мирный порядокъ внутри, нарушенный быв-

Сюда же можно отнести и вопросы о неподвижности персидскаго языка съ X столѣтія (№ 9), о вліяніи іудейства на парсизмъ (№ 30), и объ уйгурскомъ письмѣ (№ 5).

Конечно, нельзя было ожидать и требовать, чтобы съѣздъ разрѣшилъ всѣ эти задачи, да и не съѣзды, хотя бы и международные, двигаютъ науку впередъ. Для насъ важно уже то, что, благодаря съѣзду оріенталистовъ, вопросы эти сдѣлались общимъ достояніемъ, и надо надѣяться, не пропадутъ безслѣдно для науки.

Статьи, помѣщенныя въ 1-мъ томѣ „Трудовъ" съѣзда, начинаются съ прекраснаго обозрѣнія В. Е Тизенгаузена, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ среди нашихъ немногочисленныхъ теперь нумизматовъ: „Обзоръ совершенныхъ въ Россіи трудовъ по восточной нумизматикѣ" (съ указателемъ). Относительно восточной нумизматики нигдѣ въ Европѣ не сдѣлано такъ много, какъ у насъ. Можно даже сказать, что у насъ только нумизматика поставлена на ту высоту, что сдѣлалась вспомогательной для исторіи Востока наукой, хотя на Западѣ занялись этимъ предметомъ и раньше, чѣмъ у насъ. Въ Россіи появилось такъ много трудовъ и изслѣдованій по восточной нумизматикѣ, что привести ихъ въ извѣстность и сгруппировать давно уже являлось существенной потребностью. Обозрѣніе г. Тизенгаузена удовлетворило этой потребности и наглядно показало, что̀ сдѣлано у насъ въ области восточной нумизматики. Въ немъ находятся указанія на наиболѣе крупныя находки монетъ, на коллекціи; тамъ находимъ и оцѣнку нумизматическихъ трудовъ, и ссылки на критическія статьи относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ трудовъ. Обозрѣніе г. Тизенгаузена является, такимъ образомъ, справочнымъ указателемъ сочиненіямъ по восточной нумизматикѣ. Но есть и такія заключенія автора, которыя кажутся намъ странными. Такъ, напримѣръ, покойный академикъ Дорнъ считается у него почему-то усерднымъ сотрудникомъ и продолжателемъ Френа (стр. 9). Заслуги Дорна, безспорно, очень велики въ дѣлѣ изученія Востока, только ужъ никакъ не со стороны нумизматики. Для нумизматики имъ сдѣлано очень немного и почти ничего цѣннаго. Да и самъ составитель Обозрѣнія, въ позднѣйшей припискѣ, замѣтилъ, что второй томъ посмертныхъ нумизматическихъ трудовъ Френа „очень неумѣло изданъ академикомъ Дорномъ" (стр. 16)

шими раздорами и неурядицами» и т. д. (стр. 7). Положимъ, что такъ; но будетъ ли это объясненіе только частнаго случая, или относится оно ко всѣмъ подобнымъ явленіямъ? Едва ли.

106

Ближайшими же продолжателями трудовъ Френа были прежде всего П. С. Савельевъ и затѣмъ В. В. Григорьевъ. Они разъясняли темные вопросы въ области нумизматики и дѣлали новыя открытія, особенно въ нумизматикѣ Джучидовъ. Да и труды ихъ стали появляться въ печати гораздо раньше трудовъ Дорна.

Укажемъ, замѣченные нами, пропуски:

И. В. Петрашевскаго (преподавателя Османскаго языка въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ началѣ 40-хъ годовъ) — „Numi Mohammedani", единственный выпускъ которыхъ появился въ 1843 г. въ Берлинѣ, съ обширнымъ и превосходнымъ атласомъ рисунковъ монетъ.

Н. Михайлова—Описаніе мѣдныхъ монетъ Золотой Орды и о Сараѣ. (Астраханскія губернскія вѣдомости 1843 г., № 12).

Монеты мѣдныя Золотой Орды, или Чудиновъ, найденныя близь Селитрянаго городка (Астрах. губ. вѣд. 1843 г., №№ 12, 14).

Находка золотыхъ индійскихъ монетъ при разрытіяхъ въ развалинахъ Сарая. (Журналъ Минист. Народнаго Просвѣщенія 1849 г. № 10).

Кёлера—Médailles grecques des rois des la Bactriane du Bosphore etc. St.-Pétersb. 1822.

Затѣмъ, трактатъ о греко-бактрійскихъ монетахъ заключается въ статьѣ В. В. Григорьева: „Греко-Бактрійское царство", напечатанной въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. за 1867 годъ.

Не упомянута статья П. С. Савельева, „Грузинскія древности, надписи и монеты", помѣщенная въ Журн. Минист. Народн. Просв. (1837 г., ч. XVI, отд. II), и отдѣльный оттискъ которой вышелъ подъ заглавіемъ: „О грузинскихъ древностяхъ, надписяхъ и монетахъ, и о трудахъ гг. Дюбуа и Броссѐ".

Пропущены также нѣкоторыя мелкія сообщенія Савельева на засѣданіяхъ Археологическаго общества.

Наконецъ, въ дополнительной припискѣ мы не встрѣтили указанія на описаніе Халифскихъ монетъ покойнаго Дорна, помѣщенное въ Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères. Monnaies des khalifes. St.-Petersb. 1877. Окончаніе этого труда только недавно появилось въ свѣтъ.

Вслѣдъ за обозрѣніемъ г. Тизенгаузена помѣщено изслѣдованіе К. П. Патканова „О мнимомъ походѣ Таклатъ-Паласара къ берегамъ Инда".

Ассиріологія нынѣ стала самою модною наукой на западѣ. У насъ же литература по этому предмету очень небогата; а потому всякій добросовѣстный, не на живую руку составленный трудъ долженъ быть для русской читающей публики цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, какимъ и является изслѣдованіе г. Патканова. Чтеніе ассирійскихъ клинообразныхъ письменъ—дѣло новое и допускаетъ много сомнѣній, возбуждаетъ вопросы, которые могутъ разрѣшиться только послѣ большаго труда. Особенно чувствуется шаткость въ чтеніи собственныхъ именъ. Надписи же о времени царствованія Таклатъ Паласара II, похитителя ассирійскаго престола (745—727 гг.), сильно пострадали. Главная цѣль изслѣдованія г. Патканова доказать, что Таклатъ Паласаръ къ Инду не ходилъ (какъ выводилъ Ленорманъ, а за нимъ, не разобравъ дѣла, Масперо, Дункеръ и другіе ассиріологи); а ограничился только Мидіей. Предварительно авторъ представилъ положеніе и устройство ассирійскаго государства, которое было чисто-военной державой, а цари его—самыми воинственными въ мірѣ. Затѣмъ, авторъ доказываетъ, что тотъ походъ, который считается индѣйскимъ, физически не могъ простираться такъ далеко (стр. 52—53). Не ограничиваясь этимъ, авторъ пошелъ дальше. Онъ показалъ несостоятельность Ленормановскихъ пріурочиваній, по которымъ Парсуа отожествлялась съ Персіей, Зикрути — съ Сагартіей, Аріарми—съ Аріей, Аракутту — съ Арахозіей и т. д. до Инда (стр. 38—39). Разборъ географическихъ названій и составляетъ бо́льшую часть изслѣдованія г. Патканова, который разбираетъ шагъ за шагомъ мнимый походъ Таклатъ Паласара къ Инду. Съ выводами нашего изслѣдователя нельзя не согласиться, какъ относительно разсматриваемаго похода, такъ и относительно вредной поспѣшности ассиріологовъ популяризовать свои открытія (стр. 56). Къ статьѣ этой приложена карта Мидіи, Месопотаміи, Южной Арменіи и Сиріи, составленная К. П. Паткановымъ по ассирійскимъ источникамъ.

Обзоръ этнографическихъ свѣдѣній о самоѣдскихъ племенахъ, обитающихъ въ Сибири. Кн. Н. Кострова (стр. 73—87).

Кн. Костровъ (нынѣ уже покойный) посѣтилъ многія мѣста Сибири и лично ознакомился съ этою, все еще мало извѣстною намъ страною. Рядъ его статей въ разныхъ, преимущественно сибирскихъ, органахъ печати показываетъ въ немъ большаго знатока Сибири отъ сѣверныхъ тундръ до самыхъ благодатныхъ ея уголковъ на границѣ съ Китаемъ. Все это даетъ право ожидать отъ обозрѣнія кн. Кострова полезнаго труда для лицъ, изучающихъ бытъ Самоѣдовъ. Дѣй-

108

ствительно, въ своемъ обозрѣніи кн. Костровъ показалъ содержаніе сочиненій о Самоѣдахъ и коснулся вопросовъ, затронутыхъ нашими изслѣдователями. Можно было бы пожелать нѣсколько большей полноты, отъ чего обозрѣніе несомнѣнно выиграло бы. Представленное имъ обозрѣніе показываетъ, по нашему мнѣнію, что трудовъ о Самоѣдахъ не очень-то много; да и вообще о сибирскихъ инородцахъ литература наша не можетъ быть названа богатою.

Для полноты обозрѣнія укажемъ слѣдующіе пропуски:

1) Кастренъ, Путевыя письма изъ Сѣверной Россіи (Современникъ, 1845 г., т. 39).

2) Кастренъ, Русскіе Самоѣды (Современникъ, 1846, т. 44).

3) В. Иславинъ, Разказъ о кочеваньѣ по самоѣдскимъ тундрамъ (Современникъ, 1848, кн. 8 и 9).

4) А. Мордвиновъ, Записки о Туруханскомъ краѣ. (Современникъ, 1860, ч. 84).

5) Молчановъ, Описаніе Архангельской губерніи. С.-Пб. 1813. (О Самоѣдахъ стр. 38—48).

6) Дневникъ В. Н. Латкина во время путешествія на Печору, въ 1840 и 1843 годахъ (Въ Запискахъ Импер. Русскаго Географическаго Общества, книжка VII, 1873 г. О самоѣдахъ ч. I, стр. 89—108, 116—121; ч. II, 2—5).

Конечно, болѣе всѣхъ сдѣлалъ для изученія этнографіи Самоѣдовъ Кастренъ, встрѣтившій полную поддержку со стороны нашей Академіи Наукъ, при чемъ нельзя не упомянуть и инструкціи, составленной для него Шёгреномъ (Instruction générale donnée à M. Castrén, voyageur chargé par l'Académie de l'exploration de la Sibérie septentrionale et centrale sous le rapport de l'ethnographie et de la linguistique, par M. Sjoegren. См. Bulletin de la classe historico-philologique de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Petersbourg, t. I).

Вслѣдъ за этимъ обозрѣніемъ помѣщена „Замѣтка о путяхъ на Востокъ отъ Мешхеда въ Афганистанъ", Ѳ. Бакулина (стр. 91—96).

Находя, что свѣдѣнія о пути отъ Мешхеда въ Афганистанъ на существующихъ картахъ недостаточны, авторъ задумалъ пополнить этотъ пробѣлъ и, на основаніи разпросовъ, составилъ четыре маршрута: 1) отъ Мешхеда до Герата, 2) тотъ же путь, только черезъ Кафъ, 3) изъ Герата въ Кандагаръ, и 4) изъ Кандагара въ Кабулъ.

Далѣе слѣдуетъ наша статья: „Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи" (стр. 99—256).

109

Затѣмъ помѣщенъ „Историческій обзоръ военной организаціи въ Китаѣ съ древнѣйшихъ временъ до воцаренія Манджурской династіи", К. А. Скачкова (стр. 259—290).

Кто не знаетъ, что не такъ еще давно Китайцы старались наводить страхъ на своихъ враговъ не столько оружіемъ, сколько наружностью своихъ воиновъ? Имъ совѣтовалось размалевывать свои лица тушью и красками, самымъ фантастическимъ образомъ, при нападеніи на враговъ—кривляться, строить гримасы, или надѣвать маски съ изображеніемъ рогатыхъ, крылатыхъ, хвостатыхъ чудовищъ. Знаемъ и китайскую храбрость, являющуюся, впрочемъ, поздно: видя, напримѣръ, что сраженіе проиграно, Китайцы иногда начинали избивать другъ друга или взрывать себя порохомъ на воздухъ [1]). Но эти особенности китайщины не давали намъ никакого понятія ни о силѣ Китайской имперіи, ни о ея военной организаціи; а другихъ свѣдѣній мы почти не имѣли, такъ какъ тѣ указанія, которыя даетъ о. Іакинѳъ въ разныхъ своихъ трудахъ о Китаѣ, были въ этомъ отношеніи очень кратки [2]). Правда, въ послѣднее время изъ ряда статей по поводу Кульджинскаго вопроса, написанныхъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла нашимъ извѣстнымъ синологомъ, мы могли кое-что узнать о военной силѣ Китая и разсѣять наши страхи на этотъ счетъ. Но только обозрѣніе г. Скачкова можетъ вполнѣ просвѣтить насъ на этотъ счетъ.

Г. Скачковъ задался цѣлью показать, на основаніи китайскихъ источниковъ, на сколько Китай въ длинный періодъ своего существованія былъ военной державой, чтобы отсюда можно было судить о военныхъ способностяхъ націи (стр. 259). Выводъ, сдѣланный авторомъ, далеко не въ пользу Китая: военное образованіе, не смотря на военныя школы, не прививалось къ нравамъ Китайцевъ (стр. 280). Дѣйствительно, мы часто видимъ въ Китаѣ главнокомандующихъ, не имѣвшихъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ, и получавшихъ это званіе только ради большаго оклада и общественнаго почета; а между тѣмъ требованія отъ главнокомандующаго были очень велики.

„Прежде всего онъ (главнокомандующій) долженъ быть человѣкъ добродѣтельный. Его добродѣтели должны состоять въ строгости, въ умѣньи внушать страхъ и уваженіе къ себѣ, и заслужить довѣріе тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы награждать кого дѣйствительно должно

---

[1]) См. Записки Мирзы Шемса, изд. *В. В. Григорьевымъ*, Казань, 1861.

[2]) Только о военномъ морскомъ дѣлѣ имѣли мы статью г. *Скачкова* въ *Морскомъ Сборникѣ*, 1858 г., № 10.

наградить, и наказывать кого должно наказать. Онъ долженъ быть предусмотрителенъ и остороженъ. Мѣстность лагерей, гдѣ онъ располагаетъ свою армію, должна быть ему коротко знакома, дабы съ спокойной совѣстью онъ умѣлъ распорядиться хорошей позиціей и передвиженіемъ арміи. Сохраняя въ глубокой тайнѣ свои планы, основательно имъ обдуманные, и стараясь въ точности разузнать положеніе непріятеля, нападать онъ долженъ быстро и смѣло. По окончаніи сраженія онъ не долженъ располагать свою армію въ мѣстностяхъ ему неизвѣстныхъ. Хорошій главнокомандующій не долженъ страшиться ни отставки, ни опалы; по одержаніи побѣды не долженъ предаваться безпечности; будучи строгимъ со своими, не долженъ опускать возжи передъ плѣнниками....." и т. д.

Во время похода жалованье солдатамъ не всегда выдавалось, а назначалась награда за каждую предъявленную голову убитаго солдатомъ непріятеля, нѣсколько ланъ серебра. А корпусамъ вмѣсто окладовъ раздавались участки пахотной земли. Случалось, что офицеры, не смотря на строгіе приказы, не являлись къ своимъ отрядамъ (стр. 269), или же на военные сборы являлись одни начальники, не имѣя при себѣ солдатъ (стр. 281). Округа не высылали войскъ. Военныя школы и военные экзамены (стрѣльба въ цѣль и гимнастика) не улучшали состава войскъ; а между тѣмъ шли жаркіе споры о вредности или полезности классическаго образованія для военныхъ (стр. 286). Передъ битвой астрологи должны были опредѣлить часъ сраженія (285).

Военная система мѣнялась въ Китаѣ чуть не при каждой династіи. Такъ, при Цинской династіи вербовались въ армію всѣ способные носить оружіе; основатель этой династіи имѣлъ бдительный надзоръ за военными начальниками, не давалъ имъ воли, опасаясь ихъ славы. При Ханьской—введена была древняя система провинціальныхъ милицій (въ милиціи должны были служить всѣ землевладѣльцы страны, поочередно), а принудительная вербовка отмѣнена; по городамъ поставлены военные начальники. Кромѣ милиціи, образована была еще гвардія, скоро сдѣлавшаяся опасною для династіи по своему вліянію. Опредѣленныхъ правилъ при пріемѣ въ военное званіе не было. При Цзиньской—войска были размѣщены по всей имперіи, введено дѣленіе на округа, и въ каждомъ учреждены военные штабы. Введена наемная армія. Окружные начальники дѣлались въ своихъ округахъ самостоятельными владѣтелями и не повиновались богдыхану. При Танской—возобновлена милиція, и образованы

полки изъ людей „почетнаго рода“ для охраненія столицы. Введены военные экзамены, къ которымъ допускались только высокорослые и сильные. „Неучи-силачи“. Во время Сунской династіи вся армія состояла изъ кавалерійскихъ полковъ и стоянки ея смѣнялись поочередно, чтобы армія не дружилась съ жителями. Кромѣ того, были внутренніе гарнизоны, впослѣдствіи замѣненные ополченіями, пограничная стража и сельская стража. Военное управленіе было раздѣлено на 3 независимыя одно отъ другаго вѣдомства. Введены должности помощниковъ и подпомощниковъ главнокомандующаго. Съ Юаньскою династіей явилась необыкновенная въ Китаѣ дисциплина, и монгольскіе корпуса (5 въ окрестностяхъ Пекина), а въ китайскихъ корпусахъ поставлены монгольскіе полководцы. При Минской династіи образованы гвардія и армейскіе полки. Военное вѣдомство и хозяйственное были другъ отъ друга независимы. Ко времени этой династіи относится составленіе военной инструкціи (военный наказъ) главнымъ командиромъ Ванъ-цзи; наказъ въ высшей степени замѣчательный съ военной точки зрѣнія, а потому и пришелся онъ не по характеру націи (стр. 285).

Къ сожалѣнію, авторъ довелъ свой трудъ до паденія Минской династіи (1644-й годъ) и не коснулся наиболѣе интереснаго для насъ времени царствованія нынѣшней династіи.

Съ нѣкоторыми взглядами автора мы однако не можемъ согласиться Изъ его очерка выходитъ, что всѣ перевороты, въ Китаѣ происходившіе, вытекали изъ военной организаціи и распущенности въ китайской арміи. Едва ли это такъ. Почти во всѣхъ переворотахъ Китая первая роль принадлежала сосѣднимъ кочевникамъ. Они своими грабительскими набѣгами раззоряли Китай, производили тамъ анархію и приводили къ паденію царствовавшую династію. Изъ труда же г. Скачкова выходитъ, что, напримѣръ, Монголы, какъ будто выжидали смутнаго состоянія Китайской имперіи, чтобы произвести въ нее вторженіе. Значитъ не случись въ то время въ Китаѣ неурядицы—и Монгольской имперіи не было бы? Не видно изъ разсматриваемаго очерка, какъ дѣйствовали китайскія войска, которыми нерѣдко предводительствовали замѣчательные полководцы, какъ Лю-ванъ, Ванъ-мао и другіе, а при нынѣшней династіи—Джао-хой и Фу-дэ. Не указаны и источники, которыми пользовался авторъ; онъ замѣтилъ только, что литература Китайцевъ о военномъ ихъ дѣлѣ очень небогата, да и то въ ихъ военной исторіи преобладаютъ болѣе всего суевѣрные разказы, астрологическіе выводы въ военныхъ успѣхахъ и біографіи полководцевъ,

представляемыхъ всегда храбрыми и доблестными, а потому авторъ дѣлалъ извлеченія изъ китайскихъ лѣтописей (стр. 260).

Наконецъ, неизвѣстно почему авторъ считаетъ годомъ возшествія Хубилая на престолъ 1280-й и къ этому же времени относитъ воцареніе Юаньской династіи? (стр. 281, 282).

Вслѣдъ за статьей г. Скачкова напечатано „Этнографическое обозрѣніе Кавказа" А. П. Берже (стр. 293—326):

Составить этнографическое обозрѣніе Кавказа — дѣло трудное; а представить вѣрную классификацію горскихъ народовъ въ настоящее время едвали и возможно. Про Кавказъ не даромъ говорятъ: „что деревня — то языкъ". А языки эти, не смотря на труды Клапрота, Шифнера, Услара и другихъ, разработаны еще очень слабо [1]); а потому и неудивительно, что у насъ ухитряются находить Черкесовъ даже въ Дагестанѣ! Понятно, слѣдовательно, что обозрѣніе г. Берже представляетъ только попытку къ группировкѣ Кавказскихъ народовъ, а равно и къ приведенію въ извѣстность и систему, какъ отдѣльныхъ сочиненій, такъ и журнальныхъ статей. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что изученіе восточно-кавказскихъ языковъ и нарѣчій далеко еще не окончено, а слѣдовательно, и обстоятельная классификація восточно-кавказской группы въ настоящее время немыслима (стр. 298). Поэтому мы и обратимъ вниманіе прежде всего на полноту и систематизацію статей по этнографіи Кавказа.

Съ этой стороны обозрѣніе г. Берже не можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ. Еслибъ авторъ собралъ весь громадный матеріалъ по этнографіи Кавказа и привелъ его въ извѣстность—это была бы главная его заслуга, такъ какъ тутъ нельзя ограничиться однимъ заглавіемъ статьи, а непремѣнно пришлось бы познакомиться съ ея содержаніемъ; но эта задача исполнена имъ только отчасти. Пропусковъ очень много. Чтобы не приводить ихъ здѣсь, мы прямо отсылаемъ читателей къ прекрасному каталогу Міансарова: Bibliographia Caucasica et Transcaucasica, С.-Пб. 1874—1876 Укажемъ лишь на брошюру П. Буткова: „Мнѣніе о книгѣ: Славянскія древности, сочиненной Шаффарикомъ". Въ этомъ разборѣ много говорится объ этнографіи Кавказа и высказываются нѣкоторыя предположенія, заслу-

---

[1]) До какой степени лингвистика Кавказа допускаетъ еще разныя предположенія можно видѣть изъ статьи А. *А. Цагарелли*: «О предполагаемомъ сродствѣ грузинскаго языка съ индо-европейскими и туранскими языками» (въ *Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія*, 1872 г. кн. сентябрьская).

113

живающія полнаго вниманія ученыхъ. Не всегда авторъ указываетъ переводы статей; такъ мы не встрѣтили указанія на переводъ статьи Френа о Кубечинцахъ (въ Ж. Мин. Нар. Просвѣщ. 1840 г. август. кн.) [1]) и друг. Относительно классификаціи народовъ на Кавказѣ авторъ взялся за дѣло ему уже отчасти знакомое [2]), и не его вина, если въ этомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя неточности и у насъ возникаютъ сомнѣнія. Тутъ можно развѣ упрекнуть автора въ излишней краткости. Эта краткость особенно бросается въ глаза относительно группы тюркскаго племени. Какія названія носятъ Татары на Кавказѣ (очень часто переходившіе изъ русскаго подданства въ турецкое, и на оборотъ), изъ обозрѣнія не видно. Мѣстами авторъ указываетъ время прибытія на Кавказъ или ухода изъ Кавказа нѣкоторыхъ народовъ (Ногайцевъ, Назрановцевъ, Карабулаковъ, Черкесовъ, Нѣмцевъ); но только нѣкоторыхъ. И тутъ хотѣлось бы видѣть бо̀льшую полноту. Напримѣръ, когда появились Туркмены на Кавказѣ? А вѣдь указанія на это можно найдти, такъ какъ и совершилось-то это поселеніе при содѣйствіи нашего правительства. Вообще опредѣленіе народностей на Кавказѣ и ихъ языковъ—трудъ первостепенной важности. Когда это будетъ достигнуто, тогда легче разрѣшится вопросъ и о заселеніи восточной Европы и уяснится движеніе народовъ изъ Азіи въ Европу въ древніе времена.

Очеркъ видовъ земельной собственности и поземельный вопросъ въ Туркестанскомъ краѣ. М. Н. Ростиславова (329—359)—

Статья эта принадлежитъ бывшему питомцу С.-Петербургскаго университета, служившему въ Туркестанскомъ краѣ и недавно трагически погибшему на пути къ мѣсту своего служенія. Туркестанскій край потерялъ въ немъ честнѣйшаго человѣка и даровитаго труженика. Въ своей статьѣ Ростиславовъ затронулъ очень важный для края вопросъ—поземельный. Обыкновенно мы разрѣшаемъ разные вопросы безъ справокъ съ прошлымъ, такъ сказать на угадъ, и нигдѣ мы такъ не грѣшили

---

[1]) Но составить въ Тифлисѣ полное библіографическое обозрѣніе этнографіи Кавказа едва-ли и возможно. По крайней мѣрѣ нельзя отказать автору настоящаго обозрѣнія въ знаніи дѣла и усердіи: вѣчнымъ памятникомъ его необыкновеннаго трудолюбія и рѣдкой энергіи останутся изданные имъ «Акты, собранные Кавказскою Археографическою Коммисіей». Этихъ актовъ вышло уже 9 томовъ in f°.

[2]) См. статью *А. П. Берже*: «Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ». Тифлисъ, 1858.

въ этомъ отношеніи, какъ въ Средней Азіи [1]). Положимъ, привести дѣла въ порядокъ дѣло хорошее, но производить коренную ломку столѣтіями укрѣплявшихся порядковъ, надо крайне осторожно. Вотъ почему, думаемъ, статья о поземельномъ вопросѣ въ Туркестанскомъ краѣ должна обратить на себя особенное вниманіе мѣстной администраціи. Авторъ разобралъ всѣ виды поземельной собственности отъ амляковъ „государственныхъ земель", до вакфовъ, земель, пожертвованныхъ на какое либо богоугодное дѣло или учрежденіе. Онъ показалъ всѣ „тончайшія отношенія правъ пріобрѣтенія и пользованія землей" въ Средней Азіи. А пользованіе тамъ землей дѣло очень сложное, хотя основной принципъ этого пользованія и очень простъ. „По мусульманскимъ законамъ — религіознымъ, а отсюда и гражданскимъ—вся земля, собственно говоря, амляковая, и какія бы операціи съ ней ни совершались, въ концѣ концовъ она остается такою: Даже мильковая земля не составляетъ, въ полномъ значеніи, собственности владѣльца, такъ какъ послѣднему, по точному и глубокому смыслу закона, принадлежитъ право не на землю, какъ на предметъ, на извѣстную вещь, а только на ея произведенія, слѣдовательно на плоды трудовъ своихъ..." (стр. 331). Особенное вниманіе авторъ обратилъ на мильковыя земли, то-есть на земли, составляющія частную собственность, объяснивъ происхожденіе ихъ, ихъ особенности и способы ихъ пріобрѣтенія и познакомилъ съ арендной системой владѣнія земли, системой довольно сложной. Далѣе, познакомилъ насъ съ вакфами въ Туркестанскомъ краѣ. Изложеніе очень подробное и обстоятельное; жаль только, что авторъ не указалъ разныхъ уловокъ или способовъ обходить законъ въ вакуфной системѣ. На стр. 344-й и 345-й читаемъ: „Вакуфное владѣніе ничьей частной собственности никакимъ образомъ составлять не можетъ. Вакуфы, утвержденные казіями, никто не имѣетъ права отчуждать или продавать другому. Прежній

---

[1]) Укажемъ для примѣра на такой случай: до насъ, населеніе было обложено сборомъ пропорціонально имуществу или доходу; то же наблюдалось и при торговлѣ. По занятіи нами Туркестана введены были новые порядки. Напримѣръ, бѣдный торгашъ, сколотившій нѣсколько кокановъ на покупку барана, котораго разчитываетъ продавать въ своей лачугѣ по мелочамъ, долженъ оплатить торговое свидѣтельство, стоющее 5 рублей, а богатый купецъ, привезшій на базаръ нѣсколько возовъ барановъ, за право продажи ихъ ничѣмъ не облагается, потому что, по нашему торговому уставу, торгующіе съ возовъ ничего не платятъ. Такой новой «справедливости» азіатцы никакъ понять не могутъ; а мы не понимали, почему они бунтовали при введеніи нами этой системы.

115.

владѣлецъ вакуфнаго имущества не имѣетъ права продавать его вмѣстѣ съ своей свободною собственностью; онъ можетъ отчуждать только послѣднюю, какъ ему принадлежащую, а не вакуфное имущество, на которое онъ не имѣетъ права. Вакуфъ, послѣ освященія своего, не можетъ быть милькомъ, точно такъ, какъ свободный человѣкъ не можетъ быть рабомъ. Вакуфная земля ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть милькомъ, такъ какъ владѣтель ея одинъ Богъ, а не созданный имъ человѣкъ". И что же? не смотря на такую точность закона о вакуфахъ, они все-таки отчуждаются въ частную собственность. Эта операція совершается на томъ основаніи, что законъ ничего не говоритъ относительно обмѣна вакфа на какую либо другую собственность. Стоитъ только подкупить мутеваллія, то-есть завѣдующаго вакфомъ, и онъ устроитъ сдѣлку: доложитъ совѣту, наблюдающему за вакфомъ, что представляется случай сдѣлать якобы выгодный обмѣнъ, и богатое угодье идетъ за какую нибудь маслобойню или мельницу.

Не меньшій интересъ представляетъ приведенное авторомъ указаніе на мѣру нашего правительства по отношенію къ вакфамъ. Чтобы мулла-ученикъ имѣлъ право на свою долю доходовъ съ вакфа, онъ долженъ пробыть при мечети не менѣе года, то-есть изучать въ это время мусульманское богословіе, тогда какъ до этого распоряженія муллы очень небрежно относились къ своимъ обязанностямъ и свои комнаты отдавали въ наймы постороннимъ людямъ. Повидимому, какое бы намъ дѣло до этого? а нѣтъ — мы сочли нужнымъ соблюсти интересы, хотя бы и враждебной намъ, религіи. Мы, въ ущербъ нашимъ интересамъ, всегда заботились о томъ, чтобы наши иновѣрцы соблюдали въ чистотѣ свою религію. Благодаря нашимъ только мѣрамъ Киргизы, мусульмане лишь по имени, обратились въ ревностныхъ послѣдователей ислама. Интересно, что Екатерина Великая пожертвовала значительную сумму на построеніе медресе въ Бухарѣ; медресе это одно изъ лучшихъ въ городѣ, и, что̀ особенно характерно, оно получило названіе не по имени основательницы, какъ это обыкновенно водится, а по имени бухарскаго посла: Назаръ-ильчи. Урокъ хорошій.

На 340-й страницѣ видимъ не совсѣмъ вѣрное замѣчаніе автора очерка, что нѣкоторые владѣльцы въ Средней Азіи носили и носятъ титулъ сейида произвольно. Не совсѣмъ-то произвольно, а по родству съ сейидами. Обыкновенно сейиды заключаютъ браки только между сейидами, и это правило соблюдается очень строго; только владѣ-

116

тельныя особы дѣлаютъ для себя исключеніе (иногда съ грубымъ даже насиліемъ); а въ такомъ случаѣ право на титулъ сейида пріобрѣтается уже по праву.

Вообще, статья составлена нѣсколько поспѣшно, что особенно проглядываетъ въ перечнѣ мѣстныхъ юридическихъ сочиненій, которыми пользовался авторъ; но, впрочемъ, онъ и не предназначалъ свой очеркъ для ученаго изданія.

Картографическое обозрѣніе Кавказа и Закавказья, І. О. Стебницкаго (стр. 363—370), къ сожалѣнію, составлено на стольно небрежно и до такой степени не по программѣ организаціоннаго комитета, что не хотѣлось бы и видѣть подъ нимъ подпись нашего извѣстнаго картографа. Чтобы представить подобный трудъ, вовсе даже и не нужно быть спеціалистомъ въ области картографіи. Вообще, обозрѣніе г. Стебницкаго не можетъ служить для справокъ: какую пользу, напримѣръ, можно извлечь изъ указанія, что въ такомъ-то году было опредѣлено двѣсти пунктовъ. Названіе самыхъ пунктовъ-то и важно съ указаніемъ ихъ опредѣленія по долготѣ или широтѣ, или по той и другой вмѣстѣ. Образцомъ такой работы можетъ служить „Списокъ мѣстъ въ сѣверо-западной части Средней Азіи, положеніе которыхъ опредѣлено астрономически“, составленный Яковомъ Ханыковымъ и Юріемъ Толстымъ (въ Запискахъ Имп. Русскаго Географическаго Общества, кн. X). Подобный трудъ по отношенію къ Кавказу тѣмъ болѣе былъ бы важенъ, что еще въ 1866-мъ году съемка обнимала уже все пространство Кавказскаго края.

Статья „Ургинскіе Хутухты. Историческій очеркъ ихъ прошлаго и современнаго быта“ (стр. 373—408)—Принадлежитъ молодому нашему монголисту А. М. Позднѣеву, успѣвшему уже зарекомендовать себя въ ученомъ мірѣ нѣсколькими солидными трудами по изученію Востока. На основаніи личныхъ наблюденій, разпросовъ, лѣтописныхъ сказаній, авторъ рисуетъ намъ положеніе Монголіи подъ вліяніемъ буддизма. Положеніе это крайне незавидно. Незавидно, оно главнымъ образомъ, потому, что народъ приноситъ слишкомъ большія жертвы своей религіи. Чего, напримѣръ, стоютъ народу встрѣчи хутухтъ, встрѣчи такъ живо изложенныя г. Позднѣевымъ! Но вѣдь таковъ буддизмъ. Въ Тибетѣ, гдѣ онъ господствуетъ безгранично, почти всѣ средства страны поглощаются имъ. Въ Монголіи болѣе половины всего населенія—ламы, то-есть тунеядцы, живущіе на счетъ трудящагося меньшинства.

117

Не менѣе представляютъ интереса сообщаемыя авторомъ отношенія китайскаго правительства къ Монголамъ и ихъ хутухтамъ. Никто не умѣетъ такъ обращаться съ кочевниками, какъ Китайцы. Этому искусству научились они многовѣковымъ и горькимъ опытомъ. Ихъ политику по отношенію къ кочевымъ народамъ можно, пожалуй, назвать безнравственною, своекорыстной, даже безчеловѣчной; но ужъ никакъ нельзя назвать непатріотичной. Въ сношеніяхъ съ хутухтами китайскій дворъ, конечно, выказалъ себя съ этой же стороны. Сперва, опасаясь вліянія хутухтъ на народъ, китайскіе императоры сильно заискивали у нихъ (и опять такъ, какъ умѣютъ заискивать только Китайцы); а потомъ, когда разными мудрыми мѣрами обезопасили они себя отъ какихъ-либо пропагандъ въ Монголіи противъ китайской власти,—отношенія къ хутухтамъ тотчасъ же перемѣнились [1]). Тогда не только начались притѣсненія хутухтъ со стороны китайскаго двора, но посыпались и оскорбленія, какъ напримѣръ, въ дѣлѣ изгнанія изъ Ургинскаго монастыря китайскихъ торговцевъ (стр. 388), или стѣсненія хутухтъ въ поборахъ съ народа, какъ напримѣръ, было въ случаѣ, происходившемъ въ 1839 году, когда китайскій дворъ разрѣшилъ хутухтѣ отправиться въ Тибетъ на поклоненіе далай-ламѣ, но съ условіемъ ѣхать на свой счетъ, потому что „удручать излишними податями народъ изъ-за прихоти, дѣло непригодное“ (стр. 389).

Авторъ статьи описалъ смерть хутухты, его похороны, избраніе новаго хутухты, происки и интриги при томъ происходящіе, показалъ приблизительное содержаніе хутухтъ, и—что̀ особенно важно—сдѣлалъ попытку приподнять завѣсу, покрывающую домашнюю жизнь хутухты. Хутухта обыкновенно проводитъ время въ глубинѣ своего дворца, живетъ жизнью замкнутою, и свѣдѣнія о его занятіяхъ и образѣ жизни можно получить только отъ приближенныхъ къ хутухтѣ лицъ. На основаніи собранныхъ свѣдѣній, авторъ приходитъ къ такому выводу:

---

[1]) Такъ точно поступили Китайцы съ іезуитами-миссіонерами. Сперва Китайское правительство заискивало передъ іезуитами, потому что ему нужны были таблицы солнечныхъ и лунныхъ затмѣній для исправленія календаря, и пока эти таблицы находились въ рукахъ іезуитовъ, китайскіе императоры давали даже важныя должности іезуитамъ въ Китаѣ; а какъ Китайцамъ удалось выманить эти таблицы, іезуиты были изгнаны изъ Китая. См. объ этомъ любопытную статью *К. А. Скачкова*: «Судьба астрономіи въ Китаѣ», въ *Ж. Мин. Народн. Просвѣщ.* 1874 г. кн. майская.

118

„Жизнь гэгэновъ (хутухтъ) вовсе не та святительская, о которой думаютъ его многочисленные поклонники, и время его проходитъ болѣе въ соотвѣтствующихъ возрасту забавахъ, нежели въ религіозныхъ созерцаніяхъ. Это подтверждаютъ съ одной стороны разказы объ охотахъ и облавахъ, приписываемыхъ второму и четвертому гэгэнамъ, а съ другой—указанія на связи съ женщинами пятаго гэгэна и т. д. Въ глазахъ буддистовъ всѣ дѣянія гэгэна имѣютъ конечно чудесный характеръ и совершаются единственно для пользы одушевленныхъ существъ; отъ того все человѣческое украшается здѣсь небывалыми вымыслами и чудесами: въ разказахъ, напримѣръ, объ отношеніяхъ гэгэна къ женщинамъ говорятъ, что онъ вступалъ въ связь исключительно съ тѣми, въ которыхъ прозорливымъ духомъ своимъ онъ видѣлъ не обыкновеннаго человѣка, а злаго мангуса, принявшаго на себя человѣческій видъ, чтобы приносить зло людскому обществу; что всѣ его отношенія къ такому мангусу ограничивались только борьбою и, конечно, побѣдою надъ врагомъ человѣчества. Тоже самое и въ отношеніи охоты гэгэна: здѣсь можно услышать и разказы о находкѣ необыкновенныхъ луковъ, которые никто не можетъ натянуть кромѣ гэгэна, и о совершенной чуждости грѣха самой охоты, потому что гэгэнъ, согласно ученію буддизма, никогда не умерщвлялъ животныхъ; если же случалось ему убить лань, или повалить цзэрэна, то онъ подъѣзжалъ, осматривалъ свою добычу, потомъ дуновеніемъ снова возвращалъ жизнь животному, и оно убѣгало къ родному стаду“ (стр. 396).

Седьмой гэгенъ, входя въ возрастъ, все болѣе и болѣе обнаруживалъ желаніе вольной и свѣтской жизни. „Можетъ быть, эти-то склонности и привели его къ ранней смерти. Въ куренѣ очень многіе говорятъ, что смерть его была насильственна“, замѣчаетъ авторъ (стр. 389).

Къ статьѣ своей г. Позднѣевъ приложилъ подробное „объясненіе“ монгольскихъ, тибетскихъ, маньчжурскихъ и китайскихъ словъ, встрѣчающихся въ его трудѣ (стр. 409—454). Но, не смотря на это объясненіе, нельзя не упрекнуть автора въ нѣкоторой скупости необходимыхъ для его статьи разъясненій. Читатель, безъ предварительной подготовки, многаго не пойметъ въ историческомъ очеркѣ г. Позднѣева объ Ургинскихъ хутухтахъ. Чтобы съ полною пользою прочитать этотъ очеркъ нужно имѣть подъ руками еще какое нибудь пособіе. Такимъ пособіемъ, пожалуй, и можетъ служить статья Н. С.

119

Щукина, „Ламайская вѣра“, помѣщенная въ Библіотекѣ для чтенія за 1847 г. ч. 81.

За статьей г. Позднѣева слѣдуетъ „Библіографическій очеркъ Армянской исторической литературы“ К. П. Патканова, (стр. 457—511).

Въ 1860 г. въ Бюллетеняхъ Академіи Наукъ К. П. Паткановъ помѣстилъ Catalogue de la littérature arménienne depuis le commencement du IV-e siècle jusque vers le milieu du XVII, гдѣ было приведено все, что въ то время было извѣстно о произведеніяхъ древней армянской письменности. Историкамъ армянскимъ отведено тамъ очень видное мѣсто. Но въ послѣдніе 20 лѣтъ изданіе армянскихъ текстовъ сдѣлало большіе успѣхи въ Европѣ, а потому приведеніе въ извѣстность этихъ изданій трудъ очень полезный. Въ немногихъ словахъ авторъ распространился о началѣ армянской литературы и представилъ, какъ отразилось на ней политическое устройство страны (устройство феодальное). Мы видимъ, какое положеніе занимала Арменія во время борьбы Сассанидовъ съ византійскими императорами, результатомъ которой было раздѣленіе Арменіи на персидскую и греческую. Видимъ, какъ непопулярна была въ Арменіи царская власть, созданная искуственно (стр. 458—462). Затѣмъ авторъ даетъ характеристику историческихъ сочиненій Арменіи (463—465), сообщаетъ свѣдѣнія о хранилищахъ армянскихъ рукописей (472—477), дѣлаетъ характеристику изданій, какъ текстовъ, такъ и переводовъ ихъ. Особенно полезно, по нашему мнѣнію указаніе автора на тѣ сочиненія, которыя извѣстны лишь по названію. Очень возможно, что вслѣдствіе обращеннаго на нихъ вниманія, нѣкоторыя и будутъ найдены. При составленіи обозрѣнія принятъ хронологическій порядокъ сочиненій, по вѣкамъ. Словомъ, обозрѣніе г. Патканова трудъ вполнѣ образцовый, которому недостаетъ только указателя.

Краткій историческій очеркъ уголовнаго законодательства Китая, съ древнѣйшихъ временъ до второй половины X вѣка по Р. Х. П. С. Попова (стр. 515—571)—

Статья эта заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе по крайне сухому предмету, какимъ является китайское законодательство. Тѣмъ болѣе благодарности заслуживаетъ отъ насъ авторъ статьи, задумавшій „дать юристамъ возможность ознакомиться съ основами уголовнаго права Китая съ древнѣйшихъ временъ его историческаго

120

существованія до половины X вѣка по Р. Х.". Напрасно только авторъ думаетъ, что „въ отечественной литературѣ, за исключеніемъ труда отца Іакинѳа, „Китай въ гражданскомъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ", мы почти ничего не имѣемъ по уголовному законодательству этой страны" (стр. 515). Очень не дурно это „почти", если припомнимъ, что еще въ прошломъ столѣтіи, слѣдовательно гораздо раньше появленія „Китая" о. Іакинѳа, уголовное законодательство Китайцевъ сдѣлалось извѣстнымъ изъ труда А. Леонтьева: „Тайцинъ Гурунь и Ухери коли, то-есть всѣ законы и установленія Китайскаго (а нынѣ Манжурскаго) правительства". Переводъ съ маньчжурскаго, С.-Пб. 1781—1783 г. 3 тома.

Свой историческій очеркъ авторъ начинаетъ съ императора Шуня (царствовавшаго за 2225 лѣтъ до Р. Хр.), „какъ лица, которое, по свидѣтельству китайскихъ историковъ, болѣе другихъ государей древняго міра ознаменовало себя въ области законодательной" (стр. 516). Конечно, для насъ важенъ не Шунь (существовалъ онъ или нѣтъ—это другой вопросъ), а взглядъ Китайцевъ на наказанія, приписываемыя тому времени: „цѣль наказанія заключалась въ томъ, чтобы не было надобности въ наказаніи, въ томъ чтобы вывести народъ на настоящую нравственную дорогу" (стр. 516). Иными словами, китайское правительство думало водворить нравственность страхомъ наказанія за дурныя дѣла. Особенно тяжкія наказанія угрожали чиновникамъ за преступленія; но, кажется, нигдѣ такъ низко не падало чиновничество, какъ въ Китаѣ. Повидимому одна строгость еще цѣли не достигаетъ. Но не такого мнѣнія авторъ настоящаго очерка: онъ стоитъ за строгость. По поводу смягченій въ наказаніяхъ введенныхъ императоромъ Цзинъ-ди, авторъ замѣчаетъ, что это усилило число преступленій, и высказываетъ такія соображенія: „только та мѣра дѣйствительно благодѣтельна, которая является неизбѣжнымъ продуктомъ требованій времени и нравственнаго роста націи... что Китайцы того времени не были готовы къ принятію реформы, что нравственный уровень ихъ стоялъ весьма не высоко: въ это время они еще не далеко ушли отъ временъ удѣльной системы, конецъ владычества которой характеризуется насиліемъ, кровопролитіемъ и необузданнымъ произволомъ—явленіями, которыя никакъ не могли содѣйствовать воспитанію въ Китайцахъ высокихъ понятій о нравственномъ долгѣ" (стр. 523). Далѣе: „всѣ благодѣтельныя измѣненія въ уголовномъ законодательствѣ Китая, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ,

обязаны своимъ происхожденіемъ почину государей—ихъ чисто субъективному чувству человѣколюбія, вызванному желаніемъ смягчить несчастную долю преступниковъ. Вслѣдствіе такого чисто-субъективнаго происхожденія своего, всѣ эти благія мѣры являются недолговѣчными, непрочными, и на каждомъ шагу подвергаются отмѣнамъ и измѣненіямъ" (стр. 525). Такимъ образомъ выходитъ, что человѣчность тогда была не своевременна въ Китаѣ. Но вотъ что̀ произошло при Суйской династіи (581—619 г.):

„Когда внѣ Китая на Западѣ открылись военныя дѣйствія, а внутри Императоръ (Вэнь-ди) предался необузданному сладострастію, когда на веденіе военныхъ дѣйствій были увеличены налоги, для сбора которыхъ чиновники не стѣснялись прибѣгать ко всевозможнымъ притѣсненіямъ, когда законы утратили свою силу, подкупы совершались открыто, и угнетенный народъ, не зная куда обратиться съ заявленіями о своихъ страданіяхъ, предался воровству и грабежу,—тогда Императоръ нашелся вынужденнымъ возстановить строгія наказанія. Такъ, изданъ былъ указъ, по которому виновные въ воровствѣ и грабежѣ всѣ безъ различія подвергались смертной казни, даже безъ предварительнаго о томъ доклада государю. Но мѣра эта, вмѣсто того чтобы содѣйствовать ослабленію зла, привела къ совершенно противуположнымъ результатамъ—усиленію грабежей и разбоевъ, а это повело къ изданію еще болѣе жестокихъ узаконеній, содѣйствовавшихъ развитію необузданнаго произвола отправителей правосудія. Самые безчеловѣчные виды казней—разорваніе, раздавленіе и т. п. были пущены въ ходъ" (стр. 541—542).

Выходитъ, слѣдовательно, что въ теченіе шести-семи столѣтій со времени Ханьской династіи, Китайцы на столько созрѣли нравственно что строгости теперь оказывали уже обратное дѣйствіе: онѣ теперь не уменьшали уже числа преступленій, а напротивъ увеличивали ихъ. Не отъ того ли произошло это, что нашъ авторъ смотрѣлъ на дѣло глазами китайскихъ писателей?

А взглядъ ихъ во многихъ случаяхъ замѣчателенъ. Напримѣръ, вызовъ на судъ обѣихъ тяжущихся сторонъ въ гражданскомъ искѣ, по мнѣнію китайскихъ законовѣдовъ Чжоуской династіи, служилъ запретительнымъ средствомъ противъ возникновенія исковъ (стр. 517). Или, напримѣръ, распространеніе наказанія, по нѣкоторымъ родамъ преступленій, на ближайшихъ родственниковъ преступника (стр. 521). Если преступникъ бѣжалъ, то на скамьѣ подсудимыхъ появлялась вся его семья (стр. 533).

122

Вообще наказанія у Китайцевъ отличались необыкновенною жестокостію: сверленіе головы, вареніе въ котлѣ, вырываніе реберъ, сжиганіе живыми, и т. д. И такіе законы, какъ законъ императора Пинь-ди (въ началѣ 1-го вѣка нашей эры) о несмягченіи наказанія за убійство рабовъ, производятъ диссонансъ въ цѣлой системѣ. „Человѣкъ есть драгоцѣннѣйшее изъ твореній неба и земли", говорится въ указѣ, данномъ по этому случаю, „а потому убившій раба не долженъ пользоваться снисхожденіемъ" (стр. 526).

Если преступникъ наказывался лишеніемъ какого нибудь члена, то этимъ правосудіе у Китайцевъ удовлетворялось какъ-бы вполнѣ, и такимъ лицамъ давались потомъ особыя назначенія. „Лица заклейменныя обращались въ дворцовыхъ привратниковъ. Казненные урѣзаніемъ носа употреблялись для дозорной службы на заставахъ. Оскопленнымъ поручалось наблюденіе за гаремами. Казненные отрубленіемъ ноги употреблялись для надзора за звѣринцами. Наказанные обритіемъ головы—наказаніе замѣнявшее оскопленіе для лицъ царскаго рода — назначались караульщиками магазиновъ и складовъ" (стр. 519, 531) [1]).

Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ очерка г. Попова, по нашему мнѣнію, скупость автора на объясненія; а онъ долженъ былъ разчитывать, что у читателей встрѣтятся недоразумѣнія при чтеніи его статьи. Напримѣръ, на 522-й стр. читаемъ: „обязанность преступника этой категоріи (наказаніе обритіемъ головы и надѣваніемъ на нее желѣзнаго обруча) заключалась въ томъ, что рано по утру онъ обходилъ городъ и толокъ для гражданъ рисъ". На 537-й: „виновные въ простомъ грабежѣ также подвергались смертной казни, съ тѣмъ только различіемъ, что зачинщикъ или предводитель подвергался смертной казни чрезъ отрубленіе головы, а сообщники лишались жизни другимъ образомъ".—Какимъ же? „Что же касается ихъ женъ и дѣтей, то они обращались въ пѣвицъ и въ пѣвцовъ"— правильнѣе бы сказать: въ актеровъ и актрисъ. На той же страницѣ: „отправляясь въ Цзинь-фын-тай, для принятія обѣтовъ буддизма, онъ (Гао-янъ) призвалъ множество приговоренныхъ къ смерти преступниковъ, и съ крыльями, сплетенными изъ камыша, приказалъ имъ

---

[1]) Замѣтимъ еще, что китайское правительство устроивало на своихъ границахъ военныя поселенія изъ молодыхъ преступниковъ для огражденія Китая отъ набѣговъ кочевниковъ.

123

летѣть внизъ".— Откуда? На 545-й: § 45. Объ опредѣленіи (т. е. о способѣ опредѣленія?) степени виновности лицъ, совершившихъ вмѣстѣ преступленіе, въ случаяхъ побѣга участниковъ. На 553-й: § 33. О наказаніи однофамильцевъ (т. е. изъ одного рода?) за вступленіе въ брачный союзъ. Что же касается до § 36 на той же страницѣ, то тутъ бѣлыхъ, описка, вмѣсто—бѣглыхъ [1]).

Вообще же, какъ историческій очеркъ уголовнаго законодательства въ Китаѣ, трудъ г. Попова очень полезный, и нельзя не пожелать, чтобы авторъ исполнилъ свое обѣщаніе продолжить свой трудъ.

Г. Люценко, въ статьѣ своей „Древніе еврейскіе надгробные памятники, октрытые въ насыпяхъ Фанагорійскаго городища" (стр. 575 — 580), задался цѣлью обратить вниманіе ученыхъ на еврейскіе надгробные камни, найденные въ послѣднее время на Таманскомъ полуостровѣ и въ окрестностяхъ Керчи, не вдаваясь ни въ какіе дальнѣйшіе выводы относительно ихъ значенія. Но за то одинъ выводъ—и очень важный—сдѣланъ редакторомъ Трудовъ съѣзда, относительно таинственности знаковъ на надгробныхъ плитахъ таматархскихъ Евреевъ. Эти знаки, по заключенію В. В. Григорьева, — тамги и показываютъ, что таматархскіе Евреи были хазарскаго происхожденія (стр. 577). Могильные памятники и символическіе знаки на нихъ (то-есть тамги) изображены на приложенныхъ къ этому тому таблицахъ.

Въ замѣткѣ „Объ археологической цѣнности фотографическаго альбома Арменіи работы г. Куркчьянца" (583 — 587), г. Патканов даетъ похвальный отзывъ о работахъ г. Куркчьянца, который первый примѣнилъ фотографію къ снимкѣ армянскихъ и клинописныхъ надписей въ Арменіи. Чтобы составить альбомъ, который отвѣчалъ бы всѣмъ научнымъ требованіямъ времени, нужно обладать знаніемъ и пониманіемъ дѣла [2]). И съ этой стороны альбомъ г. Куркчьянца заслуживаетъ вполнѣ вниманія ученыхъ.

Въ замѣткахъ 1) „О еврейской рукописи Пятикнижія изъ XII вѣка" и 2) „Славянская псалтирь XVIII вѣка, переведенная съ еврейскаго"

---

[1]) У *Леонтьева* въ «Тайцинъ гурунь» есть этотъ параграфъ: Не жениться на бѣглой женщинѣ или дѣвкѣ. Т. 3, стр. 222.

[2]) Укажемъ для сравненія, что извѣстный Туркестанскій альбомъ, стоющій громадныхъ денегъ, далеко не удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ, какъ это и было замѣчено въ свое время П. И. Лерхомъ.

124

(стр. 591—594), авторъ, г. Горскій-Платоновъ, обратилъ вниманіе, вопервыхъ, на единственную еврейскую рукопись Пятикнижія Московской духовной академіи, отличающуюся значительной древностью, и вовторыхъ, сообщилъ о трудѣ Московскаго архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго — переводѣ псалтири съ еврейскаго на славянскій языкъ. Авторъ замѣтки признаетъ переводъ Амвросія „во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательнымъ". Переводъ этотъ и вышелъ въ Москвѣ въ 1878 году.

Первый томъ Трудовъ Петербургскаго съѣзда оріенталистовъ заканчивается статьей г. Н. В. Чарыкова: „Un voyage dans l'Ouzbekistan en 1671", составленной по документамъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ (стр. 597—604).

Отчетъ объ этой миссіи въ Узбекистанъ, возложенной на братьевъ Пазухиныхъ, появляется въ печати уже во второй разъ. Въ первый разъ сообщилъ о ней Я. В. Ханыковъ въ своей „Пояснительной запискѣ къ картѣ Аральскаго моря и хивинскаго ханства (въ Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. V, стр. 308—312). Сообщеніе г. Чарыкова нѣсколько подробнѣе, но за то представляетъ ошибки въ числахъ. Онъ говоритъ, что Пазухинъ выѣхалъ изъ Москвы 30-го іюня 1669 г., а 10-го марта 1671 года отправился изъ Астрахани въ Хиву (стр. 598). Гдѣ же пропадалъ посолъ цѣлый годъ? И 1671 годъ не опечатка, потому что дальше (стр. 602) заявляется, что Пазухинъ оставилъ Бухару въ сентябрѣ 1672 года. Между тѣмъ, у Ханыкова читаемъ, что Пазухинъ прибылъ въ Бухару въ іюнѣ 1670 года, а отпускная аудіенція (о которой г. Чарыковъ забылъ упомянуть) происходила 20-го октября 167. года. Да и статейный списокъ Пазухина обнимаетъ (судя по заглавію) 1669—1672 годы, тогда какъ, по сообщенію г. Чарыкова посолъ этотъ только 9-го октября 1673 года прибылъ въ Москву. Очевидно, что цифры, которыя въ статейныхъ спискахъ того времени всегда писались славянскими буквами, невѣрно переложены на теперешнее лѣтосчисленіе.

Не совсѣмъ точно, намъ кажется, переведено служилые люди—soldats, и ходжи передано—khosi.

Пользуясь настоящимъ отчетомъ г. Чарыкова, укажемъ на важность статейныхъ списковъ нашихъ пословъ въ разныя государства Азіи. Помимо историческихъ указаній, въ нихъ находятся драгоцѣннѣйшія этнографическія свѣдѣнія о разныхъ странахъ Азіи, и во многихъ случаяхъ такія свѣдѣнія сохранились только въ статейныхъ

125

спискахъ—и нигдѣ болѣе; а потому изданіе ихъ цѣликомъ, а не въ отчетахъ, на которые не всегда можно положиться, дѣло существенной для насъ потребности, особенно въ отношеніи къ Средней Азіи [1]). Большихъ средствъ для этого не потребовалось бы; но за то потребуется добросовѣстность при снятіи копій съ списковъ.

---

[1]) Дѣло это отчасти уже и начато. Въ Сборникѣ князя *Хилкова* (С.Пб. 1879) помѣщенъ статейный списокъ Ивана Хохлова. Въ книгѣ *И. П. Минаева*: Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи (Спб. 1879 г.)—списокъ Исупа Касимова, на сколько сохранился онъ въ донесеніяхъ этого посланца (стр. 223—328).

Н. Весселовскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

127

Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія 1882. 219. Январь.

ГРОМОВНИКЪ ПО ПОВѢРЬЯМЪ И СКАЗАНІЯМЪ ПЛЕМЕНЪ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СѢВЕРНОЙ МОНГОЛІИ.

I.

Выдающееся мѣсто между явленіями природы, наводившими ужасъ на первобытнаго человѣка и потому послужившими основой для образованія миѳовъ, занимаетъ грозовое явленіе, реализацію котораго въ миѳѣ у насъ принято называть „Громовникомъ". О томъ, какъ отразились представленія о грозовомъ явленіи въ миѳахъ сѣверной Азіи, намъ мало извѣстно за исключеніемъ того, что̀ сказано объ этомъ Кастреномъ въ его „Финской миѳологіи". Вкладъ, сдѣланный Кастреномъ въ науку, относится преимущественно къ Финнамъ Финляндіи; шаманскаго же міра Сибири Кастренъ касается въ своей книгѣ только мимоходомъ, при случаѣ, когда ему нужно освѣтить темныя мѣста въ вѣрованіяхъ Прибалтійскихъ Финновъ. Мы попытаемся пополнить свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, сдѣлавъ сводъ представленій о Громовникѣ преимущественно по сказаніямъ и повѣрьямъ южной Сибири и сѣверной Монголіи.

Что громъ Монголы приписываютъ „Лу", то-есть, дракону, — это извѣстно изъ многихъ путешествій по Монголіи. По болѣе подробному повѣрью, Лу есть только подсѣдельное животное, на которомъ разъѣзжаетъ Тэнгри-ханъ или просто Тэнгри. На вопросъ: что̀ производитъ громъ? Монголы отвѣчаютъ различно; кто скажетъ, что это Лу, кто — что это Тэнгри. О самомъ Лу представленія также различны; самое распространенное, конечно, поддерживаемое рисунками на китайскихъ знаменахъ, есть то, что это—змѣй; но отъ одного Халхасца мнѣ довелось услышать, что есть и такое мнѣ-

ніе, будто это—шаманъ, а также другое, что это—верблюдъ, на которомъ сидитъ человѣкъ, бьющій въ бубенъ. Урянхайцы вмѣсто Лу говорятъ Улы и вмѣсто Тэнгри-ханъ — Терь-ханъ; послѣднее имя вполнѣ соотвѣтствуетъ монгольскому, потому что Урянхайцы, вмѣсто монгольскаго тэнгри, небо, произносятъ терь. Монголы къ имени Тэнгри прибавляютъ иногда Хурмусту; они говорятъ, что во время грозы на Лу ѣздитъ Тэнгри-Хурмусту-ханъ. Что Хурмусту было именемъ Громовника, показываютъ нѣкоторыя мѣста въ сказкахъ и былинахъ; въ напечатанной мною сказкѣ о Бородаѣ-Ху [1]) Гурбустэнъ-ханъ (который, вѣроятно, есть то же, что̀ Хурмусту-ханъ) замѣняетъ Громъ-батьку русскихъ сказокъ, представляющихся варіантами Бородая-Ху; въ концѣ сказки Гурбустэнъ-ханъ убиваетъ молніей темную силу Мангыса. Въ дюрбютской былинѣ о богатырѣ Иринъ-Сайнѣ Гучинъ-Гурба-Гурбустэнъ-ханъ также является мечущимъ молнію съ неба [2]). Алтайцы приписываютъ громъ и Улы, и Кайракану. Во время грома Алтайцы произносятъ: „Кайраканъ!“ въ родѣ того, какъ у насъ простой народъ говоритъ въ это время „Святъ, святъ, Господь Саваоѳъ“. Подъ Улы Алтайцы, подобно Урянхайцамъ и Монголамъ— на сколько могу судить изъ своихъ скудныхъ разпросовъ, — разумѣютъ змѣя.

Къ этимъ именамъ мы въ правѣ присоединить монгольское „Хаирханъ“, хотя и не имѣемъ прямаго указанія, чтобъ этимъ именемъ назывался громъ. Это причисленіе хаирхана къ именамъ Громовника мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: Вопервыхъ, хаирханъ фонетически вполнѣ соотвѣтствуютъ алтайскому кайраканъ; татарскій звукъ *к* въ монгольскомъ постоянно переходитъ въ *х*, какъ напримѣръ, кара—черный въ монгольскомъ хара, ку лебедь въ монгольскомъ хонгъ и т. д. Вовторыхъ, выраженіе: „э, хаирханъ!“ существуетъ и у Монголовъ, хотя я слышалъ его употребляемымъ только для показанія своего удивленія, напримѣръ, при разказѣ о чемъ-нибудь необыкновенномъ. Втретьихъ, хаирханами въ Монголіи часто называются горы или небольшія, но уединенно стоящія посреди равнины, или хотя и стоящія въ ряду другихъ, но выдающіяся значительно своею высотой. Иногда такія высоты бываютъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Въ сѣверо-западной Монголіи есть нѣсколько такихъ уединенныхъ бѣлковъ, какъ напримѣръ, Харкиринскій бѣлокъ къ востоку отъ озера

---

[1]) См. мои Очерки сѣверо-западной Монголіи, II, 171.

[2]) *Изв. Геогр. Общ.* 1880 г., стр. 175.

Убса, Биту-Ерикъ и Алтынъ Чучей—на правомъ берегу рѣки Кобдо, Теректинскій бѣлокъ — на правомъ берегу рѣки Буянту къ востоку отъ города Кобдо, Отханъ-Хаирханъ—къ сѣверу отъ города Улясутая и т. д. Такія высокія горы, покрыты ли онѣ вѣчнымъ снѣгомъ, или нѣтъ, имѣютъ свойство притягивать къ себѣ грозовыя облака. Часто на равнинѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца стоитъ ясная погода, а на сосѣднемъ бѣлкѣ, верстахъ въ тридцати или сорока, чуть не черезъ день разряжается гроза, гремитъ громъ, идетъ дождь или градъ. Мы сами были часто свидѣтелями подобныхъ картинъ, когда жили въ монастырѣ Улангомѣ. Такія горы пользуются особымъ уваженіемъ не только у шаманистовъ, но и у буддистовъ. Окрестное населеніе выбираетъ какую-нибудь возвышенность по близости высокой горы, насыпаетъ здѣсь „обо", то-есть, кучу камней, и собирается около нея въ извѣстные дни года, при чемъ ламаиты читаютъ молитвы, а шаманисты приносятъ жертвы. Шаманисты — на сколько я понимаю ихъ мысль—признаютъ самый бѣлокъ за источникъ грозоваго явленія; для нихъ бѣлокъ также гремитъ, проливаетъ дождь и сыплетъ градъ, какъ для насъ по крайней мѣрѣ граматически волканъ бросаетъ золу и бомбы, изливаетъ лаву и производитъ гулъ и землетрясеніе. Шаманистъ отожествляетъ высокую гору или бѣлокъ съ самимъ громовникомъ. Для отличія одного хаирхана отъ другаго, къ нарицательному „хаирханъ" прибавляется собственное имя; такимъ образомъ въ сѣверо-западной Монголіи находимъ горы подъ названіемъ Дзунъ-Хаирханъ, Батыръ-Хаирханъ, Отханъ-Хаирханъ, Хоттунъ-Хаирханъ, Буръ-Хаирханъ, Буренъ-Хаирханъ, Онго-Хаирханъ, Тельгиръ-Хаирханъ, Тосъ-Хаирханъ, Баинъ-Хаирханъ, Цаганъ-Хаирханъ, Курёнъ-Хаирханъ и многія другія. Небольшія горы съ названіемъ хаирханъ также встрѣчаются, но рѣже; мы знаемъ, напримѣръ, Табынъ-Хаирханъ, Талэнъ-Хаирханъ; нельзя не замѣтить, что эти низкіе хаирханы носятъ эпитеты простые; Табынъ-Хаирханъ въ переводѣ означаетъ „пять хаирхановъ" (тутъ дѣйствительно пять отдѣльныхъ высотъ), Талэнъ-Хаирханъ — „равнинный хаирханъ"; у высокихъ же хаирхановъ эпитеты, по видимому, старинные, миѳологическіе, утратившіе смыслъ, а если послѣдній иногда и замѣчается въ нихъ, то долженъ быть объясняемъ позднѣйшимъ домышленіемъ народа. Поэтому переносъ имени хаирханъ на невысокія горы, вѣроятно, есть явленіе исключительное; главнымъ же образомъ подъ хаирханами разумѣлись высокія, тученосныя горы. Хаирханъ, какъ названіе для горъ, встрѣчается, кажется, только въ западной Монголіи, въ Хангаѣ

и Алтаѣ; въ Тянь-Шанѣ мы это имя совсѣмъ не слышали; на сѣверѣ границей распространенія этого названія служитъ Танну-Ола; въ этомъ хребтѣ я знаю только два хаирхана; въ долинѣ Улу-Хэма стоитъ отдѣльная каменная гора Кайраканъ, но это уже собственное имя, и никакого эпитета къ слову кайраканъ не приставляется. Другой Кайраканъ въ Танну-Олѣ стоитъ въ вершинахъ рѣки Самгалтая [1]). У Урянхайцевъ и Алтайцевъ для высокихъ горъ, которымъ дѣлается поклоненіе, существуютъ уже другія имена; Урянхайцы называютъ ихъ адыкту, Алтайцы—джаикту или іикту, но объ этихъ словахъ мы скажемъ особо. На востокѣ въ хребтѣ Алтая хаирханы встрѣчаются довольно далеко; такъ, гора Того-Хаирханъ упоминается между хребтами Гурбань-сайханъ и Муни-ула (подъ 44° с. ш.). И такъ, на первый разъ мы имѣемъ для бога-громовника имена: 1) Тэнгри-ханъ, въ урянхайскомъ произношеніи Тэрь-ханъ, 2) Хаирханъ, въ алтайской и урянхайской передачѣ Кайраканъ; 3) Хурмусту или Гурбустанъ-ханъ и 4) Лу, въ алтайской и урянхайской передачѣ Улы.

Остановимся сначала на имени Тэнгри-ханъ. Слово тэнгри, произносимое также тэнгиръ, по монгольски означаетъ небо, такъ что Тэнгри-ханъ можетъ быть переведено: небо-царь (или небесный царь). Это слово производитъ рядъ діалектическихъ видоизмѣненій, обусловленныхъ или переходомъ гласныхъ, или свойствомъ турко-монгольскихъ языковъ измѣнять носовой звукъ *нг* въ *г*, *н* или въ *й*, и наконецъ, совсѣмъ опускать его; приводимъ здѣсь списокъ этихъ видоизмѣненій: та*нг*ара — небо и богъ по якутски; те*нг*ре — небо, каан те*нг*ере — царь—небо по алтайски; тэ*нг*ри-тагали — богъ, обитающій въ небѣ, у Казанскихъ Татаръ. Тегри—небо у Кондомскихъ Черневыхъ Татаръ; (Тыгири-тижи — зубы неба, названіе горъ въ вершинахъ р. Томи); Тегеръ-куль — (инородческое имя Божьяго озера въ Томской губерніи); терь—небо по урянхайски; торум—небо и Богъ по остяцки; тора—высшее божество по чувашски. У простыхъ неграмотныхъ Киргизовъ встрѣчаются выраженія тайръ джарылгасунъ! да возблагодаритъ тебя небо! ой тайрай, восклицаніе при удивленіи чему-нибудь; вѣроятно, первоначально было: ай тангри (о, небо!). Можно полагать, что названіе тэ*нг*ри сначала обозначало не одно небо, но небо и громъ вмѣстѣ, и есть слово звукоподражательное;

---

[1]) На картѣ г. Орлова, сопутствовавшаго намъ въ сѣверо-западную Монголію въ 1879 г., назначены горы Хаирханъ на правомъ берегу Ха-кема, противъ устьевъ Седзена и Джибея.

первобытный человѣкъ едва ли былъ въ состояніи при первоначальной бѣдности языка дифференцировать понятіе о небѣ отъ понятія о громѣ.

Въ подтвержденіе мысли, что это слово звукоподражательное, привожу факты, свидѣтельствующіе, что тотъ же корень распространенъ во многихъ словахъ туранскихъ языковъ, которыя должны обозначать громъ, трескъ или вообще звукъ.

Въ алтайскомъ языкѣ есть нѣсколко глаголовъ этого корня, которые для нагляднаго представленія ихъ параллелизма я располагаю въ видѣ слѣдующей таблицы:

ка*нг*радып јат	ша*нг*радып јат	
ку*нг*рэдып јат	ши*нг*рэдып јат	тю*нг*редып јат
кункэльдэдып јат	канкылдадып јат	тюнкелдадып јат

Всѣ эти глаголы передаютъ различные звуки, громы и тресги. „Ка*нг*радып“ говорятъ о громѣ, о колоколѣ, „ку*нг*радып“ о большомъ колоколѣ, ши*нг*радып јат говорятъ тогда, когда хотятъ сказать, что звенитъ колокольчикъ подъ дугой, кункэльдэдып говорится о громѣ пустой бочки, которую везутъ въ телегѣ или о самой телегѣ, когда ѣдутъ по замерзшей землѣ; тункэльдэдып говорятъ о звукахъ бубна; подобные же оттѣнки, которые я, къ сожалѣнію, не записалъ, передаются и формами тю*нг*редып, ша*нг*радып и шанкылдадып (отъ послѣдней черезъ опускъ носоваго *н* образованъ глаголъ шакылдадып, чакать).

Въ языкѣ Казанскихъ Татаръ также есть слово этого же корня а*нг*раша; говорится о ревѣ медвѣдя. У Котоновъ на озерѣ Убса глаголъ чингир звать, кричать; у Койбаловъ: kègararben, keigarerben, звать; kèigalîrben, kyigalîrben кричать, keiga — крикъ [1]), у Карагассовъ: kègararmen, звать, кейшкерармен, кричать. У Алтайцевъ кричать—кыйгыр, кыйгыра, о птицахъ—пойыра, во время охоты на звѣрей—агыр [2]); звать—кычыръ; о ревущемъ медвѣдѣ Алтайцы говорятъ багра. У Киргизовъ звать—чакыр, кричать качкыръ. У Якутовъ ыгыр, звать; са*нг*ар—звать, кричать; возвышать голосъ [3]); у Урянхайцевъ: ыт ынгырер — собака лаетъ (на языкѣ черневыхъ Татаръ ынгыр — колокольчикъ [4]); у Алтайцевъ чынгыр сморкаться; у Чувашей шынгыр—

---

[1]) *Kastren*, Versuch ein. Koib. und Karag. Sprachlehre, 155—157.

[2]) Грамм. алт. языка, стр. 45, 34.

[3]) *Böhtlingk*, Jacut. Worterb. 29, 152.

[4]) *Золотницкій*, Чув. слов., 15.

сморкаться [1]), отсюда чынгыр, алтайское сопля; по чувашски манга, по татарски ма*нг*ка сопли; мангылъ чув. сопливый; у Тазовскихъ Самоѣдовъ ла*нг*урум, ла*нг*урм, у Енисейскихъ Остяковъ leu*ng*aro, leungado—кричать, у Юраковъ ha*ng*au (handau), у Енисейскихъ Остяковъ ка*нг*або, leu*ng*aro звать. [2]).

Къ этимъ глаголамъ можно присоединить звукоподражательныя междометія: монгольское хангир-чангиръ въ родѣ нашего трынь, трынь!; алтайск. ша*нг*ыр-шу*нг*ур звонъ; ынгыр-чынгыр—скрипъ [3]); манджурск. кунгур-кангар громъ, трескъ отъ пустыхъ экипажей или отъ небеснаго грома [4]); казанск.-татарск. шингыр — ша*нг*ыр [5]), чувашск.—чангыр-чангыр звонъ мѣди; (ср. якутск. лы*нг*кыр звонъ) [6]).

Понятіе о небесномъ громѣ передается такъ: у Алтайцевъ: к*у*з*у*ре, к*у*г*у*ре, громъ гремитъ; к*у*з*у*рт, к*у*г*у*рт, громъ [7]); у Койбаловъ kügürt — громъ, kusurîrben гремѣть (о громѣ); у Сойотовъ т*у*н*г*у*р*у*п, громъ; у Карагасовъ dîr [8]); у Киргизовъ кунь ку*нг*рёды, кунь к*у*ркрёды громъ гремитъ; у Хамійцевъ и у крымскихъ татаръ кунь кургульдейды громъ гремитъ [9]); у Чувашей к*у*нд*у*рдэдэть [10]); у крещенныхъ Татаръ тä*нг*ре бабай к*у*крäтä, небо дѣдъ гремитъ; у горныхъ Черемисъ кудурча, громъ гремитъ; у Вотяковъ: гудыры, громъ. Тотъ же корень встрѣчается во многихъ существительныхъ именахъ для предметовъ, имѣющихъ какое-нибудь отношеніе къ звуку: ко*нг*ру, ко*нг*ору, по алтайски колокольчикъ [11]); кы*нг*рау по татар. id, шы*нг*рав по чуваш. id. [12]); хонгро по монгольски, погремушки на бубнѣ, кунгуру тѣ же погремушки

---

[1]) *Золотн.*, стр. 109.

[2]) *Castren*, Worterverz. d. Samojed. Spr., стр. 265, 276.

[3]) Грамматика алтайскаго языка, стр. 34 и 289.

[4]) Словарь *Захарова*, стр. 289.

[5]) *Золотницкій*, Кор. Чув. словарь, стр. 15, 80, 100.

[6]) *Böhtlingk*, Jacut. Wörterbuch, 151.

[7]) Грамматика алтайскаго языка, стр. 20.

[8]) *Castren*, Vers. e. Koib. и Karag. Spr., 99, 138.

[9]) Сравн. названія птицъ кургулдай—ремезъ по киргизски; алтын гургулдай Emberisa aureola монгольск. и бурят. (*Radde*, Reise nach Ost-Sibirien, II, 157); хоргол, хорголдай фазанъ по халхаски, алтын хорголдай, золотой фазанъ; очевидно, подъ этою формой алтан хорголдай, алтан гургулдей, когда она встрѣчается въ пѣсняхъ, иногда можетъ подразумѣваться громовникъ.

[10]) *Золотницкій*, Чув. словарь, 200.

[11]) Синонимъ кондрачак (id.) по замѣщенію носоваго можно приравнять къ чувашск. кундурдэдэть, громъ гремитъ. Грамматика алтайскаго языка, стр. 136.

[12]) *Золотницкій*, Чув. словарь, стр. 109.

по урянхайски; кунгуру на языкѣ Хамійцевъ кустарникъ семейства бобовыхъ, у котораго стручки должны гремѣть, судя по аналогіи съ другими видами того же семейства; хэнгрикъ, хэнгрке — бубенъ по монгольски, кангири—музыкальный инструментъ у Манджуровъ [1]), сихянь и кангири—побрякушки, пластинки изъ муравленой черепицы навѣшанныя на нитку подъ кровлею у Манджуровъ [2]); конгора колоколъ по сойотски, конкинор id по койбалски [3]); конгоро у камасинцевъ [4]), хонгорок на языкѣ енисейскихъ Остяковъ, конгорош, конкорош по котовски [5])—колоколъ; шангыръ трехструнная балалайка у вогуличскаго шамана, синкэрь — погремушки на бубенной колотушкѣ у Телеутовъ; дюнгуръ бубенъ по урянхайски, тунгыръ бубенъ по алтайски, тунгур по сойотски и карагасски [6]), tûr по койбальски. Донкур—дятелъ на языкѣ Сойоновъ въ вершинѣ р. Кобдо (у такъ — называемыхъ по монгольски Кокчулутуновъ), тонгуртка—дятелъ по алтайски, (тонгсогой по якутски); тэнгэри — трехструнная балалайка, употребляемая шаманами и простонародьемъ въ Манджуріи [7]). Къ этому перечню можно еще прибавить слова шанг колоколъ по алтайски чанг по татарски, шынг по кирг., сан по койбальски [8]), хонхо по монгольски, цанга у горныхъ Черемисовъ, чан у Чувашъ и луговыхъ Черемисовъ [9]), jonko колоколъ по юкагирски [10]); сеанга, сіенга, шенга, санку, сегга по самоѣдски [11]).

Кромѣ имени дятла, крикъ по видимому подалъ поводъ отъ того же корня заимствовать названія и другихъ птицъ; для красной утки (Vulpanser rutila) монгольское имя ангиръ, алтайское ангыр [12]). По

---

[1]) *Захаровъ*, 252.

[2]) *Захаровъ*, стр. 537.

[3]) *Castren*, Vers. e. Koib. und Karag. Spr., стр. 144.

[4]) *Castren*, Wörterverz. d. Samojed. Spr. 181.

[5]) *Castren*, Vers. ein. Eniss.-ostj. und kott. Spr., 240.

[6]) *Castren*, Vers. e. Koib. und Karag. Sprachlehre, стр. 161.

[7]) Словарь *Захарова*, 720.

[8]) *Castren*, Vers. e. Koib. und Kar. Spr., 144.

[9]) *Золотницкій*, Чув. слов.

[10]) Mélanges russes, t. IV, p. 604.

[11]) *Castren*, Wörterverz. d. Samojed. Spr., стр. 229.

[12]) Нельзя ли турецкое айгыр жеребецъ считать происшедшимъ отъ ангыр въ родѣ того, какъ кыйгыра кричать произошло отъ чингыр? Наименованіе того же животнаго на другихъ языкахъ—чувашскомъ: ыйгыр, якутскомъ: атыр, монгольскомъ: адзирга—представляютъ по видимому только видоизмѣненія этого корня.

якутски хонгоръ—родъ дикаго гуся [1]); ангыр же у Якутовъ Rohrdommel; шингырчь—скворецъ по чувашски [2]); ынгырба—дикая пчела по якут. Названія журавля представляютъ опускъ носоваго *н*: тогра, тогура по халхаски, тохурюн по бурятски [3]). На многихъ татарскихъ нарѣчіяхъ голубь называется кögöршинъ, что̀ можно сравнивать съ *кугурт*, громъ. Изъ растеній, кромѣ кунгуру, сюда можетъ быть, относится чингиль, киргизское названіе стручковаго кустарника съ гремящими плодами, принадлежащее къ одному роду съ хамійскимъ кунгуру; окончаніе этого имени находится въ связи съ глагольной формой кункэль [4]). Тунгуское названіе можжевельника (Juniperus) хонкіра [5]), дано кустарнику не по звукоподражанію, а по какой-то другой связи съ этимъ корнемъ; растеніе это встрѣчается въ шаманскихъ легендахъ и употребляется при куреніяхъ во время шаманскихъ мистерій; растетъ онъ на высокихъ горахъ, поднимающихся выше предѣльной линіи лѣсовъ, гдѣ ходятъ грозовыя тучи.

Сравнивая слова этого списка между собою, мы замѣчаемъ здѣсь тѣ же переходы звуковъ, какіе выше были уже указаны по поводу варіацій слова „тэнгри", небо, то-есть, или изъ носоваго звука выпадаетъ *н* (агыръ, ыгыр, чакыр въ алтайскомъ, якутскомъ и киргизскомъ кричать, звать, вмѣсто чингыр, какъ у Хамійцевъ [6])), или замѣчается

---

[1]) *Böhtlingk*, Jacut. Wörterbuch, 85.

[2]) *Золотницкій*, Чув. словарь, стр. 109.

[3]) Другаго журавля Grus Virgo Монголы зовутъ каркира; это названіе также въ связи съ глаголомъ кричать; по урянхайски кричать, гремѣть (о громѣ) *харкыра*; этимъ можно объяснить названіе бѣлка Харкира, лежащаго въ дурб. хошунѣ у монастыря Улангома. Къ тохурюн близокъ по звуку нашъ Тугаринъ Змѣевичь. Имя Дегуренгъ встрѣчается въ одномъ сказаніи объ отниманіи жены у мужа, включенномъ въ Алтанъ-Тобчи (стр. 40), только въ монгольскомъ сказаніи не Дегуренгъ у хана, а ханъ у Дегуренга отнимаетъ жену. По тунгуски журавль tokorof (сравни сойотское *тунгурун*, громъ).

[4]) Ср. йынгыл (звукоподражательное) звонъ колокольчика (*Золотницкій*, Чув. словарь, стр. 15). На языкѣ Енисейскихъ Остяковъ: конгелак, колокольчикъ (*Castren*, Vers. e. Eniss.—ostj. und Kot. Sprl. 270). По чувашски шыгыльчан растеніе колокольчики (campanula).

[5]) Mélanges asiatiques, tirés du *Bull. de l'Ac. de Sc. de St. Pétersb.* 1 VIII, 378.

[6]) Можетъ быть, алтайское сагыр, свистѣть (ср. алтайск. сыгырчак сверчокъ (Гр. алт. яз., 259); сыгырган, пищуха, Lagomys alpinus) было первоначально сынгыръ. Отъ замѣны *г* на *й* изъ сыгырчик образовалось татар. шыйырчык, сверчокъ. Алтайское и киргизское сыйыр, корова, имѣетъ предшествующую форму въ остяцкомъ сыгыр, корова, и въ чувашск. вугур, мугур, быкъ; монголь-

полное выпаденіе носоваго *г*, какъ въ карагасскомъ dîr, громъ, и въ койбальскомъ tûr, бубенъ; эта послѣдняя форма тожественна съ терь, небо, по урянхайски и указываетъ на неотдѣлимость представленій о громѣ и небѣ у первобытныхъ насельниковъ южной Сибири. Кромѣ того, замѣчаются еще слѣдующія измѣненія: носовой звукъ замѣщается 1) *йг* въ киргиз. кыйгыра, кричать, вмѣсто котонскаго чингыр, 2) *нд* кундурдэдэт—громъ гремитъ въ чувашск; 3) *д* кудурча—громъ по черемисски, и 4) *й* пойыра алт, кричать, kohinor въ карагасскомъ колоколъ вмѣсто konkinor, какъ въ койбальскомъ (подобно тому, какъ монгольское тангри перешло въ киргизское тайръ [1]).

Алтайскія формы пойыра, кричать (о птицахъ), багра, ревѣть (о медвѣдѣ) предполагаютъ измѣненія корня хонгро въ бангра—пангра; на то же указываетъ и остяцкое пö*нг*ер, бубенъ [2]) и чувашское м*угу*рь, ревѣть, мычать; съ такимъ же измѣненіемъ придыханія и съ измѣненіемъ носоваго въ *дз* имѣемъ самоѣдскія формы: peanser, peanzer, феанджир — шаманскій бубенъ [3]); ср. съ фандыръ, осетинск. балалайка [4]) (тутъ переходъ носоваго въ *нд*). Конечное *р* переходитъ въ *л*: кункель, чингиль, или совсѣмъ отпадаетъ, какъ въ названіяхъ колокола: шанг, цанго и пр., въ которыхъ опять носовой можетъ представлять уже указанные случаи опусканія (какъ напримѣръ, въ чувашск. колоколъ: чан).

Списокъ приведенныхъ словъ показываетъ распространенность (отъ средняго Амура вплоть до Казани) корня ангра-шангра-тюнгре для обозначенія звуковыхъ явленій, и здѣсь нужно искать основанія, почему тѣмъ же корнемъ названо небо у Монголовъ и Тюрковъ. Въ

ское укыр, корова, не образовалось ли отпаденіемъ начальнаго звука? Замѣчательно, что рѣченіе ухыр входитъ въ составъ халхаскаго имени пищухи, ухыр-окто, между тѣмъ какъ тотъ же звѣрекъ, сейчасъ мы видѣли, по-алтайски называется сыгырганъ.

[1]) На томъ же основаніи въ чувашскомъ жеребецъ ыйыр (*Золотницкій*, Чув. слов., стр. 11). Другія наименованія жеребца — на монгольскомъ адзырга, на урянхайск. и карагасск. аскыр, азкер указываютъ на новыя измѣненія того же корня. Съ урянх. аскыр можно сближать киргизск. названіе волка, каскыр. Якутск. атыр, жеребецъ, также относится къ кудуры, громъ, по вотяцки, какъ монгольское адзирга къ алтайскому кузурт, громъ. Эти сближенія именъ жеребца съ именами Громовника должны тѣмъ менѣе удивлять, что Громовникъ представляется въ сказаніяхъ верхомъ на лошади.

[2]) *Castr.*, Wörterverz. d. Samojed. Spr., 292.

[3]) *Castren*, Worterverz. d. Samojed. Spr., 292.

[4]) Ингуши произносятъ пандыр.

грозовомъ явленіи небо являлось первобытному человѣку элементомъ дѣйствующимъ, активнымъ, а потому, наименовавъ грозовое явленіе звукоподражательнымъ словомъ, дикарь перенесъ то же имя и на голубую среду, въ которой разыгрывается гроза.

Отдѣльныя черты этого явленія или частныя явленія, находившіяся по представленіямъ дикарей въ связи съ нимъ, должны были заимствовать свои имена отъ того же корня. Якутскія: чагылы, блестѣть (о молніи), чагылган — молнія, блескъ, Бётлингъ сближаетъ съ монгольскимъ цагильган, молнія, съ уйгурскимъ oot-tscgahildy молнія и съ якутск. же чакыр кремень то-есть камень дающій искру (по монгольски кремень цахир). Первоначальную форму этихъ словъ можно видѣть въ глаголахъ: чангыр и кункель. Дождь по киргизски называется ја*нг*быр, по татар. ја*нг*ыр; алтайск. јамгыр, ја*нг*ыр, по койбальски: на*нг*мер, на*нг*мыр; у кондомскихъ Татаръ нагур, намур; чувашск. сьомыръ [1]); якутск. самыр [2]); въ тунгусскомъ тѣмъ же корнемъ выражается понятіе „снѣгъ идетъ": хуннгрен [3]); ненастье—хунга.

Приводимъ только для памяти, не умѣя открыть тутъ связь съ идеей о Громовникѣ, нѣкоторыя подобнымъ же образомъ составленныя слова: шан*г*ар, са*нг*ар, h*анг*ар тунгусское, Loch, Ritze [4]); у Урянхайцевъ на Хукѣ: унгур—нора. Якутское ынгыръ — сѣдло [5]), му*нг*уръ—тупой (монгольское мухур, тупой, комолый [6]). Съ обмѣномъ носоваго *нг* на *нд*: кендыр, кандыр—конопля; тому же растенію дается еще имя банг; другое растеніе, доставляющее волокно, ленъ, носитъ названіе: зыгыр,

---

[1]) *Золотницкій*, Чув. слов., стр. 71.

[2]) У *Золотницкаго* (стр. 71) приводятся звукоподражательныя выраженія: чувашск. шабыр-шабыр сьомыр сьувать, татарское шибыр-шыбыр ја*нг*ыр јауа—дождь идетъ. У Якутовъ ибир самыр значитъ мелкій дождь, откуда глаголъ ибир крошить. У Монголовъ также есть выраженіе ибир-шибыр или ибир-ябыр, которое уже не прилагается къ грозовому явленію, а означаетъ болтовню; въ чувашскомъ йыбыр—ябыр вдругъ, разомъ. У Рашидъ-Эддина Ибиръ Шибиръ—страна, по относительному положенію — Сибирь (*Записки Имп. Археол. Общ.*, т, XIV, стр. 2 и 218). Не отъ этихъ ли формъ: ја*нг*быр, самыр, происходитъ названіе извѣстной въ буддійскихъ сказаніяхъ горы Сумыръ-олы или Сумбуръ-олы, подъ которою могло подразумѣваться гремящее небо?

[3]) Melanges asiat., VIII, 378.

[4]) Melanges asiat., VII, 367, 369.

[5]) По алтайски вьючное сѣдло ынгырчак.

[6]) Это имя часто встрѣчается въ географическихъ именахъ Монголіи въ соединеніи съ словомъ шибир, именно Мохоръ-Шибиръ.

зыхир, зигир, сегир; Apocynum sibiricym, также дающій волокно кендеръ, чиге[1]). Растеній, называемыхъ именемъ тюе-сингыр, у г. Кирѣевскаго въ числѣ обитающихъ въ Туркестанѣ указано нѣсколько. Многія изъ нихъ бобовыя, разныя Astragalus'ы съ большими пустыми, можетъ быть, гремучими стручьями.

Переходимъ къ другому имени Громовника: Кайраканъ. Мы уже говорили, что въ киргизскомъ монгольское тэнгри переходитъ у простаго народа въ тайр; поэтому для алтайскаго и урянхайскаго кайракана можно принять возстановленную форму канграканъ, то-есть, то же, что̀ монгольское тенгри-ханъ. Именемъ Кайраканъ Урянхайцы, обитающіе въ Танну-Олѣ, зовутъ также медвѣдя, при чемъ они говорятъ, что это имя дается ему изъ уваженія; дѣйствительно, и въ сношеніяхъ между людьми это имя употребляется, какъ почетный титулъ. Такъ, въ разговорѣ съ своимъ огурда, то-есть, княземъ, Урянхаецъ къ его званію присоединяетъ обыкновенно титулъ кайраканъ; онъ говоритъ: кайраканъ огурда! Даже бошкамъ, урядникамъ, говорятъ: кайраканъ бошко! Спрашивается, какъ тутъ было дѣло: кайраканъ ли было именемъ громовника и потомъ обратилось въ почетный титулъ, или первобытный человѣкъ на первой же порѣ своей жизни усмотрѣлъ сходныя черты между звѣремъ и небомъ-громовникомъ, и обоимъ далъ одно звукоподражательное имя, которое, подобно именамъ другихъ сильныхъ звѣрей, каковы левъ или тигръ, стало придаваться какъ почетное имя, сильнымъ людямъ на землѣ?

Мы склоняемся къ послѣднему мнѣнію по слѣдующимъ основаніямъ: Вопервыхъ, обращеніе имени медвѣдя въ почетный титулъ не составляетъ исключенія въ исторіи человѣческаго обряда, какъ указываетъ Спенсеръ; имена сильныхъ звѣрей употреблялись въ разговорѣ у южныхъ племенъ Африки и Америки для возвеличенія могущественныхъ царей и князей [2]). Почему бы тому же обычаю не возникнуть и въ сѣверной Азіи?

Вовторыхъ, имя Кайраканъ (первоначально канграханъ) или даже и тэнгриханъ могло быть дано медвѣдю за его ревъ, какъ имена того же корня даны издающимъ сильный звукъ предметамъ: бубну, небу и т. п. Хотя, кромѣ урянхайскаго имени кайраканъ, мы не мо-

---

[1]) *И. Кирѣевскій*, Флора нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, стр. 90, 134, 160, 65, 148, 149.

[2]) *Спенсеръ*, Начала соціологіи (Обрядовыя учрежденія). Переводъ *Лучицкаго*. (Кіевъ, 1880), стр. 249.

жемъ привести другихъ для медвѣдя, идущихъ отъ того же корня, но мы имѣемъ ихъ для другихъ животныхъ, именно: тенгар или лянгер, мышь по остяцки, сингери или тингэри, мышь или вообще звѣрекъ мышиной породы, по манджурски [1]); лэнгари, мышь по манджурски [2]); хэнгрикъ — дзэхэ, видъ россомахи по монгольски; чжухэнь-сингэри (очевидно, только перестановка предыдущаго имени)—большая двадцатипятипудовая мышь, живущая подо льдомъ, очевидно миѳическое животное или мамонтъ, по суевѣрнымъ представленіямъ Манджуръ [3]), ѣнгуръ у Маака, јангуру у Брылкина—волкъ по ходзенски на Амурѣ, jenggora, мамонтъ по самоѣдски [4]); наконецъ, по тунгусски есть имя для медвѣдя—конгнора. Конечно, странно отъ звукоподражательнаго корня тэнгри одновременно производить и имя медвѣдя, и такого ничтожнаго и не слышнаго звѣрка, какова мышь; волкъ и россомаха и по росту, и по характеру ближе къ медвѣдю; и у насъ имена медвѣдя и волка смѣшиваются: во многихъ мѣстахъ Россіи есть областное для волка—бирюкъ, а въ Симбирской губерніи бирюкомъ зовутъ медвѣдя. Но переходы именъ съ хищныхъ звѣрей и на травоядныхъ и даже мелкихъ грызуновъ не представляютъ необыкновеннаго явленія. Приведемъ для примѣра хотя слѣдующія: сакылъ по якутски лисица, по алтайски бѣлка; сууръ — по киргизски сурокъ, по чувашски сывыръ сусликъ, по остяцки чавр, тавр, саур—заяцъ, по остяцки ѣур, ёвре — волкъ, по бурятски сибр, цубр—красный волкъ; русскіе же въ восточной Сибири изюбремъ зовутъ оленя; въ Польшѣ зубромъ зовутъ бѣловѣжескаго быка. Къ подобнымъ сдвигамъ именъ съ крупныхъ хищныхъ животныхъ на грызуновъ можно отнести и появленіе имени тенгаръ, синкэри, лянгэр, какъ имени мелкаго звѣрка. Объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже.

Втретьихъ, сближеніе медвѣдя съ Громовникомъ у первобытнаго человѣка могло быть вызвано не однимъ только сходствомъ въ ревѣ: сходство ихъ заключается еще въ томъ, что оба они опасны и наносятъ смерть, оба умолкаютъ на зиму. Связь, которую человѣкъ усмотрѣлъ между временами года и жизнью медвѣдя, выразилась въ нашемъ народномъ календарѣ фразой: „Спиридонъ солноворотъ — медвѣдь на другой бокъ поворачивается“. Въ повѣрьяхъ о медвѣдѣ и сказаніяхъ

---

[1]) Словарь *Захарова*, 595 и 731.

[2]) *Маакъ*, Путешествіе по долинѣ р. Уссури, т. I, стр. 123.

[3]) Словарь *Захарова*, 1004.

[4]) *Al. Schrenk's* Reise in Nordosten des Europ. Russlands, II, 287.

140

о Громовникѣ мы находимъ много общаго именно, можетъ быть, вслѣдствіе отожествленія медвѣдя съ громовникомъ, которое дѣлалъ первобытный человѣкъ. Въ повѣрьяхъ о медвѣдѣ мы часто слышимъ объ уводѣ женщины; привожу варіантъ, записанный мною въ Туранскомъ караулѣ въ долинѣ р. Иркута отъ казака Тюменцева: „Медвѣдь увелъ женщину и она съ нимъ зимовала; онъ выучилъ ее ѣсть сырое мясо, зимой она сосала его лапу и была сыта. Однажды весной увидалъ ее въ лѣсу охотникъ и отбилъ отъ медвѣдя; женщина была уже беременна и родила медвѣдя. Она выучилась во время зимовки съ медвѣдемъ медвѣжьему языку". Въ Нижегородской губерніи существуетъ повѣрье, что иногда женщины исчезаютъ неизвѣстно куда, и по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ снова возвращаются въ свое селеніе; это временное исчезновеніе объясняютъ похищеніемъ медвѣдя; при этомъ говорятъ, что онъ предпочитаетъ уводить беременныхъ женщинъ [1]). Родственные этимъ разказы существуютъ въ нашемъ народѣ о змѣѣ-громовникѣ. Огненный змѣй любитъ летать къ женщинамъ; если женщина тоскуетъ, народъ думаетъ, что къ ней летаетъ огненный змѣй; онъ отбиваетъ ее отъ мужа, и женщина чахнетъ [2]). Громовнику приписываютъ иногда и похищеніе женщинъ; мордовскій Громовникъ Терюханъ похищаетъ во время грозы дѣвицу съ земли; монгольскій Таинъ-Тирхинъ или Таинъ-Тэнгиръ, въ которомъ, какъ увидимъ ниже, скрывается Громовникъ, то-есть, Тэнгри-Ханъ, также похищаетъ жену у Чингисъ-Хана. Въ одномъ сказаніи южной Россіи дѣвица не похищена, а нечаянно попадаетъ въ яму, въ которой зимуютъ змѣи; золотая змѣя успокоила ее и сказала: „Если захочешь ѣсть, полижи камень". Всю зиму дѣвица прожила въ змѣиной ямѣ, а весной, когда птицы прилетаютъ изъ вырея, золотая змѣя выбросила ее изъ ямы [3]). Основа этихъ повѣрій можетъ заключаться въ половой жизни звѣря, которая пробуждается въ немъ лѣтомъ, вслѣдъ за пробужденіемъ отъ спячки; выйдя изъ берлоги, дикій звѣрь начинаетъ охотиться за самкой, оглашая воздухъ неистовымъ ревомъ; едва ли какія другія два явленія могли напроситься прежде на обобщеніе первобытному человѣку, какъ эти два:

---

[1]) Похищеніе женщинъ приписывается и лѣшему (см. *Ж. М. Н. Пр.* 1863 г., кн. I, статья «Истор. оч. народн. міровоззр.», 33). Вообще разказы о медвѣдѣ и лѣшемъ сливаются.

[2]) *Зап. Имп. Р. Г. Общ. по отд. этногр.* II, 37.

[3]) *Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр., II, 548; о похищеніи медвѣдемъ дѣвицы на крыльяхъ вѣтр мас. тамъ же.

ревъ ярующаго лѣтомъ медвѣдя, и небесный ревъ змѣя-громовника. Другую общую черту въ сказаніяхъ о Громовникѣ и повѣрьяхъ о медвѣдѣ находимъ въ описаніяхъ той ямы, въ которую зарываютъ умервщленнаго богатыря, олицетворяющаго Громовника; нельзя не увидѣть въ ней намека на медвѣжью берлогу. Царь

. . . посадилъ Егорья въ глубокъ погребъ,
Задвигалъ онъ его рѣшотками все желѣзными;
Засыпалъ онъ песками рудожелтыми,
Онъ дубьемъ и колодьемъ заворачивалъ.

На родственность представленій медвѣдицы и черной тучи указываетъ одна купальская пѣсня. Вѣтеръ стучитъ въ ворота, это свекоръ стучитъ и приговариваетъ: „Одчинися, невісточка, одчинися медвѣдицё!“ Потомъ стучится свекровь, „Одчинися, невісточка, одчинися, пахмурницё!“ Наконецъ мужъ: „Одчинися, миленька!“ Жена жалуется, что свекоръ и свекровь обозвали ее медвѣдицей, пахмурницей. Мужъ говоритъ ей, что она не умѣла отвѣтить: „У насъ медвѣдиця въ лісі бувае, а пахмурница—черна хмаронька!“ [1]). „Медвѣдь пиво варитъ“, говорятъ Русскіе въ Карпатахъ, когда видятъ грозовыя тучи на горахъ. Необыкновенный ревъ ручнаго медвѣдя и глубокое выдиранье лапами земли предвѣщаетъ пожаръ [2]). Плывя по водѣ, не слѣдуетъ поминать зайца: не любитъ водяной, подниметъ бурю; по другому повѣрью, плывя по водѣ, не слѣдуетъ поминать медвѣдя [3]). Урянхайское названіе вьющагося растенія Atragene alpina подразумѣваетъ медвѣдя-громовника [4]); оно называется кайраканъ-крижи, то-есть, тетива медвѣдя; названіе это даетъ медвѣдю въ лапы лукъ, превра-

---

[1]) Тр. Эксп. въ Запад.-русск. край, III. 211.

[2]) О предразсудкахъ въ Нижегородск. губерн., соч. *А. М.*, стр. 5.

[3]) *Аѳан.*, Поэт. воззр., II, 644.

[4]) Сохранилось извѣстіе, что у Грековъ для добыванія живаго огня употреблялось преимущественно дерево ἀθραγένη; это было или вьющееся или чужеядное растеніе (*Kuhn*, Herabk. d. Feuers, p. 38). Растеніе Atragene alpina, по русски называющееся дикій хмѣль, распространено преимущественно въ Сибири; въ Европейской Россіи встрѣчается только въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ; классическіе писатели разумѣли подъ Atragene другое растеніе, именно Clematis cirrhosa; быть можетъ впрочемъ, что ни оно, ни другія упоминаемыя древними растенія ῥαμνος и плющъ, не примѣнялись къ добыванію огня, и извѣстіе древнихъ слѣдуетъ объяснить только тѣмъ, что вьющіяся растенія, каковы Atragene, плющъ, хмѣль напоминали имъ молнію, о которой Урянхайцы и Алтайцы прямо выражаются, что она вьется вокругъ дерева, «айландрà». По монгольски Atragene alpina называется чюдуръ-убюсу, то-есть, путы-трава.

142

щаетъ его въ стрѣлка, то-есть громовника[1]). Можно, конечно, перевести это названіе словами тетива-громовника, но растеніе называется также атыкъ-крижи, ирей-крижи, гдѣ атыкъ и ирей значитъ медвѣдь, и хотя, какъ увидимъ, и подъ этими именами можно открыть Громовника, но самъ урянхайскій народъ атыка и ирея теперь громовержцами не считаетъ. У Тункинскихъ Бурятъ я записалъ повѣрье о томъ, что медвѣдь прежде былъ человѣкъ-охотникъ и въ то же время шаманъ; по другому бурятскому разказу, медвѣдь былъ сильный человѣкъ; Богъ, видя, что съ этимъ богатыремъ людямъ не справиться, отрубилъ ему большой палецъ и обратилъ въ звѣря. Сказанія объ отрубленномъ пальцѣ чаще, чѣмъ къ медвѣдю, жители сѣверной Азіи прилагаютъ къ сурку, звѣрку, который съ медвѣдемъ имѣетъ то общее, что засыпаетъ на зиму; всѣхъ звѣрей, имѣющихъ зимнюю спячку, какъ-то: сурка, летягу, летучую мышь, медвѣдя народное повѣрье ставитъ въ связь съ идеей о громовникѣ. Сурокъ, какъ и медвѣдь, былъ великій охотникъ, производившій такое истребленіе на землѣ, что Богъ принужденъ былъ наконецъ сократить его силу; онъ отрубилъ ему палецъ и обратилъ въ вѣчно въ норѣ живущаго сурка. Этотъ разказъ о суркѣ образовался, по нашему мнѣнію, такимъ образомъ: медвѣдь назывался тарбаганомъ (нынѣшнее имя сурка) и представлялся народному воображенію охотникомъ, вносившимъ въ животный міръ сильное истребленіе; тѣмъ же именемъ „тарбаганъ" звали и бога-громовника (часть этого имени тар осталось въ одномъ изъ его именъ тарханъ[2])); Громовника представляли въ видѣ стрѣлка. Затѣмъ имя тарбаган не удержалось ни за медвѣдемъ, ни за Громовникомъ, а перешло на сурка, на котораго вмѣстѣ съ именемъ перешло и сказаніе, добавленное потомъ чертами изъ жизни грызуна.

Въ упомянутомъ выше бурятскомъ сказаніи о томъ, что медвѣдь былъ шаманомъ, говорится, что онъ былъ не простой бö, шаманъ, а абтай; бö бываютъ ложные, обманщики, абтай же—истинный шаманъ, неложный чудотворецъ. О томъ, какъ онъ обратился въ шамана разказывается такимъ образомъ: Этотъ искусный шаманъ обладалъ такою властью, что могъ обращаться въ звѣря; онъ уходилъ въ лѣсъ

---

[1]) Славянская клятва: «чтобъ тебѣ перунъ показалъ свои зубы» (*Аѳ.*, Поэт. воз., I, 746) также указываетъ на звѣриный образъ громовника.

[2]) Членъ тар отдѣляется и въ названіяхъ звѣрей, именно тушканчикъ на Иртышѣ у Русскихъ называется тарбаганъ, Хамійскіе же Туркестанцы зовутъ его просто таръ.

обходилъ три раза вокругъ дерева, обращался въ медвѣдя, налавливалъ добычу, снова посредствомъ трехъ оборотовъ вокругъ дерева становился человѣкомъ, и относилъ добычу домой. Однажды подсмотрѣли, какимъ путемъ онъ добываетъ дичь, и подрубили дерево: такъ онъ съ тѣхъ поръ и остался медвѣдемъ. Это сказаніе, представляющее медвѣдя первостепеннымъ шаманомъ, очень важно; оно ставитъ его въ началѣ шаманскаго культа. Первостепенность, превосходство въ искусствѣ камланья и оборачиванья въ звѣрей приписывается другими алтайскими и бурятскими сказаніями первому по времени шаману, который и считается основателемъ шаманскаго сословія, или какъ выражается сказаніе, родоначальникомъ шамановъ. Первый же или древнѣйшій шаманъ, какъ увидимъ ниже, есть самъ Громовникъ; такимъ образомъ и здѣсь медвѣдь сходится на одной миѳической почвѣ съ Громовникомъ.

Въ Алтаѣ я записалъ сказаніе о древнѣйшемъ шаманѣ, Тостогошѣ, которое содержится въ слѣдующемъ. Ханъ, наскучивъ обманами шамановъ, велѣлъ всѣхъ ихъ собрать и сжечь; онъ говорилъ: „Если они сгорятъ, значитъ — были обманщики и жалѣть ихъ нечего; если же они настоящіе шаманы, то нечего бояться обложить ихъ огнемъ: настоящіе не должны сгорѣть". Собрали, по ханскому приказу всѣхъ шамановъ, заключили въ юрту, обложили хворостомъ и подожгли; всѣ сгорѣли, за исключеніемъ Тостогоша, который невредимо вылетѣлъ изъ пепла. Послѣ того ханъ позволилъ Тостогошу заниматься свободно своею профессіей и пожаловалъ ему имя Даинъ Тере Тарханъ бö. Другой разказъ о томъ же Тостогошѣ такой. Одинъ ханъ пригласилъ Тостогоша лѣчить своего больнаго сына. Тостогошъ вылѣчилъ, но получивъ ханскіе подарки, сманилъ и увезъ ханскую дочь. Однако ханская погоня догнала бѣглецовъ и Тостогошу отрубили голову. По словамъ Теленгитовъ, у которыхъ было записано это сказаніе, тѣло Тостогоша обратилось въ каменную бабу, которая и теперь стоитъ въ мѣстности Коту. Дѣйствительно, въ этой мѣстности есть каменная баба, которую зовутъ Даинъ. Это сказаніе напоминаетъ другое о каменной бабѣ, находящейся въ рѣчной системѣ рѣки Эгъ и извѣстной подъ названіемъ Даинъ Тирхинъ (или Даинъ-Тэнгиръ, какъ будто бы она еще называется Урянхайцами [1]). Вотъ это второе сказаніе: Даинъ Тирхинъ былъ знаменитый шаманъ; онъ увезъ жену у Чингисъ-хана и заложилъ ее въ пещеру (что у насъ разказывается о

[1]) См. Очерки сѣверо-зап. Монг., II, 157.

змѣѣ-Горыничѣ), но Чингисъ-ханъ убилъ шамана, разрубивъ ему лицо саблей.

Что Даинъ Тирхинъ есть то же самое, что̀ Тостогошъ или Даинъ Тере Тарханъ бö показываетъ, кромѣ сходства въ имени и въ эпизодѣ увоза жены, еще одна черта: когда голову Тостогоша привязали въ торока, она захохотала. У Чингисъ-хана въ книжномъ объ немъ сказаніи есть также врагъ Таянъ-ханъ; когда къ нему привезли отрубленную голову Ванъ-хана, голова улыбнулась [1]); здѣсь, правда, говорится о головѣ Ванъ-хана, а не Таянъ-хана, но это слѣдуетъ, вѣроятно, отнести къ сбивчивости миѳа. Уже въ разказанныхъ нами эпизодахъ узнаются черты змѣя-громовника; вылетаніе изъ пламени въ невредимомъ видѣ на древне-болгарской почвѣ на Волгѣ разказывается не о шаманѣ, а о змѣѣ [2]); болгарскій змѣй и алтайскій Тостогошъ — это лѣто, Громовникъ, скованный зимнимъ сномъ, но вновь возрождающійся въ обновленномъ видѣ. Есть и другія свидѣтельства громовнической природы Тархана бö (Таинъ Тирхина). Говорятъ, что передъ каменною бабой Таинъ Тирхиномъ можетъ камлать только истинный шаманъ; что ложнаго убиваетъ молнія прежде, чѣмъ онъ приблизится къ истукану; что истинному шаману, который невредимо подойдетъ къ нему камлая, онъ даетъ цакіусъ (шаманскій плащъ, пояснилъ расказчикъ); что Таинъ Тирхинъ могущественъ, какъ само небо. „Это само небо", говорили мнѣ Урянхайцы,—„онъ и называется тэнгиръ, то-есть, небомъ, такъ какъ его зовутъ, между прочимъ, и Таинъ-Тэнгиръ". Расказываютъ также, что по сосѣдству съ этою каменною бабой живетъ много шамановъ. Все это свидѣтельствуетъ въ пользу того, что Таинъ Тирхинъ занималъ центральное мѣсто въ шаманскихъ вѣрованіяхъ, и что это—самъ Громовникъ. Самыя имена его поддерживаютъ это предположеніе; Тирхинъ Эгской бабы есть, вѣроятно, то же самое, что Тарханъ теленгитской легенды, и оба имени суть только измѣненное произношеніемъ урянхайское названіе бога громовника Терьханъ. Тере теленгитской легенды опять-таки урянхайское имя неба, которое произносится или тере или терь. Остается одно загадочное названіе Даинъ или Таинъ; не тунгусское

---

[1]) Труды Пек. мисс., IV, 100.

[2]) См. *Шпилевскій*, Древніе города въ Казанск. губ. Казань, стр. 72 и 212; *Рычковъ*, Опыт. Казанск. Исторіи, С.-Пб., 1767 г.; *Борисъ Гавриловъ*, Произвед. народн. словесн., обряды и повѣрья Вотяк., Казань, 1880, стр. 152; *А. Фуксъ*, Записки о Чувашахъ и Черемисахъ, 109.

ли это дзаингъ, медвѣдица, что̀, можетъ быть, означало и самца [1])? Н. И. Ильминскій указалъ мнѣ на присущее татарскому языку свойство, разлагать звукъ *дз* на *д* и *з* [2]) и на другое свойство турецкихъ языковъ разлагать носовый звукъ *нг* на *н* и *г*. Руководясь этимъ указаніемъ и прилагая то же правило къ тунгусскому, мы отъ дзаинг, по тунгусски медвѣдица, получаемъ виды: дзаингъ, дзаин, дзаиг (сравн. джаикъ онгонъ у Алтайцевъ, состоящій изъ зайца; айыгъ-медвѣдь по алтайски), заинъ (ср. Саинъ-ноинъ, управитель аймака, Сайнъ-ханъ въ монгольской, Хайнъ-ханъ въ бурятской передачѣ имя какого-то древняго, по всей вѣроятности, миѳологическаго хана), даинъ (ср. Даинъ-ноинъ, князь, управляющій косогольскими Урянхайцами [3]).

Если Таинъ-Тирхинъ, уставщикъ шаманства, первый по времени и первостепенный шаманъ, носитъ въ себѣ признаки Громовника, то съ другой стороны—народное повѣрье у Халхасцевъ представляетъ иногда самаго Громовника въ видѣ шамана; именно грозовое явленіе объясняется тѣмъ, что по небу три человѣка ведутъ верблюда: одинъ ведетъ за поводъ, другой идетъ рядомъ, третій сидитъ на спинѣ верблюда и бьетъ въ бубенъ.

Можетъ быть, самое камланье есть ничто иное, какъ подражаніе небесному грому; шаманская мистерія, заключающаяся то въ нисхожденіи въ подземное царство, то въ восхожденіи на небо, въ подробностяхъ сходится съ сказаніями о змѣѣ-громовникѣ, нисходящемъ по невѣсту или восходящемъ съ нею.

На связь шаманства съ представленіями о богѣ-громовникѣ, указываютъ, какъ сказанія о началѣ шаманства, такъ и вещественныя принадлежности шаманства, костюмъ шамана, онгоны и пр. Въ одномъ изъ алтайскихъ варіантовъ о первомъ шаманѣ звѣроловъ Ханъ-Хурмосъ получилъ даръ камланья отъ удара змѣей, который ему нанесъ какой-то старикъ; съ этого удара онъ пришелъ въ изступленіе и закамлалъ. У Урянхайцевъ распространено повѣрье, что прежде были такіе сильные шаманы, что могли низводить молнію на свой бубенъ. На вопросъ: куда падаетъ молнія, восточные Урянхайцы по большей

---

[1]) У Коттовъ Sajang, медвѣдь (*Castren's* Versuch ein. jenissei-ostjak. und kottisch. Sprachlehre, 233).

[2]) См. *Bulletin historico-philologique*, XVI, 1859 г., № 3, стр. 44 въ статьѣ: Zur tatarische Lautlehre. Aus einem Briefe des Prof. *Ilminsky* an *A. Schiefner*.

[3]) У Койбаловъ въ пѣсняхъ богъ называется джäйäн, чäйäн, чäн (*Castr.*, Vers. ein. Koib. und Karag. Spr., 144).

146

части отвѣчали мнѣ: на дерево, на камень и въ бубенъ [1]). На внутренней сторонѣ бубна у алтайскаго шамана можно встрѣтить изображеніе ломаныхъ линій, которыя по истолкованію самихъ шамановъ, означаютъ змѣй (то-есть, молнію). У одного урянхайскаго шамана на р. Бурен-голѣ я увидѣлъ въ юртѣ около кровати мѣдный кругъ, обвѣшанный множествомъ лентообразныхъ лоскутковъ; подобные круги, нашиваемые на шаманскую шубу, Урянхайцы называютъ кудзюнго, Алтайцы—кусунны, Монголы—толи. На разпросы объ этомъ кудзюнго, обладатель его отвѣчалъ, что этотъ кругъ упалъ съ неба на камень, и въ то время, какъ онъ игралъ тутъ, Чуло-хамъ (то-есть, хамъ по прозванію Чуло) поймалъ его, принесъ домой и передалъ потомству; шаманъ считалъ отъ Чуло-хама до настоящаго времени всего пять поколѣній; по всей вѣроятности, этотъ разказъ есть отрывокъ изъ сказанія о первомъ шаманѣ и началѣ шаманства.

Въ приведенномъ разказѣ нельзя подъ кружкомъ кудзюнго разумѣть солнце, потому что здѣсь прямо говорится о паденіи на камень; но форма кружка удаляетъ его отъ молніи, а потому ближе всего видѣть въ кудзюнго болидъ или метеоръ, — метеоры же и въ нашихъ повѣрьяхъ сливаются съ молніей и называются огненнымъ змѣемъ [2]).

Атрибуты шаманскаго званія всѣ имѣютъ по видимому цѣлью указывать на Громовника. Эти принадлежности состоятъ изъ особыхъ шапки и плаща и бубна съ колотушкой; у бурятскихъ шамановъ, кромѣ того, появляется пара жезловъ и другія вещи. Шаманское платье, которое мнѣ довелось видѣть на мѣстѣ и въ музеяхъ, можно раздѣлить на три типа: урянхайско-алтайскій, тунгусскій и амурско-орочонскій; послѣдній ближе къ первому, чѣмъ ко второму. Всѣ они имѣютъ видъ

---

[1]) У Камчадаловъ существовало повѣрье, что во время грозы Билюкай (камчадальскій громовникъ, живущій на облакахъ и производящій громъ, молнію и дождь) сходитъ къ шаманкамъ, вселяется въ нихъ и способствуетъ имъ угадывать (*Крашенниниковъ*, Опис. Камчатки. С.-Пб. 1786, т. II, 82).

[2]) *Ешевскій*, Сочин. I, стр. 288: анциліями въ Римѣ назывались священные щиты, которые во время празднествъ въ честь Марса жрецы носили на шеѣ или на лѣвой рукѣ. Сказаніе о нихъ говоритъ, что однажды изъ отверзстаго неба упалъ на землю необыкновенный щитъ, по образцу котораго и были сдѣланы остальныя анциліи. Названіе анцилій напоминаетъ алтайскій глагольный корень «кункель», означающій громъ; выше мы привели слово чингиль, также очевидно получившее имя отъ звука. Конь у монгольскаго богатыря Иринъ-Сайна, который есть вѣроятно олицетвореніе Громовника, называется Хангилъ. Въ сѣверо-западной Монголіи есть географическое названіе Хангель-цыкъ или Ангельчикъ.

плаща съ рукавами, сшитаго изъ замши; отличіе заключается въ томъ, что тунгусскій плащъ обвѣшанъ желѣзными погремушками, (называемыми по монгольски холбого), и только подолъ его обшитъ бахрамой изъ длинныхъ ремней. У алтайскаго же, урянхайскаго и орочонскаго плаща не одинъ подолъ, а и станъ обшитъ бахрамой; орочонскій плащъ, котораго я впрочемъ видѣлъ одинъ только экземпляръ въ музеѣ Геогр. Общества, отличается отъ видѣнныхъ мною на мѣстѣ алтайскаго и урянхайскаго тѣмъ еще, что на немъ вовсе нѣтъ погремушекъ, за исключеніемъ одного колокольчика [1]), а бахрома, покрывающая станъ плаща, состоитъ исключительно изъ замшевыхъ ремней, тогда какъ на алтайскомъ и урянхайскомъ плащѣ бахрома состоитъ только частью изъ ремней, на половину же изъ жгутовъ, сшитыхъ изъ бязи и другихъ бумажныхъ матерій и набитыхъ волосомъ. Эти ремни и жгуты, по толкованію самихъ шамановъ, изображаютъ змѣй; иногда они даже и шьются такъ, что можно узнать голову змѣи, обыкновенно обращенную вверхъ; головка отдѣлена отъ туловища тѣмъ, что шейка перехвачена галстучкомъ; или просто одно прикрѣпленіе жгута къ плащу не самымъ концомъ, а отступя отъ него съ полвершка, уже выдѣляетъ головку; на головкѣ или бисеромъ или на крупныхъ жгутахъ битью изображены глаза; иногда головка разщеплена для того, чтобъ изобразить змѣю съ открытою пастью. Къ серединѣ спины бываетъ пришитъ большой жгутъ. Урянхайцы даютъ ему названіе алтынъ-башту Абырга-джиланъ, то-есть, золотоголовая [2]) змѣя Абырга. Это имя миѳическаго змѣя распространено далеко на югъ по Монголіи, и мы ниже еще скажемъ объ этомъ имени громовника. Между желѣзными погремушками встрѣчаются изображенія лука и стремени изъ желѣза; все это напоминаетъ Перуна, разъѣзжающаго на конѣ и мечущаго стрѣлы. То же нужно сказать и о совиныхъ перьяхъ, нашитыхъ на воротникѣ плаща и на шапкѣ; сова и филинъ— птицы, подъ которыми представляется Громовникъ, какъ въ нашихъ, такъ и въ повѣрьяхъ сѣверо-западной Монголіи.

Кромѣ холбого, то-есть, погремушекъ въ видѣ желѣзныхъ трубо-

---

[1]) Плащъ этотъ новый, не законченный; надо полагать, онъ сдѣланъ для Общества по заказу, потому отсутствіе желѣзныхъ погремушекъ, можетъ быть, слѣдуетъ объяснять неполнотой выполненія заказа; можетъ быть, при исполненіи заказа, не нашлось подъ рукой нужнаго матеріала.

[2]) Въ русскихъ повѣрьяхъ миѳическій змѣй также представляется златоглавымъ или золотымъ (см. Русскія заклинанія въ *Зап. Русск. Геогр. Общ. по этногр.* II, 489; *Аѳан.*, Поэт. воззр. Слав., II, 548).

148

чекъ, на плащѣ пришиваются круглыя бляхи въ родѣ металлическихъ зеркалъ; на ороченской шубѣ, хранящейся въ музеѣ Географическаго Общества, такихъ бляхъ двѣ: одна—на груди, другая—на спинѣ; въ Алтаѣ я встрѣчалъ обѣ бляхи, нашитыя на спинѣ; у другихъ шамановъ эти бляхи не пришиты къ плащу, а висятъ въ юртѣ или надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ помѣщается бубенъ или въ изголовьяхъ кровати. Выше были уже приведены названія ихъ и сказаніе о ниспаденіи кудзюнго съ неба, что̀ указываетъ если не на молнію, то на падающій метеоръ. Безъ сомнѣнія, въ образованіи формы кудзюнго, а равно и бубна, участвовали въ равной степени, какъ представленія о метеорѣ, такъ и о солнцѣ.

Во время шаманской мистеріи бубенъ представляетъ то коня, на которомъ шаманъ спускается въ подземный миръ, или поднимается на небо (почему монгольскій шаманъ бубенную колотушку называетъ просто плетью, ташіуръ), то лукъ, посредствомъ котораго онъ пускаетъ стрѣлы въ враждебныхъ духовъ; отдѣлить здѣсь представленіе о солнцѣ отъ представленій о Громовникѣ трудно, потому что и солнцу и громовнику придаются и конь и стрѣлы. Но названія бубна: тюнгуръ, тугыръ, хэнгрикъ указываютъ на прямое отношеніе, существующее между камланьемъ и Громовникомъ. Алтайское и урянхайское названіе горизонтальной поперечины въ бубнѣ „кришъ", тетива также указываетъ на представленіе о бубнѣ, какъ о лукѣ [1]).

На нѣкоторыхъ шаманскихъ плащахъ встрѣчаются особыя фигуры въ числѣ семи; такъ, на одномъ алтайскомъ плащѣ я видѣлъ подъ воротникомъ семь куколокъ или человѣческихъ изображеній; по толкованію самаго шамана, куклы эти представляли „семь небесныхъ дѣвъ"; на тунгусскомъ шаманскомъ плащѣ, хранящемся въ музеѣ Географическаго Общества, на груди нашиты семь желѣзныхъ пластинокъ, изображающихъ птицъ, по всей вѣроятности лебедей, то-есть, опять-таки тѣхъ же небесныхъ дѣвъ, обладающихъ способностью обращаться въ лебедей. Число семь въ сказаніяхъ сѣверной Азіи большею частью внушено представленіями о Большой Медвѣдицѣ, о

---

[1]) Вертикальная поперечина въ бубнѣ по алтайски баръ, на языкѣ Черневыхъ Татаръ марсъ; баръ по-монгольски значитъ тигръ; по-алт. этотъ звѣрь называется барсъ; вѣроятно, марсъ Черневыхъ Татаръ есть то же слово барсъ въ другомъ произношеніи; можно думать, что это имя прежде придавалось медвѣдю (ср. баранъ-гуресу, медвѣдь на языкѣ Аларскихъ Бурятъ, бартыхы, id. у Забайкальскихъ Бурятъ); въ бубенъ же оно могло попасть только потому, что имена медвѣдя и громовника были общія.

чемъ мы скажемъ въ другой статьѣ; здѣсь же достаточно привести факты, которые должны устранить сомнѣніе, что въ представленіяхъ о Громовникѣ, основателѣ шаманства, есть общія черты съ знаменитымъ созвѣздіемъ сѣвернаго неба. Какъ первобытный человѣкъ не отдѣлялъ грозовое явленіе отъ неба, на что̀ указываетъ монгольское названіе тэнгри, общее и для неба, и для бога-громовника [1]), такъ онъ могъ, произнося имя выдающагося созвѣздія, думать о цѣломъ небѣ. Названіе Семизвѣздицы такимъ образомъ является въ сказаніяхъ, какъ имя части, взятое за цѣлое. Переходъ отъ громовника къ Большой Медвѣдицѣ не болѣе того, какъ отъ громовника къ Варунѣ, о которомъ Кунъ выражается, что это было не только звѣздное небо, но и море облаковъ и тумановъ, въ которыхъ зараждались молніи. Монгольское имя Большой Медвѣдицы—Долонъ Бурхынъ; корень втораго члена этого имени слышенъ въ названіяхъ многихъ высокихъ горъ сѣверо-западной Монголіи, служащихъ сѣдалищемъ грозовыхъ облаковъ; мы знаемъ Буренъ-хаирханъ, Бурханъ-ола, Бурюнъ-ханъ; послѣднимъ именемъ косогольскіе Урянхайцы называютъ извѣстный Мунко-сардынъ; въ призываніи бурятскаго шамана этотъ бѣлокъ величается такимъ образомъ: „окторгоинъ буумыл хумо харбаджи буга один ганц' нюдутей, ошин ганц' шюдутей", то-есть, стрѣляя небесною стрѣлой, спустился ты, одноглазый Одинъ, однозубый Ошинъ [2]).

Точно такая же связь съ высокими горами замѣчается и у турецкаго имени; на большинствѣ турецкихъ языковъ сѣверной Азіи это созвѣздіе называется Джедигенъ, Джетыганъ, Итыганъ; въ виду того, что и на другихъ языкахъ европейскихъ и азіатскихъ созвѣздіе называется медвѣдемъ или медвѣдицей, или по крайней мѣрѣ, какимъ-нибудь звѣремъ [3]), и въ Итыганѣ можно видѣть монгольское утыганъ, медвѣдь.

---

[1]) Остяки, по свидѣтельству Григоровскаго (въ рукописи), когда громъ гремитъ, говорятъ: Номъ ыэчжинъ, «Богъ молвилъ», когда хорошая погода: сво Номъ «Богъ добръ», худая—Номъ кеттембанъ, «Богъ бьетъ»; когда день настаетъ—Номъ телымбанъ «Богъ родился». Подобнымъ образомъ и Монголы о ясной погодѣ говорятъ: тэнгри сайн, «Богъ (небо), хорошъ», и о худой: тэнгри му- «Богъ худой».

[2]) Ср. Ашина, волкъ, предокъ народа Тукіэ; также ошъ медвѣдь по зырянски и пермяцки, ошника (составлено изъ ошн и ика; ика—дѣдъ, старикъ) по остяцки. О Мунко-Сардыкѣ Буряты говорятъ, что онъ прежде былъ Шоно-нойонъ, то-есть, волкъ—баринъ.

[3]) О медвѣжьихъ и вообще звѣриныхъ именахъ Большой Медвѣдицы мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Какъ монгольское бурхынъ, и татарское Итыганъ (хотя по большей части въ измѣненномъ видѣ) встрѣчается въ названіяхъ высокихъ горъ или хаирхановъ. Только что упомянутый Мунко-Сардыкъ или по крайней мѣрѣ одинъ изъ его побочныхъ пиковъ называется Хятагай; объ этомъ Хятагаѣ говорится, что онъ слетѣлъ съ неба вмѣстѣ съ громомъ. Въ вершинахъ р. Чуи въ Алтаѣ находится высокій бѣлокъ Бурулъ-тайга, а сосѣдняя съ нею вершина называется Гедетей или Идытей; здѣсь какъ будто повтореніе названія Мунко-Сардыка: Бурюнъ-ханъ и Хятагай. Въ Хангаѣ лежитъ бѣлокъ, который называется Отханъ-Хаирханъ, Отханъ-тэнгри или Очиръ-Вани. Послѣднее названіе больше всего слышно у туземцевъ и интересно въ томъ отношеніи, что этимъ же именемъ называется ламайскій богъ, представитель физической силы на ламайскомъ Олимпѣ; онъ изображается съ очиромъ въ рукѣ, которымъ онъ расшибъ на двѣ части темное существо Арахы. Что въ составѣ названій горы есть слова хаирханъ и тэнгри, понятно послѣ того, что̀ мы сказали объ этихъ словахъ выше; что же касается до имени Отханъ (или, какъ эту же, вѣроятно, гору называетъ Рашидъ-эдинъ, Утекянъ-тэнгри), его можно принять за видоизмѣненіе слова утыганъ или итыганъ. Въ центральной части Киргизской степи, въ выдающейся среди равнины группѣ горъ Улутау, одна изъ вершинъ носитъ названіе Идыге, которое встрѣчается и въ киргизскихъ сказаніяхъ, какъ имя богатыря [1]); это послѣднее названіе близко и къ бурятскому Хятагай и къ татарскому названію Большой Медвѣдицы: Итыганъ [2]).

Урянхайцы высокіе, уединенные пики, заслуживающіе поклоненія, то-есть хаирханы, называютъ адыкъ-ту; у Алтайцевъ, какъ уже сказано было, поклонныя горы называются джаикъ-ту. Въ обоихъ случаяхъ ту

---

[1]) Въ барабинскомъ пересказѣ у богатыря Идыге одинъ глазъ вышибленъ. Срав. одноглазый Одинъ въ бурятскомъ призываніи.

[2]) На монгольскомъ, татарскомъ и тунгусскомъ есть нѣсколько именъ животныхъ съ окончаніемъ на ганъ или генъ: тарбаганъ, кучигень, мундуканъ и друг.; встрѣчаются формы и съ отсѣченнымъ окончаніемъ, напримѣръ, кучигень, сѣноставка, мѣстами называется куджо; тюльку лисица (полная форма вѣроятно въ личномъ имени Тюлегунъ у Киргизъ), въ чувашскомъ тиль и т. п. Поэтому и въ названіи медвѣдя окончаніе *ганъ* можетъ быть оставлено; «джиды» мы встрѣчаемъ въ урянхайскомъ названіи суслика; на якутск. yły выдра; на тунгусск. kuły, медвѣдь.

обозначаетъ гору; адыкъ очевидно то же, что̀ джаикъ или ыикъ [1]). Полное тожество, этихъ формъ было только въ далекой древности; въ настоящее время Урянхайцы подъ словомъ адыкъ разумѣютъ не совсѣмъ то, что̀ Алтайцы подъ джаикомъ. Адыкомъ Урянхайцы называютъ тряпочки или ленты, которыми они увѣшиваютъ священныя деревья и священныя кучи камней или обо; отсюда, вѣроятно, происходитъ и монгольское хадакъ, шелковый лоскутъ, который также часто развѣвается на священныхъ деревьяхъ. Такъ какъ на священныхъ горахъ или противъ нихъ, если ихъ вершина недоступна, устроивается обо, увѣшиваемое адыками, то названіе адыкту можетъ значить гору, удостоившуюся вывѣшиванія адыковъ. Въ алтайскомъ словѣ „джаикъ" этотъ смыслъ заключается только отчасти; для ленточекъ, употребляемыхъ для вывѣшиванія на обо и на священныя деревья и для привязыванья къ шеѣ домашнихъ животныхъ, посвященныхъ божеству, у Алтайцевъ существуетъ другое слово — ялама; подъ джаикомъ же Алтайцы разумѣютъ нѣсколько понятій: этимъ именемъ называется, вопервыхъ, домашній фетишъ, состоящій изъ зайца, привязаннаго къ срединѣ шнура, увѣшаннаго яламой; вовторыхъ, посвященная божеству и украшенная яламой скотина; втретьихъ, наводненіе, причиненное грозовымъ ливнемъ; говорятъ: джаик судан чикты, то-есть, джаикъ изъ рѣки вышелъ; вчетвертыхъ, бѣлки или хаирханы; наконецъ, впятыхъ, Джаикъ есть собственое имя сына неба, которому по алтайской легендѣ бобырганъ (летяга) выколупалъ глаза; Джаикъ, преслѣдуя его, бросился на землю, куда убѣжалъ бобырганъ, но послѣдній укрылся подъ дерево. Съ тѣхъ поръ небо преслѣдуетъ бобыргана громовою стрѣлой. Всѣ эти различныя значенія можно свести къ общему источнику предположеніемъ, что Джаикомъ назывался у Алтайцевъ богъ-громовникъ. Отсюда и тожество съ монгольскимъ хаирханомъ (въ смыслѣ тученосной горы), и съ урянхайскимъ адыкомъ (въ смыслѣ символическихъ ленточекъ). На-

---

[1]) Тожество оказывается и въ отношеніи фонетики; вездѣ, гдѣ въ алтайскомъ языкѣ стоитъ *й*, въ языкѣ тува или уранхайскомъ стоитъ *д*; напримѣръ:

алт. кайын, береза;	— тува	кадым
бойим, свой;		бодым
кійиз, войлокъ;		кидыс
куйю, зять;		худелу
куйрукъ, хвостъ;		худуру
бійик, высокій;		бедык
по этому и ыйик или яик;		адык.

152

званіе жертвы по божеству мы находимъ и у Чувашъ, которые называютъ йирихомъ и жертвенныя вещи, и того, въ честь кого они положены. Чувашскій йирихъ, алтайскій джаикъ, ыикъ, минусинскихъ Татаръ — ижикъ, изыкъ, якутскій итык, урянхайскій атыгъ—все это слова одного значенія и напоминаютъ названія медвѣдя: уѣрк самоѣдск. (jurex волкъ, остяцкое; бури волкъ, татарс.; русск. обл. бирюкъ, медвѣдь); ehoko или ucikan тунгусское, эсе якутское; атыгъ урянхайское, айыгъ алт. (аю турецкое), jig — остяцкое. На это сходство можно смотрѣть, какъ на свидѣтельство, что поклоненіе божеству развилось у племенъ сѣверной Азіи подъ вліяніемъ представленій о медвѣдѣ-громовникѣ, который отожествлялся съ высокими горами. Не странно будетъ искать и для именъ Бурханъ, Буренъ, Буръ, Бурулъ и т. под. объясненія въ названіяхъ звѣрей; въ турецкихъ языкахъ мы находимъ бури для волка; въ одной урянхайской сказкѣ является Бури-ханъ, волкъ царь; сказка сначала даетъ ему настоящій волчій видъ, но потомъ превращаетъ его въ хана, живущаго внутри горы, входъ въ которую незамѣтенъ и заваленъ огромнымъ камнемъ (черта, часто приписываемая громовнику). Повѣрья о высокихъ горахъ, существующія въ сѣверной Азіи, намекаютъ на пребываніе на нихъ страшнаго божества. Суевѣрные Тунгусы смотрятъ на гору Чокондо, какъ на мѣстопребываніе гнѣвнаго божества, посылающаго на нее ежедневно облака и бури и никого до нея не допускающаго, а потому вершину ея почитаютъ не досягаемою [1]). Торгоуты въ Тарбагатаѣ говорятъ, что вершину бѣлка Мустау облегаетъ свернувшійся кольцомъ змѣй. Остяки и Зыряне о горѣ Непубы-неръ или Телпосъ-изъ (въ Уралѣ) разказываютъ, что на эту гору никто не смѣетъ взобраться, а которые всходили, оттуда никогда уже не возвращались; они считаютъ мѣсто это обиталищемъ нечистаго духа [2]). На островѣ Ольхонѣ есть поклонная гора Ижимей, на которую Буряты не смѣютъ подниматься; на ней, говорятъ Буряты, цѣпями прикованъ къ скалѣ медвѣдь [3]).

---

[1]) *Риттеръ*, русск. переводъ, V, 312.

[2]) *Ж. М. Нар. Просв.* 1878 г., ноябрь, 9.

[3]) Сообщилъ г. Черскій. Подобную связь Громовника съ горой замѣтили и у Лопарей. Айе или Укко проявляетъ свое бытіе въ видѣ грома, бури, непогоды и молніи. Лопари обожали его подъ видомъ высокихъ горъ, утесовъ и озеръ. Въ Энаре есть скала, поднимающаяся изъ волнъ подобно башнѣ; она называется Айе и почиталась за божество; ей приносились жертвы (*Ж. М. Нар. Пр.* 1868 г. іюль, 252). Кастренъ (Vorlesung. über. d. Finnische Mythologie, 108—122) указы-

Мы сказали, что джаикомъ Алтайцы называютъ также наводненіе отъ грозоваго ливня. На такое же отожествленіе грозоваго явленія съ потоками, несущимися съ высокой горы, указываютъ и другіе случаи. Полный титулъ бѣлка, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Мунко-Сардыка (имя это тункинскимъ Бурятамъ и косогольскимъ Урянхайцамъ неизвѣстно, они зовутъ его или Мунку-Саганъ, или Бурюнъ-ханъ), слѣдующее: Мунку-Саганъ-хутулъ-ханъ-моринъ-нойонъ. Это ханъ-Моринъ есть конечно то же, что урянхайское Бурюнъ-ханъ, между тѣмъ Моринъ у Монголовъ, кочевья которыхъ прилегаютъ къ южной подошвѣ Танну-Олы, означаетъ вообще большую рѣку; этимъ именемъ зовутъ, напримѣръ, Тельгиръ-Моринъ, хотя не менѣе важныя рѣки Тэсъ и Эгъ не называются моринами. Эта привиллегія Тельгира до того соблюдалась, что Моринъ сдѣлалось почти собственнымъ именемъ этой рѣки; чаще ее зовутъ просто Мориномъ. Другая рѣка (въ системѣ Хуа-хема) называется Буренъ-голъ; на картѣ Клапрота она еще называется Хара-муренъ, то-есть черная рѣка; такъ, можетъ быть, она когда нибудь и называлась; нынѣ же она из-

---

ваетъ на отношенія, существующія между духомъ Hiisi (множ. Hiidete) и горами по повѣрьямъ Финновъ. Hiisi въ рунахъ является всегда злымъ, коварнымъ духомъ; онъ вмѣстѣ съ Syöjätär сотворилъ змѣй и участвуетъ во всякомъ злѣ, которое на землѣ случается; онъ топоромъ разсѣкъ колѣно Вейнемейнену (кажется черта громовника, ведущая начало отъ косолапой походки медвѣдя); болѣзни и недуги считаются посылаемыми отъ Hiisi; злое существо этого духа видно изъ финскихъ проклятій: Oi Hiisi, о дьяволъ! mene Hiitem, иди къ чорту! Вмѣстѣ съ злою природой Hiisi соединяетъ свойство сильнаго и ужаснаго существа; у него есть конь, у котораго стальныя копыта, а изъ рта и ноздрей летятъ искры. Мѣстопребываніемъ Hiisi считался лѣсъ, особенно лѣсистыя горы; Hiien linna, то-есть города Hiisi, Hiitola, то-есть Hiisi'ево обиталище описываются какъ мѣста, окруженныя трущобами, высокими горами и скалами. На горы, какъ на жилище Hiisi, указываетъ и то, что многія горы въ Финляндіи называются Hiiden vuori. Въ рунахъ говорится также о Hiisi'евыхъ поляхъ, лугахъ, коняхъ, быкахъ и проч., что придаетъ этому духу другія черты, не ограничивая его образъ чертами одного лѣшаго. Выраженіе Hiiden väki подавало прежде поводъ къ предположенію что Hiisi были первонасельниками Финляндіи. Та же связь громовника съ высокими горами замѣчена и у кавказскихъ горцевъ. Высшимъ божествомъ у Абхазцевъ считается Аныбсъ—ныха—дудрюпшъ, который пребываетъ на горѣ Дудрюпшъ; всякій осмѣливающійся подняться на гору, бываетъ пораженъ слѣпотою. Собственно громовникъ по абхазски называется Афы; ему приносятъ жертвы при отгонѣ стадъ въ горы весной и возвращеніи изъ горъ осенью, а также во время засухи; во время грозы ему поется особый гимнъ. (Ср. имя Афы съ самоѣдскимъ названіемъ медвѣдя апы, качинско-татарскимъ awa и др. т. п.).

154

вѣстна у мѣстныхъ Урянхайцевъ подъ именемъ Бурена; это буренъ, прежнее мурэнъ, сдѣлалось совсѣмъ собственнымъ именемъ этой рѣки, такъ что къ нему уже прилагаютъ слово голъ, рѣка. То же слово находится въ имени третьей рѣки Буконь-буренъ, притока р. Кобдо. Изъ этихъ примѣровъ видно, что моринъ и буренъ смѣняютъ другъ друга, какъ въ именахъ рѣкъ, такъ и горъ; это ведетъ къ догадкѣ, что этимъ именемъ назывался Громовникъ, который отожествлялся и съ горой, и съ грозовымъ ливнемъ, и вообще съ потокомъ съ горы [1]). Отъ этого-то нераздѣленія понятій о горѣ и о берущей на ней начало рѣкѣ не рѣдко случается въ Монголіи, что и бѣлокъ, и рѣка носятъ одно и то же названіе, а отдѣльныхъ именъ не имѣютъ; такъ, напримѣръ, къ западу отъ Убса лежатъ два бѣлка, изъ которыхъ вытекаютъ двѣ рѣки: Харкира и Тюргунъ; бѣлки не носятъ отдѣльныхъ названій; на вопросъ, какъ гора называется, отвѣчаютъ: или хаирханъ, или: цасту ола (снѣжная гора), или: мунку цасу (вѣчный снѣгъ), и только когда требуется отличить въ разговорѣ одинъ бѣлокъ отъ другаго, ихъ называютъ именами Харкира и Тюргунъ. Вершина Ени-

---

[1]) Въ алтайскихъ былинахъ, записанныхъ *Радловымъ*, встрѣчается выраженіе «Итиль-джаикъ»; г. Радловъ, заключая изъ смысла предложенія, перевелъ это выраженіе просто: большой водой; г. Ильминскій, въ письмѣ къ г. Шифнеру, помѣщенномъ въ предисловіи къ одному изъ томовъ Радловскихъ Proben, предложилъ остроумную догадку, что тутъ нужно разумѣть спареніе двухъ именъ русскихъ рѣкъ, Итиля и Джаика, то-есть, Волги и Урала (Яика). Невольно является мысль, что это мѣсто есть память о русскихъ рѣкахъ, съ которыми среднеазіатцы могли познакомиться во время походовъ. Какъ будто за то же говоритъ и монгольское повѣрье о рѣкѣ Идильдзай, лежащей на западѣ отъ Монголіи, на которой люди, пьющіе ея воду, живутъ свыше ста лѣтъ. Однако слово джаикъ, какъ мы видѣли, извѣстно въ Алтаѣ въ значеніи наводненія, большой воды. Кажущееся противорѣчіе въ этихъ фактахъ можетъ быть объяснено такимъ образомъ. Идиль-Джаикъ было парнымъ именемъ, жившимъ въ устахъ народовъ средней Азіи; оно употреблялось, какъ въ слитной формѣ, такъ и въ разобщенной и придавалось какъ самому громовнику, такъ и производимому имъ грозовому ливню; имя джаикъ и теперь осталось въ Алтаѣ въ близкомъ къ тому значеніи. Имя Идильдзай явилось не послѣ только знакомства съ р. Волгой, а существовало въ Монголіи давно и повѣрье о немъ указываетъ, что подъ этимъ именемъ скрывается благотворный ливень, приходящій съ западнаго неба; впослѣдствіи турецкія и монгольскія племена явились въ Европейскую Россію и найдя здѣсь двѣ большія рѣки, наименовали ихъ именами, взятыми изъ своей миѳологіи. Что народъ подобнымъ образомъ переносилъ имена съ неба на землю, примѣромъ могутъ служить дороги въ древней Англіи, на которыя было перенесено имя млечнаго пути. Къ первому члену Идиль мы возвратимся въ статьѣ о Семизвѣздицѣ.

155

сея называется Хуа-Хемъ; это названіе дается рѣкѣ только по выходѣ ея изъ озера Терь-норъ; выше же она называется Шишкитъ; самая восточная вѣтвь системы называется Арасай; въ вершинахъ этой послѣдней рѣки, какъ бы во главѣ всей рѣчной системы, стоитъ высокая гора, носящая имя Хуа-Хемъ, то-есть, имя рѣки, долина которой у ея подошвы получаетъ начало, хотя рѣка, которая близь нея начинается, называется другимъ именемъ. Это тоже можетъ служить примѣромъ того, что человѣкъ, обитавшій въ древности въ Монголіи, принималъ гору съ ея потоками за органическое цѣлое [1]).

Небо представлялось, кромѣ того, еще въ видѣ высокой горы, въ видѣ бѣлка (или тайги, какъ сказалъ бы Алтаецъ), на которомъ скопляются грозовыя тучи и разряжается электричество. Восходящее солнце или луна должны были представляться дикарю въѣзжающими на гору. Подъ горою въ сказаніяхъ сѣверной Азіи слѣдуетъ разумѣть по большей части небо. Самое крупное созвѣздіе сѣвернаго неба, Большая Медвѣдица помѣщается около вершины этой горы; она должна была представляться или въ видѣ самой вершины бѣлка, или обитателемъ на ней, и обобщаться съ Громовникомъ или съ медвѣдемъ-громовникомъ. Въ сказаніяхъ упоминается высокая гора, на которой ростутъ семь лиственницъ; въ качинскихъ былинахъ царь Джедай-ханъ живетъ на высокой горѣ, а подъ Джедай-Ханомъ разумѣется Большая Медвѣдица, Джетыганъ или Итыганъ [2]).

Другое представленіе о небѣ было, какъ о морѣ, окружающемъ землю. Относительно сказаній сѣверной Азіи можно то же сказать, что̀ говорится объ арійскихъ; бо̀льшая часть миѳовъ, касающихся моря, разумѣетъ не земное, а небесное море облаковъ и тумановъ, такъ какъ монгольское племя еще менѣе знало настоящее море, чѣмъ арійцы. Монголъ словомъ далай, море, называетъ большія озера своей родины; небо онъ могъ представить въ видѣ того же далая, только въ другихъ размѣрахъ. Съ этимъ вмѣстѣ Большая Медвѣдица должна была преобразиться во властителя небеснаго моря, отъ котораго за-

---

[1]) Не слѣдуетъ ли подобною связью представленій о громовникѣ и ливнѣ объяснить сходство именъ въ языкѣ якутскомъ äбä—рѣка *Böhtlingk*, Jak. Worterb., 15), и eḃbae—медвѣдь (*Pall*, Zoogr., II, 67)? Не означало ли оно ранѣе грозоваго ливня или весенняго разлива водъ? Такое же соединеніе представленій, можетъ быть, заключается въ словахъ: якутскомъ Ирюсъ (*Böhtlingk*: öрус, большая рѣка) и монгольскомъ галапъ; послѣднее теперь означаетъ переворотъ земной е только черезъ посредство воды, наводненія, но и посредствомъ огня.

[2]) Очерки Сѣв.-зап. Монг., II, прим. 27 къ гл. I-й.

виситъ погода. Мы имѣемъ одну монгольскую сказку, въ которой отчасти можно видѣть варіантъ нашего Марко-богатаго. Одинъ бѣднякъ идетъ къ Бурханъ-Бакши узнавать судьбу; онъ находитъ слѣды ногъ этого божества, этими слѣдами доходитъ до моря и вступаетъ въ его волны; внутри ихъ онъ находитъ ставку Бурхана-Бакши; по сравненію съ нашими сказками, Бурханъ-Бакши есть морской царь; мы уже знаемъ, что Б. Медвѣдица по-монгольски называется Долонъ-бурханъ; присутствіе члена бурханъ въ названіяхъ созвѣздія и персонажа наводитъ на мысль, что подъ морскимъ жителемъ Бурханомъ-Бакши скрывается Б. Медвѣдица; это предположеніе можно поддержать слѣдующими обстоятельствами: вопервыхъ, многія черты другихъ монгольскихъ и татарскихъ сказаній заставляютъ также предполагать, что властителемъ надъ человѣческой судьбой представлялось созвѣздіе Большой Медвѣдицы, о чемъ будетъ сказано въ другой статьѣ; вовторыхъ, о Бурханъ-Бакши Монголы иногда прямо говорятъ, что это одна изъ звѣздъ Большой Медвѣдицы; втретьихъ, одно монгольское сказаніе принимаетъ Большую Медвѣдицу за семь частей, на которыя былъ разбитъ палкой богатырь Амын-Цаган-Буреке; къ тому же сказаніе объ Амынъ-Цаганѣ-Буреке соприкасается съ распространеннымъ сказаніемъ о семи братьяхъ, добывающихъ невѣсту, въ иныхъ передачахъ прямо относимыхъ къ Семизвѣздицѣ [1]); съ другой стороны, Амын-Цаган-Буреке напоминаетъ богатыря Медвѣдко или Медвѣжье ухо аварской сказки, [2]), который родился съ медвѣжьими чертами отъ сожительства женщины съ медвѣдемъ. Амын-Цаган-Буреке убиваетъ дьявола-старуху молоткомъ, намекъ на его громовничество. Эти факты даютъ право имя Бурханъ считать древнимъ первоначальнымъ именемъ Семизвѣздицы, возникшимъ на почвѣ представленій о медвѣдѣ-громовникѣ, обитающемъ на небѣ-горѣ или въ небѣ-морѣ; значеніе же Бурхана, какъ бога, есть, какъ мы думаемъ, позднѣйшее; оно отдѣлилось отъ монгольскаго имени Семизвѣздицы Долонъ-Бурханъ такъ же, какъ и турецкое Кудай, богъ, отдѣлилось отъ турецкаго ея имени Джетыгенъ, о чемъ мы скажемъ въ статьѣ о Семизвѣздицѣ. Принимая слово Бурханъ за древнее имя громовника, возникшее на туземной почвѣ и ведущее начало отъ одного изъ именъ

---

[1]) Какъ напримѣръ, въ датской, смот. *Grundtvig's* Dänische Volksmärchen, übrs. v *Leo*, 110, и въ записанной нами Монгольской «Долонъ убугутъ».

[2]) См. Сборникъ свѣд. о кавказскихъ горцахъ, вып. 2, ст. г. *Чиркеевскаго*, 16—24.

157

медвѣдя, мы можемъ встрѣтиться съ возраженіемъ, что не лучше ли вести это слово отъ санскритскаго Bhrgu, который есть также олицетвореніе молніи или жрецъ, получившій отъ Mâtaricvana освобожденный изъ пещеры огонь [1]). Этого санскритскаго Bhrgu еще болѣе, чѣмъ монгольскій бурханъ (въ урянхайскомъ произношеніи пурганъ, въ алтайскомъ пыркан) напоминаетъ птица кол-борхы, которой алтайское сказаніе приписываетъ открытіе огня; когда собраніе первыхъ людей неодумѣвало, какъ быть безъ огня, прилетѣла птица кол-борхы, сказала только: „развѣ на березѣ нѣтъ губы, развѣ въ скалѣ нѣтъ камня„ и улетѣла [2]).

Санкритскій Bhrgu могъ явиться въ Монголію или вмѣстѣ съ буддійскими книгами, или могъ быть занесенъ вмѣстѣ съ переселеніемъ монгольскаго племени отъ сѣверной подошвы Тибета. Но есть мнѣніе, что монгольское и особенно турецкое племя разселялось отъ Байкала съ сѣверо-востока на юго-западъ, а не на оборотъ [3]). Если это будетъ подтверждено дальнѣйшими учеными изысканіями, тогда останется одинъ путь, книжный; этотъ путь предполагаетъ переводъ сказанія о Bhrgu сначала къ Монголамъ, потомъ къ Урянхайцамъ и Алтайцамъ; сравненіе же редакцій монгольской и урянхайской не поддерживаетъ этого предположенія; сказаніе объ открытіи огня у Монголовъ подъ вліяніемъ буддизма исказилось въ сказаніе о добываніи живого бога; нужно сличеніемъ открывать, что въ немъ подъ живымъ богомъ разумѣется огонь; въ алтайской же вышеприведенной легендѣ говорится ясно, что борхы указалъ людямъ огонь. У Урянхайцевъ я не открылъ сказанія объ открытіи огня, но у нихъ есть сказаніе о добываніи живаго бога; редакція этого сказанія первобытнѣе монгольской и не похожа на заимствованіе у Монголовъ; въ монгольскомъ сказаніи Абтай-сайнъ-ханъ ѣдетъ за живымъ богомъ къ Далай-ламѣ, и только; въ урянхайскомъ—это длинный разказъ о

---

[1]) *Kuhn*, Herabkunft des Feuers, 5—10.

[2]) Кунъ приводитъ граубинденскую сагу, которую онъ сближаетъ съ сказаніемъ о добываніи огня. Парни одной деревни выставили въ лѣсу корыто съ виномъ и водкой; лѣсной человѣкъ выпилъ напитковъ и опьянѣлъ; его поймали, связали и принесли въ деревню; когда онъ очнулся, отъ него стали требовать, чтобы онъ открылъ тайну; онъ сказалъ, что откроетъ, но чтобы ему развязали руки и ноги; когда руки и ноги были развязаны, лѣсной человѣкъ только сказалъ: bim hübschen wetter nemmet die töpschen (wämmer) mit ni und bim leiden haid (habd) er d' wahl, и исчезъ (ib., 34).

[3]) См. между прочимъ *Richthofen*, China, 45—55.

158

богатырѣ, исполняющемъ личныя ханскія порученія; послѣднее изъ нихъ есть поѣздка къ Колду-Бурхану за живымъ богомъ, причемъ богатырь добываетъ себѣ невѣсту. Словомъ, эта урянхайская сказка совершенно походитъ на другія урянхайскія богатырскія сказки и нисколько не походитъ на отрывокъ буддійскаго сказанія, который будто могъ быть пересаженъ въ таннуольскія долины немногочисленными безграмотными ламами, и наоборотъ при чтеніи монгольскаго сказанія чувствуется, что это обрывокъ сказки шаманскаго племени, искаженный подъ вліяніемъ буддизма.

Кромѣ того, связь между представленіями дикарей сѣверной Азіи о медвѣдѣ и громовникѣ на нашъ взглядъ такъ очевидна, что заимствованіе имени громовника: бурханъ, бури-ханъ, буренъ-ханъ [1]), и прочія отъ имени медвѣдя должно казаться очень естественнымъ; что же касается до связи Bhrgu съ корнемъ bhrj, откуда bhargas, блескъ [2]), то не отвергая ея, можно объяснить эту связь происхожденіемъ понятія о свѣтломъ и существительнаго, „блескъ„ отъ блестящаго созвѣздія, а не на оборотъ.

Сравненіе неба съ моремъ (правильнѣе, озеромъ) могло быть вызвано сходными чертами, одинаковымъ цвѣтомъ лазури, отраженіемъ звѣздъ въ водѣ въ ночное время, а во время грозы одинаковымъ помраченіемъ какъ небесной, такъ и водной лазури; повѣрья жителей сѣверной Монголіи указываютъ, что дикари признавали такую же тѣсную связь между небеснымъ моремъ и земными водоемами, какъ и между небесной горой и земными хаирханами. Они помѣщаютъ громовника на дно озеръ; у Манджуровъ есть миѳическій звѣрь мудури, который будто бы водится и въ озерѣ Ханка. Мудури по манджурски значитъ молнія. Звѣрь мудури считается свирѣпымъ. Манджуры часы сутокъ обозначаютъ именами звѣрей: 11-й часъ называется часомъ мудури. На манджурскихъ часовыхъ доскахъ на мѣстѣ одинадцатаго часа изображенъ звѣрь мудури въ видѣ дракона, бросающаго изъ своихъ лапъ молнію [3]). О бѣлой совѣ, которая по бурятски называется тажа и въ краѣ живетъ только зимой, Буряты говорятъ, что на лѣто она уходитъ въ озеро, что къ тому озеру опасно бываетъ подгонять

---

[1]) Понятіе о горѣ заключалось и въ санскритскомъ bhrgu, plateau de montagne, précipice. См. *Pictet*, Orig. indo-europ. II, 125; тутъ же сближенія съ готск. bairgs, англ.-сакс. beorg, древне-славянск. брегъ.

[2]) *Kuhn*, Her. d. Feuers, 8.

[3]) *Маакъ*, Путеш. по Уссури, I, стр. 141.

въ то время скотъ на водопой, потому что тажа поражаетъ его молніей. Въ западной Монголіи этого повѣрья нѣтъ, но связь бѣлой совы съ представленіемъ о громовникѣ есть и здѣсь: говорятъ, что ее преслѣдуетъ громовая стрѣла, почему она удаляется на лѣто на дно моря. Этимъ повѣрьемъ о пребываніи громовника въ озерѣ можно объяснить названіе манджурскаго миѳическаго звѣря чжухянь-сингэри; это было повидимому имя громовника, представленіе о которомъ народъ перенесъ на мамонта; связь въ представленіяхъ о мамонтѣ и громовникѣ или по крайней мѣрѣ о миѳическомъ звѣрѣ индрикѣ, прочищающемъ источники, есть и у насъ; на эту связь указалъ уже г. Вс. Миллеръ [1]). По самоѣдски мамонтъ называется je*n*ggoru [2]), именемъ, которое напоминаетъ корни, приведенные въ началѣ статьи; на языкѣ томскихъ Остяковъ и Самоѣдовъ онъ называется козаръ; это тоже одно изъ именъ громовника, какъ увидимъ ниже. Кажется эту связь нужно предполагать и между громовникомъ и выдрой; ея остяцкое названіе вантэръ [3]) напоминаетъ самоѣдское названіе бубна, peander, peanser, peanzer [4]), а мы видѣли, что названіе бубна въ связи съ именемъ громовника; названіе же рѣчекъ вблизи нѣкоторыхъ бѣлковъ около Косогола и въ системѣ Шишкита Мундурго, или Мунгорго (ср. пандеръ по халхасски, мундур, mender, möndör—градъ по бурятски) указываетъ на то, что и здѣсь громовнику давалось подобное имя. Тутъ, можетъ быть, наводило на сближеніе роющее свойство горныхъ потоковъ, образующихся отъ грозоваго ливня, которое напоминало дикарю роющихся въ землѣ звѣрей [5]).

---

[1]) *Древности*, т. VII с. 6.

[2]) *M. Schrenk's* Reise n. d. Nordosten d. europ. Russland, I, 312; II, 287. Шренкъ считаетъ это имя составленнымъ изъ двухъ ja земля и hora самецъ, спеціально самецъ сѣвернаго оленя, въ родѣ того, какъ яптангора, гусакъ, коровангора—быкъ. Слѣдовательно янгора будетъ «земной сѣверный олень-самецъ» или просто «земной быкъ». Но существованіе тунгусскихъ формъ: ѣнгуру—волкъ, джухянь-сингэри—подземное животное, заставляютъ съ осторожностью отнестись къ этому толкованію.

[3]) Варіанты: wander—*Castr* Vers. ostjak 118; wondor, wondyr—*Pall.*, Zoogr. I, 77; gonter—около Самарова ibid. По якутски быдыра, близкое къ манджурскому мудури, но можетъ быть, и искаженное русское выдра, какъ думаетъ Бётлингъ.

[4]) *Castren's* Wörterverzeichn. aus d. Samojed. Spr. 292.

[5]) По вотяцки гондыръ—медвѣдь; ср. также хундуръ по чувашски, ундургорныхъ Черем., бобръ (*Золотницкій*, Чувашск. Слов.). Тотъ же корень для бобра съ другимъ окончаніемъ очень распространенъ на пространствѣ отъ Волги до

Первый членъ имени манджурскаго загадочнаго звѣря, чжухэнь, тоже нужно отнести къ эпитетамъ громовника, судя потому, что почти того же состава имя: сихинь и кангири, какъ называются черепичныя погремушки подъ манджурской крышей; кромѣ того у Вогуловъ громъ называется сяхенъ [1]). Появленіе этого слова, въ которомъ и тѣни нѣтъ звукоподражанія, можно объяснить тѣмъ, что дзехенъ было именемъ медвѣдя и потомъ перенесено на громовника.

Оно дѣйствительно встрѣчается въ именахъ звѣрей; хэнгрикъ-дзехенъ по монгольски называется россомаха; это имя вполнѣ совпадаетъ обоими членами съ приведенными выше названіями какъ манджурскаго гремучаго украшенія „сихинь и кангири", такъ и миѳическаго звѣря „чжухянь-сингэри". Переводить слово хэнгрикъ по русски словомъ бубенъ въ названіи россомахи едвали имѣетъ смыслъ; что за бубенная россомаха? вѣроятнѣе тутъ разумѣть просто звѣриное имя, которое было дано звѣрю за ревъ и въ то же время придавалось и громовнику. Дзехенъ, россомаха, въ другихъ языкахъ измѣняется въ дзегенъ у Сойотовъ, джекенъ у Алтайцевъ, сегянъ, сйэгянъ, сіэгянь у Якутовъ.

Цаганъ, которое встрѣчается между именами въ монгольскихъ сказаніяхъ, не есть поэтому бѣлый, а скорѣе названіе звѣря; оно означало повидимому медвѣдя и громовника; поэтому-то оно и входитъ въ составъ имени Амынъ Цаганъ Буреке [2]), въ которомъ мы уже указали признаки громовника; на томъ же основаніи и извѣстный бурятскій „Цаганъ *убу*гунъ", бѣлый старецъ, долженъ быть признанъ за медвѣдя-громовника [3]); онъ во время религіозныхъ плясокъ въ буддій-

---

Енисея: кундус по киргизски; кондоз по татарски, кумдус по алтайски. Отъ того же корня происходятъ названія выдры: kundus, hundus, по сойотски и карагасски, kamnos, камнош по койбальски (*Castr.* Versein. Koib. Spr., 159); камду по алтайски, кама Казанскихъ Татаръ (ср. теме-халю, бобръ по монгольски); комà по черемисски; йеме по якутски (*Böhtlingk*).

[1]) Труды Общ. естествоисп. при Казанск. унив., т. III, № 4; Путеш. къ Вогуламъ, ст. г. *Сорокина*.

[2]) Амынъ напоминаетъ самоѣдское Ѣманъ, верховное божество.

[3]) Урянхайцы называютъ медвѣдя, между прочимъ, убукъ, вѣроятно, сокращенное убугунъ. Такимъ образомъ цаганъ-убугунъ будетъ по составу имени соотвѣтствовать древне-греческому λευκη ἄρκτος (*Bachofen*, Der Bär in der Relig. des Alterthums, Basel, 1863, стр. 18). Не скрывается ли тотъ же убугунъ, то-есть, медвѣдь, въ чувашскомъ словѣ вопкын, пучина, водоворотъ, пропасть, прожорливый, обжора, татарск. упкунъ, гор. Черем. вопманъ; вопкын у Чувашей

скихъ монастыряхъ представляется хромающимъ,—намекъ на походку медвѣдя. Буряты Аларскаго вѣдомства говорятъ, что сильнѣйшій звѣрь на землѣ амынъ-цаганъ-хулугана; это можетъ значить только то, что прежде такъ назывался медвѣдь, и вмѣстѣ съ тѣмъ громовникъ; впослѣдствіи связь имени съ медвѣдемъ утратилась, осталось одно—что это сильный (какъ небесный громъ) звѣрь. Что это былъ громовникъ, подтверждается повѣрьями, будто мышь амынъ-саганъ-хулугана сосетъ коровъ, или будто гдѣ она поселится, въ томъ домѣ будетъ богатство и счастье. Другой, болѣе ясный примѣръ подобной судьбы имени громовника представляетъ названіе кара кула. У Киргизъ существуетъ повѣрье, что сильнѣйшій звѣрь есть кара кулакъ (черное ухо), хотя онъ величиной всего съ кулакъ. Въ алтайск. словарѣ [1]) слово кара-гула переведено: левъ. Мы думаемъ, что это ни мышь, какъ надо подразумѣвать со словъ Киргизъ, ни левъ, а что это былъ медвѣдь, и въ то же время громовникъ; связь имени съ медвѣдемъ утратилась, осталось одно воспоминаніе, что это звѣрь и притомъ самый сильный, сильнѣе даже медвѣдя. Въ сказкахъ, Кара-Кула живетъ у Алтайцевъ и до сихъ поръ и фигурируетъ обыкновенно на мѣстѣ нашего змѣя или монгольскаго мангыса; переводъ львомъ надо объяснить такимъ образомъ: когда Алтайцы пришли въ первое столкновеніе съ людьми, знавшими хотя по имени льва, когда эти люди описали имъ льва, какъ звѣря болѣе сильнаго, чѣмъ медвѣдь, Алтайцы, справившись въ своей миѳологической зоологіи, порѣшили, что это вѣроятно имъ разказываютъ о кара-гулѣ, хорошо имъ извѣстномъ изъ сказокъ. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ объяснить и якутское слово хахай, левъ. Бётлингъ въ своемъ якутскомъ словарѣ при этомъ словѣ дѣлаетъ примѣчаніе: гахай, монгольское свинья и за тѣмъ ставитъ вопросительный знакъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно объяснить, чѣмъ руководствовались Якуты, заимствуя монгольское слово хахай для такого звѣря, какъ левъ; но это затрудненіе можетъ быть устранено предположеніемъ, что со словомъ хахай происходила таже исторія, что и съ кара-кулой. Хахай, вѣроятно, было именемъ медвѣдя и громовника, оставшееся потомъ только въ сказкахъ; что хахай былъ громовникъ, на это указываютъ восклицанія якутскаго шамана на мистеріяхъ: хахай! хахай! подобно тому, какъ алтайскіе шаманы начи-

---

духъ съ означенными свойствами; ему и его семейству дѣлается моленье въ предупрежденіе отъ повальныхъ болѣзней (*Золотницкій*, Корн. Чув. Словарь, стр. 27).

[1]) Грам. алт. языка, стр. 48.

162

ная свое камланье, призываютъ имя своего громовника: кайраканъ! кайраканъ! Потомъ слово это значенія медвѣдь лишилось, но сохранилось въ сказкахъ какъ имя сильнаго чудовища (конечно, это предположеніе должно быть подтверждено образцами, теперь живущими въ народѣ), и наконецъ при первыхъ разказахъ о львѣ было присвоено этому послѣднему. Между гахай-хахай съ одной стороны и дзехенъ-цаганъ съ другой было вѣроятно посредствующее каганъ-хаганъ, которое, подобно кайракану, сдѣлалось почетнымъ титуломъ у властителей Монголіи. Между именами звѣрей эту среднюю форму можно видѣть въ остяцкомъ коганъ для нѣкоторыхъ породъ лисицы [1]).

Кромѣ этого пути обмѣна именъ медвѣдя съ другими животными, были, очевидно и другіе.

Обмѣнъ именами медвѣдя съ крупными хищниками, волкомъ или выдрой, допускается нашимъ умомъ легко; обмѣнъ съ крупными травоядными, каковы: лось, олень, быкъ, лошадь, ревъ которыхъ или мало, или совсѣмъ не уступаетъ медвѣжьему, тоже можетъ быть допущенъ. Но можно ли допустить, чтобы имена медвѣдя переходили на мелкихъ грызуновъ, только по той причинѣ, что дикарь обобщилъ все ревущее, воющее, пищащее? Конечно, тутъ была какая-то другая причина переноса; не имѣя возможности теперь же сказать — какая именно, мы замѣтимъ только, что нѣкоторые изъ этихъ переходовъ, какъ показываютъ приведенные ниже примѣры, находятся въ какой-то связи съ сказаніемъ о громовникѣ. Мы уже выше говорили о представленіи громовника въ видѣ змѣи Абырганъ, по имени которой и есть названныя горы (я знаю двѣ, обѣ въ южной Монголіи); въ то же время Абырганомъ Урянхайцы называютъ летягу, о которой и у Халхасцевъ и у Алтайцевъ есть повѣрье, что ее преслѣдуетъ громовникъ [2]). Джельбегень или Ельбегень есть семиглавый змѣй алтайскихъ сказокъ;

---

[1]) У Кастрена: kâgan, kêagan на языкѣ енисейскихъ Остяковъ, sumarcôgana на котовскомъ нарѣчіи (*Castren's* Versuch ein. jenisse'-ostjakisch und kottisch Sprachlehre, 239).

[2]) По алтайски тотъ же звѣрекъ называется бобырганъ (ганъ есть суффиксъ и при сравненіи можетъ быть отброшенъ), по якутски бабыр, у Русскихъ въ Вост. Сибири бабръ, Felix uncia (*Böhtlingk*, Jakut. Deutsch. Wörterb.). Слич. по персидски bibar, мышь, и babar, тигръ и левъ (*Pictet*, Orig. indo-européenes, II, p. 411—428 и 444). Въ славяно-литовскихъ языкахъ также замѣчается близость именъ медвѣдя и мелкихъ звѣрьковъ, какъ напримѣръ, бѣлки: медвѣдь по иллирійски (у *Pictet*, 428) wewer, бѣлка по литовски wawaris, по древне-слав. веверица.

это, конечно—змѣй-громовникъ; имя его напоминаетъ качинское албагай, соболь, а если совсѣмъ отбросить окончаніе гень—монгольское ольби, летяга, о которой существуетъ у Монголовъ повѣрье, что небо преслѣдуетъ его своими стрѣлами.

Въ нашихъ русскихъ повѣрьяхъ ангелъ преслѣдуетъ громовой стрѣлой чорта, который прячется подъ траву; но по другимъ сказаньямъ подъ траву прячется Христосъ, вѣроятно въ первоначальной редакціи хорсъ (ср. у западныхъ славянъ Кртъ [1]); хорсъ же былъ громовникъ. Финскій громовникъ Юмала, самоѣдскій Нумъ; по мордовски заяцъ—нумоло. Одно изъ именъ легендарнаго шамана, то-есть громовника у Алтайцевъ Ханъ-Хурмось, по монгольски бѣлка херимъ или херми; Хурмустенъ ханъ — монгольскій громовникъ; по бурятски летучая мышь хурмуше; Ерликъ или Ерленъ-номонъ-ханъ, царь подземнаго міра, у Алтайцевъ представляется съ змѣей въ рукѣ вмѣсто плети, слѣдовательно съ молніей; ерленъ по алтайски, номонъ по монгольски значитъ крыса. Волгонче громовникъ у Черемисъ, мулгачь—заяцъ по чувашски. Джаикъ — громовникъ у Алтайцевъ; джаикъ, у Алтайцевъ заяцъ, снабженный яламой (онгонъ) [2]).

Параллельно съ этими примѣрами превращенія гонителей въ гонимыхъ, свѣтлыхъ божествъ въ темныхъ могъ совершиться и обмѣнъ въ имени тэнгри; этимъ именемъ могъ называться и громовникъ и преслѣдуемый имъ звѣрекъ, тэнгаръ (по остяцки мышь).

Изъ другихъ именъ громовника упомянемъ еще Уланъ, Сартактай, Чингисъ, Гесеръ, Кадыръ, Абысъ, Піамбаръ.

На монгольской почвѣ мы встрѣчаемъ архаическое слово люнгъ [3]); оно встрѣчается въ именахъ легендарныхъ героевъ и въ именахъ урочищъ; такъ напримѣръ, въ сѣверо-восточной Монголіи въ Хангаѣ есть священная гора Ташилюнъ (Ташилюнгъ?); у южной подошвы Тянь Шаня къ вос. отъ города Хами, на картѣ г. Рафаилова назна-

---

[1]) Кротъ, по монг. номонъ, по монгольскому повѣрью преслѣдуется молніей, какъ и летяга.

[2]) Громовникъ у Камчадаловъ называется Пилячучъ (у *Стеллера* Билюкай); см. *Крашенниниковъ*, Опис. Камч. II, 73 и 78; заяцъ (Lepus variabilus) по камчадальски biltschutsch (*Pall.*, Zoogr. I, 146). Ср. также русскую загадку о громѣ и молніи: Туръ ходитъ по горамъ, а турица (мышь) по норамъ; туръ свиснетъ, а турица мигнетъ (запис. г. *Кашинымъ* на Аргуни: *Вѣстн. Имп. Р. Геогр. Общ.* 1858 г., № 10.

[3]) Напримѣръ Люнгъ-Шидургу, Лингъ-Хумъ.

чепо селеніе Ташилюкъ (Ташилюнгъ съ выпаденіемъ носоваго *н*?) [1]); въ Алтаѣ въ долинѣ р. Чуи есть р. Таджилу. Къ этой послѣдней относится легенда въ родѣ нѣмецкой объ Erl-könig'ѣ; отецъ везетъ свою дочь съ цѣлью отдать въ замужество, но дитя умираетъ у него на рукахъ. Женихъ былъ таджи то-есть, князь, который жилъ на р. Таджилу; Алтайцы говорятъ, что эта рѣчка потому такъ и называется, что она принадлежала князю; то-есть, они принимаютъ, что названіе таджилу составлено изъ двухъ членовъ: таджи и лу, гдѣ лу есть притяжательная татарская частица лу. Но существованіе монгольскихъ Ташилюнговъ заставляетъ усомниться въ вѣрности подобнаго объясненія. Сказаніе о Таджилу кончается заявленіемъ, что вотъ по причинѣ кончины невѣсты здѣсь и не водятся съ тѣхъ поръ змѣи; эта неясная добавка намекаетъ однако, что подъ лу скорѣе слѣдуетъ разумѣть монгольское лу, драконъ, болѣе полную форму имени котораго мы имѣемъ въ составныхъ монгольскихъ словахъ: лунъ-сумынъ, громовая стрѣла, лунъ-ханъ, царь драконовъ. Въ числѣ легендарныхъ именъ встрѣчается Люнгъ-Шидурху [2]), противникъ Чингисъ хана, личность, обладающая способностью превращаться и тѣмъ напоминающая миѳическаго змѣя; Лингъ-хумъ предокъ народа Таджіутовъ; въ примѣчаніяхъ къ своему отчету о путешествіи въ Монголію въ 1876—1877 году мы сдѣлали догадку о тожествѣ послѣдняго лица съ сохранившимся у хотогайтцевъ именемъ ихъ предка Уланъ-хунъ-тайджи; въ нынѣшнюю поѣздку нами добыты еще нѣкоторыя подтвержденія этой догадки, но здѣсь не мѣсто излагать эти факты. Если наша догадка будетъ одобрена оріенталистами, то слово уланъ, такъ часто встрѣчающееся въ названіяхъ монгольскихъ урочищъ не всегда придется переводить словомъ красный; во многихъ случаяхъ вѣроятно придется видѣть въ немъ измѣненное лунъ или лу, драконъ, родственное турецкому иланъ, змѣя [3]). Къ числу урочищъ, въ имени

---

[1]) Кромѣ того, есть географическія имена: Тумурлюнгъ въ долинѣ р. Егъ (см. Очерки сѣверо-зап. Монг., II, 44, 93); извѣстная рѣка Херулюнъ (Херулюнгъ?). На подобное же діалектическое измѣненіе указываетъ повидимому двойственность произношенія слова: юзерлюнъ и юзерликъ (первонач. юзерлюнгъ?) растеніе Peganum Harmala на языкѣ Крымскихъ татаръ; сарланъ на языкѣ котоновъ и сарлыкъ по монгольски (первонач. сарлынгъ?) тибетскій быкъ, Bos grunniens. (*Анненковъ*, Бот. сл., 244; Очер. сѣв. Монг., II, 142).

[2]) О Шидурху смотри ниже.

[3]) Ср. жилантъ драконъ въ татарскихъ преданіяхъ Казанск. губер., Зміуланъ нашихъ сказокъ. Въ алтайскихъ сказкахъ темнымъ силамъ иногда придаются

которыхъ находится это слово, принадлежитъ Уланъ-гомъ, на которомъ стоитъ монастырь хошуна дурбютскаго Вана. Мы записали на мѣстѣ преданіе, что тамъ, гдѣ стоитъ теперь монастырь, нѣкогда жилъ Лунъ-ханъ то-есть, царь драконовъ; это обстоятельство отчасти оправдываетъ наше предположеніе, что подъ именемъ уланъ иногда слѣдуетъ разумѣть лунъ или иланъ, то-есть, змѣя [1]). Такимъ образомъ Уланъ гомъ и Лингъ-хумъ [2]) могутъ быть признаны тожественными

имена Катынъ-джула, Кара-кула. Ср. змѣя, по тунгусски кулинъ (*Castren*, Grundz. ein. Tungus. Sprachlehre, с. 110), на языкѣ Койбаловъ: джиланъ, чиланъ; сойотовъ: челанъ; карагасовъ, чуланъ (*Castren's* Versuch ein Koibal. und. Karagass. Sprachlehre, 156). Вѣроятно это же слово, а не камень, какъ слѣдуетъ изъ прямаго смысла, нужно видѣть въ названіи одного хотогойтскаго поколѣнія Чилунъ (чило по монгольски камень), а также это же слово чуланъ змѣя можетъ быть подало поводъ по недоразумѣнію къ сказкѣ, что урянхайскій народъ происходитъ отъ камня: такое повѣріе мы слышали отъ Монголовъ. Подъ именемъ «чилунъ» древнія сказанія вѣроятно разумѣли змѣя громовника, котораго, какъ увидимъ ниже, племена сѣверной Азіи принимали за творца вселенной и родоначальника человѣчества.

[1]) Приблизительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находится Уланъ-гомъ, китайскія лѣтописи помѣщаютъ городъ Иланьджеу, змѣиный городъ. И условія, благопріятныя для жизни и хлѣбопашества, дающія Улангому первое мѣсто въ ряду плодородныхъ оазисовъ сѣверо-западной Монголіи, и преданіе о Лунъ-ханѣ, а также и указаніе мѣстности вблизи Улангома, гдѣ была въ древности ставка какого то Бошокту хана, говорятъ за то, что лѣтописный Иланьджеу надо искать въ Улангомѣ.

[2]) Оріенталисты вслѣдъ за Рашидъ Эддиномъ въ словѣ хумъ видятъ китайское слово гунъ, князь. Хунъ встрѣчается въ титулѣ джунгарскихъ хановъ, Хунъ-Тайджи (ср. Уланъ-хунъ-тайджи, предокъ Хотогойтцевъ); въ объясненіе этого титула расказывали, что предокъ этой фамиліи былъ выкормленъ лебедемъ (хонг или хунг по монгольски). У остяковъ и самоѣдовъ слово ханъ, царь, господинъ встрѣчается въ формахъ хон, кан, ко*нг*, го*нг*, гу*нг*, ку*нг* и даже гок, кок, гук (*Castr.*, Wörterverz. aus d. Samojed. Spr., 235, 239; Vers. ein. Ostjak. Spr., 114). Эти видоизмѣненія могутъ быть истолкованы такимъ родомъ: слово ко*нг*, го*нг*, гу*нг* на первобытномъ языкѣ народовъ сѣверной Азіи означало громовника и затѣмъ перешло къ обозначенію старѣйшины, князя, и другихъ высшихъ степеней родовитости. Ср. хег идолъ у больше земельскихъ Самоѣдовъ, *Этногр. Сбор.* IV; 57; у *Шренка* ha, haj; Reise, II, 272. Громъ по самоѣдски у Кастрена hae, ha*ng*, kajuang, khäng; l. c., 212; у Шренка: hajgho, гдѣ haj—дѣлаетъ примѣчаніе Шренкъ—напоминаетъ идола; молнія hajendu, буквально огонь идола (Reise, II, 281); Енисейскіе Остяки, кромѣ высшаго божества Es, почитаютъ еще двухъ сильныхъ боговъ: Кой или медвѣдя и Бангусъ, подземное божество; Кастренъ думаетъ, что подъ послѣднимъ скрывается мамонтъ; Кой мужское начало, Бангусъ женское; см. *Castr.* Finn Mythol., 228. Медвѣдь у Енисейскихъ Ос-

166

формами; осмѣливаемся высказать догадку, что это было одно изъ именъ громовника. Рядомъ съ нимъ можно поставить еще третье монгольское слово—лунъ-сумынъ, громовая стрѣла (то-есть стрѣла каменнаго вѣка), слово, которое собственно отличается только переходомъ во второмъ членѣ звука *х-г* въ *с* и приставкой къ нему другаго окончанія [1]). Не слѣдуетъ ли допустить, что лунъ-сумынъ первоначально означало вообще грозу или громовника, и только впослѣдствіи значеніе его ограничено одной громовой стрѣлой [2])? Не сов-

---

тяковъ называется хоі, коі; см. *Castr.*, Vers. e. eniss. ostj. Spr., 233. Все это, по видимому, версіи одного и того же рѣченія h*an*g или khäng, обозначавшаго первоначально медвѣдя-громовника, и затѣмъ оно перешло къ обозначенію идоловъ или онгоновъ и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, кромѣ медвѣдя; такъ тобольско-татарское а*нг* олень, сдѣлавшееся у другихъ татаръ родовымъ: а*нг* вообще животное, означало вѣроятно медвѣдя; рѣзкій крикъ лебедя заставилъ и на него перенести этотъ корень: хо*нг*, ху*нг* лебедь монгольск.; чи*нг*, те*нг*, це*нг* id, остяцкое (которое съ выпаденіемъ носоваго *н* переходитъ въ тег, лебедь). Съ выпаденіемъ носоваго *г* изъ формы ко*нг*, гу*нг* и проч. получена форма хан, хон, гун, кун; отсюда кунь въ татарскомъ выраженіи кунь-кунгреды, громъ гремитъ (см. *Будаговъ* Сл. татар. нар. II, ар. 164); монгольское гунъ, князь; съ выпаденіемъ носоваго *н* получена форма: гок, кук и др., которыя въ татар. языкахъ употреблены для обозначенія неба, а потомъ и голубаго цвѣта. Въ Монголіи нѣкоторыя высокія горы называются Ханъ-Хухей, Алтын-Кукей; мы думаемъ, что подъ этимъ именемъ скрывается нѣчто болѣе важное, чѣмъ кукушка, какъ это слѣдуетъ изъ прямого смысла втораго члена. Замѣчательно, что для обозначенія крика кукушки у алтайцевъ и Чувашъ употребляются глаголы того же корня эт, адать, которымъ обозначается небесный громъ; по чувашски громъ гремитъ: аслади адать, кукушка кукуетъ кук авдать; по алтайски громъ гремитъ: тэнгри этыб јат, кукушка кукуетъ: к*уу*к этыб јат.

[1]) По бурятски стрѣла хумо или гомо. Ленточки, навѣшиваемыя на деревья, Кузнецкіе Телеуты называютъ сомо; это можетъ служить подтвержденіемъ, что подъ сомо, хумо, хумъ и т. д. разумѣлся змѣй.

[2]) Кунъ также находитъ возможнымъ такой обмѣнъ, только въ обратной послѣдовательности; именно онъ говоритъ, что Kutsa есть олицетвореніе donnerkeil'я, а ранѣе самый donnerkeil (Herabk., 60). Что громовыя стрѣлки ставились въ связь съ громовникомъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ повѣрья о нихъ, какъ русскія, такъ и азіатскія. У насъ въ деревняхъ громовыя стрѣлки лѣтомъ зарываютъ напашняхъ, чтобы дождь былъ; во время грозы стрѣлку спускаютъ въ ведро съ водой въ увѣренности, что въ домъ, гдѣ стоитъ такое ведро, не ударитъ молнія. Вѣроятно это повѣрье было поводомъ къ тому, чтобъ приписать сверх-естественную силу камню нефриту или ядеиту. Самое названіе этого камня напоминаетъ миѳическій камень джада или дзада, который такъ старательно разыскиваютъ Монголы и Урянхайцы, и которому приписывается свойство производить дождь. Въ Россіи существуетъ повѣрье, что змѣя *мѣдя*ница (или медянка) цѣлый годъ

сѣмъ то же, но въ томъ же родѣ ограниченіе смысла можно видѣть въ словѣ качинскихъ Татаръ тор, что означаетъ молнію; слово это вѣроятно сокращено изъ тенгри или тангара, небо, какъ принимается всѣми за подобное же сокращеніе того же слова остяцкое торумъ, небо, чувашское тора, небо. Третій случай такого же сокращенія значенія представляется въ монгольскомъ словѣ тэнгріинъ-ху, грибъ; буквально тэнгріинъ-ху значитъ сынъ неба; навязывается вопросъ, съ какой стати такое названіе дано неважному растенію? Мы объясняемъ себѣ это обстоятельство такимъ образомъ: тэнгріинъ-ху было имя медвѣдя громовника [1]); это была версія слова тэнгри-ханъ; дикарь подмѣтилъ, что грибы обильно выходятъ послѣ грозы и далъ обоимъ явленіямъ одно имя. Тутъ помогало обобщенію можетъ быть и отдаленное сходство гриба съ очертаніемъ стрѣлы [2]).

Въ Алтаѣ часто встрѣчаются рѣчки подъ названіемъ Хаиръ-Кумынъ; такъ какъ это горныя рѣчки, текущія изъ бѣлковъ, то происхожденіе ихъ имени весьма естественно искать между именами громовника. Мы уже въ словѣ Джаикъ имѣемъ примѣръ обобщенія громовника съ горнымъ потокомъ или наводненіемъ. Первый членъ приведеннаго имени: хаиръ, совершенно тотъ же, что въ монгольскомъ словѣ хаир-ханъ, гора-громовникъ, члену ханъ соотвѣтствуетъ кумынъ [3]); это внушаетъ мысль, что хаиръ-кумынъ было такимъ же

бываетъ слѣпа и только на Ивановъ день получаетъ зрѣніе и тогда, бросаясь на человѣка, пробиваетъ свою жертву на сквозь точно стрѣлою. Трава медяница зарождается отъ гніенія гадовъ; раститъ слѣпою, зрѣніе получаетъ въ Ивановъ день и когда увидитъ человѣка, бросается на человѣка и пробиваетъ его на сквозь. Заговоръ отъ родимца: «на морѣ на окіянѣ стоитъ мѣдный столбъ отъ земли до неба и въ томъ столбѣ закладена мѣдная мѣдяница отъ болѣзней и хворостей». (*Аѳ.* Поэт. Воззр. II, 527). Тарбагатайскіе Торгоуты, въ случаѣ болѣзни вымяни у коровъ, лечатъ прикасаясь къ нему лунъ-сумыномъ, то-есть, найденнымъ въ степи мѣднымъ наконечникомъ стрѣлы (бронзоваго періода). Повѣрья о змѣяхъ у монголовъ также есть: онѣ живутъ въ землѣ и когда на нихъ упадетъ тѣнь, напримѣръ, отъ каравана, бросаются съ такою силой, что пробиваютъ верблюда съ вьюкомъ на сквозь.

[1]) Этимъ же только мы объясняемъ появленіе Тэнгріинъ-ху въ качествѣ личнаго имени одного изъ монгольскихъ богатырей.

[2]) На идейную связь грибовъ съ громовникомъ указываетъ слышанное нами въ Монголіи повѣрье о грибѣ-дождевикѣ, (который по монгольски называется Тэнгріинъ-дуле), что если черный порошокъ его попадетъ въ глаза человѣку, то онъ ослѣпнетъ, а актъ ослѣпленія часто участвуетъ въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ о громовникѣ.

[3]) Другія рѣчки кончаются на гомъ (Джингегомъ, Арыгомъ, Шаргыгомъ;

именемъ громовника, какъ и хаирханъ и лунъ-сумынъ. Въ виду такого соображенія мы названіе одного изъ притоковъ озера Убса именно Наринъ-сумынъ предпочитаемъ поставить рядомъ съ алтайскими хаиръ-кумынами, вмѣсто того, чтобы переводить „тонкая стрѣла", какъ это слѣдуетъ изъ прямаго смысла; принимая, что сумынъ соотвѣтствуетъ кумыну, въ словѣ нар слѣдуетъ видѣть еще одно изъ именъ громовника; что имя этого корня придавалось ему, подтвержденіе тому мы видимъ въ одномъ монгольскомъ сказаніи о Нарбанджинѣ, гдѣ послѣдній ударомъ по столу производитъ пламя. Приведемъ еще случай, который говоритъ въ пользу соотношеній словъ каиръ-кумынъ и лунъ-сумынъ. Растеніе Cynomorium coccineum носитъ на киргизскомъ языкѣ имена: каиръ или сумъ-гуя; можно думать, что эти два имени прежде были соединяемы и составляли парное имя каиръ-сумъ; такое имя растеніе могло получить за свой странный пестообразный видъ, способный вызвать представленіе о громовой стрѣлѣ.

Чтобы исчерпать содержаніе формы „люнгъ", приведемъ еще изъ остяцкаго языка названіе мыши, лянгеръ или тенгеръ; въ этомъ языкѣ есть звукъ средній между *л* и *т*, для котораго въ словарѣ Кастрена изобрѣтена особая буква; поэтому въ записяхъ путешественниковъ для одного нарѣчія для мыши дается названіе тенгер или тенгар, для другого лянгер. [1]). Не относится ли люнгъ къ лянгеръ и остяцкое тонг, бѣлка, къ тенгаръ, такъ же, какъ татарское канк (откуда канкылдадып) къ корню кангра, алтайское шанг, колоколъ, къ корню шангра? Не было ли лянгеръ также именемъ громовника, какъ тенгиръ или тенгри [2]). Нынѣшній князь Ельджигеновъ называется Лу-гунъ, то-есть, князь драконъ; по Рашидъ Эддину, предокъ тѣхъ-же Ельджигеновъ назывался Мисеръ-улюкъ [3]). Въ этомъ „улюкъ" какъ будто скрывается люнгъ—или улюнгъ, измѣненное потерею носоваго *н* въ родѣ того,

---

замѣчательно, что послѣднее названіе прилагается къ рѣкѣ въ системѣ Шишкита то-есть, въ странѣ очень удаленной на востокъ отъ Алтая) или на гемъ и кемъ (Элегемъ, Арыкемъ, Улегемъ). Улегемъ у г. Бунге, путешествовавшаго по Алтаю, названъ Улегуменомъ, хотя во время проѣзда по Алтаю меня увѣряли прикащики, что эта рѣчка никогда такимъ образомъ не называлась, но въ виду существованія формы кумынъ было бы поспѣшно отвергать возможность подобнаго наименованія.

[1]) Сравн. названіе большаго озера Улюнгуръ въ Джунгаріи.

[2]) Ср. якут. лынгкыр, звонъ.

[3]) *Зап. Имп. Археол. Общ.* т. XIV, стр. 153—156.

какъ шилюнгунъ, по халхаски рысь, въ бурятскомъ превращается въ чулугунъ, рысь; если это такъ, то Лу-гунъ есть ничто иное, какъ нынѣшнее произношеніе Рашидъ-Эддиновскаго Лингъ-хума.

Существованіе двухъ формъ для адскаго божества: Ерликъ-ханъ и Ерленъ-ханъ также намекаетъ на то, что существовала первоначальная, болѣе полная форма: ер-ленгъ, или ер-лингъ [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что Ерликъ алтайцами представляется со змѣей въ рукѣ вмѣсто плети, слѣдовательно принадлежитъ къ громовникамъ.

О громовникѣ Сартактаѣ можемъ сообщить немного. Что это былъ громовникъ, видно изъ разказовъ о томъ, что онъ прорывалъ каналы, раздѣлывалъ пути, мостилъ мосты; подобно нашему громовнику Ильѣ Муромцу, онъ также оставилъ слѣдъ своего сидѣнья, только не на печи, а на скалѣ (близь р. Катуни); Алтайцы указываютъ также на камень, который онъ употреблялъ для бросанья въ дичь. Камень этотъ называется кудурго-ташъ, будто бы отъ слова кудар, поднимать; Алтайцы пробуютъ на немъ свою силу, стараясь поднять его; но имя это напоминаетъ также названіе громовника, по черемисски кудурчо, по вотяцки кутурья или гудури. Сказанія о Сартактаѣ распространены только въ странѣ между Катунью, оз. Убса, городомъ Кобдо и оз. Зайсаномъ; въ восточной части Монголіи его не знаютъ, но здѣсь въ окрестностяхъ Косогола и у Бурятъ появляется имя сардыкъ, для обозначенія высокихъ горъ (бѣлковъ и голь-

---

[1]) Буряты въ своихъ сказаніяхъ даютъ ему имя Ерленъ-Номонъ-ханъ. Мы уже приводили выше, что номонъ по монгольски крыса и кротъ, ерленъ по алтайски крыса; съ тѣмъ же значеніемъ слова: тат. ӧрлян, гор. Черемисъ ӓрлӓнга, лугов. Черем. орланге; по чувашски арлан, кротъ (*Золотницкій*, Корн. чув. слов., стр. 6). Кротъ также связываетъ ерлика съ идеями о громовникѣ потому, что о кротѣ есть монгольское повѣрье, что его преслѣдуетъ молнія. Ерленъ-Номонъ-ханъ было вѣроятно именемъ громовника, которое потомъ перешло съ гонителя на предметъ гоненія. Монгольское имя крота сохоръ-номонъ, бурятское моно-сохоръ также можно принять за имя громовника; сохоръ, сокуръ могло образоваться отъ корня хонгро. Полная форма: хонгоръ или сонхоръ присвоена Монголами соколу, по киргизски сункаръ; ср. хонкире монгол. воронъ, и названіе одного изъ предковъ монг. народа по книж. сказаніямъ Бай Санкуръ (въ Юань-чаомиши Бо Санкуръ); изъ этой формы черезъ опускъ носоваго *н* могло образоваться сохоръ, что теперь по монгольски значитъ слѣпой. Путь, которымъ это слово пришло къ такому значенію, былъ вѣроятно такой: сначала этимъ именемъ назывался громовникъ, потомъ сохоръ или номонъ-сохоръ перешло на гонимаго звѣрка, потомъ, такъ какъ слѣпота есть особенность звѣрка, форма сохоръ стала означать вообще слѣпаго или криваго. Примѣровъ тому, что слѣпота соединялась съ идеей о громовникѣ, можно было бы привести довольно.

цевъ); слѣдовательно оно значитъ то же, что хаирханъ въ западной Халхѣ. Между звѣрями это имя прилагается къ сѣноставкѣ, живущей на высокихъ горахъ вблизи снѣжной линіи (по монгольски шарьтехе). Опредѣленнѣе выступаетъ громовникъ подъ этимъ именемъ у Якутовъ; объ нихъ прямо говорится, что они громовнику даютъ имя Сюрдяхъ-сюгэ-тоенъ; обыкновенно это имя переводится: сюрдях—злой, сюгэ—топоръ, тоенъ—господинъ. Вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, видѣть въ сюрдяхъ особое произношеніе имени Сартактай или Сартакъ, въ сюгэ—слово одного корня съ дзегенъ, сіягань, то-есть, россомаха (ср. сяхенъ громъ, по вогульски) и, наконецъ, тоенъ есть тоже, что таянъ, дзаянъ и т. п., о которомъ сказано выше; значеніе же „злой", которое придается слову сюрдяхъ, показываетъ, что это имя придавалось дикому звѣрю, съ которымъ смѣшивалась личность громовника.

Въ восточной части Монголіи, гдѣ исчезаютъ сказанія о Сартактаѣ, его мѣсто занимаетъ Чингисъ-ханъ; во многихъ мѣстахъ показываютъ здѣсь слѣды его дѣятельности: ему приписывается проложеніе дорогъ черезъ хребты и т. д. Указываютъ на его котелъ, на вершину его юрты и т. под. Это хожденіе по горамъ, а также приписываніе ему изобрѣтенія вина и сказанія о томъ, что онъ былъ кузнецъ, указываютъ на его громовническій характеръ [1]). Замѣчательно, что сказанія о кузнечномъ искусствѣ, въ связи съ представленіями о громовникѣ, начинаютъ встрѣчаться только въ восточной Монголіи; въ западной Монголіи, гдѣ имя Чингиса менѣе извѣстно, и въ сказаніяхъ замѣняется другими (Сартактай, Одунъ-бодунъ), мнѣ по крайней мѣрѣ не удалось записать ничего подобнаго. Молотокъ вмѣсто меча въ рукахъ богатыря, встрѣчающійся иногда въ монгольскихъ сказаніяхъ, не встрѣчается въ алтайскихъ. Въ восточной же Монголіи указываютъ скалу, бывшую наковальней Чингиса. Буряты

---

[1]) Чингисъ-ханъ по Сананъ-Сэцэну (*Schmidt*, Gesch., 103) умеръ насильственной смертью, но какой, не сказано; Плано-Карпини говоритъ, что онъ убитъ молніей, а Марко Поло, что онъ умеръ отъ стрѣлы, которая попала ему въ колѣно (388). У Сананъ-Сэцэна, напротивъ Хасаръ, убиваетъ, попавъ стрѣлой въ колѣно, старуху, которая при осадѣ тибетскаго города насылала на войско Чингисъ-хана болѣзни. Не находятся ли эти разказы о ранѣ стрѣлою въ колѣно въ связи съ миѳической хромотой громовника? Громовыя стрѣлки Киргизы употребляютъ для излеченія болѣзни домашнихъ животныхъ, которая кончается хромотой задней ноги. (Очерки сѣверо-з. Монг., II, 92). Ср. разказы о болѣзни ногъ у Хонкиратовъ, Ирхытовъ. Ерлика Алтайцы представляютъ хромымъ.

имѣютъ сказанія о началѣ кузнечнаго дѣла и о первомъ кузнецѣ; кузнецы бурятскіе имѣютъ особыхъ фетишей, у бурятскихъ шамановъ въ числѣ привѣсокъ къ орудіямъ камланья встрѣчаются желѣзныя изображенія наковальни и молотка. Что касается до имени Чингисъ, его можно видѣть, отбросивъ окончаніе *ис*, въ названіи лебедя: по остяцки: ченг, ценг, чинг, ченга, по самоѣдски jankuâ [1]), у Монголовъ и Бурятъ хонг, хунг [2]). Въ виду того, что было нами сказано выше по поводу остяцкихъ формъ конг, кунг, царь, самоѣдскихъ ханг, кенг, громъ, навязывается вопросъ: названія лебедя хонг, хунг, чинг, ценг не суть ли термины громовника, перешедшіе на птицу за ея рѣзкій крикъ [3])? Къ тому же корню можно подвести татарское анг, вообще животное; что оно было когда-то видовое, указываетъ, какъ мы говорили, существованіе тобольско-татарскаго анг, олень.

Слово анг является, какъ окончаніе многихъ татарскихъ именъ звѣрей: арслан, левъ, по татарски, лисица, по мещерякски, шишкан—мышь по татарски; въ болѣе удлиненной формѣ: орланге, кротъ по чувашски; солонго—колонокъ по монгольски, шилюнгунъ—рысь по монгольски, унюгунъ—лисица по монгольски. Эта удлиненная форма напоминаетъ остяцкое: анге, мать (ср. татар. анеке, мать). Тутъ возникаетъ вопросъ: имена ли громовника и медвѣдя произошли отъ анге мать, или мать получила почетное имя медвѣдя-громовника изъ почтенія [4])?

Названіе Абысъ встрѣчается въ сказаніи о Тостогошѣ; ханъ пожаловалъ ему имя Абысъ-ханъ послѣ того, какъ онъ невредимо вылетѣлъ изъ огня. Въ словарѣ алтайскаго языка, приложенномъ къ Алтайской грамматикѣ (Казань, 1869), абысъ переведено: священникъ; дальнѣйшихъ объясненій не сдѣлано. Слово это мы встрѣчаемъ и у Татаръ мусульманъ Европейской Россіи, гдѣ оно придается духов-

---

[1]) *Castr.*, Wörterverz. aus d. Samojed. Spr., 277.

[2]) *Castr.*, Vers. ein. eniss.-ostj. Sprachlehre 253, 120; Vers. ein. burjat. Sprachl., 213.

[3]) Въ татарскихъ нарѣчіяхъ монгольское хунг приняло форму ку, что можетъ служить подтвержденіемъ нашего мнѣнія о именахъ Тэнгри-ханъ и Тэнгри-ку, какъ о версіяхъ. См. выше, стр. 155.

[4]) Имена Чингизанъ, рѣчка, впадающая въ Иркутъ, Чингизангъ—поколѣніе у Телеутовъ, Джангызакъ поколѣніе у Киргизъ показываютъ, что версія анг приставлялась вмѣсто ханъ къ имени Чингисъ. Что касается до самаго имени, не есть ли оно только видоизмѣненіе слова Тенгисъ, которое, какъ и венгерское tenger, нынѣ значитъ море, но прежде вѣроятно означало громовника?

нымъ лицамъ, какъ почетное имя. Несомнѣнно, что это слово аборигенъ южной Сибири и, вѣроятно, означаетъ то же самое, что и у тункинскихъ Бурятъ слово абтай, то-есть, первостепеннаго, искуснѣйшаго, истиннаго шамана, а прежде вѣроятно означало громовника [1]). Одинъ Алтаецъ выразился въ разговорѣ со мной, что Абысъ—это небо; слѣдовательно значеніе громовника подъ этимъ словомъ еще и теперь чувствуется жителями Алтая. Это же слово, нѣсколько измѣненное произношеніемъ у Алтайцевъ, является въ соединеніи съ именемъ громовника; высшее божество у нихъ называется Ульгенъ Кайраканъ Эбошъ [2]). На муллъ и священниковъ это имя перешло потому, что въ немъ заключалось понятіе о чемъ-то высшемъ сравнительно съ обыкновенными шаманами, которыхъ сказанія стараются передъ шаманомъ-громовникомъ выставить обманщиками, ложными шаманами. Что касается до бурятскаго абтай, то и оно повидимому придавалось громовнику; есть монгольское сказаніе о Абтай-ханѣ, добывающемъ живаго бога, подъ которымъ нужно разумѣть огонь [3]).

Гесеръ-ханъ есть герой одного обширнаго монгольскаго книжнаго сказанія, которое имѣется въ нѣмецкомъ переводѣ, сдѣланномъ Шмидтомъ. Въ Монголіи это имя довольно извѣстно; замѣчательно, что при разспросахъ о немъ, Монголы называютъ его божествомъ китайскимъ [4]). Начало этихъ представленій нужно кажется искать у Урянхайцевъ, Алтайцевъ и Теленгитовъ. Урянхайцы на Хуахемѣ знаютъ нѣкоего Чингисъ-Кэзэръ-Кайракана; ему приписывается сотвореніе всей природы послѣ всеобщаго потопа; упоминаютъ эти имена и от-

---

[1]) Аптахъ по якутски шаманъ; абасы — злой духъ; абасы-цусупа — идолъ. *Böhtlingk*, Jacut. Wörterbuch, 6. Въ Монголіи я записалъ повѣрье объ абтахеримѣ; лѣтомъ абтахеримъ бываетъ птицей, зимой превращается въ мышь и живетъ въ водѣ.

[2]) *Radloff*, *Erman's* Archiv, B. XXI, t. I, 2, p. 190.

[3]) Сравн. 1) мордовск. офта, медвѣдь; самоѣдское habide, hajbide, hajwede, медвѣдь (*Al. Schrenk*, Reise n. Nordoosten d. Russlands t. II, c. 286); 2) Обида въ словѣ о полку Игоревѣ; 3) абада—баба-яга по чувашски; 4) Оптина пустынь построена на мѣстѣ, гдѣ жилъ разбойникъ Опта (Памятная кн. Калуж. губ. на 1861 г., 287). Корень об—аб въ именахъ медвѣдя очень распространенъ: чуваш. оба, алт. аба, урянх. на р. Хукѣ: убукъ (сравн. убугунъ, монгольск. старикъ); вогульск. aba, oape, ohboa, (*Pall.*, Zoogr. I, 65); самоѣд. апы (Поляк. litt), качин. тат. awa (*Pall.* Zoogr. I, 64), тунгус. ороči. Ср. Афы, громовникъ у Абхазцевъ; см. выше.

[4]) Какъ понимать эпитетъ «китайскій» въ монгольскихъ сказаніяхъ, я скажу въ статьѣ о Семизвѣздицѣ.

дѣльно одно отъ другого; на вопросъ, кто изобрѣлъ водку, въ одномъ мѣстѣ мнѣ отвѣтили: Кэзэръ-ханъ; это показываетъ, что Кэзэръ-ханъ есть лицо тожественное съ Чингисъ-ханомъ, которому изобрѣтеніе вина приписываютъ Монголы, да и сами Урянхайцы выражаются, что всѣ эти три лица есть одно и то же. Далѣе разказывается о спорѣ или состязаніи въ силѣ у трехъ кайракановъ—Кэзэръ-хана, Чингисъ-хана и Амурсаны; сильнѣе всѣхъ оказывается Кэзэръ-кайраканъ. У Теленгитовъ является Газыръ-гамъ, подъ которомъ вѣроятно скрывается тотъ же Кэзэръ-ханъ; Газыръ-гамъ современникъ Тостогоша, онъ вмѣстѣ съ нимъ вылетѣлъ изъ огня невредимо; затѣмъ ему приписывается борьба съ Ерликомъ, при чемъ онъ отрубаетъ лапу у Ерликовой собаки. Въ другомъ алтайскомъ сказаніи Кэзэръ является богатыремъ, а не шаманомъ; онъ вступаетъ въ борьбу въ Сартакпаемъ (Сартактаемъ?); Сартакпай прострѣлилъ Кэзэру грудь насквозь, но Кэзэръ не замѣтилъ этого, и обливаясь кровью, проѣхалъ мимо. Въ другихъ сказаніяхъ имя Кэзэръ придается самому Сартактаю; такъ у Радлова [1]), этотъ богатырь названъ Сартактай Кэзэръ; у Теленгитовъ слово кэзэръ стало нарицательнымъ и означаетъ просто богатыря. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось собрать у Теленгитовъ и Урянхайцевъ болѣе подробныхъ разказовъ объ этой миѳической личности, способныхъ освѣтить темное сказаніе о Чингисъ-ханѣ, въ особенности то его мѣсто, гдѣ выступаетъ на сцену братъ его Хасаръ.

Дорджи Банзаровъ въ одной изъ своихъ статей приводитъ имя нѣкогда жившаго въ Монголіи знаменитаго шамана, Чингисъ-Хаджира-Тэнгріинъ-ху, то-есть, сына неба; Банзаровъ по видимому не принялъ этого шамана за тожественное лицо съ Чингисханомъ, да ему и трудно было слить ихъ: одинъ былъ въ глазахъ его шаманъ, другой—ханъ. Мы смотримъ на это сказаніе иначе; въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ мы видимъ двухъ Чингисъ-хановъ: историческій Чингисъ-ханъ завоеватель выступаетъ только въ концѣ сказанія, въ началѣ же, въ эпизодахъ о Ванъ-ханѣ и Таянъ-ханѣ (подробности о чемъ оставляемъ достать и о Ванѣ), мы видимъ баснословную личность, и эти имена: Чингисъ-ханъ, Кэзэръ-кайраканъ, Чингисъ-Кэзэръ-кайраканъ, Чингисъ-Хаджиръ-бо [2]) Тэнгріинъ-ху, Газыръ-гамъ,

---

[1]) Proben, I, 188.

[2]) У Дюрбютовъ есть повѣрье, что птица хаджиръ или тасъ живетъ на родинѣ Шикджимуни (Шакіямуни) и оттуда видитъ, гдѣ лежитъ трупъ; какъ бы это мѣсто ни было далеко, она въ одинъ день долетаетъ до трупа, поднимаясь

по нашему мнѣнію, всѣ относятся къ одной и той же миѳической личности, къ Громовнику.

Рэшидъ-Эддинъ также зналъ Гесеръ-хана; онъ говоритъ, что иначе онъ называется Гадеръ-ханъ, и что этимъ именемъ называется какое-то сильное лѣкарство [1]).

У Киргизъ есть повѣрье о святомъ Кадырѣ или Казырѣ, что гдѣ онъ пройдетъ, тамъ окрестности покрываются свѣжею зеленью; ср. Хизръ, имя пророка Иліи у мусульманъ [2]). Тутъ можно видѣть темные намеки на Громовника; по монгольски кабарга [3]), живущая на высокихъ горахъ, гдѣ ходятъ облака, называется худури (произносится иногда худурь, худырь) [4]); по татарски кабарожья и бобровая струя—

при этомъ подъ самое небо. Та же птица тасъ у Урянхайцевъ называется езеръ; у Карагасовъ подъ именемъ esïrä, esëra извѣстна цапля, Reiher (*Castr.*, Versuch. ein. Koib. und Karagass. Sprachlehre, 154). У Остяковъ Нарымскаго края на Оби подъ именемъ каджаръ извѣстенъ мамонтъ; по Григоровскому (въ рукописи) козаръ; мамонтъ, по Кастрену kosar, kossar, kossari (Wörterverz. aus d. Samojed. Sprache, 250; ср. кытръ, по татарск. мамонтъ въ старинномъ хронографѣ; *Поповъ*, I, стр. 261). Оба животныя по своимъ признакамъ могли быть обобщаемы съ громовникомъ.

[1]) Имя знаменитаго миѳическаго героя Гесеръ-хана Аларскіе Буряты произносятъ Гэгэръ-ханъ, что̀ напоминаетъ имена Гэгэръ Меджитъ (см. Очерки сѣверо-зап. Монг., II, 154), Бикаръ-мадзиди, Викрамадитья. У Алтайцевъ также встрѣчается въ числѣ могущественныхъ духовъ Кыгыръ-ханъ; ему приносятъ жертвы. Всѣ эти варіаціи Кэзэр-кан, Кыгыр-ханъ, Кадыр-хан (см. ниже) соотвѣтствуютъ приведеннымъ въ началѣ статьи наименованіямъ грозоваго явленія: кузюрт, кугурт, кудури.

[2]) Въ началѣ статьи были указаны сходныя формы гудури, вотяцкая и кузуртъ алтайская, для обозначенія грозоваго явленія. Подобное же измѣненіе звуковъ представляетъ имя растенія Peganum Harmala, которое по киргизски называется адр-аспан, по бухарски хазар-асбанд, хазар-испан, у Крымскихъ Татаръ юзерликъ (*Анн.*, Бот. Слов.). Растеніе это употребляется для одурѣнія или опьяненія; ср. езір, есрык, пьяный по татарски; Гесеръ-хану, какъ мы упомянули выше, одно изъ записанныхъ нами показаній приписываетъ изобрѣтеніе вина. По повѣрью русскаго народа, если не это самое, то родственное ему растеніе (Ruta gravacolens) также связывается съ Громовникомъ; на Дону суевѣрные поселяне вѣрятъ, что во время грозы рута есть убѣжище діавола отъ грома, и что громъ бьетъ въ то мѣсто, гдѣ растетъ эта идольская травка (*Анненк.*, Бот. Слов., 307).

[3]) Сахалинскіе Айны по *Депрерадовичу* (Сборн. ист.-статист. свѣд. о Сибири, т. II, в. I, стр. 27) кабаргу считаютъ священнымъ животнымъ и обида ей навлекаетъ пожаръ.

[4]) Въ первоначальной исторіи Казанскаго царства упоминается подъ 1359 г. пришедшій съ востока изъ Хивы Хедзеръ-ханъ (заяцкій ханъ Хидырь); см.

каиръ. Не на это ли вещество намекаетъ Рэшидъ-Эддинъ? Ср. вотяцкое слово гудури, громъ, черемисское кудурчо—богъ-громовникъ. Можетъ быть, и монгольское легендарное имя Шидыръ-ванъ или Шидурху [1]) находится въ связи съ этими же наименованіями, такъ что названіе дикаго хмѣля (Atragene alpina), по монгольски чюдуръ-убюсу, можетъ быть составлено въ родѣ урянхайскаго кайраканъ-крыжи, тетива Громовника, и значеніе путъ слову чюдуръ придано впослѣдствіи по сходству сѣдельнаго прибора съ растеніемъ [2]).

У Чувашъ и Черемисъ мы встрѣчаемъ миѳологическое имя Пигамбаръ или Піамбаръ. По чувашскимъ понятіямъ, Пигамбаръ есть духъ, раздающій людямъ добрыя качества и сообщающій йомзямъ (шаманамъ) пророческія видѣнія; онъ—покровитель домашняго скота, охраняющій его отъ хищныхъ звѣрей, надъ которыми онъ имѣетъ власть, такъ что волки называются „пигамбаровыми собаками", подобно тому, какъ въ Малороссіи волки извѣстны подъ именемъ Юровыхъ собакъ [3]). На сходство Пигамбара съ Георгіемъ побѣдоносцемъ указалъ еще Сбоевъ. Въ молитвахъ, обращенныхъ къ Пигамбару, Чу-

---

«Основаніе города Казани», пов. *Ал. Фуксъ*, предисловіе, стр. XIII. Дѣйствительно ли это историческая личность? Тотъ же обмѣнъ звуковъ замѣчается и въ названіи жеребца: у Монголовъ адзирга, по якутски атыр, по киргизски и татарски айгыр. Не идутъ ли эти формы отъ корня ангра, ангыр? Съ произношеніемъ Аларскихъ Буритъ Гегеръ-ханъ ср. кабалистическое слово кагиръ-кидаръ, которымъ одинъ священникъ лѣчилъ зубную боль (см. *Добротворскій*, Русск. простонародная медицина въ сравненіи съ медициной Сахалинскихъ Айносовъ, стр. 36), а также кагыръ — камень чувашскихъ заговоровъ (*Золотницкій*, Чув. Слов., стр. 186).

[1]) Шидырмакъ—по чувашски трещетка.

[2]) Другое, очень близкое къ Atr. alpina и также вьющееся растеніе, именно Clematis orientalis, Хамійскіе Сарты называютъ мангдыръ. Выше была уже указана форма Мудури, манджурское имя Громовника. См. также у *Остроумова*, «Китайскіе эмигранты» (Казань, 1879), 31 — о Модуръ-ханѣ: богъ громовъ у Дауръ-Солоновъ Модуръ-ханъ; онъ начальникъ надъ модорами духами, какъ Тэнгріинъ-ханъ и мелкіе духи тэнгріи у Монголовъ; у Камчадаловъ Громовникъ, Билюкай или Пилячучь, также главенствуетъ надъ горными духами кàмул' ами; см. *Крашенинникова*, Опис. Камч., II, стр. 74—75). Модуръ-ханъ изображается сидящимъ на змѣѣ съ рыбьимъ хвостомъ и имѣющимъ двѣ пары рукъ: одною парой онъ мечетъ стрѣлы, другою бьетъ въ барабанъ. Всѣ эти имена: Шидыръ, Кадыръ, Мудури, Модоръ, мангдыръ (ср. мундуръ, градъ) не были ли первоначально именами Громовника?

[3]) Подобнымъ же образомъ Дархаты, обитающіе въ долинѣ р. Шишкита, волковъ называютъ Тэнгріинъ-нохой, то-есть, собаками Тэнгрія (Громовника?).

ваши просятъ: „не дѣлай намъ зла, удерживай собакъ!“ [1]). У Черемисъ Піамбаръ—младшій жрецъ, помощникъ карта (шамана), у Вятскихъ Піамбаръ—великій пророкъ, помощникъ верховнаго бога [2]). Покойный Золотницкій видѣлъ въ этомъ имени персидское слово пейгамбаръ, пророкъ, и вообще полагалъ, что шаманскія повѣрья и сказанія Чувашей складывались и развились послѣ появленія ислама въ краѣ и языческія вѣрованія заимствовали изъ ислама имена и другія внѣшнія черты. Намъ кажется не только страннымъ, но даже и немыслимымъ такое преобразованіе предметовъ почитанія ислама; если и допустить, что имя Пигамбаръ не туземное, а занесенное исламомъ, то и тогда нужно принять, что образъ, который теперь носитъ это имя у Чувашей, существовалъ уже у нихъ до введенія ислама; за это говоритъ родство миѳологическихъ представленій населенія, живущаго въ предѣлахъ прежняго Болгарскаго царства, съ шаманскими сказаніями южно-сибирскихъ инородцевъ; разбору этихъ родственныхъ чертъ мы посвятимъ особую статью. Кромѣ того, есть данныя, которыя наводятъ на мысль, что имя Пигамбаръ возникло на шаманской почвѣ. Черты, которыми обставлено это имя у Чувашъ, указываютъ, что подъ нимъ скрывается Громовникъ. Все, что относится къ радугѣ, по близости ея къ грозовому явленію, должно представлять почву, на которой нужно искать годныхъ для занимающаго насъ вопроса матеріаловъ; радуга иногда даже прямо называется лукомъ Громовника. Киргизское ея названіе, кемпырныҥ-кусагы, названіе съ перваго взгляда странное, потому что кемпыр—старуха, кусак—веревка, къ которой привязываютъ овецъ на ночь. Чтеніе русскихъ загадокъ и южно-сибирскихъ сказокъ внушаетъ убѣжденіе, что наши предки любили представлять звѣзды овцами, а мѣсяцъ—пастухомъ; но въ такомъ случаѣ овцевязью приличнѣе было бы назвать млечный путь, а не радугу, являющуюся только на дневномъ небѣ [3]).

---

[1]) *Золотницкій*, Корн. Чув. Слов., 202, 203.

[2]) *Золотницкій*, Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ. Казань, 1877, стр. 23.

[3]) Впрочемъ, радуга можетъ быть представляема въ видѣ кусака по миѳической связи грозоваго явленія съ доеньемъ молока; кочевники средней Азіи обыкновенно доятъ овецъ, привязавъ къ кусаку (въ такомъ случаѣ овцы будутъ не звѣзды, а облака). Слич. повѣрья Вендовъ о вѣдьмѣ, которая вѣшаетъ веревку за печью въ часъ, когда въ деревнѣ всеобщее доенье, и молоко течетъ по веревкѣ въ ведро вѣдьмы, а коровницы уходятъ отъ своихъ коровъ съ пустыми подойниками. Въ одной деревнѣ всѣ коровы перестали давать молоко; оказалось, что

Легенды для объясненія этого названія, распространеннаго отъ Чернаго Иртыша до Омска, кажется, нѣтъ. Понятіемъ старухи, вѣроятно, смыслъ имени Кемпыръ не ограничивается; это имя встрѣчается между киргизскими поколѣніями въ Тарбагатаѣ [1]); слѣдовательно, оно можетъ быть принято за имя родоначальника, а родоначальникомъ нерѣдко считается Громовникъ.

Въ числѣ героическихъ именъ у Киргизовъ встрѣчается Камбаръ-бій; оно находится въ одной былинѣ, записанной Радловымъ [2]); мы сами имѣемъ цѣлую былину о Камбаръ-біѣ, записанную въ Киргизской степи около Баянъ-Аула. Не слѣдуетъ ли въ Кемпырѣ видѣть измѣненное Камбаръ, а въ Пигамбарѣ—Камбаръ-бія съ перестановкой составныхъ частей? Въ своемъ словарѣ Золотницкій приводитъ названія радуги, употребляемыя въ Поволжьѣ: по чувашски она называется с*у*рень-киберь, сь*у*век-киберь, салаватъ-кибери; по татарски—салаватъ-к*у*пре; подъ вторымъ членомъ, и по чувашски, и по татарски разумѣется мостъ. Но сравнивая это имя съ названіемъ радуги у Киргизовъ и у Крымскихъ Татаръ (у послѣднихъ вмѣсто киргизскаго кемпырныҥ-кусакы радуга называется ямгур-кушакы; сообщено г. Калачовымъ), есть вѣроятіе полагать, что киберь, купыръ только видоизмѣненное кемпыръ или камбаръ съ выпаденіемъ носоваго, какъ въ словахъ вампиръ и упырь [3]). Въ монгольскихъ и башкирскихъ сказаніяхъ встрѣчается миѳическая стрѣла съ собственнымъ именемъ кюбуръ или куйбуръ [4]).

была вѣдьма, которая посредствомъ веревки сливала молоко всѣхъ коровъ въ свой подойникъ; тутъ очевидно представленіе о засухѣ; веревка—это радуга; о радугѣ существуютъ повѣрья, что она пьетъ или сосетъ. Эти повѣрья указываютъ на связь представленій о вѣдьмѣ и Громовникѣ. У одного учителя, по повѣрью тѣхъ же Вендовъ, была корова, которая давала необыкновенно много масла; замѣтили, что корова жуетъ веревку, изъ конца которой учитель (вмѣсто, можетъ быть, шамана или шаманки) доитъ молоко; веревка лежитъ на спинѣ коровы, глаза коровы діавольски блещутъ. Что это драконъ—указываетъ видъ коровы: огненные глаза, загнутый хвостъ (*Weckenstedt*, Wendische Sagen, стр. 259, 283, 287).

[1]) Очерки сѣверо-зап. Монголіи, I, 4.

[2]) Proben, III, 112.

[3]) Что съ этимъ корнемъ соединялось понятіе о громѣ или трескѣ, свидѣтельствуетъ татарск. кömб*у*ръ (*Будаг.*, Сравн. слов., т. II, 163). Пейгамбаръ на Кавказѣ Горцами призносится пайхомаръ. Ср. грузинск. гамура или мегамура, летучая мышь.

[4]) См. между прочимъ въ Труд. Пекинск. Дух. Миссіи, IV, стр. 107, 217.

178

Странное обстоятельство заключается въ томъ, что имя піамбаръ напоминаетъ два имени собаки: пи по черемисски [1]), и амб по остяцки; ср. амба по тунгусски—тигръ и злой духъ (амбань, сановникъ по манджурски; не отъ того ли же корня чувашское *умбу*, царь)? Что касается до формы упырь [2]), которая является у Чувашей подъ видомъ вубуръ, у Казанскихъ Татаръ упыръ, — о ней также существуютъ въ Казанской губерніи миѳологическіе преданія; вубуру приписываются затмѣнія луны; чудовище же, которому приписываются враждебныя дѣйствія противъ этого свѣтила, въ средней Азіи находится въ связи съ Громовникомъ. На той же казанской почвѣ записаны миѳологическія легенды о Зубейрѣ или Чубарѣ, иначе Сафарѣ. Йыбаръ, выхухоль по чувашски [3]), по персидски джуффаръ, id.; другое животное, доставляющее пахучую струю moschus, называется кабарга, алт. табаргы; названіе звѣря нужно считать, по нашему мнѣнію, первоначальнымъ, пахучее же вещество получило имя уже по животному [4]); ср. также Джуппаръ, предокъ лошадей по киргизскому повѣрью. Совокупность этихъ фактовъ говоритъ за то, что подъ именемъ Вубуръ, Джуппар, Зубейр, кабар, табар, разумѣлся Громовникъ [5]), съ котораго эти имена перешли частью на героическія личности, частью на животныхъ, живущихъ на высокихъ горахъ или въ водѣ. Обращаемъ вниманіе читателя на то, что выхухоль имѣетъ еще другое названіе по чувашски—удур, близкое къ имени черемисскаго и вотяц-

---

[1]) У Болгаръ есть колѣно Піянцы, которые ведутъ свой родъ отъ Пія; Пій былъ первый сынъ Бога, имя его значило красный. Онъ научилъ свое потомство садить виноградники и дѣлать вино; онъ же изобрѣлъ огонь и открылъ желѣзо, слѣдовательно былъ первый кузнецъ. Въ заключеніе Богъ заперъ его въ пещеру (*Верковичъ*, Опис. быта Болгаръ: *Изв. Имп. Общ. люб. ест., антроп. и этн.*, т. XIII, в. 1, стр. 9). Въ этихъ чертахъ нельзя не узнать громовника.

[2]) Ср. венг., собака эбъ вмѣсто остяцкаго амбъ.

[3]) *Золотницкій*, Корн. Чув. Слов., 14.

[4]) По бухарски вонючее растеніе Skorodosma foetida называется сасык-каваръ или просто каваръ (или кабаръ) (*Кирѣевскій*, Флора среднеазіат. влад., стр. 78, 129). Тутъ же приведены варіанты этого имени: каурякъ, кэурекъ, стоящіе какъ бы въ срединѣ между каваръ—и каиръ, бобровая струя (стр. 182).

[5]) Въ числѣ словъ, относящихся къ звуку, къ этому корню можетъ быть относится чувашское шыбыръ, родъ волынки (башкир. чыбыз, алтайск. сыбыскы и татарское сыбызгы—рожокъ, дудка, родъ флейты; чуваш. кобыс, тат. комуз, якут. хомус—скрипка; *Золотницкій*, Чувашск. словарь, 35, 109).

каго Громовника гудуры, а также къ монгольскому имени кабарги—худури, и т. п. Убур близко къ имени абыс, которое также относится къ Громовнику; замѣна *с* чрезъ *р* обыкновенна въ чувашскомъ языкѣ, напримѣръ, хундур, бобръ, вмѣсто хундус и пр. [1]); въ формѣ Піамбар можно видѣть тотъ же корень, но съ сохраненіемъ носоваго звука.

---

[1]) *Золотницкій*, Корн. Чув. словарь.

Г. Потанинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

181

Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія 1882 т. 222

О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ.

Разысканія о началѣ Руси. Вмѣсто введенія въ русскую исторію. Соч. *Д. Иловайскаго.* Изданіе второе, исправленное и дополненное. Съ присоединеніемъ вопроса о Гуннахъ. Москва. 1882.

Рѣшившись взяться за перо по поводу второго изданія „Разысканій" Д. И. Иловайскаго и обозначивъ въ заглавіи главные пункты, подлежащіе обсужденію, мы примемъ нѣсколько другой порядокъ разсмотрѣнія, чѣмъ тотъ, какой указывается самою книгой и послѣдовательностію статей, въ ней помѣщенныхъ. Мы обратимся прямо къ концу ея, къ вопросу о Гуннахъ, и сдѣлаемъ это ради того, что статья о Гуннахъ, съ присоединеніемъ отчета о московскомъ по поводу ихъ диспутѣ, представляетъ главную новинку второго изданія. Мнѣнія нашего историка о происхожденіи Руси, о Варяжскомъ вопросѣ, о славянствѣ Болгаръ Аспаруха уже давно извѣстны публикѣ

183

которую Д. И. Иловайскій сумѣлъ очевидно заинтересовать своими трудами; они были предметомъ многократнаго обсужденія со стороны спеціалистовъ—даже на ученыхъ съѣздахъ. Относящіеся сюда вопросы въ извѣстной степени разъяснены окончательно, и хотя мы намѣрены еще разъ сказать относительно ихъ нѣсколько словъ, мы не надѣемся сказать что-нибудь новое и доселѣ неизвѣстное, что̀ было бы способно разубѣдить нашего почтеннаго историка или поколебать его авторитетъ въ глазахъ его послѣдователей. Нельзя скрывать отъ себя, таковые довольно часто встрѣчаются въ публикѣ, и что̀ особенно заслуживаетъ сожалѣнія, между молодыми людьми въ гимназіяхъ и университетахъ. По отношенію къ гуннскому вопросу положеніе дѣла, можетъ быть, еще не успѣло принять такой безнадежный оборотъ, хотя, конечно, ходъ диспута, какъ онъ описанъ въ вышедшей книгѣ, и его результаты не свидѣтельствуютъ о способности нашего изслѣдователя обращать вниманіе на чужіе аргументы. Впрочемъ, устные диспуты обыкновенно не рѣшаютъ дѣла и оставляютъ каждаго участвующаго при его убѣжденіи. Кромѣ большей свѣжести сюжета, гунно-славянская теорія Д. И. Иловайскаго, хотя тоже не столько совсѣмъ новая, сколько позабытая и заброшенная, еще потому привлекаетъ наше большее вниманіе, что она представляетъ очень удобную позицію для повѣрки и оцѣнки всего пути, пройденнаго Д. И. Иловайскимъ въ разнаго рода розысканіяхъ по древнѣйшимъ періодамъ исторіи. Она является въ нѣкоторомъ родѣ увѣнчаніемъ зданія, необходимымъ логическимъ выводомъ изъ всего предыдущаго, самымъ зрѣлымъ плодомъ ранѣе выработаннаго критическаго метода и научныхъ пріемовъ. Самъ Д. И. Иловайскій объясняетъ намъ дѣло съ этой стороны: „Неотразимая историческая логика отъ вопроса о Варягахъ-Руси привела меня къ пересмотру туранской теоріи о происхожденіи Болгаръ, а сія послѣдняя къ гуннскому вопросу.... Изысканія мои расположились такимъ образомъ, что я постепенно восходилъ отъ послѣдующаго къ предыдущему. Занявшись вопросомъ, кто такое была Русь, я убѣдился въ ея туземномъ, славянскомъ происхожденіи; но въ то же время я натолкнулся на нѣкоторыя Болгарскія племена, обитавшія въ южной Россіи и вошедшія въ составъ русской національности. Это обстоятельство заставило меня пересмотрѣть вопросъ о народности Болгаръ, и результатомъ пересмотра есть полнѣйшее убѣжденіе въ ихъ славянствѣ. Въ свою очередь, изслѣдованіе сего вопроса, волей-неволей, приводитъ меня къ пересмотру туранской теоріи Гунновъ... Пересматривая вопросъ о народности

Гунновъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что положительное рѣшеніе его уже заключается въ разъясненіи народности Болгаръ. Въ своемъ изслѣдованіи о сихъ послѣднихъ я старался выдѣлить ихъ изъ общаго состава Гуннскихъ народовъ... Болгаре всегда были Славянами. Разъ установивъ это положеніе, я обращаюсь къ разъясненію вопроса о взаимномъ отношеніи Болгаръ и Гунновъ и прихожу къ тому заключенію, что первыхъ не слѣдуетъ выдѣлять изъ состава Гуннскихъ народовъ... Если Болгаре, будучи Славянами, въ то же время были тожественны съ Гуннами, то Гунны являются ни кѣмъ инымъ, какъ Славянами". Ясное дѣло, что можно и даже естественнѣе—разсуждать въ обратномъ порядкѣ, идти отъ предыдущаго къ послѣдующему. Правильное рѣшеніе вопроса о Гуннахъ болѣе условливаетъ вѣрную постановку дальнѣйшихъ вопросовъ, напримѣръ, вопроса о Болгарахъ, празнаваемыхъ остатками Гунновъ, чѣмъ на оборотъ... Притомъ рѣшеніе вопроса о народности Гунновъ не только не труднѣе, но даже легче отдѣльнаго рѣшенія вопроса о національности орды Аспаруха, потому что во время появленія Гунновъ хорошихъ наблюдателей и свидѣтелей, способныхъ записать современныя событія, было на самомъ дѣлѣ и до насъ дошло гораздо болѣе, чѣмъ въ періодъ выступленія на сцену собственно Болгаръ. Если Гунны—не Славяне, то и Болгары, конечно, то же. Если критическій методъ и пріемы Д. И. Иловайскаго окажутся не надежны въ одномъ случаѣ, то подозрительными окажутся и предыдущіе его выводы. Если онъ завершилъ логическій рядъ своихъ розысканій ложнымъ и фальшивымъ положеніемъ, то этимъ крайне ослабилъ основанія всей своей системы. Итакъ, начнемъ съ Гунновъ и остановимся на этой части „Розысканій" съ наибольшимъ вниманіемъ.

Д. И. Иловайскій полагаетъ, что главное основаніе туранской теоріи происхожденія Гунновъ заключается въ извѣстіяхъ источниковъ о безобразной наружности Гунновъ, не оставляющей возможности считать ихъ ни Славянами, ни вообще Арійцами. Онъ старается устранить этотъ аргументъ посредствомъ того соображенія, что уродливость Гунновъ, вопервыхъ, была крайне преувеличена, а вовторыхъ, если и была какая уродливость, то искусственная, а не природная, слѣдовательно, она не заключаетъ въ себѣ надежнаго этнографическаго признака, ничего не говоритъ о принадлежности къ тому или другому племени. Подробный разборъ источниковъ долженъ доказать это.

Мы должны вообще замѣтить, что при разборѣ своемъ Д. И. Ило-

185

вайскій вовсе не руководствуется какими-нибудь твердыми и опредѣленными критическими принципами или же основаніями и допускаетъ слишкомъ много произвола. Совсѣмъ не опредѣляется общій характеръ и духъ отдѣльныхъ писателей, ничего не говорится о взаимномъ отношеніи источниковъ другъ къ другу, о сравнительной цѣнности показаній каждаго изъ нихъ, а просто заподозривается то, что̀ не нравится изслѣдователю, и во всей силѣ принимается то, что̀ идетъ кстати. При разборѣ извѣстій латинскихъ историковъ и поэтовъ объ уродованіяхъ у Гунновъ, Д. И. Иловайскій охотно вѣритъ самому невѣроятному и невозможному, и въ то же время отвергаетъ самое простое и естественное, на основаніи весьма голословно утверждаемаго пристрастія. Онъ не отличаетъ того, что̀ сообщается источниками какъ фактъ, подлежавшій ихъ наблюденію, и того, что̀ составляетъ ихъ объясненіе факта, личное соображеніе. Извѣстно, что древніе въ гораздо меньшей мѣрѣ, чѣмъ нынѣшніе писатели, обладали знаніемъ законовъ природы одушевленной и неодушевленной и бывали въ этомъ отношеніи дѣйствительно легковѣрны до странности, такъ что способны были и вѣрно замѣченнымъ фактамъ приписать совершенно неподходящее объясненіе. Въ такихъ случаяхъ новому изслѣдователю критика предписываетъ, конечно, отбросить толкованіе и удержать фактъ, а не на оборотъ. Намъ кажется, что Д. И. Иловайскій совсѣмъ не соблюдаетъ этого правила, и вотъ на это примѣръ. Мы видимъ, что старинные авторы, описывающіе наружность Гунновъ, говорятъ либо о полной ихъ безбородости, либо о рѣдкой только бородѣ. Очевидно, что фактъ скудной растительности волосъ на лицѣ поразилъ южанъ, видѣвшихъ Гунновъ. Они искали ему объясненія, и нашли такое, которое за одинъ разъ могло служить и для другой цѣли. Мы можемъ предположить, что и объ извѣстныхъ слѣдахъ ранъ на лицѣ римскіе писатели тоже говорятъ на основаніи отчасти личнаго наблюденія, при чемъ не всѣ изъ нихъ знали и помнили о гуннскихъ погребальныхъ обрядахъ, сопровождавшихся царапаніемъ и разрѣзываніемъ лицъ. Изъ сопоставленія двухъ фактовъ, данныхъ самымъ простымъ наблюденіемъ, и было извлечено объясненіе, особенно нужное для перваго.

Амміанъ Марцеллинъ пишетъ, что отсутствіе растительности волосъ на лицѣ есть слѣдствіе глубокихъ нарѣзовъ на щекахъ, которые дѣлаются именно съ этою цѣлію у новорожденныхъ младенцевъ: „Вслѣдствіе того, что тотчасъ послѣ рожденія щеки дѣтей довольно глубоко исполосываются желѣзомъ, растительность волосъ, въ свое

186

время выступающая, заглушается въ морщинистыхъ рубцахъ отъ ранъ, и отъ того они старѣются безбородые безъ всякой красоты, похожіе на евнуховъ". Іорданъ (Іорнандъ) выражается еще сильнѣе и представляетъ дѣло еще неправдоподобнѣе: „Свирѣпость свою они (Гунны) упражняютъ надъ своими дѣтьми съ перваго же дня ихъ рожденія: младенцамъ мужскаго пола изрѣзываютъ желѣзомъ щеки, чтобы тѣ еще прежде чѣмъ научатся сосать молоко матери, уже пріучались къ перенесенію ранъ. Послѣ юности, лишенной красоты, они старѣютъ безбородые, потому что глубокіе рубцы отъ желѣза уничтожаютъ на лицѣ корни волосъ".

Какъ относится къ этимъ сообщеніямъ критика Д. И. Иловайскаго? Онъ, вопервыхъ, не обратилъ вниманіе на близкое сходство и несомнѣнное родство двухъ приведенныхъ отрывковъ. Вовторыхъ, онъ принимаетъ толкованіе древнихъ, не смотря на всю его странность. Венелинъ, который все-таки не хотѣлъ быть слѣпо довѣрчивымъ, не допускалъ его и думалъ, что подъ нарѣзами на щекахъ младенцевъ надобно разумѣть обычай брить бороду, распространенный издревле у Сарматскихъ народовъ восточной Европы. Не отвергая и такого толкованія, Д. И. Иловайскій прибавляетъ, что, можетъ быть, Гунны дѣйствительно дѣлали какіе-нибудь нарѣзы на щекахъ младенцевъ, чтобъ у нихъ впослѣдствіи не росла борода, и слѣдовательно, не было бы нужды постоянно брить ее (стр. 511). Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 525) онъ уже прямо допускаетъ, что Гунны не только безобразили свое лице рубцами и царапинами, достигши зрѣлаго возраста, по требованію своихъ (погребальныхъ) обычаевъ, но дѣлали также какіе-то глубокіе нарѣзы на лицахъ младенцевъ. „Не забудемъ", пишетъ Д. И. Иловайскій,—„что искусственное безобразіе начиналось у Гунновъ уже съ самаго младенчества (стр. 525). За то тотъ же нашъ изслѣдователь отвергаетъ многое другое. Амміанъ Марцеллинъ, по его же мнѣнію, изобразилъ Гунновъ не совсѣмъ точно и преувеличилъ ихъ безобразіе (стр. 512); а описаніе Іордана (Іорнанда) называется реторическимъ и ходульнымъ; оно продиктовано пристрастіемъ къ Готамъ и ненавистью къ ихъ гонителямъ Гуннамъ. Всего больше Д. И. Иловайскій не можетъ примириться съ тѣмъ, что, по сообщенію Іордана (Іорнанда), у Аттилы, воплощавшаго, по прямому замѣчанію того же Іордана, всѣ черты своего племени, была при другихъ весьма характеристичныхъ признакахъ и рѣдкая борода. „Едва ли это описаніе не есть плодъ воображенія, тенденціозно настроеннаго" (стр. 515). Оно отличается тенденціозностію и пред-

187

взятостію,—основано не извѣстно на какихъ источникахъ. Итакъ то, что̀ естественно и просто, и притомъ основано на личномъ, непосредственномъ наблюденіи (ниже мы укажемъ, изъ какого источника Іорданъ заимствовалъ свое описаніе наружности Аттилы), съ рѣшительностію отвергается, а принимается то, что̀ не возможно по самой природѣ вещей, и очевидно, никакъ не могло подлежать наблюденію нашихъ свидѣтелей. Свидѣтели объявляются вообще недостовѣрными, а принимается изъ многихъ ихъ показаній именно то, которое наиболѣе заслуживаетъ подозрѣнія. Едва ли такой способъ изслѣдованія можно называть критическимъ.

Какъ ни важны данныя, сообщаемыя источниками о наружности Гунновъ, Д. И. Иловайскій все-таки напрасно придаетъ имъ первостепенное значеніе. Еще важнѣе то, что всѣ тѣ писатели, которые могли знать и Гунновъ, и Славянъ, положительно и прямо, независимо отъ всякихъ частностей, отличаютъ ихъ другъ отъ друга. Это дѣлаютъ Іорданъ (Іорнандъ), Прокопій, Маврикій. Если бы даже они и не давали намъ отчета въ основаніяхъ, не сообщали никакихъ подробностей, мы все-таки должны были бы относиться къ ихъ показаніямъ и мнѣніямъ съ величайшимъ вниманіемъ, должны были бы держать у себя въ умѣ такое представленіе, что общее ихъ убѣжденіе на чемъ-нибудь же основано, что оно находится въ связи съ возможностью живаго наблюденія цѣлаго ряда, цѣлой совокупности признаковъ, начиная съ языка. Только неопытные и поверхностные дилетанты могутъ воображать, что всѣ вообще древніе и средневѣковые писатели одинаково были несвѣдущи и глупы въ вопросахъ географіи и этнографіи, и что въ этомъ отношеніи они не могли ничего дать, кромѣ путаницы, которую новымъ изслѣдователямъ слѣдуетъ распутывать, какъ прійдется. Напротивъ, нужно различать лица; бывали среди древнихъ и средневѣковыхъ историковъ очень наблюдательные люди. Конечно, ни Греки, ни Римляне не были знакомы съ классификаціей Блуменбаха, съ измѣреніемъ лицеваго угла; но все-таки они умѣли прекрасно отличить Германцевъ отъ Славянъ, и особенно тѣхъ и другихъ отъ разныхъ азіатскихъ кочевниковъ. Въ VII вѣкѣ по Р. Х. Византійцы умѣли же замѣтить родство и единство происхожденія между различными Славянскими племенами; точно также умѣли они признать родство между Гуннами, Болгарами, Аварами, Хазарами. Пусть они тутъ смѣшиваютъ Финскія племена съ Турецкими; вѣдь и мы не всегда строго ихъ различаемъ, и мы употребляемъ выраженіе „туранскія“ и даже „монгольскія“ въ приложеніи къ тѣмъ

188

и другимъ. Древніе классическіе писатели и ближайшіе ихъ средневѣковые послѣдователи придавали весьма важное значеніе степени культуры, различію между народами земледѣльческими и кочевыми. Они очень хорошо сознавали, что это признакъ не случайный, что нельзя по произволу переходить отъ одного состоянія къ другому, что народы извѣстнаго племени достигаютъ болѣе высокой степени вмѣстѣ и сообща и уже съ нея не сходятъ внизъ. Въ этомъ со старыми Греками и Латинами вполнѣ согласна и новая наука. Д. И. Иловайскій, который держится другаго мнѣнія, представляетъ только исключеніе. Онъ твердитъ, что кочевой бытъ и дикіе нравы не могутъ служить основаніемъ для той или другой теоріи, потому что указываютъ не на расу, а на извѣстную степень культуры, что если Амміанъ Марцеллинъ говоритъ о дикости, свирѣпости и кочевомъ состояніи Гунновъ, то все это—такія черты, которыя не могутъ служить отличительнымъ признакомъ расы, а относятся къ извѣстной степени быта, что Славянскіе народы тоже были нѣкогда кочевниками, и слѣдовательно, свидѣтельства древнихъ о кочевомъ состояніи Гунновъ не мѣшаютъ отнести ихъ къ Славянамъ. Въ этихъ разсужденіяхъ, на первый взглядъ довольно благовидныхъ и не противорѣчущихъ здравому смыслу, заключается основная ложь, πρῶτον ψεῦδος, „Разысканій“ Д. И. Иловайскаго о Гуннахъ. Онъ хочетъ убѣдить насъ, что Гунны могли быть и кочевниками, и Славянами въ одно и то же время. Но исторія и наука совсѣмъ не знаютъ кочевыхъ Славянъ. Вѣдь не отрицаетъ же Д. И. Иловайскій, что Славяне принадлежатъ къ Индо-Европейскому племени? Вѣдь не отвергаетъ же онъ, что они достигли извѣстной степени культурнаго развитія, еще живя вмѣстѣ съ своими сородичами, еще до выдѣленія своего изъ общей массы арійской? Вѣдь есть же несомнѣнныя данныя, рисующія картину этого общеарійскаго періода. „Когда раздѣленные теперь Индо-Европейскіе народы составляли еще одноязычное племя, они достигли извѣстной степени культуры и пріобрѣли соотвѣтствующій ей запасъ словъ, который потомъ, въ видѣ общаго приданаго, въ условномъ, твердо опредѣленномъ значеніи получили отдѣльные народы, чтобы самостоятельно строить далѣе на данномъ основаніи. Такимъ образомъ мы имѣемъ свидѣтельства о развитіи пастушеской жизни въ ту отдаленную эпоху въ неизмѣнно установленныхъ названіяхъ ручныхъ животныхъ—быка, овцы, гуся, утки, свиньи. Итакъ, уже въ ту отдаленнѣйшую эпоху Индо-Европейское племя оставило позади себя низшую степень цивилизаціи, эпоху охоты и рыболовства, и до-

189

стигло извѣстной относительной прочности и постоянства жилищъ. Санскритское damas, латинское domus, греческое δόμος—домъ, санскритское dvaras, греческое θύρα, латинское fores—дверь, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что уже въ ту первобытную эпоху Индо-Европейцы научились строить постоянныя жилища извѣстнаго устройства съ дверями. Они знакомы были съ употребленіемъ огня для приготовленія пищи и соли для ея приправы. Нельзя говорить съ такою же увѣренностію объ индо-европейскомъ земледѣліи, хотя и тутъ есть данныя, свидѣтельствующія объ общихъ основахъ германскаго, греческаго, санскритскаго (необходимо прибавить: и славянскаго) земледѣлія". Вотъ нѣсколько строкъ, взятыхъ съ тѣхъ страницъ, въ которыя великій европейскій ученый сводитъ несомнѣнные результаты сравнительнаго языкознанія, сдѣлавшіяся общимъ достояніемъ науки (см. Римскую исторію Моммсена). Отсылая къ нимъ читателя, мы спрашиваемъ: соотвѣтствуетъ ли этимъ несомнѣннымъ даннымъ объ индо-европейскоймъ бытѣ слѣдующее описаніе гуннскаго образа жизни: „При человѣческомъ, хотя и непривлекательномъ образѣ, они остаются такъ грубыми, что не нуждаются ни въ огнѣ, ни въ приготовленной пищѣ; они питаются кореньями дикихъ травъ и полусырымъ мясомъ животныхъ, которое они дѣлаютъ теплымъ посредствомъ недолгаго согрѣванія между своими бедрами и спиною лошади. У нихъ нѣтъ никакихъ зданій, служащихъ кровомъ; они отвращаются ихъ, какъ гробницъ, отдѣленныхъ для общаго пользованія. У нихъ нельзя встрѣтить даже шалаша, покрытаго тростникомъ. Какъ кочевники, бродя по лѣсамъ, они съ колыбели привыкаютъ переносить холодъ, голодъ и жажду... Даже на пути они безъ крайней необходимости не входятъ въ попавшееся жилье, потому что не считаютъ себя безопасными подъ кровлею". Это—не приведенное Д. И. Иловайскимъ мѣсто изъ Амміана Марцеллина. Ясное дѣло, что тутъ не одна же реторика. Что Гунны были совершенные кочевники, это подтверждается всѣми источниками и не отрицается самимъ Д. И. Иловайскимъ. Онъ только забываетъ, что такой бытъ никогда не былъ принадлежностію Славянскаго племени, что Славяне никогда не были коннымъ народомъ, живущимъ въ кибиткахъ и на телегахъ. Выводы сравнительнаго языкознанія подкрѣпляются яснымъ свидѣтельствомъ исторіи. Д. И. Иловайскій рѣзко отзывается о томъ ученомъ, который сказалъ ему на диспутѣ, что уже Тацитъ ясно и точно указалъ мѣсто Славянъ въ Европѣ. Но, вѣдь, это же неоспоримая истина. Тацитъ зналъ Славянъ, какъ и другіе позднѣйшіе писатели, подъ общимъ

190

именемъ Венедовъ (Венетовъ, Вендовъ), и помѣщалъ ихъ между Финнами и Певкинами, жившими на нижнемъ Дунаѣ; Тацитъ прямо говоритъ, что они именно тѣмъ отличаются отъ своихъ сосѣдей-кочевниковъ, что строятъ постоянныя жилища... Съ другой стороны, Прокопій и Маврикій ручаются за то, что еще ранѣе своего распространенія на югъ за Дунай и на западъ, Славяне были знакомы съ земледѣліемъ, съ воздѣлываніемъ разныхъ хлѣбныхъ злаковъ; они занимались земледѣліемъ именно въ періодъ своего великаго переселенія. Согласимся, что указанія сравнительнаго языкознанія на индо-европейское земледѣліе сомнительны и неясны; допустимъ, что начатки его, пріобрѣтенныя Славянами вмѣстѣ со всѣми другими сородичами до выдѣленія изъ общей массы, были забыты и утрачены во время передвиженія на пути изъ Азіи въ Европу,—все-таки несомнѣнно, что Славяне до своего раздѣленія на разныя вѣтви въ періодъ времени отъ I вѣка до VI по Р. Х. были земледѣльческимъ народомъ. Они знали давно рожь, коноплю, овесъ (слова до-славянскія); они воздѣлывали просо, пшеницу и ячмень; они знали рало, плугъ и мотыку, а также ниву и лѣху. Иначе по какой же причинѣ названія этихъ предметовъ оказываются тожественными во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ? Отсылая за подробностями обще-славянскаго быта къ недавно вышедшей книгѣ А. С. Будиловича (Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Кіевъ. 1879), мы прибавимъ только, что замѣчаніе Д. И. Иловайскаго о несовмѣстимости земледѣльческаго быта съ народными переселеніями тоже совершенно неосновательно. По его мнѣнію, и Готы, сосѣди Гунновъ, а потомъ ихъ подданные, не вполнѣ вышли изъ кочеваго быта, чѣмъ и объясняются ихъ передвиженія изъ черноморскихъ степей на Балканскій полуостровъ (стр. 512). Д. И. Иловайскій сѣетъ недоразумѣніями. Онъ, пожалуй, могъ бы сказать свою отмѣченную нами фразу только въ такомъ случаѣ, если бы при этомъ сдѣлалъ нѣсколько оговорокъ и еслибы не сопоставлялъ ею готскаго быта съ гуннскимъ. Въ IV вѣкѣ, ранѣе своего переселенія за Дунай, Готы имѣли уже переводъ Священнаго Писанія на свой языкъ, и языкъ Вульфилы цѣлымъ рядомъ выраженій непререкаемо свидѣтельствуетъ о занятіяхъ говорившаго имъ народа земледѣліемъ. Нужно ли опять дѣлать ссылки и указанія на сочиненія, въ которыхъ возстановляется древне-готскій бытъ по даннымъ языка Вульфилы? Пусть Д. И. Иловайскій вспомнитъ, чего требовали Готы, сбираясь перебраться въ предѣлы имперіи. Они требовали земли для поселенія, для обработ-

191

ки, а не для пастбищъ. Въ настоящее время вопросъ о связи великаго германскаго переселенія съ земледѣльческимъ бытомъ, кажется, можно считать достаточно разъясненнымъ — именно въ томъ смыслѣ, что оно вовсе не означаетъ незнакомства съ земледѣліемъ или отказа отъ него. Одинъ нѣмецкій ученый (Данъ) весьма остроумно формулируетъ такое положеніе, что германское переселеніе было даже прямымъ послѣдствіемъ перехода къ осѣдлому земледѣлію и оказавшагося при этомъ съ теченіемъ времени недостатка въ землѣ. О Славянахъ тоже съ полнымъ правомъ можно сказать, что они занимались земледѣліемъ, какъ до своего переселенія, такъ и во время своего переселенія. Они распространялись на Балканскомъ полуостровѣ какъ земледѣльцы, а не какъ пастухи, не какъ презираемые ими влахи, тѣмъ менѣе—какъ дикіе кочевники. Нѣсколько удивительно и странно, что мы должны толковать о такихъ общеизвѣстныхъ вещахъ; но несомнѣнно, что Д. И. Иловайскій забываетъ о нихъ или даже отрицаетъ ихъ. Онъ утверждаетъ, что Гунны, кочевники и наѣздники, не умѣвшіе строить домовъ, все-таки принадлежали къ Славянскому племени, а между тѣмъ мы знаемъ, что Славянское племя еще ранѣе своего подраздѣленія на отдѣльные народы и даже ранѣе своего выдѣленія изъ среды индо-европейской семьи уже пріучилось строить дома и пріобрѣло привычки нѣкоторой осѣдлости, очевидно, не утраченныя и во время медленнаго передвиженія изъ Азіи въ Европу. Онъ утверждаетъ, что еще въ IV вѣкѣ по Р. Х. существовалъ Славянскій народъ, совершенно незнакомый съ земледѣліемъ; между тѣмъ мы знаемъ, что въ то самое время, какъ всѣ Славяне жили въ нынѣшней южной и западной Россіи, они всѣ стояли на степени земледѣльческой цивилизаціи, и никогда ни одинъ Славянскій народъ не измѣнялъ сообща достигнутому развитію. Если Славяне, перешедшіе за Дунай въ VI вѣкѣ, оказываются земледѣльческими, то очевидно, что они были такими въ V и IV вв. Что же за выродки такіе эти Гунны, которые сумѣли остаться въ то же самое время кочевниками и дикарями, будучи Славянами? Если это Славяне, то совсѣмъ особенные и еще неслыханные.

Самъ собою выступаетъ здѣсь вопросъ объ языкѣ. Д. И. Иловайскій, понятное дѣло, придаетъ большое значеніе словамъ медъ и камъ (камосъ), которыя Византіецъ Прискъ слышалъ въ Панноніи на пути своемъ въ ставку Аттилы. По мнѣнію Д. И. Иловайскаго, „послѣднее слово есть, вѣроятно, не точно переданное слово квасъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, а никакъ не кумысъ, который при-

182

готовляется изъ кобыльяго молока, а не изъ ячменя". Итакъ, его кочевники воздѣлывали ячмень; но не въ этомъ дѣло. Кажется, что нашимъ изслѣдователямъ и ученымъ уже давно подобало бы отказаться отъ этого мнимо-славянскаго кваса, равно какъ и отъ объясненія кама, въ смыслѣ кумыса. Ни квасъ, на кумысъ! Нашимъ изслѣдователямъ почему-то остается неизвѣстнымъ, что слово камъ или камосъ встрѣчается не у одного Приска, а также у другихъ болѣе раннихъ писателей, притомъ съ прямымъ указаніемъ на принадлежность его извѣстному народу, только не Гуннамъ. Πίνουσι γοῦν ζύθον Αἰγύπτιοι, κάμον Παίονες, Κέλτοι κερβησίαν, писалъ Юлій Африканъ въ самомъ началѣ III столѣтія по Р. Х. (κεστοί 25). Въ эдиктѣ императора Діоклетіана de pretiis, установившемъ таксу на всѣ жизненныя потребности, опредѣлялась цѣна и церевизіи, и кама (cerevisiae et cami). Сверхъ того, это слово было извѣстно Ульпіану, жившему въ царствованіе Септимія Севера: zythum et camum et caetera, quae pro hominum affectione atque usu vini numero habebuntur (Digest. XXXIII, 6, 9). Припомнимъ слова Діона Кассія (49, 36), который самъ былъ правителемъ въ придунайскихъ странахъ, что въ Панноніи ячмень и просо не только ѣдятъ, но и пьютъ; и намъ будетъ ясно, въ какомъ смыслѣ нужно понимать слово Пэоняне въ вышеприведенномъ мѣстѣ Юлія Африкана. Какъ у другихъ греческихъ писателей, оно обозначаетъ въ широкомъ смыслѣ жителей Панноніи. Отсюда слѣдуетъ, что и у Приска подъ варварами, которые называли свой ячменный напитокъ камомъ, слѣдуетъ разумѣть совсѣмъ не Гунновъ, а исконныхъ жителей страны, туземцевъ. Это, впрочемъ, и безъ того слѣдуетъ изъ самой связи рѣчи, изъ непосредственно рядомъ стоящаго выше замѣчанія относительно другаго напитка, которымъ угощали уже самыхъ членовъ посольства, а не ихъ прислугу: ἀντὶ δὲ οἴνου ὁ μέδος ἐπιχωρίως καλούμενος — вмѣсто вина напитокъ, называемый на мѣстномъ языкѣ, у туземцевъ, медомъ. Гунны во время Приска не были въ Панноніи старожилами и туземцами. Туземное исконное населеніе Панноніи состояло изъ двухъ элементовъ — старо-иллирійскаго, родственнаго съ нынѣшнимъ Албанскимъ, и кельтскаго, утвердившагося здѣсь въ IV вѣкѣ до Р. Х. Которому изъ нихъ принадлежало собственно слово камъ—рѣшить трудно. То обстоятельство, что Африканъ говоритъ о кельтской церевизіи отдѣльно, заставляетъ думать о принадлежности его къ старо-иллирійскому нарѣчію. Что же касается меда, то его по всѣмъ правамъ слѣдуетъ уступить Кельтамъ, и

193

нѣтъ никакой нужды приписывать Славянамъ. Кельты не только пили медъ, но даже такъ и называли его медомъ. Слово mid и med (mid ирланд., med старо-камбр.) встрѣчается въ кельтскомъ словарѣ Кормака, относимомъ къ IX вѣку по Р. Х. Впрочемъ, очень возможно, что слово медъ было общею принадлежностью не только славянскаго и кельтскаго языковъ, но еще и другихъ индо-европейскихъ нарѣчій, напримѣръ, иллирійскаго или ѳракійскаго. Во всякомъ случаѣ очевидно, что 1) слова камъ и медъ не имѣютъ никакого отношенія къ Гуннамъ: первое изъ нихъ можно было слышать въ Панноніи, когда о Гуннахъ тамъ и слуху не было, и 2) что они не должны быть считаемы славянскими. Для доказательства славянства Гунновъ остается одна страва, слово, приведенное Іорданомъ въ описаніи похоронъ Аттилы. Увѣренность Русскихъ людей въ несомнѣнной принадлежности этого выраженія славянскому языку поддерживается опять-таки неполнымъ знакомствомъ съ дѣломъ. Правда, что у Іордана этому слову какъ-будто приданъ такой смыслъ, что оно соотвѣтствуетъ латинскому commessatio, и слѣдовательно, совпадаетъ съ обще-славянскою стравою, существованія которой отрицать, конечно, мы не думаемъ. Но нужно знать, что есть другой писатель, жившій, можетъ быть, ранѣе Іордана, которому это слово тоже было знакомо. Еще въ словарѣ Дюканжа подъ словомъ straba приведено было мѣсто изъ комментаріевъ Лактанція Плацида (Lactantius Placidus) къ стихамъ Ѳиваиды Стація, описывающимъ обрядъ греческаго погребенія, при которомъ для сожженія трупа воздвигался костеръ изъ непріятельскаго и своего оружія:

. . . . . Hostiles super ipse it victor acervos.

Объясняя приведенный стихъ, Плацидъ пишетъ: „acervos, exuviarum hostilium moles. Exuviis enim hostium extruebatur regibus mortuis pyra: quem ritum sepulturae hodie quoque barbari servare dicuntur, quem strabas dicunt lingua sua“. По этому толкованію, страба означаетъ собственно костеръ (pyra), обрядъ сожженія, и это даетъ возможность нѣмецкимъ ученымъ (Я. Гриммъ, Мюлленгофъ) производить stravam Іордана отъ готскаго глагола straujan, στρωννύναι. Что готскій языкъ былъ очень употребителенъ у Гунновъ, это хорошо извѣстно и засвидѣтельствовано въ ясныхъ, прямыхъ выраженіяхъ самимъ Прискомъ. Нужно ли предполагать заимствованіе Славянами слова страва отъ Готовъ—мы не знаемъ. Не совсѣмъ неправдоподобно даже совпаденіе двухъ подобозвучныхъ словъ различнаго происхожденія и не одинаковаго кореннаго значенія. Во всякомъ слу-

194

чаѣ на одномъ словѣ страва нельзя утвердить славянства Гунновъ, тѣмъ болѣе, что тутъ возможно такое же недоразумѣніе, какъ и относительно пресловутаго камоса...

Перейдемъ теперь къ частностямъ и прослѣдимъ, какъ относится нашъ изслѣдователь къ каждому изъ своихъ источниковъ. На самомъ древнемъ и важномъ, Амміанѣ Марцеллинѣ, онъ останавливается всего менѣе, и совсѣмъ не счелъ нужнымъ привести его характеристику Гунновъ сполна и въ точномъ переводѣ... Самые важные вопросы объ источникахъ географическихъ свѣдѣній Амміана и особенно объ источникахъ его фразеологіи—совсѣмъ не затронуты; между тѣмъ, если бы Д. И. Иловайскій былъ знакомъ съ новѣйшими изслѣдованіями по этому послѣднему вопросу, то онъ могъ бы ими воспользоваться именно для своей главной цѣли. Амміанъ Марцеллинъ былъ Грекъ по происхожденію, и латинскій языкъ ему былъ не родной. Его литературная рѣчь оказывается чисто-искусственною и весьма несвободною; онъ заимствуетъ готовыя фразы и обороты у классическихъ прозаиковъ, Цицерона, Саллустія, Тита Ливія и Тацита, и не всегда употребляетъ ихъ кстати. Нельзя отрицать, что его литературная манера въ иныхъ случаяхъ могла имѣть вліяніе на самое матеріальное содержаніе его сочиненія. Когда фраза взята изъ Ливія и только ловко пріурочена къ данному пункту его риторической мозаики, то возникаетъ иногда подозрѣніе, не перенесенъ ли вмѣстѣ съ фразою на неподлежащее мѣсто и самый смыслъ, ею выражаемый. Въ изображеніи Гунновъ находится одна фраза, прямо выхваченная изъ Тита Ливія и употребленная первоначально для характеристики Африканцевъ [1]). Въ другой разъ копье феціаловъ дано въ руки азіатскому варвару, царю Хіонитовъ, можетъ быть, родственныхъ съ европейскими Гуннами (19, 2, 6). Нужно было бы разобрать съ этой точки зрѣнія всю главу, посвященную Амміаномъ Марцеллиномъ описанію гуннскаго быта и нравовъ. Впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что это отчасти сдѣлано уже другими, и результатъ оказывается въ концѣ концевъ благопріятнымъ для Амміана: за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, мысль его все-таки была независима отъ чужихъ фразъ и не слѣдовала за ними, а предшествовала имъ. Что же касается въ частности второй главы XXXI-й книги, то оказывается, вопреки Д. И.

---

[1]) Liv. 39, 3, 13: Ex Afris gente ad omnem *auram spei* mobili atque *infida*. Ср. Ammian. 31, 2, 11: (Hunni) per indutias *infidi* inconstantes ad *omnem auram* incidentis *spei* novae perquam *mobiles*.

195

Иловайскому, возможность предполагать наглядное знакомство писателя съ изображаемымъ предметомъ, отразившееся и въ большей литературной независимости его рѣчи въ данномъ случаѣ [1]). Не здѣсь, а въ другомъ случаѣ, оказалось вреднымъ для нашего русскаго изслѣдователя незнакомство съ изслѣдованіями объ источникахъ географическихъ отрывковъ, время отъ времени вставленныхъ Амміаномъ въ свое повѣствованіе. Въ вышеозначенной книгѣ мѣста, заимствованныя изъ другихъ, болѣе древнихъ писателей, касаются не самыхъ Гунновъ, а отчасти тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они появились во время Амміана, отчасти ихъ сосѣдей. Извѣстно, что эти заимствованныя описанія не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительности VI вѣка п Р. Х. Но объ этомъ мы еще припомнимъ ниже [2]).

Особенно странно отношеніе Д. И. Иловайскаго къ Іордану, или какъ онъ его по старому называетъ Іорнанду, величая притомъ то готскимъ епископомъ въ Италіи, то даже—неизвѣстно на какомъ основаніи—Равеннскимъ епископомъ. 1) Его ходульное описаніе Гунновъ проникнуто—будто-бы—явнымъ противъ нихъ озлобленіемъ, такъ что удивляешься тому туману, въ которомъ историческая критика столь долго находилась по отношенію къ Гуннамъ. 2) Но въ этомъ описаніи все-таки нѣтъ никакого намека на черты собственно монгольской, татарской или чудской народности; выходитъ, что подъ именемъ Гунновъ онъ описывалъ Славянъ, и даже довольно вѣрно. 3) По всей вѣроятности, Іорданъ или Іорнандъ даже и считалъ Гунновъ Славянами: „Если Іорнандъ Гунновъ и Болгаръ еще не называетъ прямо Славянами, то я уже нѣсколько разъ указывалъ", пишетъ Д. И. Иловайскій,—„что названіе это въ тѣ времена еще не было распространено на всѣ Славянскіе народы, и что подъ Славянами тогда разумѣлись преимущественно западно-балканскіе или западно-дунайскіе Славяне, а не восточные" (стр. 514).

---

[1]) Объ особенностяхъ Амміанова стиля существуетъ нѣсколько изслѣдованій: *Hertz*, De Ammiani Marcellini studiis Sallustianis. Breslau 1874; *Michaeil*, De Ammiani Marcellini studiis ciceronianis. Vratisl. 1874 и др. Ср. *Mommsen*—въ нижеуказанной статьѣ.

[2]) О географическихъ источникахъ Амміана намъ извѣстны двѣ статьи: *Gardthausen*, Die geographischen Quellen Ammians (1873) въ Supplementband филологическаго журнала *Neue Jahrbücher für die Philologie*,—и *Mommsen*, Ammians Geographica, въ *Hermes*, XVI Band (1881). Гардтгаузену принадлежитъ и лучшее изданіе Амміана Марцеллина (Leipzig, 1874).

Къ сожалѣнію, изъ всѣхъ трехъ положеній, къ которымъ мы свели разсужденія Д. И. Иловайскаго о Іорданѣ—съ сохраненіемъ его собственныхъ выраженій, именно послѣднее всего менѣе идетъ къ Іордану. Іорданъ, или же его источникъ, Кассіодоръ, отлично знали, какъ существованіе нѣсколькихъ славянскихъ вѣтвей, такъ и общее ихъ сходство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенное отличіе ихъ отъ Гунновъ. Можно сказать, что сознаніемъ кореннаго отличія между Славянами и Гуннами проникнуто сочиненіе Іордана отъ начала до конца. Правда, что выраженіе Склавины не имѣетъ у него общаго значенія, но за то ему извѣстно другое названіе, имѣющее при своемъ болѣе тѣсномъ значеніи и общее. Д. И. Иловайскій въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „Слово Венды, сколько извѣстно, служитъ древнѣйшимъ названіемъ Славянъ вообще или значительной ихъ части“ (стр. 535). Послѣдняя оговорка, конечно, прибавлена только впослѣдствіе смутнаго опасенія, какъ бы не попасть въ противорѣчіе въ самимъ собою. Но кто же, кромѣ Тацита, употреблялъ слово Венды въ общемъ значеніи? Не былъ ли въ числѣ такихъ писателей нашъ Іорданъ? Не онъ ли говоритъ о многолюдной націи Венедовъ, хотя и извѣстной теперь подъ разными именами, сообразно различнымъ ея семьямъ и занимаемымъ мѣстамъ, но главнымъ образомъ именуемой Склавенами и Антами: Venetharum natio populosa... quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur? Не онъ ли въ другомъ мѣстѣ пишетъ: „Венеды.... происшедшіе отъ одного корня, теперь извѣстны подъ тремя названіями, то-есть, Венедовъ, Антовъ и Склавенъ“; Venethos..... hi—ab una stirpe exorti tria nunc nomina ediderunt, id est Venethi, Antes, Sclaveni? (гл. 5. 23). Итакъ, у Іордана было въ распоряженіи и общее наименованіе для обозначенія всей совокупности Славянскихъ народовъ. Отчего же онъ ни разу не причислилъ Гунновъ къ Вендамъ? И не только не причислилъ, но вездѣ сознательно и рѣзко имъ противопоставляетъ... Прослѣдивъ исторію Гунновъ, до распаденія Гуннской державы по смерти Аттилы, онъ замѣчаетъ: отступили, ушли назадъ Гунны, которымъ уступала вселенная (cesserunt Hunni, quibus cedere putabatur universitas). Послѣ пораженія, нанесеннаго сыну Аттилы Денгизиху Остготами, они были изгнаны изъ Паннонiи, и съ того времени тѣ Гунны, которые остались, боятся оружія Готовъ (ut iam ex illo tempore, qui remanserunt Hunni et usque actenus Gothorum arma formident). Вотъ исторія Гунновъ; совершенно другая исторія Вендовъ или Славянъ. Они нѣкогда были подъ властію Готскаго короля Гер-

манариха; теперь же, говоритъ Іорданъ,—ради грѣховъ нашихъ вездѣ свирѣпствуютъ: Qui, quamvis nunc ita facientibus peccatis nostris ubique desaeviunt, tamen omnes Hermanarici imperiis servierunt (cap. 23). Къ чему бы ни относились послѣднія слова, на какія событія они ни указывали бы, смыслъ ихъ по отношенію къ вопросу о тожествѣ Славянъ и Гунновъ довольно ясенъ и нисколько не затемняется тѣмъ, что подобное же выраженіе употреблено писателемъ однажды и о Болгарахъ, отличаемыхъ у него отъ собственныхъ Гунновъ. Съ самаго начала и до конца одна была судьба Гунновъ и другая—Славянскаго племени. Іорданъ не даетъ никакого права смѣшивать два племени.

Д. И. Иловайскій утверждаетъ, что въ пристрастномъ и риторическомъ описаніи Гунновъ у Іордана все-таки не встрѣчается такихъ признаковъ, которые прямо указывали бы на ихъ турецкое или финское происхожденіе, и самъ тутъ же рядомъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое нѣсколько куріозно по своему смыслу и формѣ: „Я нахожу даже въ этихъ чертахъ (то-есть, сообщенныхъ Іорданомъ) замѣчательное сходство съ нашимъ собственнымъ велико-русскимъ типомъ, съ обиліемъ у насъ такъ-называемыхъ мордовскихъ физіономій". Но если Д. И. Иловайскій не производитъ лестнаго эпитета отъ браннаго слова „морда", то о чемъ же свидѣтельствуютъ эти физіономіи, если не о родствѣ съ Мордвой, о присутствіи финской крови? Но не въ томъ дѣло. Въ описаніи Іордана несомнѣнно есть черты, не идущія къ Славянамъ. Вопервыхъ, приводя характеристику Гунновъ изъ 24-й главы его сочиненія, Д. И. Иловайскій опустилъ нѣсколько словъ и довольно важныхъ, стоящихъ выше, хотя, конечно, и сдѣлалъ это безъ намѣренія: Genus hoc ferocissimum ediderunt, quae fuit primum inter paludes minutum tetrum atque exile. Жестокая порода, малорослая, черная и тощая... Затѣмъ слѣдуютъ и эти строки: „лицо у нихъ ужасающей черноты и похоже болѣе, если можно такъ выразиться, на безобразный кусокъ мяса съ двумя точками вмѣсто двухъ глазъ" (у г. Иловайскаго „съ двумя дырами", habens magis puncta, quam lumina). Что̀ же это значитъ, по толкованію Д. И. Иловайскаго? Это значитъ, по его мнѣнію, что Гунны были люди нечистоплотные и чумазые, съ загорѣлою, истрескавшеюся на вѣтру кожею (стр. 513). Мы можемъ-де предположить тутъ или искусственное черненіе своего лица, или обычное преувеличеніе Іорнанда по отношенію къ ненавистнымъ Гуннамъ (стр. 530). Вѣроятно, этихъ противорѣчущихъ взаимно предположеній требуетъ то, что̀ Д. И. Иловайскій

198

называетъ тщательнымъ критическимъ анализомъ источниковъ! Но этого еще мало. Тутъ же мы читаемъ, что и Славяне, по извѣстію греческихъ писателей той же эпохи, совсѣмъ не отличались бѣлизною лица. Объ этомъ прямо говоритъ Прокопій, который замѣчаетъ, что они были покрыты грязью и всякою нечистотою и вообще имѣли гуннскіе нравы. Но Прокопій говоритъ не только это, но еще нѣчто другое. Характеризуя Гунновъ Ефѳалитовъ, жителей нынѣшняго Туркестана, отношеніе которыхъ къ перешедшимъ въ Европу историческимъ Гуннамъ дѣйствительно остается не разъясненнымъ, Прокопій отмѣчаетъ черты, которыя отличали ихъ отъ всѣхъ предполагаемыхъ соплеменниковъ: 1) Ефѳалиты не ведутъ кочевой жизни, какъ ведутъ ее остальные Гуннскіе народы. Οὐ γὰρ νομάδες εἰσὶν ὥσπερ τὰ ἄλλα Οὐννικὰ ἔθνη. 2) Изъ всѣхъ Гунновъ они одни бѣлы тѣломъ и не безобразны лицомъ. Μόνοι δὲ Οὔννων οὗτοι λευκοί τε τὰ σώματα καὶ οὐκ ἄμορφοι τὰς ὄψεις εἰσίν. Итакъ, относительно Гунновъ Прокопій вполнѣ согласенъ съ Іорданомъ: Европейскіе Гунны были кочевники, они были безобразны и не были бѣлы. И о Славянскихъ народахъ этотъ безспорно наблюдательный и вполнѣ достовѣрный свидѣтель и очевидецъ показываетъ не совсѣмъ то, что̀ можно подумать по неполнымъ сообщеніямъ Д. И. Иловайскаго. О безобразіи Славянъ у него нѣтъ и помину. „Славяне всѣ высокаго роста и весьма сильны; цвѣтъ тѣла и волосъ у нихъ ни слишкомъ бѣлый, ни слишкомъ красный или рыжій, а также не переходитъ въ совершенно смуглый; но всѣ они русы и румяны“: ἀλλ' ὑπέρυθροί εἰσιν ἅπαντες. Полагаемъ, что тамъ и здѣсь есть значительные и важные оттѣнки: Гунны положительно не были бѣлы, Славяне были не совсѣмъ бѣлы; а выраженіе ὑπέρυθροι, относимое одинаково къ цвѣту тѣла и волосъ, едва ли можетъ быть переведено какъ-нибудь иначе, чѣмъ это мы сдѣлали. Во всякомъ случаѣ очевидно, что нѣтъ никакого основанія противопоставлять Прокопія Іордану, а скорѣе слѣдуетъ одного дополнять другимъ и понимать согласно обоихъ. Что же касается грязи, о которой дѣйствительно говорится у Прокопія, то вопервыхъ, извѣстно, что она бываетъ замѣтнѣе именно на бѣломъ, а вовторыхъ, при точномъ пониманіи текста, она должна быть относима къ образу жизни, а совсѣмъ не къ наружности. Точно также и въ самомъ ограниченномъ смыслѣ нужно принимать и слова Прокопія о сходствѣ славянскаго нрава съ гуннскимъ: „Всего менѣе они лукавы или злы, однако вмѣстѣ съ простодушіемъ они обнаруживаютъ и гуннскій нравъ“. Πονηροὶ μέντοι ἢ κακοῦργοι ὡς ἥκιστα τυγχάνουσιν ὄντες, ἀλλὰ κἂν τῷ

ἀφελεῖ διασώζουσι τὸ οὐννικὸν ἦθος (II, 335). Нельзя отсюда дѣлать заключеній ни о тожествѣ коренныхъ условій быта, какъ это склоненъ дѣлать Д. И. Иловайскій (стр. 538): иначе лишены были бы всякаго смысла замѣчанія Прокопія о кочевомъ образѣ жизни Гунновъ и о характерѣ славянской осѣдлости хотя бы и въ лачугахъ (ἐν καλύβαις), ни о племенномъ единствѣ ихъ; иначе утратило бы смыслъ самое сравненіе Славянъ съ Гуннами; значеніе его именно и состоитъ въ указаніи противорѣчія между природными, своими качествами Славянъ и какими-то проявленіями чуждаго имъ духа—вѣроятно, военной жестокости. Если бы мы рѣшились провести полную параллель между Славянами и Гуннами по Прокопію, то нашли бы и другіе существенные признаки племеннаго несходства. Гунны описываются какъ конники и отличные стрѣлки изъ лука (I, 359; II, 129, 146 и т. д.); о Славянахъ прямо сказано, что они сражаются пѣшіе — черта, отмѣченная Тацитомъ, еще сохранилась,—имѣя въ рукахъ щиты — другая черта, которой тоже не опустилъ изъ виду римскій историкъ,—но никогда не надѣвая панцыря (II, 35). Возвращаемся къ Іордану. Въ высшей степени любопытно и важно сохранившееся въ его сочиненіи описаніе наружности Аттилы: „Имѣя малый ростъ, широкую грудь, большую голову, маленькіе глаза, рѣдкую бороду, волосы съ просѣдью, приплюснутый носъ, темное лицо, онъ отражалъ въ себѣ всѣ признаки своего племени“ [1]). Какъ мы уже замѣтили выше, это описаніе крайне не понравилось нашему ученому изслѣдователю — больше всего, конечно, по причинѣ, сдѣланной въ концѣ замѣтки о типичности описанной физіономіи. Чего только не наговорилъ по этому поводу Д. И. Иловайскій! 1) Іорнандъ основывается неизвѣстно на какихъ источникахъ. Но въ этой же самой главѣ, нѣсколькими строками ниже, Іорданъ ссылается на Приска; предположеніе, что отрывокъ, посвященный наружности Атиллы, взятъ изъ того же писателя, до того простъ и естественъ, что онъ уже и былъ высказываемъ другими, напримѣръ, Бэромъ, на статью котораго ссылается Д. И. Иловайскій; послѣ же замѣчаній, сдѣланныхъ знаменитымъ Моммсеномъ въ предисловіи къ новѣйшему изданію Іордана, заимствованіе изъ Приска нужно считать несомнѣннымъ фактомъ. 2) Едва ли это описаніе не есть плодъ воображенія, тенденціонно настроеннаго. Но почему же? Ужели Іорданъ

---

[1]) Forma brevis, lato pectore, capite grandiore, minutis oculis, rarus barba, canis aspersus, semo nasu, teter colore, originis suae signa restituens (cap. 35).

думалъ выразить свою ненависть къ Гуннамъ, приписавъ ихъ царю, умершему сто лѣтъ тому назадъ, рѣдкую бороду или носъ приплюснутый? Притомъ, если прочитать всю характеристику, то становится яснымъ, что она вовсе не была задумана въ неблагопріятномъ смыслѣ, а напротивъ, скорѣе въ лестномъ.... Erat namque superbus incessu; — — — bellorum quidem amator, sed ipse manu temperans, consilio validissimus, supplicantibus exorabilis, propitius autem in fidem semel susceptis; forma brevis и т. д. 3) Путаясь въ напрасныхъ оговоркахъ и околичностяхъ, нашъ изслѣдователь готовъ даже допустить, что описаніе, пожалуй, шло бы вообще къ Гуннамъ, но что оно напрасно перенесено на Аттилу; Іорнандъ намѣренно хотѣлъ совмѣстить въ немъ всѣ непривлекательныя стороны гуннской наружности. Но тогда онъ не расточалъ бы похвальныхъ эпитетовъ нравственнымъ качествамъ Аттилы, тѣмъ болѣе, что и для него непривлекательность Гунновъ состояла не столько въ ихъ наружности, сколько въ ихъ дикости и свирѣпости. 4) Далѣе: „при всей тенденціозности или предвзятости описанія, мы не видимъ тутъ никакихъ несомнѣнныхъ признаковъ Туранской расы". Если бы это замѣчаніе было справедливо, то конечно, оно дѣлало бы излишними всѣ предыдущія разсужденія. Къ сожалѣнію, весьма авторитетные люди думали иначе. Прочитавъ характеристику Приска, знаменитый натуралистъ Бэръ написалъ: „Est ist kaum möglich die mongolische Gesichtsbildung prägnanter zu bezeichen". Кажется, никто не сочтетъ приплюснутый носъ, маленькіе глаза и рѣдкую бороду признаками собственно Славянскаго племени. 6) Наконецъ, Д. И. Иловайскій думалъ уничтожить Іордана Прискомъ: „Всѣ фразы Амміана Марцеллина и Іорнанда о крайнемъ безобразіи Гунновъ теряютъ свой острый характеръ, если сличить ихъ съ извѣстіями Византійца Приска. Сей послѣдній лично посѣтилъ столицу Гунновъ и видѣлъ самого Аттилу, слѣдовательно могъ бы въ точности описать ихъ безобразіе. Однако, онъ совсѣмъ не говоритъ о наружности Гунновъ вообще и Аттилы въ особенности, чего никакъ бы не случилось, еслибъ эта наружность его поразила" (стр. 516). Изъ памяти нашего изслѣдователя ускользнуло одно довольно важное обстоятельство: до насъ дошло не все сочиненіе Приска въ цѣлости, а только отрывки, случайно выхваченные изъ разныхъ мѣстъ его творенія. Въ тѣхъ частяхъ, которыя до насъ дошли, могло быть то и другое, и даже навѣрное было. Іорданъ, или его главный источникъ Кассіодоръ, несомнѣнно имѣли въ рукахъ сочиненіе Приска еще въ полномъ его видѣ, какъ въ этомъ легко

201

убѣдиться, сличивъ мѣста, въ которыхъ Іорданъ цитируетъ Приска, съ греческо-византійскими изъ него эксцерптами. Очень понятно, что Прискъ служилъ источникомъ для того или другаго писателя не только въ однихъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ прямо названъ, но также и въ другихъ. Мы уже сказали, что самая характеристика Аттилы у Іордана ведетъ свое начало именно отъ Приска, который и названъ нѣсколько ниже въ той же самой 35-й главѣ. Любопытно, но за то и крайне непослѣдовательно, что Д. И. Иловайскій готовъ признать, что одна часть этой характеристики, именно относящаяся къ нравственной сторонѣ, дѣйствительно взята у Приска (см. стр. 516: „Говоритъ объ его умѣренности въ одеждѣ, пищѣ и питьѣ, о его серіозности... Послѣднія качества, очевидно, Іорнандъ почерпнулъ изъ Приска"). Прибавимъ еще одно замѣчаніе относительно Приска. Находятъ славянскія черты въ сообщаемыхъ имъ подробностяхъ придворнаго быта, окружавшаго Аттилу; указываютъ, напримѣръ, на дѣвушекъ, привѣтствующихъ родными пѣснями царя при его возвращеніи въ столицу, и т. п. Но намъ кажется, что нѣкоторые изъ описываемыхъ обычаевъ, явно противорѣчащія первоначальному кочевому быту Гунновъ, должны считаться заимствованными и перенятыми у покоренныхъ народовъ — пожалуй даже у самихъ Славянъ, если не у мѣстныхъ обитателей Панноніи Иллирійскаго (Албанскаго) племени; притомъ въ самыхъ сходныхъ со славянскими обычаяхъ есть частности совершенно своеобразныя: дѣвушки выходятъ подъ длинными покрывалами, поддерживаемыми по верхъ ихъ головъ другими женщинами; подносимое при встрѣчѣ вмѣстѣ съ пищею вино Аттила пьетъ сидя на лошади и т. д.

Во второй главѣ изслѣдованія, посвященнаго гуннскому вопросу, точкой отправленія служатъ свидѣтельства двухъ римскихъ поэтовъ V столѣтія — Клавдіана и Аполлинарія Сидонія. Разборомъ ихъ Д. И. Иловайскій особенно старается доказать то вышеупомянутое нами положеніе, что въ вопросѣ о наружности Гунновъ главную роль игралъ элементъ искусственнаго безобразія. Мы не будемъ долго останавливаться на Клавдіанѣ. Въ стихотвореніи на Руфина, писанномъ вскорѣ послѣ его убіенія, послѣдовавшаго въ ноябрѣ 396 года, находится отрывокъ, гдѣ идетъ рѣчь о Гуннахъ. Они представляются народомъ, чуждающимся земледѣлія, отвратительной наружности, „они считаютъ шуткою рѣзать себѣ лицо и прекраснымъ клясться убитыми родителями", живутъ постоянно на конѣ и т. д.

202

Praeda cibus, vitanda Ceres frontemeque secare
Lusus et occisos pulchrum jurare parentes.
(Claudiani carmina, rec. Jeep. I, 29).

Въ рѣзаніи себѣ лица Д. И. Иловайскій справедливо узнаетъ извѣстный — особенно изъ 49-й главы Іордана — обрядъ выраженія печали, и потому замѣчаетъ, что подобный обычай существовалъ еще у царскихъ Скиѳовъ; а эти Скиѳы, по всѣмъ даннымъ, были племя Арійское, а не Туранское. Вѣрное замѣчаніе, которое, однако, не можетъ служить той цѣли, ради которой оно приведено. Самъ же Д. И. Иловайскій твердитъ, что нельзя изъ сродства обычаевъ у разныхъ народовъ заключать къ ихъ тожеству или родству. Относительно даннаго случая — несомнѣнно, что погребальные обряды надъ трупомъ Аттилы, описанные Іорданомъ, очень близко напоминаютъ обычаи Туранскихъ народовъ, притомъ тѣхъ, которые считаются у новыхъ изслѣдователей состоящими въ ближайшемъ родствѣ съ Гуннами, именно у Хіонитовъ, конечно, ближе напоминающихъ китайскихъ Хіогну, чѣмъ собственно Гунны (см. Wietersheim—Dahn, Geschichte der Völkerwanderung, II, 17, 22 и сл.). Похороны сына Грумбата, сопровождавшіяся такими же церемоніями, описаны у Амміана Марцеллина въ началѣ девятнадцатой книги.

Кстати замѣтимъ, что едва ли вѣрно поняты Д. И. Иловайскимъ слова Клавдіана: „et occisos pulchrum jurare parentes". Все описаніе имѣетъ цѣлію представить Гунновъ въ ненавистномъ и отвратительномъ видѣ: но что̀ же гнуснаго и постыднаго въ томъ, что они клянутся умершими предками: такъ переводитъ Д. И. Иловайскій. Нѣтъ, occisos—значитъ убитыми, и на этомъ словѣ лежитъ удареніе. Тутъ заключается указаніе на то, что Гунны убивали своихъ родителей, а можетъ быть, на что-нибудь въ такой же степени ужасное. Д. И. Иловайскій основательно припомнилъ о Геродотѣ по поводу царапанія лица. Можетъ быть, Клавдіанъ даже прямо пользовался Геродотовымъ описаніемъ древнихъ Скиѳовъ, заимствуя оттуда черты для изображенія новыхъ Скиѳовъ. Иные считали Гунновъ потомками Массагетовъ, а у Геродота говорится о массагетскомъ обычаѣ убивать и затѣмъ съѣдать родителей, тогда какъ у Скиѳовъ хотя и было въ обыкновеніи послѣднее, но безъ предварительнаго насильственнаго умерщвленія (I, 216; IV, 26). Такимъ образомъ, если бы позволялъ размѣръ, то вмѣсто jurare можно было бы предложить чтеніе vŏrare.

Переходимъ теперь къ отрывку изъ Аполлинарія Сидонія, толкова-

нію котораго посвящена почти вся вторая глава изслѣдованія о Гуннахъ. Въ этомъ отрывкѣ дѣйствительно заключаются наиболѣе — не скажемъ отчетливыя, но подробныя указанія на разные пріемы деформаціи или уродованія лица, бывшіе въ употребленіи у Гунновъ. Съ этой точки зрѣнія важность нашего мѣста была вполнѣ оцѣнена знаменитымъ академикомъ Бэромъ въ изслѣдованіи, которое и ранѣе намъ приходилось вспоминать: Die Makrokephalen im Boden der Krym und Oesterreichs — въ Мемуарахъ С.-Петербургской Академіи Наукъ за 1860 г.

Приводимъ прежде всего наиболѣе важную часть отрывка, написаннаго около 460 года по Р. Х., тѣмъ болѣе, что переводъ Д. И. Иловайскаго не во всѣхъ отношеніяхъ кажется намъ удовлетворительнымъ: „Круглая масса кончается узкою головою [1]). Подо лбомъ въ двухъ впадинахъ находится зрѣніе, хотя и нѣтъ глазъ [2]). Свѣтъ, устремленный (введенный) въ полость (камеру) мозга, едва достигаетъ убѣгающихъ назадъ (впалыхъ) орбитъ, которыя однако не закрыты; напротивъ, чрезъ малое отверстіе они видятъ обширныя пространства; свѣтлыя точки въ глубокихъ отверстіяхъ замѣняютъ имъ пользованіе (настоящими) большей величины глазами [3]). Чтобы носъ не слишкомъ выдавался между щеками и не мѣшалъ шлему, круглая повязка придавливаетъ нѣжныя ноздри. Такимъ образомъ материнская любовь

---

[1]) C. Soll. Apollinaris Sidonii opera ed. *Baret* (Paris, 1879), pag. 604.

. . . . . Consurgit in arctum
Massa rotunda caput.....

Д. И. Иловайскій переводитъ: «Круглою массою возвышается его сдавленная голова» Но размѣръ показываетъ, что massa rotunda—именительный падежъ.

[2]) ..... Geminis sub fronte cavernis
Visus adest oculis absentibus.

[3]) ..... Acta cerebri
In cameram vix ad refugos lux pervenit orbes,
Non tamen et clausos; nam fornice non spatioso,
Magna vident spatia, et majoris luminis usum
Perspicua in puteis compensant puncta profundis:

Переводъ Д. И. Иловайскаго: «Свѣтъ, едва брошенный въ полость мозга, проникаетъ до *наружныхъ*(?) крайнихъ орбитъ, однако незакрытыхъ, такъ какъ чрезъ малое отверстіе они видятъ обширныя пространства, и недостатокъ *красоты возмѣщаютъ тѣмъ, что различаютъ малѣйшіе предметы на днѣ колодца*... Но perspicua puncta=puncta magis, quam lumina въ 24-й главѣ Іордана (Іорнанда), а *puteum* значитъ здѣсь углубленіе, а не колодецъ.

204

обезображиватъ рожденныхъ для битвъ, поелику при отсутствіи носа поверхность щекъ дѣлается еще шире. Остальная часть тѣла у мужчинъ красива: широкая грудь, большія плечи, подобранный (небольшой) подъ грудью животъ [1]). Пѣшіе они представляются средняго роста; но если видимъ ихъ на конѣ, то они кажутся статными; такими же часто являются, когда сидятъ. Едва ребенокъ покидаетъ лоно матери, какъ онъ уже на спинѣ коня. Можно подумать, что это члены одного тѣла, ибо всадникъ какъ бы прикованъ къ лошади; другіе народы ѣздятъ на конскомъ хребтѣ, а этотъ живетъ на немъ"— и т. д. Въ этомъ поэтическомъ, нѣсколько изысканномъ и надутомъ, а отъ того и не совсѣмъ вездѣ ясномъ описаніи внѣшняго вида Гунновъ, мы, вопервыхъ, отмѣчаемъ черты, извѣстныя намъ изъ другихъ писателей. Особенное вниманіе обращено на маленькіе, чуть замѣтные глубоколежащіе глаза, заставляющіе Аполлинарія сказать, что хотя у Гунновъ и есть зрѣніе, но собственно глазъ нѣтъ; эти маленькія прозрачныя точки свѣтятся изъ глубокихъ впадинъ сквозь узкія отверстія. Затѣмъ, Аполлинарій Сидоній нѣсколько иначе, чѣмъ другіе писатели, выражается о ростѣ Гунновъ; прочіе называютъ ихъ малорослыми, а онъ даетъ имъ средній ростъ; изъ дальнѣйшихъ подробностей можно заключить, что собственно они были коротконоги то-есть, длина ногъ не соотвѣтствовала формѣ туловища. Думаемъ что большаго разногласія между Аполлинаріемъ Сидоніемъ и Амміаносъ Марцеллиномъ—нѣтъ, и что бо́льшую точность въ выраженіяхъ слѣдуетъ предполагать скорѣе у прозаика, чѣмъ у поэта, стѣсненнаго въ выборѣ словъ требованіями размѣра. Кочевыя привычки Гунна, коннаго наѣздника, были описаны подробно еще Амміаномъ. Новую подробность составляетъ сообщаемое Сидоніемъ указаніе на форму головы, къ сожалѣнію—довольно темное. Находя, вмѣстѣ съ Д. И. Иловайскимъ, толкованія Бэра и особенно предлагаемыя имъ исправленія текста, довольно сомнительными, мы воздерживаемся отъ всякихъ разсужденій. Яснымъ кажется намъ только одно, что Сидоній имѣлъ въ виду указать на суживающуюся къ верху, конусообразную голову; но у него нѣтъ никакого намека на то, чтобы такая форма достигалась искусственными средствами, какъ это предполагалъ

---

[1]) Cetera pars est pulchra viris. Stant pectora vasta,
Jnsignes humeri, succincta sub ilibus alvus.

О переводѣ Д. И. Иловайскаго: «широкая грудь, большія плечи, *подпоясанный ниже пупа животъ*»—скажемъ ниже.

205

Ам. Тьерри. Даже и прямое указаніе Сидонія на уродованіе посредствомъ повязокъ—главнымъ образомъ съ цѣлію достигнуть совершенно плоской формы носа—выражено такъ, что возбуждаетъ справедливыя сомнѣнія. Со времени одного французскаго ученаго натуралиста (Госса), занимавшагося вопросомъ о деформаціяхъ черепа, у Гунновъ, на основаніи словъ Сидонія, предполагаютъ монголоидную или носотемянную уродливость, свойственную теперь нѣкоторымъ Киргизамъ (см. Антропологію Топинара, переводъ Мечникова, стр. 174). Но другіе считаютъ совершенно неправоподобною описанную поэтомъ операцію надъ новорожденными дѣтьми, такъ какъ она препятствовала бы имъ не только кормиться грудью матери, но даже затрудняла бы дыханіе, а сверхъ того, не достигала бы и своей предполагаемой цѣли—искоренить всякіе признаки носа и сдѣлать лицо совершенно плоскимъ. Бэръ, котораго мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду, и который представляетъ, конечно, великій авторитетъ въ вопросахъ подобнаго рода, полагаетъ, что сообщеніе Аполлинарія Сидонія должно быть считаемо просто за неправильно придуманное объясненіе извѣстной черты въ физіономіи страшнаго народа. Можно допустить, что онъ видалъ взрослыхъ Гунновъ съ плоскимъ лицемъ, приплюснутымъ носомъ и выдающимися скулами: на это указываетъ отмѣченная имъ и уже сама по себѣ существующая широта щекъ; но у него не было никакого случая наблюдать надъ новорожденными сынами степей. Онъ, какъ и его предшественникъ, Амміанъ Марцеллинъ, конечно, не только никогда не стоялъ надъ колыбелью гуннскаго младенца, не слѣдилъ за пріемами гуннскихъ повитухъ, но конечно, никогда не бывалъ и въ кочевой ихъ кибиткѣ. Замѣчено было, что древніе, мало знакомые съ физіологіей и антропологіей, склонны были объяснять всякія явленія и черты, кажущіяся имъ необычайными, посредствомъ искусственныхъ операцій. Если имъ вполнѣ повѣрить, то-есть, принять не только фактическія ихъ сообщенія, но и толкованія ихъ, то удивительною и даже сверхестественною покажется намъ живучесть гуннскаго младенца. Едва только онъ явился на свѣтъ, ему, вопервыхъ, принимаются рѣзать лицо и наносятъ такія глубокія раны, что слѣды ихъ остаются на всю жизнь, и затѣмъ—сжимаютъ носовые хрящи такъ, что онъ можетъ дышать только ртомъ и долженъ отъ этого совершенно воздержаться, когда беретъ грудь матери. Какъ бы тамъ дѣло ни было, все-таки въ описаніи Аполлинарія Сидонія окажутся черты, которыя скорѣе всего указываютъ на монгольскую, или въ частности, на та-

206

тарскую породу и никакъ не могутъ быть объясняемы какою-либо деформаціей, напримѣръ, маленькіе глаза, короткія ноги.

Замѣчательны нѣкоторые пріемы, къ которымъ прибѣгаетъ Д. И. Иловайскій съ цѣлью убѣдить насъ въ томъ, что описаніе Аполлинарія могло бы также идти и къ Славянамъ. У него выходитъ, что Сидоній, вопреки Іордану, положительно говоритъ о прекрасномъ сложеніи, среднемъ и даже болѣе чѣмъ среднемъ ростѣ (стр. 538) Гунновъ, и по этому поводу снова подвергается упрекамъ Іорданъ, который будто бы относился къ нимъ съ очевиднымъ пристрастіемъ и отъ того назвалъ ихъ малорослыми (стр. 532). Опущено изъ виду то немаловажное обстоятельство, что Гунны казались высокими, или лучше сказать, статными (procera), пока сидѣли на лошади или вообще не стояли на ногахъ. Желая сравнять ростомъ Гунновъ и Славянъ, Д. И. Иловайскій не довольствуется тѣмъ, что нѣсколько приподнялъ къ верху Гунновъ, но еще понижаетъ Славянъ. Для этой цѣли онъ приводитъ разказъ византійскаго историка Ѳеофана о смерти императора Валентиніана I, послѣдовавшей въ 375 году. Апоплексическій ударъ, поразившій императора, представляется здѣсь какъ послѣдствіе припадка гнѣва и ярости при видѣ ничтожныхъ, жалкихъ, малорослыхъ Савроматовъ, осмѣлившихся напасть на римскія границы. „Извѣстіе это", разсуждаетъ нашъ изслѣдователь,— „имѣетъ нѣсколько легендарный характеръ; но оно указываетъ на то, какъ свысока иногда смотрѣли Греки и Римляне на дунайскихъ Сарматовъ; а подъ дунайскими Сарматами несомнѣнно разумѣется одинъ изъ Славянскихъ народовъ" (стр. 532). Къ сожалѣнію, многое, что̀ кажется несомнѣннымъ Д. И. Иловайскому, не таково на самомъ дѣлѣ. Зачѣмъ было не обратиться къ первоначальному источнику, изъ котораго непосредственно или посредственно идутъ всѣ наши извѣстія о кончинѣ Валентиніана I, то-есть, къ Амміану Марцеллину (XXX cap. 10)? Отсюда видно, что народъ, съ которымъ Валентиніанъ воевалъ, и послы котораго были имъ приняты предъ смертью, назывались Квадами; а о Квадахъ мы имѣемъ несомнѣннѣйшія данныя, что это были Германцы.

Любопытно также толкованіе словъ Аполлинарія Сидонія „succincta sub ilibus alvus". Д. И. Иловайскій, должно быть, очень увѣренъ въ своемъ глубокомъ знаніи латинскаго средневѣковаго языка, если онъ считаетъ возможнымъ уличать французскихъ переводчиковъ и издателей Аполлинарія Сидонія въ плохомъ и неправильномъ пониманіи комментируемаго ими писателя. Старые Французы обыкновенно

207

бывали хорошими латинистами. Вмѣсто французскаго „une taille svelte“ или „ils n'ont presque point de ventre“, Д. И. Иловайскій предлагаетъ свой переводъ, изъ котораго обнаруживается, что Гунны—совершенно какъ наши православные мужички — подпоясывались низко по животу. Но бѣда въ томъ, что такое толкованіе совсѣмъ не идетъ къ контексту, въ какомъ слова стоятъ у Сидонія. Онъ хочетъ объяснить, что помимо головы остальная часть туловища Гунновъ отличается статностію, такъ что рѣчь идетъ вовсе не объ одеждѣ или костюмѣ. Грудь—широка, плеча—велики, а животъ—ужели подпоясанъ? Succinctus значитъ подтянутый, подобранный; оттуда—короткій, малый. Nervii, quibus succinctum est corpus—не значитъ, что этотъ галльскій народъ подпоясывался по животу или иначе. Succincti quae sint bona disce libelli (Martial.)—не значитъ: узнай, какія достоинства подпоясанной книжки, а короткой и т. д. Ilia не значитъ собственно пупъ, а ту часть брюшины, которая поднимается и сокращается при дыханіи и особенно при быстромъ бѣгѣ, промежутокъ между нижними ребрами съ обѣихъ сторонъ до нижней части живота. Succinctus sub ilibus alvus—подобранный подъ брюхомъ животъ—это значитъ, что Гунны были сухопары.

Для полноты мы должны отмѣтить, что Д. И. Иловайскій считаетъ за Гунновъ небольшой, очевидно, народъ, помѣщенный Птолемеемъ около Днѣпра между Бастарнами и Роксоланами и названный Хунами (Χοῦνοι). Не мы первые усумнимся въ основательности сопоставленія Унновъ, какъ всегда пишутъ Греки (Οὖννοι), съ Хунами, тѣмъ болѣе что цѣлый рядъ писателей, названныхъ тутъ же Д. И. Иловайскимъ (стр. 521), указываетъ древнія жилища Гунновъ совершенно въ другомъ мѣстѣ. Нашему изслѣдователю хотѣлось бы, между прочимъ, совершенно устранить историческое преданіе о приходѣ Гунновъ изъ глубины Азіи, съ востока. Для этого онъ привлекаетъ даже слова Амміана Марцеллина, что о нихъ уже упоминали старые писатели, хотя выраженіе этого автора имѣетъ нѣсколько иное намѣреніе: Hunorum gens monumentis veteribus leviter nota—народъ, мало извѣстный древнимъ памятникамъ. Свидѣтельство Птолемея, писателя II вѣка, конечно, годилось бы болѣе, если бы оно несомнѣнно относилось къ нашимъ Гуннамъ. Напрасно Д. И. Иловайскій опустилъ изъ виду Зосима, свидѣтеля тѣмъ болѣе важнаго, что, принадлежа самъ половинѣ V вѣка, онъ пользовался изслѣдованіями своего предшественника (въ самомъ началѣ V вѣка) Евнапія. Зосимъ сообщаетъ намъ два взгляда, подобно тому какъ и Евна-

208

пій, по его собственнымъ словамъ, измѣнилъ первоначальное свое мнѣніе, почерпнутое изъ древнихъ писателей, на другое, болѣе самостоятельное (см. Dindorf, Historici graeci minores, I, 236). По одному взгляду, Гунны — народъ прежде совсѣмъ неизвѣстный (πρότερον οὐκ ἐγνωσμένον), и тогда, то-есть, въ IV вѣкѣ, внезапно появившійся; по другому—они себѣ имѣли предшественниковъ въ тѣхъ Скиѳахъ (Зосимъ ошибочно называетъ ихъ Царскими), которые описаны Геродотомъ какъ курносые и слабые люди (σιμοὺς καὶ ἀσθενέας ἀνθρώπους, pag. 194. Сравн. Herod. IV, 23).

Что̀ же еще остается за всѣмъ этимъ? Остаются позднѣйшіе писатели. „Если мы пойдемъ далѣе въ болѣе поздніе вѣка, то увидимъ, что Гунны въ источникахъ легко отожествляются со Славянами, напримѣръ, у Беды Достопочтеннаго, въ византійской Пасхальной хроникѣ, у Кедрина, въ нѣмецкихъ сказаніяхъ“ (стр. 535). Тутъ не все вѣрно; относительно Пасхальной хроники существуетъ какое-либо недоразумѣніе: она нигдѣ не отожествляетъ Гунновъ со Славянами и говоритъ о первыхъ только въ одномъ мѣстѣ. Беду мы тоже должны оставить на совѣсти Д. И. Иловайскаго, такъ какъ мы не находимъ того мѣста, въ которомъ англо-саксонскій историкъ называетъ Славянъ Гуннами. Если Д. И. Иловайскій разумѣетъ то мѣсто, которое было указываемо еще Шафарикомъ, то вѣдь это еще только догадка, что Гунны (Huni), помѣщенные между Ругами, Данами и Саксами, въ самомъ дѣлѣ въ представленіи писателя соотвѣтствовали Славянамъ. Кедринъ въ одномъ случаѣ выразился: Гунны или Склавины. Но даже и объяснять не стоитъ, какое малое значеніе имѣетъ эта случайная фраза компилятора, жившаго въ XII вѣкѣ и никогда не мечтавшаго быть авторитетомъ въ вопросѣ о Гуннахъ, къ его времени вездѣ позабытыхъ. Идетъ въ счетъ даже и подобное доказательство: одинъ славянскій князь просилъ у нѣмецкаго герцога, врага Славянъ, въ замужество его внучку или племянницу и услышалъ такой отвѣтъ, что мы не выдадимъ свою родственницу за собаку; послѣ, поднимая своихъ соплеменниковъ противъ Нѣмцевъ, славянскій князь, указывая имъ на свою обиду и нѣсколько обобщая ее, говорилъ, что вотъ Саксонцы называютъ Славянъ собаками: Intimavit eis illatam sibi contumeliam, et quia Saxonum voce Sclavi canes vocentur. (Helmoldi chron. Sclav. cap. 16). Наши почтенные историки-изслѣдователи умудрились тутъ найдти доказательство, что Гунны были Славяне. Здѣсь-де очевидное сближеніе названія Гунъ съ нѣмецкимъ словомъ Hund. Д. И. Иловайскій прибавилъ еще ни-

жеслѣдующее глубокомысленное и совсѣмъ непонятное замѣчаніе: „Для насъ важно въ этомъ мѣстѣ Гельмольда то, что рѣчь идетъ не объ отдѣльномъ какомъ-либо лѣтописцѣ (?), а вообще у Саксовъ Славяне назывались Гуннами“ (стр. 535). Русская былина заставляетъ Крымскаго хана держать такую рѣчь къ русскому плѣннику: „отрекись отъ бѣлаго царя, и поклонись мнѣ собакѣ Крымскому хану“. Мы не намѣрены заключать отсюда, что и Крымскіе Татары могутъ быть производимы отъ Гунновъ, а хотимъ только сказать, что бранное слово „собака“ употребляется у нѣкоторыхъ народахъ независимо отъ его созвучія или несозвучія съ названіемъ Гунновъ. Остается еще филологія Д. И. Иловайскаго, о которой, конечно, лучше умолчать, такъ какъ и самъ онъ не придаетъ серьезнаго значенія своимъ толкованіямъ гуннскихъ именъ изъ славянскаго языка — въ родѣ производства имени Аттилы отъ корня атя или батя=тятя. Онъ думаетъ, что такія его шуточныя этимологіи не хуже другихъ, дѣлаемыхъ совершенно серьезно серьезными людьми. Онъ приводитъ слѣдующія личныя имена: Валаміръ, Мундюхъ, Харатонъ, Руа, Оиварсій, Блѣдъ, Денгизихъ, Еллахъ, Ирникъ, Атакамъ, Мама, Верихъ, Васихъ, Курсихъ, Уто, Искальми — и спрашиваетъ, что̀ же несомнѣннаго урало-алтайскаго въ этихъ именахъ? „Если филологія пока не умѣетъ раскрыть ихъ арійское значеніе, то еще менѣе она можетъ доказать ихъ татарское и чудское произношеніе“ (стр. 519). Это значитъ: „конечно, я не надѣюсь убѣдить васъ, что Аттила происходитъ отъ батя, но за то и вы не заставите меня признаться, что Мамай, Еллакъ и Ирникъ— имена монгольскія или турецкія“. Когда такое рѣшеніе принято заранѣе, то напрасно будетъ спорить.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе, и затѣмъ сведемъ результаты. Д. И. Иловайскій въ одномъ мѣстѣ выразился, что имя Гунновъ у писателей переносилось иногда и на другіе народы (стр. 543). Что оно переносилось на Славянскіе народы, на это нѣтъ безспорныхъ и важныхъ примѣровъ, указывающихъ на опредѣленное, постоянное и сознательное убѣжденіе. Но несомнѣнно, что оно систематически и правильно переносилось, притомъ лучшими и наиболѣе свѣдущими писателями, на совершенно другую семью народовъ, именно Туранскую. Кого, напримѣръ, именуетъ Гуннами Ѳеофилактъ Симокатта, описывающій современное ему царствованіе Маврикія? Вотъ его выраженія: „Гунны, живущіе на востокѣ, которые болѣе извѣстны подъ названіемъ Турокъ“ (pag. 47). „Гуннскіе народы, которые часто упоминаются въ исторіи подъ именемъ Турокъ“ (pag. 172). Эти вос-

точные Турки суть позднѣйшіе Хазары, которыхъ и Д. И. Иловайскій не намѣренъ дѣлать Славянами. Славяне Симокаттѣ очень хорошо извѣстны, но онъ не причисляетъ ихъ къ Гуннскимъ народамъ. Подобное же словоупотребленіе мы встрѣчаемъ у древнѣйшихъ и лучшихъ армянскихъ писателей, постоянно именующихъ Хазаръ Гуннами (см. напримѣръ, у Моисея Каганкатваци, стрр. 27, 73—78, 82—89, 108, 153). Еще яснѣе фамильное родство Гунновъ выясняется въ сочиненіи Маврикія о стратегическомъ искусствѣ, которое во всякомъ случаѣ есть наилучшій источникъ для изученія этнографическихъ отношеній на востокѣ конца VI вѣка, будетъ ли оно признано принадлежащимъ самому императору Маврикію или соименному только литератору, писавшему по его порученію. Здѣсь, между прочимъ, рекомендуются особые военные пріемы и средства сообразно съ особенными свойствами и привычками разнаго рода враговъ, окружавшихъ тогда Византію; всѣ эти враги сводятся къ тремъ группамъ согласно съ племеннымъ своимъ родствомъ и соотвѣтствующимъ ему тожествомъ нравовъ и обычаевъ. Сначала объясняется, какъ слѣдуетъ сражаться со Скиѳами, то-есть, Аварами, Турками и прочими схожими съ ними Гуннскими народами... Ἀβάροις καὶ Τούρκοις καὶ λοιποῖς ὁμοδιαίτοις αὐτοῖς οὐννικοῖς ἔθνεσιν (Mauric. Strategic. XI cap. 3, ed. Scheffer, pag. 260). Затѣмъ слѣдующая глава (cap. 4) трактуетъ о русыхъ народахъ (τὰ ξανθὰ ἔθνη), то-есть, о Франкахъ, Лонгобардахъ и подобныхъ имъ, и наконецъ, третья глава (cap. 5) озаглавлена, какъ нужно сражаться со Славянами, Антами и подобными имъ. Итакъ, Маврикій принимаетъ три совершенно отличныя, какъ это и обнаруживается изъ подробностей его характеристики, семьи или племенныя группы: Гуннскую, къ которой относятся наши Туранскіе народы, бѣлокурую Германскую и третью Славянскую [1]). Вотъ правильная классификація, сдѣланная знатокомъ дѣла: она одна въ состояніи ниспровергнуть цѣлую половину умствованій Д. И. Иловайскаго; къ сожалѣнію, онъ опустилъ Маврикія изъ виду, точно такъ, какъ и Зосима.

Въ доказательство того, что мы не опустили ничего важнаго въ изслѣдованіи Д. И. Иловайскаго о Гуннахъ, мы повторяемъ шесть положеній, къ которымъ онъ самъ свелъ всю свою аргументацію (еще два положенія касаются уже дальнѣйшихъ слѣдствій, проистекающихъ

---

[1]) Относительно словоупотребленія прилагательнаго *гуннскій* см. еще стр. 107, 109, 128, 137.

211

изъ рѣшенія вопроса въ данномъ смыслѣ), и присоединяемъ свои краткія замѣчанія, основанныя на всемъ предыдущемъ.

1) Представленіе о Гуннахъ, какъ о народѣ монгольскомъ и вообще туранскомъ, возникло въ европейской исторіографіи главнымъ образомъ на основаніи того описанія ихъ наружности, которое находится въ сочиненіяхъ Амміана Марцеллина и Іордана. Но эти описанія страдаютъ явными преувеличеніями; а Іорданъ крайне пристрастно относится къ Гуннамъ. Притомъ въ самомъ ихъ описаніи нѣтъ прямыхъ указаній на чисто-монгольскія черты, какъ узкіе глаза, выдающіяся скулы и острый подбородокъ.

На это мы отвѣчаемъ: Представленіе о Гуннахъ, какъ о народѣ, не принадлежащемъ къ европейской семьѣ, прежде всего основывается на совокупности историческихъ данныхъ, на общемъ голосѣ историческаго преданія. Амміанъ Марцеллинъ и Іорданъ прямо указывали, когда и откуда появился этотъ народъ; они рѣзко отличали его отъ Германцевъ, а также отъ Славянъ и отъ прочихъ старожиловъ въ Европѣ; послѣдній даетъ намъ возможность прослѣдить исторію Гунновъ на значительномъ пространствѣ времени, при чемъ оказывается, что Гунны не сливаются со Славянами, а сохраняютъ свою противоположность съ ними. Описаніе наружности не имѣетъ такого первостепеннаго значенія, хотя, конечно, не лишено смысла; въ совокупности съ другими признаками, оно говоритъ, что Гунны не принадлежали ни къ какой европейской семьѣ народовъ, ни къ Германской, ни къ Славянской, ибо эти послѣдніе описываются древними авторами совершенно иначе. Можно сказать только, что эти наружные признаки не довольно отчетливы и подробны, чтобы рѣшить вопросъ о принадлежности Гунновъ къ той или другой изъ большихъ не европейскихъ туранскихъ породъ — Угро-финнской или Турецко-татарской. Если у Амміана есть преувеличенія, то не тамъ, гдѣ находитъ ихъ Д. И. Иловайскій, не въ фактическихъ сообщеніяхъ объ отсутствіи бороды, маломъ ростѣ, кочевомъ образѣ жизни, а развѣ въ сообщеніяхъ объ уродованіи младенцевъ. Пристрастіе Іордана къ Гуннамъ тоже не доказано; если оно и существовало, то конечно, выразилось не въ томъ, въ чемъ его видитъ нашъ изслѣдователь, не въ признаніи наружности Аттилы народно-типическою. Отсутствіе бороды или же рѣдкая борода, темный цвѣтъ лица, приплюснутый носъ во всякомъ случаѣ идутъ больше къ Туранцамъ; а у Сидонія можно находить указаніе на узкіе глаза, и даже, пожалуй, на выдающіяся скулы.

2) Важныя свидѣтельства для даннаго вопроса мы находимъ у поэтовъ-панегиристовъ V вѣка, Клавдіана и особенно Сидонія Аполлинарія. Эти свидѣтельства указываютъ на то, что Гунны дѣлали нарѣзы на лицѣ, стягивали у младенцевъ голову и даже носъ, ради шлема. Слѣдовательно, безобразіе ихъ было не прирожденное, а искусственное, ради военныхъ цѣлей и ради устрашенія непріятелей. На это искусственное уродство намекаютъ также Амміанъ и Іорданъ, говоря о нарѣзахъ на щекахъ младенцевъ. Аналогію съ этимъ явленіемъ представляютъ обычаи у разныхъ другихъ народовъ. Такимъ образомъ описаніе гуннской наружности не даетъ серьезнаго основанія для туранской теоріи, тѣмъ болѣе, что Сидоній, вопреки Іордану, положительно говоритъ о ихъ прекрасномъ сложеніи, среднемъ и даже болѣе чѣмъ среднемъ ростѣ.

Свидѣтельство Клавдіана—дѣйствительно важно въ томъ отношеніи, что оно объясняетъ намъ происхожденіе тѣхъ нарѣзовъ и шрамовъ на лицѣ Гунновъ, которые Амміанъ Марцеллинъ, а вслѣдъ за нимъ и Іорданъ, приписывали невозможной операціи надъ новорожденными. Они происходили отъ добровольнаго уродованія себя при погребеніи родственниковъ. Д. И. Иловайскій поступаетъ правильно, сопоставляя оба извѣстія; но въ такомъ случаѣ нельзя говорить объ искусственномъ уродствѣ ради военныхъ цѣлей, ради устрашенія. Сидоній говоритъ о болѣе чѣмъ среднемъ ростѣ Гунновъ только тогда, когда они сидѣли на конѣ. Какъ уже выше сказано, другія черты, сообщаемыя Сидоніемъ, болѣе идутъ къ Туранцамъ, чѣмъ, напримѣръ, къ Славянамъ; а извѣстіе его объ уродованіи лица или собственно носа посредствомъ повязокъ еще недостаточно разъяснено и вызываетъ сомнѣнія. Говорятъ однако, что такой способъ въ употребленіи у Киргизовъ.

3) Византійскій писатель V вѣка Прискъ есть самый добросовѣстный и самый драгоцѣнный источникъ для Гунновъ, ибо онъ былъ у нихъ въ числѣ пословъ и довольно подробно ихъ описываетъ, не касаясь, впрочемъ, ихъ наружности. Всѣ черты быта и нравовъ, приводимыя имъ, нисколько не указываютъ на туранство Гунновъ и много говорятъ въ пользу ихъ славянства.

Прискъ совершенно правильно считается наилучшимъ источникомъ для изученія Гунновъ и быта ихъ во время Аттилы, то-есть, когда прошло болѣе двухъ поколѣній послѣ покоренія ими Ост-Готовъ и Славянъ, и когда многое должно было измѣниться подъ вліяніемъ новаго сосѣдства и сожительства. Впрочемъ, если мы не будемъ за-

213

бывать, что сочиненіе Приска не дошло до насъ въ цѣлости, и что оно служило источникомъ для Іордана, то мы найдемъ и принадлежащее ему описаніе гуннской наружности и свидѣтельства въ пользу туранства, отъ него идущія.

4) Кочевой бытъ и дикіе нравы не могутъ служить основаніемъ для той или другой теоріи, потому что указываютъ не на расу, а на извѣстную степень культуры, и находятся въ прямой зависимости отъ условій природы. Притомъ Прокопій, византійскій писатель VI вѣка, прямо свидѣтельствуетъ о сходствѣ гуннскихъ нравовъ съ нравами Склавиновъ и Антовъ.

Кочевой бытъ, какъ для настоящаго, такъ и для прошедшаго, фактически служитъ несомнѣннымъ признакомъ расы. Есть племена, которыя съ тѣхъ поръ, какъ ихъ знаетъ исторія, остаются на степени пастушескаго кочеваго быта, и вѣроятно, останутся такими, пока не исчезнутъ; таковы многіе народы турецко-монгольской расы. Что же касается индо-европейской расы, то она сдѣлала первые шаги къ высшей культурѣ, соединенной съ осѣдлостію и постройкою постоянныхъ жилищъ, еще до раздѣленія на отдѣльныя племена и до переселенія ихъ въ Европу. Въ частности о Славянахъ несомнѣнно, что они строили прочныя жилища еще во времена Тацита, и что они до раздѣленія на отдѣльныя вѣтви занимались земледѣліемъ. Прокопій самымъ своимъ сравненіемъ показываетъ, что онъ отличалъ Гунновъ отъ Славянъ, ибо не сравниваютъ совершенно тожественныхъ предметовъ самихъ съ собою; сверхъ того, онъ сообщаетъ довольно много положительныхъ и важныхъ признаковъ отличія.

5) Что касается до языка, то нѣтъ никакихъ серьезныхъ филологическихъ основаній отвергать славянство Гунновъ. Личныя имена, приводимыя источниками, очень разнообразны, и между прочимъ есть довольно именъ съ славянскими корнями или съ славянскимъ характеромъ. А приводимыя источниками славянскія слова медъ и въ особенности страва прямо указываютъ на славянскую народность.

Слова камосъ и медъ, считавшіяся доселѣ славянскими и въ то же время гуннскими, оказываются: первое—совсѣмъ не гуннскимъ и не славянскимъ, а второе общимъ для Славянъ, Германцевъ и Кельтовъ, изъ коихъ послѣдніе издавна жили въ той странѣ, гдѣ это слово было слышано Прискомъ. Самая страва сомнительна въ отношеніи своей исключительной принадлежности славянству; скорѣе всего это готское слово, если стеченіе согласныхъ уничтожаетъ всякую возможность считать его угро-финскимъ или даже турецкимъ,

то-есть, собственно гуннскимъ. Бо̀льшая часть личныхъ именъ необъяснима арійскими языками, какъ сознается самъ изслѣдователь.

6) У средневѣковыхъ писателей византійскихъ, латинскихъ, армянскихъ и арабскихъ иногда Гунны прямо отожествляются съ Славянами, или тожество вытекаетъ у нихъ само собою изъ сопоставленія обстоятельствъ. Это тожество вытекаетъ также изъ нѣкоторыхъ древне-нѣмецкихъ поэмъ (напримѣръ, Эдда). При этомъ надобно замѣтить, что названіе Славяне распространилось постепенно и поздно на всѣ Славянскіе народы, и преимущественно путемъ книжнымъ.

Лучшіе и древнѣйшіе византійскіе, латинскіе и армянскіе писатели (объ арабскихъ въ изслѣдованіи не было рѣчи) не только отличаютъ Гунновъ отъ Славянъ, но даже противополагаютъ ихъ другъ другу, относя ихъ къ двумъ отдѣльнымъ группамъ: группа гуннская—Авары и Хозары (Турки), группа славянская—Анты и Славины. Легенды и народныя преданія, сохраняющія смутное воспоминаніе о пребываніи Гунновъ въ южной Россіи, не могутъ идти совсѣмъ въ разчетъ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи Гунновъ, а ссылки на второстепенныхъ историческихъ свидѣтелей, смѣшивающихъ Гунновъ со Славянами, отчасти совсѣмъ невѣрны, отчасти не имѣютъ важнаго значенія въ виду болѣе авторитетныхъ источниковъ. Общимъ, болѣе древнимъ обозначеніемъ Славянъ служило названіе Венды или Венеды, но оно тоже никогда не прилагается къ Гуннамъ въ этихъ послѣднихъ источникахъ.

Однимъ словомъ, если есть какая историческая истина, не подлежащая ни малѣйшему сомнѣнію, то это именно туранство Гунновъ и различіе между ними и Славянами. Разсуждать и спорить можно развѣ только о томъ, къ какой вѣтви Монгольскаго племени (принимая выраженіе въ широкомъ смыслѣ), угро-финнской, турецко-татарской или собственно монгольской — слѣдуетъ отнести народъ, отличіе котораго отъ всѣхъ европейскихъ жителей замѣчено было еще писателями IV и VI вѣковъ по Р. Хр. Но входить въ этотъ вопросъ мы здѣсь не имѣемъ побужденій, такъ какъ задача наша состояла только въ опроверженіи славянской теоріи Д. И. Иловайскаго. Преобладаніе среди Гунновъ турецкихъ элементовъ намъ кажется весьма вѣроятнымъ и почти несомнѣнно доказаннымъ (см. А. А. Куника, Томашка, Соколова).

Обращаемся теперь къ Болгарамъ. Мы уже видѣли, что въ настоящее время Д. И. Иловайскій не только не отрицаетъ родства Болгаръ съ Гуннами, но даже прямо называетъ Болгаръ потомками

215

Гунновъ (стр. 509). Такъ какъ ему никоимъ образомъ не удалось доказать славянства Гунновъ, то не предрѣшенъ ли уже въ главномъ своемъ основаніи и вопросъ о Болгарахъ? Нужно ли, другими словами, разбирать отдѣльно ту часть „Розысканій", которая посвящена разсмотрѣнію вопроса о Болгарахъ съ цѣлію доказать ихъ исконное славянство? Не довольно ли сказать, что и здѣсь господствуетъ тотъ же самый методъ изслѣдованія, и та же самая филологія, которая считала возможнымъ Аттилу производить отъ батя, объясняетъ тѣмъ же самымъ батя уже болгарскаго Батбая. До сихъ поръ г. Иловайскій не успѣлъ склонить къ своимъ взглядамъ ни одного спеціалиста — ни изъ среды старыхъ ученыхъ, ни изъ среды молодыхъ и начинающихъ; и это совершенно понятно. Въ „Розысканіяхъ" Д. И. Иловайскаго рѣшительно нѣтъ ничего новаго въ смыслѣ изученія, нѣтъ никакихъ новыхъ данныхъ; напротивъ, иногда опускаются изъ виду уже извѣстныя и указанныя; все, что́ составляетъ матеріальную часть аргументаціи, все, на чемъ онъ строитъ свои выводы, давно было извѣстно Шафарику, Гильфердингу, Дринову, Макушеву, Иречку, Кунику, Соколову и др. Развѣ только одна самонадѣянность могла внушить какому-либо ученому мысль, что онъ обладаетъ болѣе проницательнымъ умомъ и болѣе совершеннымъ методомъ, чѣмъ корифеи славянской науки, и потому способенъ изъ старыхъ, у нихъ заимствованныхъ данныхъ извлечь болѣе правильныя и убѣдительныя заключенія. Изъ чего состоитъ основная статья о Болгарахъ, если мы не будемъ касаться пока полемическихъ разъясненій? Первыя двѣ главы ея излагаютъ первоначальную исторію Болгаръ, когда они еще являются и дѣйствуютъ на сценѣ прямо въ качествѣ Гуннскихъ племенъ, подъ названіями Кутургуровъ и Утургуровъ. Никто не станетъ спорить противъ того, что всѣ извѣстія объ этихъ двухъ племенахъ, собранныя и пересказанныя Д. И. Иловайскимъ, дѣйствительно относятся къ Болгарамъ; никто не станетъ спорить противъ того, что эти племена — одни или въ сопровожденіи Славянъ — въ V и VI вѣкахъ часто появлялись за Дунаемъ. Важно только то, что они тамъ не успѣли прочно основаться ранѣе VII вѣка. Д. И. Иловайскій удивляется (стр. 172), что никто изъ славянскихъ ученыхъ не остановился надъ тою несообразностію, что Болгары, по извѣстіямъ византійской хроники Ѳеофана, являющіеся во Ѳракіи въ половинѣ V вѣка, утвердились въ ней только черезъ два вѣка. Но дѣло въ томъ, что ничего несообразнаго тутъ нѣтъ. Несообразность явится только тогда, когда мы будемъ

216

считать Гунно-Болгаръ Славянами. Іорданъ, писавшій во второй половинѣ VI вѣка, хорошо знаетъ, гдѣ были настоящія жилища Болгаръ. „Между Днѣпромъ и Дономъ жили Анты... Затѣмъ Видиваріи при устьяхъ Вислы... далѣе по берегу моря Эстіи, на востокъ отъ нихъ Акатциры, а за ними надъ Чернымъ моремъ разширяются поселенія Болгаръ, къ несчастію сдѣлавшихся слишкомъ извѣстными за грѣхи наши: ultra quos distenduntur supra mare Ponticum Bulgarum sedes, quos notissimos peccatorum nostrorum mala fecerunt. Итакъ, то, что Гунно-Болгары уже появлялись въ предѣлахъ Римской или даже Ост-Готской державы, конечно—за Дунаемъ, нисколько не мѣшаетъ Іордану говорить въ настоящемъ времени объ ихъ мѣстожительствѣ надъ Чернымъ моремъ. Народъ не всегда живетъ тамъ, куда дѣлаетъ набѣги... Сейчасъ приведенное мѣсто изъ Іордана заслуживаетъ вниманія еще потому, что оно представляетъ почти буквальное сходство съ другимъ, гдѣ рѣчь идетъ уже о Славянахъ (въ главѣ 23): „Венеты, Анты и Славяне, которые вездѣ свирѣпствуютъ по грѣхамъ нашимъ: qui—nunc ita facientibus peccatis nostris ubique deseviunt. Д. И. Иловайскій выводитъ отсюда заключеніе о тожествѣ тѣхъ и другихъ: „Ясно, что въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о враждѣ къ Готамъ и о тѣхъ вторженіяхъ Славянскихъ народовъ въ предѣлы Восточной имперіи—Кутургуровъ, Антовъ и Славянъ, которыя извѣстны намъ изъ писателей византійскихъ“ (стр. 182). Но исторія знаетъ, кромѣ общихъ нападеній Болгаръ и Славянъ на имперію, и отдѣльныя ихъ враждебныя столкновенія съ Готами. (См. Дриновъ, Разселеніе, стр. 91, 92; Соколовъ, Изъ древней исторіи Болгаръ, стр. 41). Самъ Іорданъ заключаетъ свою римскую исторію, доведенную до 547 года по Р. Хр., замѣткой о постоянномъ напорѣ на имперію Болгаръ, Антовъ и Славянъ: Hi sunt casus Romanae reipublicae preter instantia cottidiana Bulgarum Antium et Sclavenorum. А выше была рѣчь о нападеніи на имперію Геруловъ, Гепидовъ и Болгаръ [1]). Кажется, отсюда не слѣдуетъ ничьего и никакого тожества, равно какъ и племеннаго родства между Герулами, несомнѣнными Германцами,—и Болгарами. Еще менѣе удачно и еще менѣе — при тожественности Утургуровъ и Болгаръ—было нужно отожествленіе, хотя бы только филологическое, Утургуровъ съ Антами. Д. И. Иловайскій рекомендуетъ отбросить окончаніе гу-

---

[1]) Illyricum saepe ab Herulis Gipidisque et *Bulgaris* devastantibus per suos judices frequente obstitit viriliterque cecidit. Ср. Marcellin. ad ann. 530.

217

ры, потомъ въ мѣсто утур читать ути—или уты, затѣмъ, взявъ въ разчетъ древнее юсовое произношеніе (у кого?), въ мѣсто уты или виты попробовать сказать Онты или Анты, чтобы получить въ мѣсто Гунно-Болгаръ столь извѣстное названіе Славянъ (стр. 170). Конечно, такимъ способомъ можно получить все, что̀ угодно. Кажется, самъ Д. И. Иловайскій чувствовалъ, что по настоящему принимая гуры за окончаніе, онъ долженъ былъ бы доказать: 1) что это въ самомъ дѣлѣ только суффиксъ, и 2) что это есть суффиксъ обычный именно въ индо-европейскихъ языкахъ, и въ особенности въ славянскомъ, не объяснимый изъ тюрскихъ или финскихъ нарѣчій. Развѣ это доказано? Котраги и Котрагиры, Садаги и Садагаріи, приводимые въ примѣръ, скорѣе доказываютъ, что важный звукъ *г* принадлежитъ къ корню слова; особенно же неловко сближеніе съ Гермун-дурами, ибо дуры здѣсь даже вовсе не окончаніе, не суффиксъ, а самостоятельное слово, удержавшееся въ названіи Тюринговъ.

Въ третьей главѣ основнаго изслѣдованія о Болгарахъ подвергается разбору свидѣтельство Ѳеофана и патріарха Никифора о передвиженій Болгарской орды Аспаруха за Дунай (578 г.) и о покореніи ею уже ранѣе здѣсь утвердившихся семи Славянскихъ племенъ—между Дунаемъ и Балканами. Понятно, что этотъ разказъ, передаваемый двумя византійскими писателями начала IX вѣка—хотя и не зависимо другъ отъ друга, но почти въ тожественныхъ выраженіяхъ—слѣдовательно, заимствованный обоими изъ третьяго болѣе древняго источника, долженъ былъ показаться нашему изслѣдователю совершенно легендарнымъ и баснословнымъ. Спорить съ нимъ мы не станемъ, потому что можемъ пока довольствоваться сущностію дѣла, а сущности разказа не отвергаетъ и Д. И. Иловайскій; даже болѣе, онъ кое-что къ ней прибавляетъ своего. Вотъ что̀ онъ извлекаетъ изъ легенды: „(у Болгаръ) является сильный князь Кувратъ, которому и удалось свергнуть аварское иго. Вслѣдъ затѣмъ Болгаре возобновляютъ свое стремленіе за Дунай, и во второй половинѣ VII вѣка значительная ихъ часть поселяется въ Мизіи и Ѳракіи, гдѣ она находитъ нѣкоторыхъ своихъ соплеменниковъ, успѣвшихъ поселиться тамъ ранѣе, а также и нѣкоторые другіе славянскіе роды, очевидно слишкомъ слабые, чтобы противиться такому наплыву. Слѣдовательно, это была только эпоха окончательнаго утвержденія Болгарскаго народа на южной сторонѣ Дуная, послѣ того, какъ этотъ народъ уже долго жилъ на его сѣверной сторонѣ и высылалъ отъ себя дружины въ Мизію, Паннонію, Иллирикъ и даже за Адріатиче-

ское море" (стр. 186). Мы принимаемъ тутъ все, кромѣ той прибавки, что Гунно-Болгары, помимо семи Славянскихъ (не-болгарскихъ) племенъ, нашли здѣсь и своихъ родичей Болгаръ, то-есть, по Д. И. Иловайскому, тоже Славянъ, но только другихъ. Кажется, что даже съ точки зрѣнія самаго автора „Разысканій" такое удвоеніе первоначальнаго славянства не представлялось необходимымъ. Можно было обойдтись и семью Славянскими племенами, объявивъ ихъ за Гунно-Болгаръ, водворившихся здѣсь ранѣе. Болгаръ же въ общепринятомъ смыслѣ, то-есть, туранскихъ неславянскихъ завоевателей многочисленнаго славянскаго населенія, прежде распространившагося на Балканскомъ полуостровѣ, во всякомъ случаѣ у Д. И. Иловайскаго не предполагается. Д. И. Иловайскій думаетъ, что ему довольно будетъ отдѣлаться отъ Ѳеофана и Никифора, отличающихъ Болгаръ Аспаруха отъ Славянъ, ими покоренныхъ, и главная часть его задачи, на сколько дѣло касается историческихъ свидѣтельствъ, благополучно разрѣшена и покончена. Но онъ сильно ошибается; какъ и въ вопросѣ о Гуннахъ, онъ умолчалъ о другихъ весьма авторитетныхъ свидѣтельствахъ—не говоримъ, что намѣренно. Пропущенъ, вопервыхъ, Генесій, одинъ изъ лучшихъ Византійцевъ первой половины X вѣка. Онъ прямо даетъ намъ знать, что Болгаре одного происхожденія съ Аварами и Хазарами, а не Славяне: Ἀρχηγὸς Βουλγαρίας, οἷς τὸ γένος ἐξ Ἀβάρων τε καὶ Χαζάρων (pag. 85). Пропущенъ другой писатель X вѣка, извѣстный Левъ Діаконъ. Онъ пишетъ (pag. 103), что по извѣстнымъ ему преданіямъ, Мисы, то-есть, Болгаре, суть выселившаяся вѣтвь или колонія сѣверныхъ Котраговъ, Хазаръ и Хунавовъ: Λέγεται γὰρ Μυσοὺς ἀποίκους τῶν ὑπερβορέων Κοτράγων, Χαράων τε καὶ Χουνάβων [1]). Опущены тѣ мѣста въ византійскихъ хроникахъ и сказаніяхъ, гдѣ среди одной враждебной толпы, угрожающей Византіи, Болгары отличаются отъ Славянъ (уже не отъ Славиновъ), между тѣмъ какъ именно указаніе двойнаго состава въ государствѣ, основанномъ Аспарухомъ, особенно интересно по сравненію съ позднѣйшими временами; когда, вслѣдствіе совершившагося сліянія обоихъ элементовъ, различеніе сдѣлалось не нужнымъ, стали

---

[1]) Такъ читается въ рукописи; Газе поправилъ Хараровъ на Хазаръ, что̀ можно принять въ виду вышеприведеннаго мѣста Генесія (хотя у насъ есть прилагательное харалужный), а Хунавовъ на Хумановъ, чего уже принять нельзя. Хунавы вѣроятно тожественны съ Вар—Хунни, то-есть, съ Аварами у Симокатты).)

219

всегда писать просто Болгаре вмѣсто прежняго: народъ Болгаро-Славянскій, λαὸν τῶν Βουλγάρων καὶ τῶν Σλάβων (Theophan. pag. 573 подъ 697 г.; ср. pag. 667, 673 подъ 754, 756 г. и Nicephor. pag. 69, ed. de Boor). Опущены весьма важныя и знаменательныя мѣста изъ сказанія о дѣяніяхъ и чудесахъ св. Димитрія Солунскаго, происхожденіе котораго относится именно къ VIII вѣку. Здѣсь мы находимъ, что еще подъ аварскою властію различаются племена Славянскія отъ Болгарскихъ: πάντα βάρβαρα φύλα συναθροίσας, ἅμα τε τῶν πάντων Σκλαβίνων καὶ Βουλγάρων (Tougard, De l'histoire profane dans les actes grecs, pag. 130); да и въ позднѣйшее время—уже въ VIII столѣтіи — языкъ славянскій отличается отъ болгарскаго (ibid., pag. 190: καὶ τὴν καθ' ἡμᾶς ἐπιστάμενον γλῶσσαν καὶ τὴν Ῥωμαίων, Σκλάβων καὶ Βουλγάρων). Слѣдуетъ ли напомнить слова первоначальной Русской лѣтописи: „словянску языку... живущю на Дунаи, придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекомии болгаре, сѣдоша по Дунаеви, насилници словѣномъ быша?"—Итакъ, принимая въ разчетъ: 1) родство Болгаръ съ Гуннами, неславянство которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія, 2) свидѣтельство Ѳеофана и Никифора, которое никакъ не можетъ быть считаемо совершенно легендарнымъ, и 3) опущенный рядъ другихъ свидѣтельствъ, мы должны съ точки зрѣнія историческихъ данныхъ отвергнуть всякую попытку ослабить и затемнить разными запутанными и произвольными умствованіями простой смыслъ историческаго преданія.

Затѣмъ слѣдуютъ доказательства этнографическія, которымъ посвящены четвертая, пятая и отчасти шестая главы основнаго изслѣдованія о Болгарахъ. Намъ нѣтъ нужды излагать содержаніе этихъ главъ; въ нихъ отчасти содержится повѣствованіе о событіяхъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ главной темѣ, къ вопросу о племенномъ родствѣ Болгаръ, отчасти опровергаются выводы, сдѣланныя прежними изслѣдователями въ пользу финскаго или турецкаго происхожденія Болгаръ изъ сопоставленія данныхъ о нравахъ и обычаяхъ. Пріемъ Д. И. Иловайскаго въ этихъ случаяхъ всегда одинъ и тотъ же. Если онъ найдетъ подходящую черту у другихъ народовъ, хотя бы Германскихъ, а тѣмъ болѣе Славянскихъ, то онъ съ торжествомъ это отмѣчаетъ, какъ указаніе на принадлежность Болгаръ къ Индо-Европейскому племени; если же нѣтъ, особенно если окажется что̀ противное, то онъ возвращается къ своему любимому, хотя въ основѣ и вѣрному, но отчасти даже злоупотребляемому положенію, что для рѣшенія этнографическихъ вопросовъ сход-

ство и различіе обычаевъ не представляетъ надежной основы. Въ самомъ лучшемъ случаѣ такимъ способомъ можно только поколебать чужую теорію, а не свою укрѣпить. Отмѣтимъ все-таки нѣкоторыя частности. Въ извѣстномъ уже намъ текстѣ Прокопія: Склавины и Анты имѣютъ гуннскій нравъ—на мѣсто Гунновъ подставляются Болгары, и отсюда уже извлекается нѣчто въ пользу племеннаго родства Болгаръ и Славянъ. Рядомъ сообщается замѣтка Свиды, что Болгаре перемѣнили свою одежду на аварскую, и является предразсужденіе уже въ другую сторону: самое-де это замѣчаніе показываетъ, что Болгаре и Аваре не считались однимъ и тѣмъ же племенемъ (почему не народомъ?). Но вѣдь и о замѣчаніи Прокопія можно было сказать то же самое. Жаль, что изслѣдователь опять опустилъ изъ виду одно важное сочиненіе по военному искусству, въ которомъ, какъ у Маврикія, и даже съ заимствованіями у послѣдняго, описываются племенныя отличительныя качества различныхъ народовъ. Разумѣемъ Тактику Льва Мудраго. То, что̀ прежде Маврикій говорилъ о Гуннскихъ народахъ, это теперь прилагается къ Болгарамъ. Припомнимъ что Гуннскіе народы Маврикія представляютъ группу отличную отъ Славянскихъ; такъ это и теперь остается, ибо съ кѣмъ объединяются Болгаре въ одинъ отдѣлъ? Съ Турками, подъ которыми у Льва разумѣются Мадьяры: „Привычки и военный строй Турокъ мало чѣмъ или даже ни чѣмъ не отличаются отъ Болгарскихъ“ (Constitut. XVIII § 45, Migne, Patrolog. graeca CVII, 957). Болгары и Турки у Льва входятъ въ одинъ разрядъ, обозначаемый выраженіемъ „Скиѳскіе народы“; Славянскіе народы опять представляютъ нѣчто отдѣльное, и рѣчь о нихъ идетъ ниже (§ 99—107). Важны при этомъ подробности, которыхъ мы не можемъ здѣсь приводить, потому что это было бы слишкомъ длинно; въ нихъ въ самомъ дѣлѣ выступаютъ наружу, какъ и до сихъ поръ въ военной организаціи каждаго отдѣльнаго народа, самыя основныя черты племеннаго характера, темперамента, а вмѣстѣ съ тѣмъ быта и культуры.

Затѣмъ слѣдуютъ филологическія доказательства (стр. 203), состоящія изъ разбора собственныхъ именъ болгарскихъ, сохранившихся въ источникахъ, и отчасти техническихъ выраженій, означающихъ чины и званія. Что̀ сказать объ этихъ доказательствахъ—мы затрудняемся. Проф. Макушевъ, извѣстный спеціалистъ славянскихъ нарѣчій, выразился о словопроизводствахъ автора „Разысканій“ кратко, что онѣ не состоятельны и произвольны (Разысканія, стр. 425); таково же мнѣніе, сколько мы знаемъ, и всѣхъ

221

другихъ спеціалистовъ. Самъ Д. И. Иловайскій, по видимому, не приписываетъ этимъ своимъ доказательствамъ достоинства несомнѣнности и обязательности; онъ только хочетъ подорвать нашу вѣру въ непреложность общепринятой системы объяснять не славянскими языками такія слова, какъ тарханъ, кавканъ, аулъ, и такія собственныя имена, какъ Кормисошъ, Тохта, Аспарухъ и т. д., и для этой цѣли онъ внушаетъ намъ, что если постараться, то тѣ же слова съ равнымъ успѣхомъ можно будетъ протолковать и по-славянски. Къ сожалѣнію, первый опытъ, сдѣланный самимъ авторомъ, оказывается весьма мало поощрительнымъ. Вѣроятному и отчасти даже несомнѣнному онъ вынужденъ былъ противопоставлять невозможное, иногда почти нелѣпое, хотя, конечно, въ видѣ примѣра. Отвѣчая г. Макушеву, Д. И. Иловайскій пишетъ: „По его словамъ выходитъ, будто я положительно объясняю Куврата коловратомъ, Батбая—батюшкой и т, д.; а между тѣмъ, я предлагаю только примѣрныя сближенія. Какія изъ нихъ окажутся удачны, какія неудачны, пусть рѣшитъ безпристрастная филологическая наука; можетъ быть, нѣкоторыя она приметъ къ свѣдѣнію. Но пока никто не далъ равно никакихъ объясненій для этихъ именъ; мы встрѣчаемъ только голое заявленіе, что онѣ якобы не славянскія и не могутъ быть славянскими. Возьмемъ хоть имя Кормисошъ. Спрашиваю: почему бы оно не могло быть славянскимъ? почему, напримѣръ, оно не можетъ быть одного корня съ словами кормило или кормчій, или кормъ и кормилецъ? Въ самомъ дѣлѣ, пусть г. Макушевъ по всѣмъ правиламъ филологическаго искусства попытается доказать, что этого не можетъ быть на основаніи такихъ-то и такихъ-то лингвистическихъ законовъ. Голословно то отрицать можетъ всякій; для этого не нужно быть ученымъ спеціалистомъ“ (стр. 425). Г. Макушевъ не отвѣчалъ, и вѣроятно, не отвѣтитъ. Дѣло въ томъ, что есть вопросы, съ которыми не слѣдуетъ обращаться къ спеціалистамъ, на которые имъ отвѣчать совѣстно, которые имъ задавать стыдно. И не будучи спеціалистомъ филологіи, авторъ „Разысканій“ самъ могъ разсудить, что если онъ производитъ собственное имя Кормисошъ отъ корма или кормъ, то значитъ, разлагаетъ его на двѣ части: корми—сошъ; и если онъ сравниваетъ его съ кормилецъ, то значитъ, считаетъ сошъ за простой суффиксъ но гдѣ же виданъ и слыханъ такой славянскій суффиксъ? Гдѣ другія собственныя имена, составленныя такимъ же способомъ? Такой же вопросъ возбуждаетъ и предполагаемый въ имени Телериха суф-

222

фиксъ рик. Шафарикъ, не признававшій Телериха славянскимъ словомъ, конечно, не забывалъ о собственномъ своемъ имени, но только не зналъ секрета, указаннаго Д. И. Иловайскимъ, что можно добывать всякіе суффиксы, по произволу отсѣкая въ концѣ слова кусочекъ то побольше, то поменьше. Послѣ изученія филологическихъ доказательствъ Д. И. Иловайскаго сильнѣе убѣждаешься, что не только слова тарханъ и аулъ, но и собственныя имена лучше объясняются изъ тюркскаго, чѣмъ изъ финскаго, и что они совсѣмъ не объяснимы изъ славянскаго.

Въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ полемическаго характера Д. И. Иловайскій дополнилъ свои доводы въ пользу славянства Болгаръ еще другими соображеніями, которыя мы передаемъ его собственными словами (Разысканія, стр. 432—443):

„Я счелъ нужнымъ разсмотрѣть критически всѣ три стороны: историческую, этнографическую и филологическую. А между тѣмъ, строго говоря, эта полнота для меня не была обязательною въ данномъ случаѣ. Всѣмъ толкамъ и умствованіямъ о неславянскомъ происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ историкъ можетъ противопоставить свое veto единственно на томъ основаніи, что быстрое и радикальное превращеніе народности завоевателей и основателей государства въ народность, ею покоренную и очевидно ея слабѣйшую, такое превращеніе возможно только въ сказкѣ, а не въ исторіи; въ послѣдней примѣровъ ему нѣтъ и быть не можетъ. Только при недостаточномъ сознаніи этого неизмѣннаго историческаго закона, то-есть, при недостаточной зрѣлости нѣкоторыхъ отдѣловъ исторической науки, и могла явиться помянутая теорія. Правда, это неестественное превращеніе уже бросалось въ глаза и указывалось прежде; но противники славянства Болгаръ какъ-то легко обходили его или прибѣгали къ разнымъ искусственнымъ и произвольнымъ домысламъ въ родѣ предполагаемой воспріимчивости и благодушія дикихъ Угро-Финновъ. А если имъ указывали на сосѣднюю Венгрію, представляющую совершенно противоположный примѣръ, то сочиняли невѣроятную малочисленность завоевателей или измышляли огромное вліяніе различныхъ географическихъ условій и т. п. Если и приводились какія аналогіи въ подкрѣпленіе этой теоріи, то обыкновенно самыя неподходящія. Напримѣръ, можно ли ссылаться на обрусеніе нашихъ финскихъ инородцевъ, которые болѣе всего и показываютъ, какъ туго, медленно, постепенно въ теченіе многихъ столѣтій претворяются они въ господствующую народность, и замѣтьте—

223

въ господствующую, а не въ подчиненную, какъ это выходитъ въ данномъ случаѣ. Финское племя (равно и Татарское), безспорно, есть одно изъ самыхъ неподатливыхъ на превращенія; а если оно получило въ свои руки правительственную, политическую силу, то для нашего поколѣнія ученыхъ наивно было бы и говорить о подобномъ превращеніи. Далѣе, существуетъ ли хотя какая-нибудь аналогія между Болгарами Дунайскими и германскими завоевателями на романской почвѣ? Франки завоевали Галлію и слились съ покореннымъ населеніемъ. Сочтите однако, сколько вѣковъ происходило это постепенное сліяніе. Хлодвигъ былъ Германецъ; но и Карлъ Великій, царствовавшій три вѣка спустя, тоже былъ Германецъ. Франки мало по малу уступали только силѣ высоко развитой римской гражданственности и при своемъ сліяніи все-таки не перешли ни въ Галловъ, ни въ Римлянъ, а образовали съ ними новую романскую національность и внесли въ лексиконъ языка свою значительную стихію. Сочтите также, сколько вѣковъ Лангобарды сливались съ туземнымъ населеніемъ Италіи и точно также не просто обратились въ этихъ туземцевъ, а образовали съ ними новую романскую народность и выработали особый романскій языкъ. Не забудьте также при этомъ могущественное объединительное вліяніе латинской іерархіи. Подобные примѣры не допускаютъ и мысли о быстромъ и совершенномъ превращеніи финской орды завоевателей въ покоренную ею славянскую народность. Исторія не только не представляетъ намъ примѣровъ подобнаго превращенія, а наоборотъ постоянно являетъ примѣры противоположнаго свойства, то-есть, живучести роднаго языка и племенныхъ особенностей при тѣсномъ сожительствѣ различныхъ расъ".

Отдавая съ своей стороны полную справедливость этимъ двумъ страницамъ, считая ихъ прекрасными въ литературномъ отношеніи, мы все-таки не находимъ тутъ достаточно убѣдительнаго отвѣта на соображенія противниковъ. Даемъ читателю возможность самому выслушать alteram partem. Заимствуемъ изъ сочиненія г. Матвѣя Соколова соотвѣтствующія двѣ страницы (93—94):

„Слѣдуетъ коснуться одного возраженія, которое дѣлается противъ тюрскаго (или по старой терминологіи: тюрко-финскаго) происхожденія Болгаръ, такъ какъ оно связано съ вопросомъ объ отношеніи ихъ къ Славянамъ. Обыкновенно указываютъ на невѣроятную быстроту исчезновенія болгарскаго элемента на Балканскомъ полуостровѣ: Болгаре-де являются чистыми Славянами уже въ срединѣ IX вѣка—какъ же они успѣли переродиться въ Славянъ менѣе, чѣмъ

224

въ два столѣтія? Въ этомъ возраженіи нужно сдѣлать два ограниченія: вопервыхъ, нельзя утверждать, что болгарскій элементъ совсѣмъ исчезъ къ половинѣ IX вѣка, вовторыхъ, вліяніе Славянъ на Болгаръ началось не съ переселенія ихъ за Дунай, а гораздо раньше. Болгаре появляются въ придунайскихъ краяхъ и дѣлаютъ нападенія на имперію вмѣстѣ съ появленіемъ Славянъ подъ ихъ собственнымъ именемъ. Должно согласиться съ мнѣніемъ, что Болгаре разошлись изъ своего первоначальнаго мѣстопребыванія въ Европѣ, именно изъ степей между Кубанью, Волгой и Дономъ, ранѣе VII вѣка, ранѣе смерти Куврата, но при этомъ они неизбѣжно должны были сталкиваться со Славянами. Если уже между Гуннами и Славянами предполагаютъ близость отношеній и извѣстное вліяніе послѣднихъ на первыхъ, то тѣмъ болѣе это нужно допустить относительно Болгаръ. Очень можетъ быть, что и въ Аспаруховой ордѣ былъ элементъ славянскій.

„Что касается до продолжительности существованія болгарскаго элемента на Балканскомъ полуостровѣ, то несомнѣнно, что онъ держался и послѣ крещенія Болгаръ. Сами противники тюрко-финской теоріи говорятъ, что исключительный случай былъ бы, если бы цѣлое племя совершенно и быстро исчезло. Возможность сохраненія болгарскаго элемента видна изъ самаго положенія Аспаруховой орды, которое она заняла на Балканскомъ полуостровѣ. Болгары заняли главнымъ образомъ Добруджу, страну удобную для пастбищъ коней. Мѣстныхъ жителей они выселили на границы занятой ими земли, чтобы очистить мѣсто для пастбищъ своихъ табуновъ. Земледѣліемъ они конечно не занимались и жили военнымъ грабежемъ и данью, которую по временамъ получали отъ Византіи, а также трудомъ обращеннаго въ зависимость мѣстнаго и сосѣдняго съ ихъ жилищами населенія. Положеніе ихъ въ сѣверо-восточномъ углу Болгаріи такимъ образомъ было изолированнымъ, и здѣсь-то всего долѣе могъ сохраниться ихъ первоначальный характеръ. Здѣсь же въ позднѣйшее время всего легче утверждались и другіе азіатскіе народы, какъ напримѣръ, Половцы, Татары; очень можетъ быть, что это объясняется не однимъ только степнымъ характеромъ страны, но и тѣмъ, что они находили здѣсь сходные элементы въ жителяхъ. Но въ этомъ положеніи орды Аспаруха отчасти заключается и причина того, что въ государствѣ, основанномъ на Балканскомъ полуостровѣ, возобладалъ мѣстный славянскій элементъ. Орда Аспаруха была не очень многочислена, и въ борьбѣ съ Греками Болгары не могли довольствоваться одними соб-

225

ственными силами; они организовали для этой цѣли покоренныхъ Славянъ, которые вмѣстѣ съ ними и участвуютъ въ походахъ. Участіе славянскаго элемента въ военныхъ дѣлахъ вело, конечно, къ возвышенію Славянъ, открывало свободный доступъ славянскому вліянію на болгарскія дѣла. Въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, какъ Византія, нужно было пользоваться именно этимъ славянскимъ элементомъ, такъ какъ Славяне были уже хорошо знакомы съ Ромеями, испытали ихъ вліяніе и могли служить не только своимъ искусствомъ въ дѣлѣ осады крѣпостей и городовъ,—искусство, которымъ они отличались еще ранѣе при своихъ нападеніяхъ на греческіе города вмѣстѣ съ Аварами, отъ которыхъ вѣроятно многому и научились,—но главнымъ образомъ въ дѣлахъ, требовавшихъ сравнительно высшаго развитія въ смыслѣ византійскомъ. Поэтому мы и видимъ, при Крумѣ, напримѣръ, славянскихъ совѣтниковъ и пословъ (Драговитъ). Эти покоренные Славяне служили конечно переводчиками, зная мѣстные языки славянскій, ромейскій и болгарскій (какъ это видимъ при послѣднемъ нападеніи на Солунь, когда совѣтники болгарскаго предводителя называются знатоками этихъ мѣстныхъ языковъ)".

Къ этому намъ не нужно многаго прибавлять. Напрасно Д. И. Иловайскій, нападая на эти страницы (Разысканія, стр. 503), снова наговорилъ цѣлый рядъ запугивающихъ словъ о наивныхъ пріемахъ исторической критики, о неосновательныхъ гаданіяхъ, представляющихъ верхъ совершенства въ пріемахъ антиславистовъ, и т. п. Развѣ въ самомъ дѣлѣ сожительство Славянъ съ Болгарами не составляетъ несомнѣннаго историческаго и географическаго факта? Развѣ они не дѣлали набѣговъ на Византійскую имперію въ одно время и сообща еще въ VI вѣкѣ? Развѣ они не служили рядомъ въ Аварскихъ ополченіяхъ, осаждавшихъ Солунь въ VII вѣкѣ? Что же касается до предположенія о малочисленности Болгаръ, составлявшихъ орду Аспаруха, то развѣ не слѣдуетъ она изъ самаго историческаго преданія, по которому эта орда является только седьмою частью всего народа, состоявшаго подъ властію отцевъ? И развѣ самъ Д. И. Иловайскій, иронизирующій надъ молодымъ славистомъ за это его предположеніе, не считалъ нужнымъ, кромѣ собственно славянскихъ семи родовъ за Дунаемъ, покоренныхъ Аспарухомъ, отыскивать тамъ еще другихъ Славянъ Болгарскихъ, встрѣтившихъ, конечно, новыхъ завоевателей какъ союзниковъ? Наконецъ, развѣ такъ непреложны историческія аналогіи, возводимыя Д. И. Иловайскимъ въ законъ, но предварительно нѣсколько перетолковыемыя въ ложную сторону?

226

Вѣрно то, что Хлодвигъ былъ Германецъ, какъ и Карлъ Великій былъ Германецъ. Но развѣ романскій языкъ, на которомъ говорили сыновья и внуки Карла Великаго и его народы, населявшіе по крайней мѣрѣ цѣлую половину Галліи, образовался только въ теченіе тридцати лѣтъ, протекшихъ отъ его смерти до Вердёнскаго договора? Развѣ съ воцареніемъ Каролинговъ не соединяется представленія о новомъ приливѣ германскаго элемента въ области, уже давно сдѣлавшіяся романскими? Франки, Вест-Готы и Бургунды несомнѣнно романизовались въ гораздо болѣе короткое время, чѣмъ это ради потребностей своей теоріи представляетъ Д. И. Иловайскій; то же слѣдуетъ сказать и о Лонгобардахъ. Чистое заблужденіе объяснять происхожденіе романскихъ языковъ вліяніемъ германскихъ варваровъ; они въ этомъ весьма мало участвовали. Значительная стихія, внесенная ими въ лексиконъ языка, едва ли много превосходитъ чуждую—тюрскую—стихію въ языкѣ болгарскомъ.

Переходимъ къ Роксоланамъ и къ ихъ тожеству со Славянскою Русью, которое играетъ такую важную роль въ воззрѣніяхъ нашего историка на первоначальный періодъ нашего государственнаго развитія.

„Это тожество есть одно изъ самыхъ главныхъ основаній моей творіи; противъ него я не встрѣтилъ доселѣ ни единаго серьезнаго возраженія“ (стр. 379). Говоря объ одной статьѣ Н. И. Костомарова, Д. И. Иловайскій пишетъ: „Онъ, по видимому, сомнѣвается относительно филологическаго тожества Роксоланъ и Руси. Но это тожество мы считаемъ несомнѣннымъ.... Тожество самой страны, въ которой являются и Роксолане, и Русь, не допускаетъ предположенія, чтобы въ ихъ именахъ могло быть только случайное созвучіе“ (стр. 418) „Что касается собственно моей системы, то ее по справедливости называютъ роксаланскою“ (стр. 470) и т. п.

На чемъ основано это причисленіе Роксоланъ къ Славянскому племени? Если мы обратимся къ источникамъ, то найдемъ слѣдующее: Тацитъ прямо называетъ Роксоланъ Сарматскимъ народомъ (Sarmatica gens). Это, конечно, немного значитъ для Д. И. Иловайскаго, ибо онъ и всѣхъ Сарматовъ не затруднится причислить къ Славянамъ (см. стр. 519: Сарматы—это западные Славяне); но это много значитъ для современной науки, которая Сарматовъ и главныхъ представителей племени, Аланъ, считаетъ иранскою вѣтвію Индо-Европейскаго племени; это много значило для Тацита, въ глазахъ котораго противоположность между Славянами и Сарматами была вполнѣ сознанымъ фактомъ, убѣж-

227

деніемъ, основаннымъ на внимательной провѣркѣ всѣхъ данныхъ. „Я колеблюсь, слѣдуетъ ли Певкиновъ, Венетовъ (= Славянъ) и Фенновъ причислить къ Германцамъ или же къ Сарматамъ.... Венеты въ своихъ нравахъ многое заимствовали у послѣднихъ; ибо они въ видѣ разбойниковъ бродятъ по лѣсамъ и горамъ, наполняющимъ пространство между Певкинами и Феннами; однако ихъ лучше отнести къ Германцамъ, ибо они строятъ дома, носятъ щиты, имѣютъ навыкъ и ловкость въ пѣшеходствѣ: все это отличаетъ ихъ отъ Сарматовъ, живущихъ въ повозкѣ и на конѣ". Итакъ: 1) Роксолане—Сарматы, а Венеды (Славяне) должны быть отличаемы отъ Сарматовъ. 2) Венеды (Славяне) имѣютъ постоянныя жилища, а Роксолане—кочевники, живущіе въ кибиткахъ. 3) Венеды (Славяне) — народъ пѣхотинецъ, а Роксолане—прирожденные конники, и къ пѣшему бою совсѣмъ не способны: Namque mirum dictu, ut sit omnis Sarmatarum virtus velut extra ipsos. Nihil ad pedestrem pugnam tam ignavum; ubi per turmas advenere vix ulla acies obstitit. Удивительно, какъ вся (военная) доблесть Сарматовъ заключается какъ бы внѣ ихъ самихъ. Въ пѣшемъ сраженіи—нѣтъ ничего болѣе слабаго; а когда они явятся (конными) эскадронами, то едва какой строй устоитъ передъ ними. Это сказано именно по поводу вторженія Роксоланъ въ Мёзію въ количествѣ девяти тысячъ всадниковъ. Что же касается привязанности Славянъ къ пѣшему хожденію, то эта черта не изчезла и въ послѣдствіи долго послѣ Тацита. Прокопій писалъ объ Антахъ и Славянахъ: „они ходятъ на врага пѣшіе"; πεζῇ εἰς τοὺς πολεμίους ἴασιν. Описаніе ихъ военныхъ пріемовъ и обычаевъ у Маврикія совсѣмъ не предполагаетъ конницы. Левъ Діаконъ, говоря о русской рати Святослава, нѣсколько разъ повторяетъ, что эти Скиѳы, въ противоположность древнимъ, есть, народъ „сражающійся пѣшкомъ и совсѣмъ не умѣющій ѣздить на конѣ" (pag. 140; ср. 134, 150). Кажется, достаточно основаній считать признакъ серьезнымъ и прочнымъ. 4) Венеды (Славяне) употребляютъ оборонительное оружіе—щиты; послѣ Тацита это было отмѣчено о Славянахъ и Антахъ Прокопіемъ и Маврикіемъ. Роксолане, какъ кочевники и наѣздники, знаютъ только легкое вооруженіе и щитовъ не употребляютъ: послѣднее прямо сказано Тацитомъ, какъ будто онъ нарочно хотѣлъ опровергнуть какую-нибудь роксоланскую теорію: Neque enim scuto defendi mos est. (Histor. I, 79).

Повторяемъ вопросъ: на чемъ же основывается причисленіе Роксоланъ къ Славянамъ? Способъ доказательства выходитъ слѣдующій: Роксолане должны быть считаемы Славянами, потому что они на нихъ

228

ни въ чемъ не похожи. Когда такіе аргументы будутъ признаваться убѣдительными, тогда и мы будемъ считать роксоланскую теорію Д. И. Иловайскаго серіозною.

Ради своихъ цѣлей автору „Разысканій" нужно было показать, что Роксолане непрерывно существовали до самаго появленія Руси и на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ послѣ образовалось Русское государство. Онъ приводитъ рядъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ должно слѣдовать то и другое, но безъ всякой критики и разбора. Если же мы захотимъ добраться правды, то вотъ основныя данныя, которыхъ слѣдуетъ держаться: 1) Во времена Страбона Роксолане жили между Дономъ и Днѣпромъ (ср. Разысканія, стр. 273); но уже при Неронѣ они двигаются къ Дунаю и вторгаются въ предѣлы Римской имперіи, въ Мёзію; здѣсь, близъ Дуная, они остаются во второмъ и въ третьемъ вѣкахъ, какъ показываютъ всѣ извѣстія такъ-называемыхъ „писателей исторіи Августовъ" (Scriptores historiae Augustae), приведенныя въ „Разысканіяхъ"; они считаются въ числѣ Понтійскихъ народовъ, угнетавшихъ Римлянъ на нижнемъ Дунаѣ; иногда они переходили на южную его сторону и вступали въ римскую службу, ибо они принимаютъ участіе въ солдатскихъ римскихъ переворотахъ... Желая показать, что Роксолане не оставляли и своихъ старыхъ жилищъ даже до IV вѣка и долѣе, Д. И. Иловайскій ссылается на Певтингеровы таблицы и на Амміана Марцеллина: „Певтингеровы таблицы и Амміанъ Марцеллинъ помѣщаютъ Роксоланъ вблизи Меотиды". Но дѣло въ томъ, что Д. И. Иловайскій нигдѣ не сообщилъ читателю яснаго представленія, что̀ такое были Певтингеровы таблицы, и какую эпоху они изображаютъ. „Певтингеровы таблицы обнимаютъ время отъ Августа до Юстиніана включительно", сказано въ одномъ мѣстѣ „Разысканій" (стр. 380) со ссылкою на Дежардэна, новѣйшаго издателя ихъ и толкователя. Какъ, однако, можетъ одна и та же географическая или дорожная карта заразъ изображать столь различныя географическія положенія и столь далеко отстоящіе одинъ отъ другаго періоды, какъ время Августа и царствованіе Юстиніана—это остается совершенно темнымъ. Римскій путеуказатель, на одинадцати пергаментныхъ листахъ изображающій графически—хотя и безъ соблюденія проекціи и маштаба, но за то съ численными цифровыми обозначеніями—разстоянія между станціями на военныхъ дорогахъ и названный по имени стариннаго владѣльца единственнаго отысканнаго въ XVI вѣкѣ экземпляра Пейтингеровымъ (Conrad Peutinger),—считался до послѣдняго времени средневѣковою копіею (XIII вѣка) съ римскаго подлинника, принадлежавшаго

229

III вѣку или началу IV, представляющимъ положеніе именно за это время. Результатъ изслѣдованія Дежардэна заключается въ томъ, что карта оказалась составленною не вдругъ, не за одинъ разъ, а элементы, изъ которыхъ она образовалась, принадлежащими различнымъ эпохамъ—времени Августа, царствованію Траяна, половинѣ IV вѣка, правленію Юстиніана, наконецъ кое-что прибавленнымъ по домыслу монаха-копіиста XIII вѣка; Италія, напримѣръ, изображена такъ, какъ она дѣлилась при Августѣ, Дакія—такою, какъ она была при Траянѣ. Именно полное отсутствіе именъ, сдѣлавшихся извѣстными въ вѣкъ Юстиніана (хотя бы Антовъ и Склавиновъ, Гунновъ или Болгаръ,—такъ какъ и народныя имена обозначаются поверхъ дорожныхъ линій), доказываетъ, что при-Дунайскія области изображены на картѣ не въ томъ видѣ, какъ онѣ представлялись въ VI вѣкѣ, а соотвѣтственно гораздо болѣе ранней эпохѣ, именно началу II вѣка. Другими словами, Певтингерова карта, помѣщая Роксоланъ за Днѣпромъ и Бугомъ, говоритъ о той же самой эпохѣ пребыванія Роксоланъ на Мэотидѣ, которая извѣстна намъ по Страбону (и Птолемею), и которая предшествовала ихъ передвиженію къ римскимъ границамъ на Дунай. Д. И. Иловайскій, конечно, ссылается и на Амміана Марцелина, помѣщающаго Роксоланъ около Мэотійскаго озера, но вотъ именно здѣсь-то и отмстило за себя незнакомство съ вышеупомянутыми изслѣдованіями новыхъ ученыхъ—въ числѣ ихъ такой знаменитости, какъ Т. Моммсенъ—о географическихъ отрывкахъ Амміана Марцеллина. Моммсенъ весьма убѣдительно и наглядно показалъ, что Амміанъ заимствовалъ свои эпизодическія вставки географическаго характера изъ одной компиляціи II вѣка, представлявшей извлеченіе изъ Плинія и Мелы. Теперь, когда истинное положеніе дѣла указано, и безъ чужой помощи легко убѣдиться, что по отношенію къ IV вѣку географическое описаніе южной Россіи у Амміана Марцеллина сплошь наполнено анахронизмами.—Обращаемся къ Іордану. Если послушать Д. И. Иловайскаго, то окажется, что у этого писателя можно найдти цѣлый рядъ извѣстій о Роксоланахъ въ желанномъ смыслѣ и на желанномъ мѣстѣ:

„Іорнандъ, писатель VI вѣка, въ числѣ народовъ, подвластныхъ Готскому царю Германриху, приводитъ Рокасовъ (Rocas), которыхъ въ другомъ мѣстѣ называетъ ихъ сложнымъ именемъ Роксаланъ и изображаетъ ихъ народомъ вѣроломнымъ, погубившимъ Германриха. Послѣдній за измѣну одного знатнаго Роксаланина (по видимому, передавшагося на сторону Гунновъ) велѣлъ жену его Санелгу привязать

къ дикимъ конямъ и размыкать по полю; тогда два ея брата, Сарусъ и Амміусъ, мстя за смерть сестры, нанесли тяжкую рану Германриху, такъ что онъ послѣ того не могъ сражаться съ Гуннами и вскорѣ умеръ (Сар. 24). Изъ этого извѣстія съ полною вѣроятностію можно заключить, что движеніе Гунновъ произошло въ связи съ возстаніемъ Роксаланъ противъ готскаго владычества.... Іорнандъ сообщаетъ и о дальнѣйшей враждѣ Готовъ и Роксаланъ; только послѣднихъ онъ въ этомъ случаѣ называетъ Антами. Преемникъ Германриха Винитаръ напалъ на Антовъ и былъ сначала побѣжденъ, но потомъ взялъ ихъ князя Бокса и распялъ на крестѣ съ его сыновьями.... Очевидно, онъ мстилъ Антамъ-Роксоланамъ за ихъ возстаніе противъ готскаго владычества и за союзъ съ Гуннами" и т. д. (стр. 275 прим.).

„Послѣ удаленія Готовъ и Гунновъ на западъ, Роксолане, по видимому, снова заняли прежнее первенствующее положеніе въ странахъ къ сѣверу отъ Понта; судя по словамъ того же Іорнанда, въ его время Дакія (называвшаяся тогда и Гепидія) опять граничила съ Роксоланами".

Сколько въ этомъ правды? Весьма мало. Вѣрно только то, что Іорданъ помѣщаетъ Роксоланъ и за свое время, и за прошедшее на востокъ отъ Днѣпра или даже Прута, въ нынѣшней Трансильваніи и Валахіи: „Готія, которую предки называли Дакіею, и которая нынѣ именуется Гепидіею, съ востока граничила съ Роксоланами, съ запада — съ Язигами.... Иба Язиги отдѣляются отъ Роксоланъ только рѣкою Алютою" (Ольтою). Nam Iazyges ab Aroxolanis Aluta tamen fluvio segregantur (cap. 12). Вотъ и все, что есть у Іордана о Роксоланахъ. Съ какой стати къ Роксоланамъ причислены и Рокасы, или какъ читается въ важнѣйшихъ рукописяхъ и новѣйшихъ лучшихъ изданіяхъ, Рогасы (Rogas у Моммзена, Rogans у Голдера),—мы не понимаемъ. Они стоятъ въ извѣстномъ перечисленіи Финнскихъ племенъ, подвластныхъ Германариху: Merens, Mordens, Imniscaris (вмѣсто прежняго Rimniscans), Rogas, Tadzans. Въ порядкѣ перечисленія видна нѣкоторая систематичность; за Весью и Мерею слѣдуетъ Мордва, Черемисы: ужели же вдругъ Іорданъ перескочилъ съ сѣвера на крайній югъ? Притомъ о покореніи Германарихомъ Славянъ (Венедовъ) рѣчь идетъ ниже и особенно. То же самое и относительно знатнаго Роксоланина, мужа Санелги: онъ явился на свѣтъ Божій по недоразумѣнію. Племя и родъ, къ кото-

231

рому принадлежалъ мужъ Сунильды [1]), названо у Іордана Росомонскимъ, а не Роксоланскимъ: Rosomonorum gens infida, quae tunc inter alias illi famulatum exhibebat (cap. 24). Ни въ одной рукописи нѣтъ варіанта, который сколько-нибудь оправдывалъ бы превращеніе Росомоновъ въ Роксоланъ [2]), которые, притомъ, въ спискахъ наиболѣе надежныхъ и древнихъ именуются собственно Ароксоланами. Конечно, довольно трудно угадать, кто были эти Росомоны. Мы видимъ, что Мюлленгофъ считаетъ это имя эпическимъ или даже миѳическимъ, прибавляя, что тутъ нелѣпо думать о Роксоланахъ. Мы съ своей стороны скорѣе предложили бы отожествленіе съ Оромусхами Менандра, живущими гдѣ-то около Кубани, и Росмосоками, кавказскимъ Гуннскимъ народомъ, упоминаемымъ у армянскаго писателя X вѣка, Моисея Каганкатваци [3]). Наконецъ, въ довершеніе всѣхъ своихъ произвольныхъ дѣйствій, уже безъ всякой хотя бы тѣни основанія Д. И. Иловайскій вздумалъ насъ увѣрять, что Іорданъ ни съ того, ни съ сего назвалъ Роксоланъ Антами. Предъ этимъ умолкаетъ всякая критика.

Послѣдній козырь, которымъ авторъ „Разысканій" хочетъ выиграть дѣло Роксоланъ, есть Равеннскій географъ: „Однако названіе Роксалане (вопреки мнѣнію норманистовъ) не исчезло изъ исторіи послѣдующихъ вѣковъ. Мы его встрѣчаемъ въ IX вѣкѣ, и опять у латинскаго писателя, именно у географа Равеннскаго. Онъ два раза упоминаетъ въ восточной Европѣ страну Роксоланъ, за которую далеко къ океану лежитъ великій островъ Скиѳія или Скандза, то-есть, Скандинавія (L. I. c. 12 и L. IV. c. 4)". Но у Равеннскаго географа упоминается очень много такого, что̀ уже совсѣмъ отжило къ IX вѣку. На ряду съ Роксоланами у него фигурируютъ и Амазонки; Роксолане у него такой же отголосокъ старыхъ традицій древней географіи, какъ и Амазонское царство. Мы имѣемъ полное право сказать,

---

[1]) По другому чтенію Сванигильды; *Санелга*—чтеніе совсѣмъ почти неоправдываемое рукописями; только въ одной изъ менѣе важныхъ читается Sunielh.

[2]) Варіанты, вполнѣ приведенные у Моммзена, суть слѣдующіе; Rosomanorum, Rosomorum, Rosimanorum. Въ прежнихъ изданіяхъ читалось тоже Rosomanorum.

[3]) Исторія Агванъ. Переводъ *К. П. Патканова* стр. 73: «Въ то время царь Росмосоковъ съ своими войсками и полчищами Ѳовельскими собралъ также всѣ войска Гунновъ, перешелъ рѣку Куръ и приказалъ нашествовать на Агванію, Арменію и Иверію». Стр. 76: «Самъ великій царь Росмосоковъ». Ср. Menandri Fragm. Historici graeci minores, ed. *Dindorf*, II, 55: τὸ φῦλον τῶν Ὀρομουσχῶν.

232

что со времени Готовъ или Іордана, ихъ историка, прекращаются живыя свѣдѣнія о Роксоланскомъ народѣ, принадлежавшемъ къ Сарматскому племени. Ни къ славянству, ни къ Руси онъ не имѣетъ никакого отношенія. Таковъ исходный пунктъ роксоланской теоріи происхожденія Русскаго государства. Роксолане вовсе не принадлежали къ тому племени, къ которому требовалось ихъ причислить, жили не тамъ, гдѣ имъ слѣдовало бы оставаться для потребностей теоріи, и наконецъ, не дожили до того времени, до котораго имъ было бы нужно дожить, чтобы превратиться изъ Роксоланъ въ Русь— хотя бы при помощи легкаго насилія со стороны русскаго изслѣдователя, по тихоньку пишущаго Росс-алины въ мѣсто Рокс-аланы. Слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ этой теоріи, придуманной не для того чтобы объяснить, а для того чтобы устранить преданіе русской лѣтописи о началѣ Русскаго государства, не входитъ теперь въ нашу задачу. Скажемъ только, что въ этомъ отношеніи прежнее наше мнѣніе, высказанное подъ впечатлѣніемъ перваго ближайшаго ознакомленія съ вопросомъ (см. Розысканія, стр. 367), нисколько не измѣнилось,—какъ, съ другой стороны, не измѣнилось наше совершенно искреннее уваженіе къ другимъ трудамъ Д. И. Иловайскаго по русской исторіи. Онъ, конечно, не посѣтуетъ на насъ, что мы высказали свое мнѣніе объ его взглядахъ на Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ съ полною рѣшительностію и откровенностію. Эти его взгляды именно тѣмъ больше способны сбивать многихъ съ толку, тѣмъ болѣе вредны, чѣмъ выше и безспорнѣе авторитетъ лица, ихъ распространяющаго.

В. Васильевскій.

233
Журнал Мин. Нар. Просв. 1882. ч. 222. Мая.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новыя свѣдѣнія о Кяфирахъ.

Tribes of the Hindoo Koosh by Major *J. Biddulph.* (Племена, обитающія на Гиндукушѣ. Соч. маіора *Бидделфа*). Calcutta. 1880.

Географическое изученіе Азіи въ послѣднее время сдѣлало значительные успѣхи, но за всѣмъ тѣмъ остаются еще заповѣдные края, куда до сихъ поръ не ступала нога европейскаго изслѣдователя. Къ числу такихъ малоизвѣстныхъ странъ слѣдуетъ отнести территорію между 35-ю и 38-ю параллелями сѣверной широты и 89-мъ и 93-мъ градусами восточной долготы. Страна эта лежитъ у самыхъ окраинъ двухъ азіатскихъ имперій—русской и англійской, и сколько извѣстно, доступъ въ нее не представляетъ непреодолимыхъ трудностей; тѣмъ не менѣе до сихъ поръ въ глубь отмѣченной выше территоріи не проникалъ ни одинъ научный европейскій изслѣдователь, и большинство свѣдѣній объ этомъ краѣ — распросныя.

Книга Бидделфа, заглавіе которой выставлено выше, представляетъ едва ли не первую попытку этнографическаго описанія любопытнаго края. Авторъ не посѣтилъ всей описываемой имъ территоріи: онъ былъ въ Яссинѣ, Ханзѣ, Гилгитѣ, въ послѣднемъ мѣстѣ даже прожилъ нѣкоторое время; о другихъ частяхъ, напримѣръ, о Кяфиристанѣ, онъ имѣлъ хорошія распросныя свѣдѣнія. Полагаемъ, что эти свѣдѣнія не будутъ лишены особаго интереса для русскихъ читателей. Кяфиристанъ есть именно та часть заповѣдной территоріи, куда слѣдовало бы попытаться проникнуть съ сѣвера, или по крайней мѣрѣ,

234

на первый разъ, получить о ней достовѣрныя распросныя свѣдѣнія съ этой стороны, а потому, дѣлая настоящій сводъ новѣйшихъ свѣдѣній о Кяфирахъ, мы имѣли въ виду главнымъ образомъ нашихъ средне-азіатскихъ изслѣдователей, которымъ едва ли могутъ быть доступны большинство приводимыхъ нами статей; а между тѣмъ на мѣстѣ всего удобнѣе было бы собрать этнографическія и лингвистическія данныя объ этомъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма любопытномъ народѣ, и такимъ образомъ, провѣрить современныя свѣдѣнія.

Кяфиры, по словамъ европейскихъ писателей, считаютъ себя потомками македонскихъ войскъ. Происхожденіе этого сказанія до сихъ поръ не ясно; его приводитъ Елфинстонъ, ссылаясь на Реннеля; общимъ источникомъ для обоихъ былъ Абулъ-Фазлъ, который упоминаетъ о племени около Бажаура, производящимъ себя отъ Грековъ, разумѣя при этомъ, очевидно, не Кяфировъ. Въ послѣднее время Кяфировъ отожествляли съ Гандаридами, не приводя однако же въ доказательство убѣдительныхъ фактовъ; съ большимъ основаніемъ отожествляли Каможъ, имя одного изъ кяфирскихъ племенъ, съ названіемъ народа Камбожа, свѣдѣнія о которомъ, впрочемъ, весьма скудны. О Камбожахъ упоминается въ санскритскомъ эпосѣ; въ Махâбхâратѣ повѣствуется, что Камбожи брили себѣ голову на половину и облачались въ серебрянные и золотые лотусы. Страна ихъ изобиловала конями и мѣхами. Въ памятникѣ болѣе древнемъ (Нирукта), нежели индѣйскія эпическія сказанія, сохранилось извѣстіе о томъ, что языкъ Камбожей родственъ съ санскритскимъ. У Камбожей процвѣталъ будизмъ; вѣрующіе Камбожи являлись въ Индію съ приношеніями будійскимъ святынямъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя надписи, сохранившіяся на старинныхъ буддійскихъ памятникахъ. Есть, впрочемъ, и другія извѣстія о религіи Камбожей; такъ, въ одномъ палійскомъ буддійскомъ источникѣ (жâтака) приводится свѣдѣніе о томъ, что Камбожи полагали, что человѣкъ нравственно очищается, убивая червей насѣкомыхъ, змѣй, лягушекъ и т. п. тварей; но такъ какъ извѣстно, что убіеніе всякаго рода существъ противорѣчитъ духу буддизма, то приведенное сейчасъ свѣдѣніе можетъ быть истолковано только такимъ образомъ: вѣроятно, часть Камбожей исповѣдовала маздеизмъ, ибо по уложеніямъ этой религіи въ числѣ очистительныхъ обрядовъ дѣйствительно предписывается убіеніе вредныхъ существъ [1]).

[1]) Эти и другія не изданныя извѣстія о Камбожахъ будутъ нами разобраны подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

235

Старѣйшія изъ европейскихъ упоминаній о Кяфиристанѣ относятся къ XVII вѣку. Бенедиктъ Гоесъ по дорогѣ изъ Пешауера въ Желалабадъ слышалъ о странѣ Капперстамъ. Тамъ, по его словамъ, жилъ народъ, враждебный мусульманамъ; онъ дѣлалъ вино и любилъ его пить, строилъ храмы и одѣвался въ черное. Китайскіе богомольцы, странствовавшіе въ Индіи въ V—VII вв., упоминаютъ въ немногихъ, но очень характерныхъ словахъ о трудностяхъ пути черезъ Кяфиристанъ. Болѣе подробное и очень живое описаніе тѣхъ же естественныхъ трудностей находится въ автобіографіи Тимура. Великій завоеватель преслѣдовалъ Кяфировъ въ самую глубь ихъ страны, куда, по его словамъ, онъ спустился на веревкахъ въ корзинѣ.

I.

Старинныя свѣдѣнія о Кяфирахъ собраны въ книгѣ покойнаго В. В. Григорьева „Кабулистанъ и Кяфиристанъ"; въ настоящей замѣткѣ сведены этнографическія данныя, обнародованныя позднѣе, частью даже послѣ послѣдней англо-афганской войны.

Новыя этнографическія данныя, также какъ и болѣе старыя,—распросныя; ни одинъ изъ авторовъ, писавшихъ въ послѣднее время о Кяфирахъ, не бывалъ въ самой странѣ; но всѣ они имѣли случай видѣть Кяфировъ и говорить съ ними; узнанное въ бесѣдѣ послужило матеріаломъ для болѣе или менѣе обстоятельныхъ этнографическихъ описаній. Самое обширное, хотя быть можетъ и менѣе достовѣрное, принадлежитъ Трумпу [1]); свѣдѣнія ему были доставлены двумя крещеными Афганами Фадлъ-Хаккомъ и Нуръ-уллую. Оба Афгана совершили путешествіе въ Кяфиристанъ по приглашенію нѣкоего Гаро, своего знакомца, жившаго въ деревнѣ Шайдерламъ. Описаніе ихъ странствій и всѣхъ путевыхъ опасностей, не смотря на краткость, весьма интересно. Въ Кяфиристанъ они двинулись изъ Желалабада и по дорогѣ до Шайдерлама называютъ слѣдующія мѣста: изъ Желалабада они пошли въ Ниліаръ, крайнею мусульманскую деревню по направленію къ Кяфиристану, оттуда въ Малелъ; на полпути туда находится Манли, или то мѣсто, куда приходятъ Кяфиры для обмѣна естественныхъ произведеній своей страны, то-есть, орѣховъ и всякаго

---

[1]) *Trumpp*, D-r *E.*, Ueber die Sprache der sogenannten Kâfirs im Indischen Caucasus (Hindukush). См. *Zeitschr. d. Deutschen morgenl. G.*, B. XX, 377, sq. Leipzig. 1866.

236

рода плодовъ, на соль. Дорога въ Малелъ пролегаетъ черезъ скалы и очень дурна; путешественники двигались ползкомъ, цѣпляясь за скалы руками и ногами, и такимъ образомъ добрались до Никера (или Накера) на вершинѣ высокой горы. Переваливъ черезъ высокую гору Валимандъ, покрытую прошлогоднимъ снѣгомъ, и пройдя деревню Бегара (или Бегура), они наконецъ настигли Шайдерлама, то-есть, конечной цѣли своего путешествія. На обратномъ пути между Никерой и Малеломъ они называютъ деревню Зитаки.

Другой изъ новѣйшихъ писателей о Кяфирахъ, Лейтнеръ [1]), также не былъ въ Кяфиристанѣ, но не разъ приходилъ въ сношенія съ Кяфирами; въ періодъ между 1866 и 1875 годами онъ имѣлъ въ своемъ услуженіи до пяти Кяфировъ. Двухъ изъ нихъ онъ довольно обстоятельно описываетъ: одного звали Бачу, другого Малекъ. Оба говорили на нарѣчіи Калаша; одинъ былъ читральскимъ подданнымъ, другой принадлежалъ къ независимымъ Кяфирамъ. Оба Кяфира были присланы Лейтнеру Кашмирскимъ ражей и прожили въ Лахорѣ въ домѣ Лейтнера нѣсколько недѣль; бесѣдовалъ, однако же, съ ними Лейтнеръ всего разъ двѣнадцать. Они не выносили жары индустанскихъ равнинъ и должны были отправиться назадъ въ Кашмиръ. Во время пребыванія въ домѣ Лейтнера, по его словамъ, они вели себя хорошо, хотя и хвастали, что на родинѣ пили мусульманскую кровь и грызли мусульманскія сердца.

Таннеръ [2]) былъ на самой границѣ Кяфиристана въ деревнѣ Аретъ; проникнуть далѣе въ глубь страны ему помѣшала болѣзнь. Его свѣдѣнія также распросныя. Онъ сообщаетъ также дорожникъ въ Кяфирскую страну: дорога въ Кяфиристанъ направляется изъ Желалабада черезъ Трегархи (въ Лагхманѣ) по р. Алингаръ; на этомъ пути приходится переваливать черезъ горы. Отъ Арета дорога очень дурна. Таннеръ называетъ слѣдующія стоянки: Санъ, Дигалъ, Сиръ, Кордаръ, Дронакъ, Сангламъ. Есть и другая дорога въ Сангламъ (то-есть, въ деревню Сану)—черезъ перевалъ Лендаламъ и деревню Паласъ у вершины Чаукидара.

Послѣднія по времени и также разспросныя свѣдѣнія сообщены Биддельфомъ. Во время его пребыванія въ Читралѣ въ 1878 г. къ нему

---

[1]) *Leitner*, *G. W.*, Kafiristan, Section I. The Bashgeli Kafirs and their language Lahore, 1880.

[2]) *Tanner*, Col. *H. C.* Notes on the Chugáni and neighbouring tribes of Kafiristan. *См. Proceedings of R. G. Soc.*, May 1881.

237

являлись двѣ депутаціи отъ Кяфировъ съ приглашеніемъ посѣтить ихъ страну. Авторъ имѣлъ также не разъ случай бесѣдовать съ людьми, бывавшими въ разныхъ частяхъ Кяфиристана.

Статьею д-ра Беллью [1]) мы пользовались въ подробномъ извлеченіи, появившемся въ Times of India. Она была напечатана въ журналѣ мало распространенномъ и трудно доставаемомъ даже въ Англіи.

II.

Между самыми высокими отрогами Гиндукуша и афганскимъ Кохистаномъ находится небольшая страна, по предположительному вычисленію, около 150 англійскихъ миль въ длину и отъ 50 до 60 миль въ ширину; ея сѣверная часть, по всей вѣроятности, самая высокая; вышина нѣкоторыхъ пиковъ, по приблизительному опредѣленію, доходитъ до 15—16,000 футовъ. Отсюда, сколько извѣстно, въ Кяфиристанъ никто не проникалъ. На западѣ извѣстенъ цѣлый рядъ переваловъ, заканчивающихся Хавакомъ, черезъ который проходили Вудъ, и гораздо ранѣе войска Тимура. На востокѣ есть также перевалы, ведущіе изъ Читраля въ Бадакшанъ. Пространство же между этими крайними пунктами, около 150 миль въ длину, совершенно не извѣстно. Рѣки Кунаръ, Кабулъ и Пянжширъ окружаютъ Кяфиристанъ со всѣхъ сторонъ. Страна перерѣзана многочисленными длинными, извилистыми долинами; главнѣйшія изъ нихъ населены. Каждая долина отдѣляется отъ сосѣдней высокимъ, трудно проходимымъ хребтомъ, совершенно разобщающимъ населенія ближайшихъ мѣстностей. Этими географическими условіями слѣдуетъ объяснять существованіе въ языкѣ и обычаяхъ населенія множества разныхъ отличій. Говорятъ, что въ Кяфиристанѣ находится золото, и землетрясенія тамъ бываютъ часты. Въ сѣверной части страны только два времени года— зима и лѣто. Зима продолжается пять мѣсяцевъ. И холодъ, и жаръ весьма сильны.

Вершины горы совершенно голы, но склоны покрыты густымъ лѣсомъ. Въ особенности много пихтъ и орѣшнику. Поля расположены террасами съ искусственно наложенною почвою изъ песку и удобреній.

---

[1]) *Bellew*, Surgeon-Major *H. W.*, Kafiristan and the Kafirs: *Journal of the united service institution of India*, Vol. VIII, 1879, № 41; D-r *Bellew* on Kafiristan: *Times of India*, September 5, 1879.

238

Восточныя долины описываются какъ въ особенности лѣсистыя и плодородныя.

Кяфиры разводятъ рогатый скотъ, овецъ, куръ и собакъ. Ихъ земледѣльческія произведенія славятся своею доброкачественностью, и сосѣднія племена весьма охотно пріобрѣтаютъ ихъ. Рогатый скотъ Кяфировъ, по словамъ Бидделфа, выдержитъ сравненіе съ англійскимъ.

Трумпа увѣряли, что въ Кяфиристанѣ нѣтъ домашнихъ птицъ, и Кяфиры не ѣдятъ ихъ, равно какъ рыбъ и яицъ. Они предпочитаютъ дичь—куропатокъ и оленей. Въ странѣ много воронъ, попугаевъ, воробьевъ, ястребовъ, соколовъ, орловъ; водятся также леопарды, медвѣди, волки, но шакаловъ нѣтъ. Лошадей, пони, ословъ, верблюдовъ также нѣтъ. Не много также рогатаго скота, буйволовъ и собакъ; но за то въ обиліи водятся кошки, мыши, крысы, скорпіоны, ящерицы и змѣи. Относительно змѣй у нихъ существуетъ особое повѣрье: они не убиваютъ ихъ изъ опасенія большаго несчастія. Козье мясо составляетъ ихъ обыкновенную ѣду. Варятъ его большими кусками въ горшкахъ. Они пьютъ кровь и съѣдаютъ всю внутренность, отбрасывая только кожи и кости. Вино пьютъ въ большомъ количествѣ; изготовляютъ особые сосуды для вина изъ обожженной глины съ хитрыми узорами или же изъ серебра. Ѣдятъ руками, сидя на землѣ, или же всего чаще на низенькихъ стульяхъ за столомъ. Вода отмѣнно хороша.

Люди достигаютъ часто глубокой старости, оставаясь при этомъ въ полной силѣ и здоровыми. Изрѣдка попадаются кое-гдѣ зобатые.

Кяфиры возводятъ многоэтажные домы, иногда до пяти этажей. Кровли плоскія. Изъ этажа въ этажъ люди перебираются по балкамъ съ насѣченными ступенями. Внутри домы отличаются чистотою; исключеніе изъ общаго правила, по словамъ Бидделфа, составляютъ жилища племени Калашъ. Въ домахъ есть кровати; часто спятъ на коврахъ, покрываясь однимъ его концомъ. Значительныя деревни обнесены частоколомъ, иногда до 10 ф. въ вышину; крѣпостей нѣтъ [1]).

III.

Беллью утверждаетъ, что въ настоящее время Кяфиры не имѣютъ одного общаго названія для своей страны и не знаютъ такого же

---

[1]) *Trumpp.*, 382, 389; *Biddulf*, 129.

239

національнаго. Они употребляютъ иногда слово Кяфира, не придавая ему обиднаго значенія въ мусульманскомъ смыслѣ. Чаще же всего они называютъ себя племенными именами. Племенъ насчитываютъ до 20. Важнѣйшее племя—Каможи. Нерѣдко этимъ именемъ обозначаются всѣ Кяфиры. Этихъ Каможей Беллью отожествляетъ съ Gandaridae Грековъ.

Мнѣнія Бидделфа въ сущности сходно съ сейчасъ приведеннымъ; и онъ говоритъ, что Кяфиры или Сіяхъ-поши (черноризцы) не составляютъ одного народа, какъ это обыкновенно предполагается. Они употребляютъ слово Каппра какъ обозначеніе всѣхъ, кто брѣетъ голову на ихъ образецъ и не исповѣдуетъ ислама. Они состоятъ изъ многихъ племенъ, говорящихъ различными языками и нарѣчіями. Многія племена не могутъ свободно объясняться между собою. Но ихъ обычаи, религія и обряды болѣе или менѣе сходны. Племена находятся въ постоянной враждѣ или войнѣ.

Бидделфъ отмѣчаетъ три главныя племени:

1) Рамгели или Ламгели—живутъ въ верхнихъ частяхъ долинъ, идущихъ отъ Гиндукуша въ юго-западномъ направленіи, гдѣ Кяфиры приходятъ въ соприкосновеніе съ кабульскими Афганами. Племя это, вѣроятно, распространено и къ сѣверу отъ горъ; Лагхманскій народъ, по видимому, одного происхожденія съ нимъ и обращенъ въ мусульманство въ сравнительно недавнее время;

2) Вайгели—живутъ въ долинахъ на юго-востокъ отъ Гиндукуша и соединяющихся съ Кунарскою долиной у Чагханъ-Сарая;

3) Башгели—живутъ въ долинахъ, начинающихся на крайнемъ сѣверѣ Гиндукуша, направляющихся на югъ, юго-востокъ, и у Биркота соединяющихся съ Кунарскою долиной.

Эти главныя племена имѣютъ болѣе мелкія подраздѣленія; у однихъ Вайгели ихъ насчитывается до 18. Въ Дара-и-Нуръ и въ другихъ долинахъ, сосѣднихъ съ Кунарскою, ниже Чагханъ-Сарая, есть нѣкоторые Вайгели, принявшіе исламъ; но до сихъ поръ они не оставили своихъ черныхъ одеждъ. Кромѣ того, нѣсколько клановъ стоятъ какъ бы особнякомъ, не причисляя себя ни къ одному изъ трехъ главныхъ племенъ, напримѣръ, Калаши; они подчинены Читралю, и Башгели же считаютъ ихъ своими рабами.

Небольшое племя Киттигели или Виригели живетъ на сѣверной сторонѣ Гиндукуша, въ самой сѣверной части страны Ваи, и считается подданнымъ Мунжана. Объ этомъ племени ничего не извѣстно;

называютъ ихъ Сафедъ-пошъ, потому что они носятъ бѣлыя одежды; говорятъ, что это племя весьма малорослое.

Племя Башгели подраздѣляется на два отдѣла: Каможъ (верхній Камъ) и Камтожъ (нижній Камъ). Гел на ихъ языкѣ значитъ страна.

Лѣтъ двадцать тому назадъ нѣкоторая часть Каможей подчинилась Читральскому владѣтелю и стала платить ему дань масломъ, медомъ, которымъ изобилуетъ ихъ страна, скотомъ, рабынями, серебряными чашами, ожерельями и шерстяными тканями. Ихъ главное селеніе называется Брагаматалъ; имя это значитъ домы на горѣ. Читральцы то же мѣсто называютъ Ладдехъ, то-есть, большая деревня. У Башгели есть рабы; они называются патса и одѣваются особеннымъ образомъ, въ туники безъ рукавовъ и съ особою цвѣтною вышивкою на спинѣ. Головной уборъ рабынь отличенъ отъ украшеній свободныхъ женщинъ. Башгельскій уборъ съ рогами, описанный Сунъ-Юномъ, не дозволяется носить рабынямъ.

Калаши также подчинены Читралю; они на половину мусульмане не ѣдятъ ни куръ, ни яицъ, почитая то и другое нечистымъ; они не прикасаются къ говядинѣ и коровьему молоку [1]).

Таннеръ перечисляетъ другія кяфирскія племена. Ему называли племена съ слѣдующими характеристиками: 1) Катава—ѣздятъ верхами; 2) Паруны—не имѣютъ ружей и сражаются палицами; по словамъ Беллью, ружья не часто встрѣчаются въ Кяфиристанѣ; а Бидделфъ утверждаетъ, что ружья стали проникать въ страну въ самое послѣднее время; Кяфиры вооружены топорами, луками и стрѣлами; луки Кяфировъ, по свидѣтельству Бидделфа, далеко не такъ крѣпки, какъ тѣ же оружія у ихъ сосѣдей; они дѣлаются изъ дерева и имѣютъ въ длину около $4^1/_2$ ф.; стрѣлы съ тяжелыми желѣзными наконечниками имѣютъ въ длину 2 ф.; кинжалы славятся прекрасною отдѣлкой; 3) Мажгели—имѣютъ ружья; 4) Вама—красивое племя; 5) Нишары гораздо бѣлѣе, нежели Вамы.

Вамы называются также Сану, Лалъ Кяфиры; живутъ въ верхней части Печь-дарры; славятся какъ веселый народъ, любятъ пляски, пѣніе, музыку и вино. За обѣдомъ садятся въ кружокъ, и серебряный стаканъ дѣлаетъ круговую. Сану жмутъ руки при встрѣчѣ по англійски. Они—мастера изготовлять ножи. Воины, отличившіеся въ битвахъ, носятъ серебряныя массивныя цѣпи [2]).

---

[1]) *Biddulph*, 127.

[2]) *Tanner*, 291.

241

Сіяхъ-поши о своемъ происхожденіи разказываютъ слѣдующее преданіе: они произошли отъ трехъ братьевъ, двое изъ которыхъ омусульманились, а третій, Куршай по имени, отказался принять мусульманство. По мнѣнію Бидделфа, преданіе это указываетъ на то, что Сіяхъ-поши одного происхожденія съ своими сосѣдями и нѣкогда занимали болѣе обширную территорію. Кяфиры утверждаютъ, кромѣ того, что нѣкогда имъ была извѣстна письменность.

Всѣхъ вообще мусульманъ Кяфиры ненавидятъ, но, по словамъ Бидделфа, сношенія Сіяхъ-пошей съ мусульманами на восточной окраинѣ далеко не такъ затруднительны, какъ обыкновенно полагаютъ. Кяфиры охотно принимаютъ гостя, если онъ приведенъ однимъ изъ нихъ, и такимъ образомъ въ страну проникаютъ мелкіе торговцы и охотники.

Но совершенно другое разказываютъ Афганы-христіане, доставлявшіе свѣдѣнія Трумпу [1]). Прійдя въ деревню Никеру, путешественники встрѣтили здѣсь 28 вооруженныхъ мусульманъ, явившихся въ деревню по приглашенію Кяфировъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ деревнѣ этихъ мусульманъ было убито нѣсколько Кяфировъ; за тѣмъ, однакоже, происшествіе это какъ будто забылось Кяфирами, и мусульмане безъ всякой опаски явились на зовъ сосѣдей. Хозяева встрѣтили гостей весьма радушно и угостили на славу. Но за угощеніемъ послѣдовало нѣчто ужасное. Кяфиры вздумали потѣшить гостей пляской: принесли барабаны и флейты и стали плясать и пѣть. Пляшутъ Кяфиры вооруженные и потрясая при этомъ ножами. Такъ было и на этотъ разъ. Внезапно съ громкимъ посвистываніемъ пляшущіе бросились на своихъ гостей, перекололи всѣхъ до одного и затѣмъ отрубили головы убитымъ. Черезъ три дня Кяфиры послали въ деревню убитыхъ сказать, что имущество они охотно выдадутъ, такъ какъ Кяфиры убиваютъ, но не грабятъ мусульманъ.

IV.

Кяфиры — очень красивый народъ; въ этомъ сходятся показанія европейскихъ писателей, видѣвшихъ ихъ [2]). Мужчины нѣсколько черноваты, но женщины бѣлы и красивы, съ румянцемъ во всю щеку. Сэръ Г. Раулинсонъ разказываетъ объ одной красавицѣ, ви-

---

[1]) *Trumpp*, 383.

[2]) *Biddulph*, 128; *Trumpp*, 390; *Leitner*, 5.

242

дѣнной имъ въ Кабулѣ, что она, распустивъ свои золотистые волосы, покрывалась ими вполнѣ отъ головы до ногъ. Мужчины статны и мускулисты, но очень лѣнивы. О чистотѣ мало заботятся; едва умываются и весьма рѣдко моютъ свою одежду; весьма часто одежда, да и самъ человѣкъ, вымываются только при смерти. Блохъ нѣтъ, но вши—весьма обыкновенное явленіе; много также москитовъ, отъ укушенія которыхъ появляются раны съ опухолью и кровотеченіемъ. Лейтнеръ своихъ Кяфировъ находилъ похожими на Гималайскихъ горцевъ, но онъ же прибавляетъ къ этому, что у одного были свѣтлые глаза, а цвѣтъ кожи—очень бѣлъ.

Черныя одѣянія, откуда произошло произвище Сіяхъ-пошъ, у разныхъ племенъ не одинаковы. На кабульской сторонѣ эти одежды состоятъ изъ козьихъ шкуръ волосами наружу. Башгели носятъ туники съ короткими рукавами, не доходящими до локтя. Туника опоясывается ремнемъ, къ которому привязывается кинжалъ. Племя Калашъ носитъ туники такого же покроя; но среди нихъ мало по малу начинаютъ входить въ употребленіе грубыя бумажныя ткани, привозимыя изъ Пешауэра. У другихъ племенъ, напримѣръ, у Вайгели въ долинѣ Дара-и-Нуръ, бумажныя ткани въ гораздо большемъ употребленіи. На ногахъ Кяфиры носятъ сандаліи изъ кожи дикихъ козъ.

Одежда женщинъ напоминаетъ покроемъ мѣшокъ съ короткими рукавами; шьется это одѣяніе изъ ткани козьей шерсти. Бумажный цвѣтной шарфъ плотно обвязывается кругомъ плечъ. Женщины заплетаютъ волосы въ косы, изъ которыхъ одна приходится посрединѣ лба. Женщины изъ племени Башгели носятъ на головѣ особаго рода шапочку съ наушниками и двумя рогами; рога изъ дерева и покрываются черною тканью. Въ племени Калашъ женщины на шапкахъ носятъ мелкія раковины.

Такъ описываетъ одѣянія Кяфировъ Бидделфъ. Извѣстія Трумпа и Лейтнера нѣсколько иныя. Послѣдній говоритъ, что одежда кяфирскихъ женщинъ сходна съ кашмирскою: онѣ носятъ родъ короткой рубахи, а на головѣ шапочки. Эти шапочки женщины изъ племени Калашъ обвиваютъ снурками съ мелкими раковинами. Трумпъ добавляетъ къ этому слѣдующія подробности: женщины носятъ узкія двуцвѣтныя штаны, до колѣнъ черныя, а выше бѣлыя; но сверхъ этого надѣвается сорочка, доходящая до колѣнъ и свободно подпоясанная. Волосы прикрываютъ шапочками. На шеѣ носятъ ожерелья изъ ягодъ и шариковъ. Ноги босы, иногда же обуты въ сапоги. Какъ женщины, такъ и мужчины, носятъ желѣзныя и мѣдныя запястья,

243

украшенныя змѣиными головами, а также желѣзныя и мѣдныя ожерелья. Въ ушахъ у женщинъ тяжелыя серьги изъ шариковъ; онѣ привязываются снуркомъ къ уху и прикрѣпляются къ шапочкѣ. На мужчинахъ штаны изъ шерсти, а верхняя одежда изъ козьей кожи съ длинными рукавами. На головѣ или нѣтъ ничего, или она обвязана древесною корой. Бидделфъ, напротивъ, увѣряетъ, что Кяфиры никогда не покрываютъ головы. Волосы на головѣ, говоритъ далѣе Трумпъ,—брѣютъ, оставляя на макушкѣ пучекъ, совершенно также, какъ и современные Индусы. Иногда брѣютъ также бороду.

Женщинъ Кяфиры не прячутъ; онѣ въ постоянномъ общеніи съ мужчинами и очень разговорчивы съ гостями. Кяфирскія женщины исполняютъ всякія работы: онѣ варятъ, мелютъ, собираютъ топливо, приносятъ воду. Онѣ же пашутъ: одна тащитъ плугъ спереди, другая управляетъ имъ сзади. Мужчины стыдятся заниматься какою-либо работою; они пасутъ стада, воюютъ и собираются на совѣщанія. Война и охота, говоритъ Бидделфъ [1],—почитаются единственными занятіями, достойными мужчины. Всѣ земледѣльческія работы исполняются женщинами; онѣ пашутъ, и для этого ихъ запрягаютъ въ особо устроенные плуги; пашутъ онѣ вмѣстѣ съ волами. То же самое утверждаетъ Беллью.

V.

Общаго управленія Кяфиры не имѣютъ. Каждый кланъ распоряжается своими дѣлами, не обращая вниманія на своихъ сосѣдей. Во главѣ такого самоуправленія стоятъ деревенскіе старшины, именуемые жештъ (то-есть, старшій).

По словамъ Лейтнера, количество мусульманскихъ череповъ, вывѣшенныхъ у двери дома, опредѣляетъ общественное положеніе домохозяина среди его племени.

У Кяфировъ, говоритъ Трумпъ [2]—нѣтъ царя, но есть двѣ степени отличія: первая степень называется Бахадуръ, вторая Сурунвали или Сонинвали. Ни та, ни другая не наслѣдственны, и обѣ достигаются по убіеніи четырехъ человѣкъ. Убившій четырехъ человѣкъ, для полученія званія бахадуръ, устраиваетъ двухдневный пиръ для всѣхъ пожелавшихъ прійдти къ нему. На угощеніе, обыкновенно,

---

[1]) *Biddulph*, 130.

[2]) *Trumpp*, 387.

244

истрачивается до двухъ сотъ козъ, шесть быковъ, множество хлѣба, рису, сыру и значительное количество вина. Черезъ три года тотъ же человѣкъ можетъ искать второй степени отличія. Съ этою цѣлью въ продолженіе трехъ лѣтъ, черезъ каждые 8—10 дней, онъ задаетъ пиръ. Количество и качество угощенія на такихъ пирахъ точно установлено; наименьшее угощеніе состоитъ изъ 20 козъ, но на шестомъ пиру убивается полтораста козъ, а на девятомъ каждый гость получаетъ въ даръ козу, хлѣбъ, сыръ, масло и вино.

При полученіи второй степени бьется въ большой барабанъ, употребляемый только въ чрезвычайныхъ случаяхъ; при этомъ мужчины и женщины пляшутъ. Получившій вторую степень убиваетъ людей только для собственнаго удовольствія; его положеніе избавляетъ его отъ обязательныхъ смертоубійствъ.

Кяфиры, говоритъ тотъ же источникъ,—ведутъ подробный счетъ своимъ жертвамъ. Каждый Кяфиръ внѣ своей деревни вбиваетъ шестъ съ грубою человѣческою фигурою на одномъ концѣ. Всякій разъ, когда убивается мужчина, убійца просверливаетъ въ своемъ шестѣ дыру и вставляетъ колышко; если убивается женщина, то просверливается дыра въ шестѣ, но колышко не вставляется.

VI.

У Кяфировъ нѣтъ ни храмовъ, ни священнослужителей, ни книгъ, ни обрядовъ. Они вѣруютъ въ единаго бога и въ то же время говорятъ, что не знаютъ—кто онъ, гдѣ находится, и что̀ ему угодно [1]).

У нихъ три идола, которыхъ они почитаютъ за своихъ ходатаевъ передъ богомъ. Одинъ идолъ—деревянный, грубое изображеніе человѣческаго образа съ серебряными глазами; имя ему Пулиспани; по толкованію Трумпа—то же, что̀ пулиспа̂но или пуриспа̂но, человѣческое существо. Идолъ этотъ находится въ деревнѣ Музгхалъ. Къ нему обращаются во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, напримѣръ, когда нѣтъ дождя или много дождя, или когда въ странѣ появляются болѣзни. Каждый Кяфиръ приводитъ козу и приноситъ ее въ жертву идолу, окропляя его кровью убитаго животнаго. Затѣмъ они жарятъ его мясо, поѣдаютъ его тутъ же, или же уносятъ съ собою домой.

Великимъ неуваженіемъ почитается приближеніе женщинъ къ идоламъ; женщины пекутъ хлѣбъ и вкушаютъ отъ жертвы въ нѣко-

---

[1]) *Trumpp*, 388.

245

торомъ отдаленіи отъ идола. Кяфиры никогда не поклоняются передъ идолами, не падаютъ передъ ними ницъ, но просто обращаются съ просьбой даровать имъ то, что̀ они желаютъ.

У нихъ нѣтъ опредѣленнаго богослуженія и молитвеннаго обращенія, нѣтъ также и праздниковъ.

Другіе идолы суть обыкновенные камни. Одинъ носитъ названіе Адрак-пâну и находится въ деревнѣ Гирдаларесѣ, другой Матикапâну —въ деревнѣ Шаидерламъ. Къ нимъ обращаются по дѣламъ семейнымъ и личнымъ; просятъ ихъ о дарованіи хорошей жатвы, дѣтей и т. п.

Лейтнеровы Кяфиры въ числѣ своихъ боговъ называли Индру и Махâдеву, которыхъ они узнали, быть можетъ, во время своего пребыванія въ Кашмирѣ [1]). Всѣ Кяфиры, которыхъ я встрѣчалъ, говоритъ д-ръ Лейтнеръ, — были лишены религіознаго духа. Жемшидъ, племянникъ генерала Фераморза, выдавалъ себя за христіанина и разказывалъ, что его дядя еженедѣльно собиралъ всѣхъ Кяфировъ, состоявшихъ на службѣ у Афганскаго эмира, и проповѣдовалъ имъ о томъ, что Іисусъ сынъ Божій; при этомъ распѣвались также гимны.

Отъ двухъ Башгели д-ръ Лейтнеръ узналъ еще слѣдующій фактъ: они собираютъ камни въ формѣ каирна, на вершинѣ горы; туда же свершаютъ поломничества.

Кяфиры, именуемые Кала Шеха, молятся Махâдеву. Ему они строятъ каменные храмы. Женщинъ не допускаютъ въ храмы. Когда Кяфиръ Калашъ пожелаетъ поѣсть мяса, онъ приводитъ козу къ храму и убиваетъ ее въ этомъ мѣстѣ ударомъ меча.

По сообщенію Лейтнерова мунши, имена кяфирскихъ боговъ суть слѣдующія: Махадевъ, Хинго братъ предшествующаго, Индръ, Индръ Кишмаи и Худаи.

Таннеру сообщали, что въ кяфирскіе храмы можетъ входить только священнослужитель Хазаръ Маликъ, должность котораго наслѣдственна. Религія Кяфировъ очень проста. Боговъ призываютъ на помощь въ битвахъ и обѣщаютъ имъ приношенія въ случаѣ успѣха. Приношенія эти частью состоятъ изъ всякаго рода воинской добычи, частью изъ серебряныхъ стакановъ и другихъ сосудо̀въ [2]); все это выставляется въ храмахъ. По разказамъ, въ храмахъ собраны приношенія за сто лѣтъ.

---

[1]) *Leitner*, 5.

[2]) *Tanner*, 291.

246

Общее названіе для божества Худаи; но, кромѣ того, есть названія для отдѣльныхъ боговъ—Деоганъ, Такуръ, Индра, Шіожи и т. д.

Таннеру передавали также, что храмы увѣшаны свѣтлыми тканями, разнообразно украшенными; идолъ Деоганъ выточенъ изъ дерева, имѣетъ гордый видъ, сидитъ на стулѣ, лице искажено, и языкъ высовывается между губъ. Изъ-за плечъ онъ вытаскиваетъ мечь. У него, кромѣ того, ножъ и ружье. Глаза покрыты чѣмъ-то блестящимъ быть можетъ золотомъ.

Кяфиры, по словамъ Бидделлфа, поклоняются одному верховному существу Имбра и пророку Мани. Мани почитается сыномъ Имбры; онъ нѣкогда жилъ на землѣ, и считается посредникомъ между людьми и верховнымъ богомъ. Эмблемой Имбры почитаются камни; рѣзныхъ идоловъ Кяфиры не употребляютъ.

За этими верховными существами слѣдуютъ до 18,000 меньшихъ божествъ; они были нѣкогда людьми и обоготворны послѣ смерти. Между послѣдними богами особенно выдаются: Гежъ; онъ былъ храбрый вождь, воевалъ съ пророкомъ Али; отъ него ведетъ начало вражда Сіяхъ-пошей и мусульманъ. Затѣмъ называютъ Багежа, бога рѣкъ и покровителя стадъ. Ему приносятъ жертвы на берегахъ рѣкъ; головы жертвъ бросаются въ рѣку. Кромѣ того, называютъ еще слѣдующихъ боговъ: Прузи, Дужи, Пурети, Эрамъ, Мареръ, Дисни, Крутаи, Саранжи, Витръ.

Всѣмъ богамъ приносится въ жертву корова и при этомъ сожигаются кедровыя вѣтки. Всякій разъ, когда убивается скотина, призывается имя божества, и соблюдаются жертвенные обряды. Самое жертвоприношеніе было показано Бидделфу однимъ Кяфиромъ изъ племени Башгели, убившимъ съ этою цѣлью козу. Разводится небольшой огонь и нарѣзывается нѣсколько кедровыхъ вѣтвей. Священнодѣйствующій разувается, а одинъ изъ его помощниковъ держитъ въ это время чашу съ водою, въ которой плаваетъ масло. Священнодѣйствующій, омывъ руки, кропитъ воду на животное и въ огонь, и притомъ бормочетъ какую-то молитву. Затѣмъ онъ беретъ кедровую вѣтку и кладетъ ее въ огонь. Послѣ того онъ кропитъ нѣсколько разъ животное, всякій разъ говоря: сучь, на что̀ присутствующіе отвѣчаютъ: хемачь. Все это повторяется до тѣхъ поръ, пока животное не затрясется, что̀ почитается знакомъ принятія жертвы божествомъ. Для того, чтобы таковое дѣйствіе произошло скорѣе, иногда животному въ ухо льютъ воду. Какъ только животное затрясется, всѣ присутствующіе кричатъ: сучь хемачь! Тогда

247

же кладутъ кедровыя вѣтки въ огонь и льютъ туда масло; затѣмъ, поваливъ животное на землю, перерѣзаютъ ему горло. Священнодѣйствующій, набравъ нѣсколько крови, кропитъ ею въ огонь. Голову животному отрѣзаютъ, и чрезъ нѣсколько мгновеній она кладется въ огонь. Этимъ кончается обрядъ.

VII.

При похоронахъ у Кяфировъ въ обычаѣ омывать тѣло и одѣвать его въ новыя или только что вымытыя одѣянія. Кругомъ стоящіе люди плачутъ, пляшутъ, бьютъ въ небольшіе барабаны и наигрываютъ на свирѣляхъ. Въ день смерти изготовляется гробъ. Одинъ человѣкъ поднимаетъ на плечи мертвое тѣло, другой — гробъ, и оба отправляются на гору, гдѣ, въ какой-либо пещерѣ, кладутъ тѣло въ гробъ, забиваютъ послѣдній деревянными гвоздями и кладутъ на него тяжелые камни.

Если въ продолженіе трехъ лѣтъ умретъ кто-либо въ той же семьѣ, то гробъ открывается, и въ него кладутъ новое тѣло; но если до новой смерти въ одной и той же семьѣ пройдетъ болѣе трехъ лѣтъ, то дѣлается новый гробъ.

При похоронахъ не свершается никакихъ обрядовъ, ничего не говорится, только мужчины и женщины кричатъ. Когда человѣкъ умираетъ, при немъ сидятъ женщины, но ничего не говорятъ. Въ случаѣ смерти бахадура или Сурунвали, его тѣло остается въ домѣ въ продолженіе трехъ дней; всѣхъ приходящихъ угощаютъ, а они за то плачутъ, пляшутъ и бьютъ въ большой барабанъ Манду. На третій день тѣло покойника уносится вмѣстѣ съ его лукомъ, стрѣлами и ножемъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ чествуется день его смерти: въ этотъ день бьютъ въ барабанъ Манду, раздается милостыня, и устраиваются пиршества. Для потомка Сурунвали въ продолженіе пяти поколѣній бьютъ въ барабанъ Манду; если сынъ Сурунвали также сдѣлается Сурунвали, та же почесть оказывается въ продолженіе десяти поколѣній; если внукъ Сурунвали удостоется того же отличія, то сейчасъ упомянутся почесть оказывается его потомкамъ въ продолженіе пятнадцати поколѣній.

Вдовецъ или вдова въ продолженіе трехъ лѣтъ не смѣютъ вступать въ новый бракъ; въ этотъ періодъ они не смѣютъ умащать головы, мыть ее, употреблять антимоніи для глазъ, носить нарядныя; платья

248

и ѣсть масло. Мужчины не брѣютъ волосъ. Таковы свѣдѣнія Трумпа, весьма вѣроятно—не лишенныя нѣкоторыхъ прикрасъ.

Мертвыхъ, по словамъ Лейтнера [1]), Кяфиры не зарываютъ и не сжигаютъ. Тѣло кладутъ въ гробъ и уносятъ въ отдаленный лѣсъ. Ближайшій родственникъ въ продолженіе сорока дней соблюдаетъ строгій трауръ. По смерти отца сынъ запираетъ двери своего дома на сорокъ дней; сорокъ дней проводитъ онъ въ полномъ уединеніи. По истеченіи этого срока, кто-либо изъ значительныхъ лицъ племени выводитъ сына покойника изъ его заключенія, брѣетъ ему голову, моетъ его, одѣваетъ въ новое платье и утѣшаетъ его.

Кяфирское племя Сану, по извѣстіямъ Таннера, мертвыхъ хоронитъ въ гробахъ — въ горныхъ пещерахъ [2]). Бидделфъ утверждаетъ, что мертвое тѣло обносится съ пляскою кругомъ деревни въ продолженіе нѣсколько дней. До плясокъ Кафиры вообще большіе охотники. Пляшутъ мужчины и женщины вмѣстѣ. Мужчины при этомъ вооружены и во время пляски потрясаютъ своими палицами, и даже палятъ изъ ружей. Ихъ музыкальные инструменты состоятъ изъ барабановъ и бамбуковыхъ флейтъ.

Погребальные обряды Кяфировъ, по мнѣнію Беллью, указываютъ на связь этого народа съ зороастризмомъ. Онъ описываетъ такой обычай: при входѣ къ осиротѣлому гость, переступя черезъ порогъ, снимаетъ шапку и бросаетъ ее на полъ; затѣмъ онъ выхватываетъ свой мечъ изъ ноженъ и подходитъ къ осиротѣлому; схватываетъ его за руку, поднимаетъ на ноги и таскаетъ кругомъ комнаты; наконецъ онъ сажаетъ его на старое мѣсто, вкладываетъ свой мечъ въ ножны, и надѣвъ шапку, уходитъ.

Кяфиры изготовляютъ изображенія своихъ умершихъ старшинъ и героевъ; они почитаютъ ихъ за боговъ.

Великою заслугою, ведущею къ обоготворенію по смерти, почитается щедрость въ общественныхъ угощеніяхъ и постройка воротъ по сторонамъ дорогъ. Эти ворота очень простой конструкціи, не имѣютъ никакого практическаго значенія, но придаютъ характеру строителя святость и доставляютъ ему извѣстность; ворота, о которыхъ сейчасъ говорилось, напоминаютъ простыя арки, встрѣчающіяся въ буддійскихъ деревняхъ Малаго Тибета [3]).

---

[1]) *Leitner*, 8.
[2]) *Tanner*, 292.
[3]) *Biddelph*, 133.

249

О брачныхъ обрядахъ Трумпъ [1]) сообщаетъ слѣдующія подробности: Кяфиры не берутъ женъ въ своихъ деревняхъ; женщины своей деревни почитаются всякимъ Кяфиромъ за сестеръ. Бракъ у нихъ заключается не по принужденію, а по взаимному соглашенію обѣихъ сторонъ. Когда молодому человѣку полюбилась какая-нибудь дѣвушка, онъ проситъ своего отца посватать ее. Отецъ посылаетъ козу и трехъ барановъ въ домъ отца дѣвушки. При этомъ словесно ничего не сообщается послѣднему, а коза и бараны загоняются въ домъ. Если отецъ невѣсты убьетъ козу и удержитъ барановъ, то это считается знакомъ принятія искательства; отказъ выражается отсылкою козы и барановъ. Сосватанные женихъ и невѣста могутъ свободно видѣться въ горахъ. При постороннихъ женихъ никогда не говоритъ съ невѣстой и не дѣлаетъ ей подарковъ.

Въ день свадьбы отецъ жениха посылаетъ къ отцу невѣсты двухъ человѣкъ съ козами, домашнею утварью, знаменами и факелами (изъ пихты), иногда и съ ружьями. Люди живутъ въ домѣ невѣсты двѣ ночи; въ это время въ обѣихъ деревняхъ царствуетъ веселье, пляски и угощенія, при чемъ мужчины и женщины ѣдятъ отдѣльно.

Затѣмъ отецъ невѣсты передаетъ двумъ посланнымъ невѣстины платья; черныя почитаются самыми красивыми. Два посланца провожаютъ невѣсту въ домъ ея нареченнаго; за ними слѣдуютъ женщины съ зерновымъ хлѣбомъ. Послѣ того, какъ невѣста переступила за порогъ женихова дома, никакихъ обрядовъ болѣе не свершается: она стала женою. Женщины, провожавшія ее, остаются съ нею въ продолженіе двухъ дней. Затѣмъ, получивъ въ подарокъ четырехъ козъ, онѣ возвращаются къ себѣ. Молодая жена до пяти лѣтъ не посѣщаетъ дома своего отца; по истеченіи этого срока она можетъ идти въ родительскій домъ и прогостить тамъ мѣсяцъ или два. Когда она возвращается къ себѣ, ее провожаютъ женщины опять съ зерновымъ хлѣбомъ. Послѣ этого перваго посѣщенія молодая можетъ бывать въ домѣ родителей, когда ей захочется.

Брачные обряды, говоритъ Лейтнеровъ мунши [2]), — очень любопытны. Если родители невѣсты бѣдны, они говорятъ жениховымъ: „Пожалуйста, не приходите къ намъ. Мы сами вмѣстѣ съ дочерью прійдемъ къ вамъ для свершенія брачныхъ обрядовъ“. Но если роди-

---

[1]) *Trumpp*, 385.

[2]) *Leitner*, 7.

тели невѣсты богаты, они посылаютъ за жениховыми и принимаютъ ихъ очень гостепріимно.

При рожденіи сына происходитъ великое веселье. Стрѣляютъ изъ ружей, задаютъ угощенія. Мать новорожденнаго сына заключается въ уединеніе на двадцать дней; если новорожденная — дѣвочка, столь же продолжительному заключенію подвергается отецъ.

Беллью упоминаетъ также объ обрядахъ при рожденіи: Кяфиры задаютъ при этомъ пиръ, и тутъ же выбирается имя новорожденному. Мать держитъ ребенка въ рукахъ, а кто-либо изъ присутствующихъ перечисляетъ имена предковъ за нѣсколько поколѣній. Ребенокъ въ то же время протягиваетъ руки къ разнымъ предметамъ; имя, произнесенное въ моментъ, когда ребенокъ захватилъ что-либо, становится его именемъ.

По словамъ Бидделфа [1]), каждый Кяфиръ можетъ имѣть столько женъ, сколько пожелаетъ; нерѣдко встрѣчаются мужья четырехъ, пяти женъ.

Женщины безнравственны; за супружескую невѣрность пострадавшій требуетъ матеріальнаго вознагражденія: съ иностранца мужъ требуетъ или турбанъ, или одежду, съ человѣка изъ своего же племени — корову. Жену, пойманную въ преступленіи, нещадно бьютъ. Отцы продаютъ своихъ дочерей мусульманамъ; а Читральскому владѣтелю платится подать дѣтьми обоего пола [2]).

Трумпъ [3]), напротивъ, увѣряетъ, что супружеская невѣрность совершенно неизвѣстна въ Кафиристанѣ. Нарушеніе супружеской вѣрности не терпимо. Месть боговъ за такое преступленіе, по представленіямъ Кяфировъ, падаетъ на всю деревню.

Если случается засуха, или случается какое-либо несчастіе, всѣ незамужнія женщины въ деревнѣ подпадаютъ подъ подозрѣніе, которое однако же не простирается на домы замужнихъ. Въ такомъ случаѣ какой-нибудь старухѣ или старику поручается отыскать виновную. Подъ угрозою смертной казни виновная должна открыть своего любовника. При открытіи вины обѣ стороны, какъ мужчина, такъ и женщина, подвергаются одинаковому наказанію: ихъ имущества подвергаются разграбленію, а домы сжигаются до тла; ихъ самихъ изгоняютъ къ мусульманамъ, посылая имъ въ слѣдъ градъ камней

---

[1]) *Leitner*, 8.
[2]) *Biddelph*, 133.
[3]) *Trumpp*, 386.

251

и при крикахъ всѣхъ мальчишекъ и дѣвченокъ деревни. Даже дорога, по которой слѣдуютъ виновные, почитается нечистою; слѣдующіе за виновными люди при первой рѣкѣ, черезъ которую переправляются виновные, приносятъ въ жертву козу. Послѣ того гнѣвъ бога долженъ, по ихъ понятіямъ, успокоиться.

По словамъ того же Трумпа, воровство совершенно неизвѣстно въ Кяфиристанѣ. Если кто потеряетъ въ горахъ ножъ, никто изъ прохожихъ не прикоснется къ утерянной вещи. Взломы неизвѣстны. Домовъ не стерегутъ. Если при перевозкѣ хлѣба разсыплются зерна, подобравшіе относятъ ихъ къ хозяину. Кяфиръ, убивъ человѣка, отсылаетъ одежду убитаго и его оружіе въ домъ своей жертвы. Односельчанъ они не убиваютъ, даже легкое пораненіе односельчанина не дозволяется. Въ случаѣ ссоры между односельчанами—споръ ихъ рѣшается единоборствомъ въ присутствіи всей деревни, но при этомъ даже палки не дозволяется брать въ руки. Но войны и вражда между отдѣльными селеніями очень часты.

Таковы скудныя этнографическія данныя о Кяфирахъ, собранныя Англичанами въ послѣднее время. О языкѣ и устно народномъ творчествѣ этихъ любопытныхъ племенъ еще менѣе извѣстно. По свидѣтельству Трумпа, у Кяфировъ много преданій и сказокъ, но до сихъ поръ никто не имѣлъ случая записать ихъ; языкъ Кяфировъ, судя по тѣмъ немногимъ образцамъ, которые обнародованы въ настоящее время, находится въ ближайшемъ родствѣ съ ново-индійскими нарѣчіями.

И. Минаевъ.

253

РОССІЯ И АНГЛО-ИНДІЙСКІЕ ИНТЕРЕСЫ.

Въ послѣднее время во всякой книгѣ объ Индіи, написанной политическимъ дѣятелемъ, непремѣнно говорится хотя бы нѣсколько словъ о Россіи, русскихъ замыслахъ, козняхъ и интригахъ. Въ самой Индіи о Россіи давно уже говорятъ много; говорятъ и англичане, и туземцы; первые съ нѣкоторымъ озлобленіемъ и явнымъ недружелюбіемъ. Давно пора знать русскимъ, что страхъ и недовѣріе къ Россіи пустили глубокіе корни въ сердцѣ почти каждаго англичанина; виги въ этомъ отношеніи нисколько не отличаются отъ торіевъ; быть можетъ первые болѣе склонны обольщаться надеждой на возможность какого-то соглашенія, долженствующаго, по ихъ мнѣнію, оберечь британскіе интересы, т.-е. положить предѣлъ развитію русскаго политическаго могущества и отдалить на неопредѣленное время враждебное столкновеніе двухъ державъ. Но и виги и тори одинаково убѣждены въ неминуемости этого столкновенія.—Индіецъ смотритъ на Россію иначе нежели англичанинъ. Онъ знаетъ о Россіи не только то, что̀ говоритъ ему англичанинъ; до его слуха дошло кое-что и помимо англичанина. Да и самъ англичанинъ въ своемъ желаніи, сильномъ и искренномъ, дискредитировать Россію въ умахъ индійцевъ, принялся за дѣло не совсѣмъ умѣло. Англійская печать, сама того не замѣчая, натолковала индійцу слишкомъ много о русской мощи; и если въ сердцѣ почти каждаго англичанина засѣли страхъ и недовѣріе къ Россіи, то въ умѣ каждаго индійца, афганца и вообще азіата твердо убѣжденіе въ громадности русскихъ средствъ.

Весьма убѣдительныя доказательства вѣрности этого факта встрѣчаются время отъ времени въ англійской литературѣ. Въ прошломъ году въ Times of India появился цѣлый рядъ писемъ какого-то авантюриста-англичанина, пробиравшагося изъ Индіи черезъ Хорассанъ въ Мервъ. Въ Мервъ онъ не попалъ, но съ дороги писалъ письма не безъинтересныя. Въ послѣднемъ, присланномъ въ Индію изъ Константинополя, послѣ того какъ авторъ проѣхался по Кавказу и Арменіи, гдѣ онъ къ великому своему удивленію не замѣтилъ никакой вражды между русскимъ и туркомъ,—дѣлается общій выводъ всѣхъ путевыхъ наблюденій. Выводъ любопытный. Переодѣтый по мусульмански англичанинъ, изъ Индіи черезъ Хорассанъ пробирающійся, и Богъ вѣсть зачѣмъ, въ Мервъ, быть

можетъ по профессіи человѣкъ военный, во всякомъ случаѣ лицо, заподозрить которое въ особенной любви къ Россіи никакъ нельзя; и этотъ человѣкъ разсказываетъ слѣдующее: «Въ краткихъ словахъ азіатское мнѣніе о восточномъ вопросѣ таково: Россія станетъ продолжать подвигаться впередъ, и одною своею численностью русскіе должны осилить англичанъ. Пока вопросъ о томъ, пойдетъ-ли Россія на Индію или нѣтъ, не обсуждается азіатами... но никто изъ нихъ ни на минуту не сомнѣвается въ томъ, что Россія будетъ двигаться впередъ и впередъ».

За англичанами, по словамъ того же предпріимчиваго путешественника, на Востокѣ устанавливается съ каждымъ днемъ все тверже и тверже репутація націи лавочниковъ. Азіатецъ, не сомнѣваясь въ силѣ Англіи на морѣ, почитаетъ ея сухопутныя войска далеко не достаточными для успѣшной борьбы съ Россіей. Допуская, что англичане, какъ отдѣльныя личности, могутъ быть храбры, въ то же время азіатцы, т.-е. и турки, и персы и афганцы глубоко убѣждены, что Индію англичане не завоевали, а рядомъ подкуповъ съумѣли захватить всю страну. Одинъ кандахарецъ говорилъ автору: «Если бы нашъ народъ былъ единодушенъ, Ширъ-Али теперь царствовалъ-бы въ Дельги». Такимъ легкимъ дѣломъ представляется афганцу отнятіе у англичанъ Индіи; мнѣніе афганца важно. Авторъ говоритъ, что афганское мнѣніе есть тотъ источникъ, откуда другіе азіатскіе народы, главнымъ образомъ персы и туркмены, заимствуютъ свои сужденія объ англичанахъ. Ненавидя англичанъ какъ христіанъ, афганецъ и къ русскимъ не можетъ питать дружелюбія. Но, по мнѣнію того же автора, ненависть къ Россіи объясняется другими соображеніями. Афганецъ ненавидитъ русскихъ, потому что ясно сознаетъ всю невозможность бороться съ войсками бѣлаго царя, свою несостоятельность противустать этой силѣ. Во всемъ Афганистанѣ занятіе страны русскими почитается вопросомъ болѣе или менѣе отдаленнаго времени. Когда Кандахаръ былъ очищенъ англичанами, западные афганцы говорили: «Слѣдующая вѣсть будетъ о занятіи Кандахара Эюбомъ, а затѣмъ услышимъ, что русскіе пошли на Гератъ».

Эта параллель между Англіей и Россіей одна изъ излюбленныхъ тэмъ не только средне-азіатскихъ политиковъ, но и индійскихъ; и страннымъ образомъ сравненіе въ результатѣ всегда отзывается невыгоднымъ для Англіи. Въ Индіи распространено убѣжденіе, что Англія только благодаря своимъ индійскимъ владѣніямъ занимаетъ одно изъ первенствующихъ положеній среди европейскихъ націй. Но, говорятъ самые лойяльные изъ индійцевъ, ни одинъ другъ человѣчества не пожелаетъ, чтобы англійское правленіе въ Индіи продолжалось постоянно, и что̀ будетъ Англія безъ Индіи въ сравненіи съ Россіей или Америкой? (См. The Oriental Miscellany, june 1881, стр. 233).

I.

Въ двухъ книгахъ («Sir Richard Temple, India in 1880»; его-же «Men and Events of my time in India»), о Россіи и ея отношеніяхъ къ Индіи говорится не разъ, и говорится много знаменательнаго. Авторъ книгъ, бывшій бомбайскій губернаторъ, сэръ Ричардъ Темпль, снаряжалъ когда-то индійскую рать на Мальту, завѣдомо, однакожъ, воевать подъ суровымъ сѣвернымъ небомъ. Объ этой экспедиціи говорится также въ одной изъ книгъ, но всего нѣсколько словъ. Вѣроятно самому сэру Ричарду малтійская экспедиція должна казаться теперь фантастическимъ эпизодомъ волшебной сказки: шесть тысячь сыновъ тропической Индіи, съ голыми ногами и обнаженными станами, поднимаются по велѣнію далекаго мага на берегахъ Темзы защищать британскіе интересы, поддерживать дерзновенную имперскую политику! Шесть тысячь сипаевъ для войны съ Россіей! Много-ли можно поразсказать объ этомъ?

Въ обѣихъ книгахъ сэра Ричарда, помимо замѣтокъ о Россіи и упомянутаго сейчасъ эпизода, весьма много интереснаго. Онѣ любопытны уже потому, что написаны маститымъ и выдающимся индійскимъ дѣятелемъ, пріѣхавшимъ въ Индію въ 1847 и прослужившимъ тамъ до 1881 г. Въ эти годы сэръ Ричардъ изъѣздилъ почти всю Индію, занималъ разнообразные посты и высокія должности. Вмѣстѣ съ знаменитымъ лордомъ Лауренсомъ онъ устроивалъ поземельныя отношенія въ Пенжабѣ, принималъ дѣятельное участіе въ судѣ надъ послѣднимъ изъ великихъ моголовъ, завѣдывалъ финансами, иностранными сношеніями, управлялъ Бенгаліей, былъ бомбайскимъ губернаторомъ. Понятно, если такой человѣкъ начинаетъ говорить объ Индіи, или о людяхъ и событіяхъ своего времени, много занимательнаго онъ можетъ поразсказать; и, дѣйствительно, обѣ книги исполнены глубокаго интереса. Въ одной читатель найдетъ полное внѣшнее описаніе Индіи, Индіи какъ она есть, по мнѣнію автора, въ настоящій моментъ, въ другой представлены портреты и эскизы замѣчательныхъ современниковъ автора и картина исторической жизни страны за извѣстный періодъ. Для правильной оцѣнки, насколько обѣ картины полны и правдивы, необходимо имѣть въ виду не только прошлое высокое служебное положеніе автора, но главнымъ образомъ и то, что его индійская карьера, по всей вѣроятности, еще не вполнѣ закончена, и ему, быть можетъ, предстоитъ вернуться въ Индію и занять тамъ первенствующее положеніе. Обѣ книги посвящены августѣйшимъ особамъ: одна наслѣдному принцу, другая королевѣ. При такихъ условіяхъ самый правдивый человѣкъ, какимъ несомнѣнно слѣдуетъ считать автора, не обо всемъ станетъ печатно говорить, по необходимости многое долженъ будетъ обходить молчаніемъ; не желая, быть можетъ даже не умѣя говорить лжи, онъ съумѣетъ, однакоже, во-

время замолчать или сказать по щекотливому вопросу ничего незначащую фразу. Общій тонъ книги отъ этого выиграетъ; на всей картинѣ какъ-бы разольется нѣкій радостный розовый цвѣтъ. Но узнаетъ ли читатель полную истину— это другой вопросъ, который всего лучше для автора оставлять безъ отвѣта.

Таковъ характеръ обѣихъ книгъ; въ нихъ нѣтъ лжи, но и нѣтъ полной правды. Въ одной изъ своихъ книгъ авторъ задался задачей представить умственному взору читателя одно изъ грандіознѣйшихъ въ мірѣ зрѣлищъ (подлинное выраженіе автора, т.-е., живописать словомъ Индійскую имперію ея британскаго величества; въ другой онъ разсказываетъ о поколѣніи англичанъ, видѣвшихъ самыя грандіозныя событія новѣйшей исторіи Индіи: величайшія войны, паденія первостепенныхъ туземныхъ царствъ, возстаніе, уничтоженіе остъ-индской компаніи, одного изъ грандіознѣйшихъ частныхъ предпріятій во всемірной исторіи и т. д. Современное автору поколѣніе было свидѣтелемъ такихъ перемѣнъ въ Индіи, нравственныхъ и матеріальныхъ, образцовъ или примѣровъ которымъ нѣтъ въ предшествующихъ временахъ.

Уже съ первыхъ страницъ обѣихъ книгъ читатель невольно какъ-то торжественно настраивается, и начинаетъ ожидать, что вотъ передъ нимъ развернется во всю ширь величавая картина народнаго благополучія, мира и благоденствія, пройдетъ вереница героевъ, безкорыстно служившихъ міровому благу, способствовавшихъ укрѣпленію въ Индіи божьей благодати.

И это настроеніе авторъ весьма искусно поддерживаетъ въ читателѣ въ продолженіи всей книги. Безъ прикрасъ и какъ будто совершенно правдиво разсказывается о томъ, какъ индо-британская имперія росла и возвеличивалась, дѣлала матеріальные и духовные успѣхи. Въ 1847 г., т.-е. въ тотъ годъ, когда авторъ началъ свою индійскую карьеру, во всей Индіи, въ туземныхъ владѣніяхъ и въ британской территоріи насчитывалось 190 милліоновъ жителей; въ 1881 цифра населенія возросла до 252 милліоновъ. Въ 1847 г. британскія владѣнія занимали территорію въ 800 тысячъ квадратныхъ миль; въ 1881 владѣнія индійской императрицы значительно расширились и въ нихъ насчитывается милліонъ квадратныхъ миль, съ населеніемъ въ 200 милліоновъ. Четыре царства: Саттара, Пенжабъ, Нагпуръ и Аудъ, да кромѣ того бирманская провинція Пегу присоединены къ великобританскимъ владѣніямъ. Въ 1847 г. годовой доходъ британской Индіи не превышалъ 37 милліоновъ стерлинговъ, по бюджету 1881 цифра того же дохода восходитъ до 65 милліоновъ стерлинговъ. Внѣшняя торговля сдѣлала значительные успѣхи; въ 1847 она оцѣнивалась въ 37 милліоновъ стерлинговъ, въ 1881 въ 120 мил. На однѣ желѣзныя дороги и ирригаціонные каналы затрачено правительствомъ 150 милліоновъ. Благосостояніе и богатство Индіи, по мнѣнію автора, возростаетъ. Населеніе увеличи-

вается, область земледѣлія все болѣе и болѣе расширяется, торговля, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, постоянно и значительно развивается; массы зерноваго хлѣба вывозятся, цѣны на продукты неизмѣнно поднимаются, заработная плата возвышается также, хотя и не съ неизмѣннымъ постоянствомъ; въ странѣ находятся въ обращеніи значительные иностранные капиталы; уменьшеніе процентовъ свидѣтельствуетъ о значительномъ накопленіи туземныхъ капиталовъ и о возрастаніи довѣрія; новыя отрасли промышленности съ избыткомъ замѣняютъ старыя или падающія, или уничтожающіяся; сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ, рѣкамъ и каналамъ улучшаются съ каждымъ годомъ; ирригація расширяется; возростаніе домашняго комфорта замѣчается даже между низшими классами.

Столкновеніе туземцевъ съ западною цивилизаціей оказало благодѣтельное вліяніе на нихъ; западное воспитаніе въ Индіи, свидѣтельствуетъ сэръ Ричардъ, получается двоякимъ способомъ, или въ школахъ черезъ наученіе, или же путемъ практическимъ въ жизни, созерцая возвышенный образъ дѣйствія британскаго правительства. Результаты такого двоякаго наученія блестящи; западное воспитаніе научило туземцевъ смотрѣть съ отвращеніемъ на ложь и безчестность; оно внушило имъ любовь къ отвлеченной истинѣ... туземцы, получившіе западное воспитаніе, не выносятъ суевѣрія и всякаго рода абсурдовъ. Съ надеждой обращаютъ они взоры на будущую загробную жизнь. Имѣютъ положительныя представленія о человѣческой душѣ, признаютъ себя отвѣтственными передъ Богомъ за всякое слово, мысль и дѣло. Такихъ и подобныхъ чертъ, рисующихъ матеріальный и нравственный прогрессъ Индіи, можно подобрать въ двухъ книгахъ автора многое-множество. Казалось бы, послѣ того англичанамъ нечего тревожиться за свой покой въ Индіи. И ужъ конечно не Россіи, да еще теперь, посягать на этотъ покой англичанъ, вполнѣ ими заслуженный.

И. Минаевъ.

263

РОССІЯ И АНГЛО-ИНДІЙСКІЕ ИНТЕРЕСЫ.

II.

Въ прошломъ № «Восточн. Обозрѣнія» мы коснулись англо-индійскаго вопроса, нынѣ мы продолжаемъ свою характеристику.

Несомнѣнно, что у Англіи существуетъ какая-то тревожная боязнь, что британское владычество въ Индіи, т.-е., по англійскому толкованію, благоденствіе Индіи, ея мирное преуспѣяніе весьма легко могутъ быть потрясены нѣкіимъ врагомъ извнѣ.

Разсказываютъ, какъ вполнѣ достовѣрный фактъ, что въ прошлую русско-турецкую войну, въ одну ночь въ Лондонѣ распространился слухъ о томъ, что русскія войска заняли константинопольскія предмѣстья. Ужасъ объялъ все населеніе, извѣстившееся объ этомъ мнимомъ событіи. Парламентъ, засѣдавшій въ ту ночь, представлялъ необыкновенное зрѣлище: члены покинули свои мѣста и залу засѣданія; шумъ и ропотъ, возгласы и даже крики отчаянія наполнили зданіе. На улицѣ, кругомъ парламента собралась масса народа; толпа галдѣла и едва ли не требовала войны.

До войны, однакоже, дѣло не дошло. Рѣшиться на войну англичанину—не такъ-то легко.

Англійское правительство волнуется и тревожится не только отъ появленія русскихъ войскъ на нѣкоторыхъ излюбленныхъ имъ пунктахъ, его покой нарушаютъ факты гораздо меньшей важности: появленіе какихъ-то русскихъ агентовъ въ Мервѣ, вопросъ о томъ, кому принадлежитъ Сераксъ, образованіе Закаспійской области; казалось бы всѣ эти факты изъ внутренней жизни русскихъ окраинъ не должны были бы имѣть никакого отношенія къ мирному теченію дѣлъ прогресса въ Индіи, а между тѣмъ самъ вице-король Индіи вѣдаетъ о томъ, что въ Мервѣ видѣли одного русскаго солдата, и спѣшно телеграфируетъ объ этомъ солдатѣ въ Лондонъ, а тамъ сейчасъ готовы запросы и требованія разъясненія.

Благодаря русской уступчивости и легкости, съ которой у насъ вступаютъ въ разныя невозможныя соглашенія, въ родѣ

договора о нейтральной зонѣ въ Азіи, англичане, какъ народъ практическій, составили цѣлый списокъ тѣхъ мѣстъ, откуда, по ихъ искреннему убѣжденію, слѣдуетъ исключить русское вліяніе. Умѣренные начинаютъ этотъ списокъ съ Яркенда на востокѣ и заканчиваютъ Константинополемъ на западѣ; болѣе строгіе готовы расширить предѣлы запретной для Россіи территоріи. Къ умѣреннымъ слѣдуетъ отнести и сэра Ричарда Тэмпля. Обѣ его книги написаны до окончанія ахалъ-текинской экспедиціи, а потому, конечно, о нѣкоторыхъ пунктахъ запретной территоріи онъ вовсе не говоритъ, за то о другихъ, намѣченныхъ давно, въ его книгахъ сказано много назидательнаго.

На крайнемъ востокѣ двѣ великія азіатскія имперіи: русская и британская, раздѣляются узкою страною, извѣстною въ старыхъ географіяхъ подъ именемъ Малой Бухаріи или нынѣшнимъ Кашгаромъ. Кашгарія лежитъ между русскою областью Ферганомъ и Ладакомъ, входящимъ въ кашмирскія владѣнія. Всѣмъ извѣстно также, что Кашмиръ отдѣляется отъ Яркенда высочайшими горами съ проходами непреодолимой трудности для передвиженія даже малыхъ отрядовъ. Занятіе Яркенда, такимъ образомъ, въ стратегическомъ отношеніи не имѣетъ никакого значенія. Помышлять о походѣ въ Индію изъ Яркенда было бы величайшимъ сумасшествіемъ. Тѣмъ не менѣе, говоритъ сэръ Ричардъ, если Россія, подвигаясь изъ Фергана, займетъ Кашгаръ или Яркендъ, тогда естественно она придетъ въ соприкосновеніе съ кашмирскими предѣлами и Британской имперіей. Такое дѣйствіе возбудитъ сильныя подозрѣнія и опасенія въ британскомъ правительствѣ. Будутъ страшны не военныя движенія съ этой стороны, о которыхъ не можетъ быть и рѣчи, опасно будетъ другое: такой шагъ Россіи не можетъ не имѣть непосредственнаго и очень сильнаго вліянія на всѣхъ гималайскихъ союзниковъ Британіи и даже на Пенжабъ.

Не возможность похода со стороны Яркенда страшитъ англичанъ, имъ опасно русское вліяніе, престижъ Россіи. Но вѣдь, по словамъ самого же сэра Ричарда Тэмпля, всѣ независимые владѣтели Индіи самые вѣрные изъ вѣрныхъ союзниковъ ея британскаго величества. И отчего же сосѣдство Россіи можетъ имѣть на нихъ вредное или пагубное вліяніе? О нашихъ отношеніяхъ въ книгахъ нашего автора ничего не говорится, но за то отношенія Индіи къ Афганистану разбираются подробно и при этомъ выставляется цѣлый рядъ требованій къ Россіи.

Отношенія Индіи къ Афганистану опредѣляются слѣдующими соображеніями. Въ Индіи едва-ли нашлось бы много людей, помышляющихъ о вмѣшательствѣ въ дѣла Афганистана; никто не сталъ бы совѣтовать правительству такого образа дѣйствія, котораго совершенно законно оно держалось въ послѣдніе годы; вмѣшательство, война были естественнымъ

слѣдствіемъ образа дѣйствія одной иностранной державы: Россія постоянно движется въ сторону Афганистана, русская печать постоянно угрожаетъ нанесеніемъ съ С. З. смертельнаго удара британскому владычеству въ Индіи; и исторія придаетъ этимъ угрозамъ нѣкоторое правдоподобіе.

Занятіе Афганистана силою, по мнѣнію сэра Ричарда, для Россіи будетъ одинаково трудно какъ и для Англіи; британское правительство пока этого и не опасается. Оно хлопочетъ о другомъ. Россія весьма легко можетъ укрѣпить въ Афганистанѣ свой дипломатическій контроль, подчинить своему вліянію всю страну до самыхъ горныхъ проходовъ или до индійскихъ воротъ, обращенныхъ въ сторону Средней Азіи. Такое событіе произведетъ сильное впечатлѣніе на всю Индію, какъ на британскихъ подданныхъ, такъ и на независимыя владѣнія. Имперскія отношенія Англіи къ Индіи совершенно измѣнятся; въ Индію потребуется значительно большее количество европейскихъ войскъ.

Отсюда, само собою разумѣется, вытекаетъ цѣлый рядъ требованій къ Россіи, настаивать на выполненіи которыхъ считаютъ себя въ правѣ англичане.

Россія не должна посылать посольствъ въ Афганистанъ. Кульджинское соглашеніе о нейтральной зонѣ продолжаетъ имѣть полную законную силу.

Русское вліяніе не должно переходить на южный берегъ Окса. Укрѣпленія Россіи въ Балкѣ или въ Бадакшанѣ Англія не должна допускать; это было бы съ ея стороны непростительною политическою ошибкою. Балкъ и Бадакшанъ важны одинаково, какъ въ политическомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи: владѣя хотя бы одною изъ этихъ странъ, можно помышлять о дальнемъ походѣ, и подчинить своему вліянію и Афганистанъ, и всѣ страны до Кашмира включительно.

Гератъ, Мервъ и весь Хорассанъ должны быть исключены изъ области русскаго вліянія. Между Кандахаромъ и Гератомъ путь прекрасный; провести желѣзную дорогу между двумя пунктами не представитъ никакой трудности; очевидно, удобный путь долженъ быть въ вѣдѣніи Англіи, а не Россіи.

Вмѣстѣ съ этимъ спискомъ запретныхъ пунктовъ для русскаго вліянія, авторъ дѣлаетъ заявленіе, что англійскіе государственные люди не опасаются нашествія на Индію, но предвидятъ непосредственное затрудненіе, which is easily practicable.

Изъ всего сейчасъ сказаннаго пока выясняется только то, что Россія, по мнѣнію англичанъ, достаточно сильна для всякаго рода интригъ и враждебныхъ дѣйствій противъ Англіи, можетъ при случаѣ угрожать британскому правительству въ самой Индіи.

Но для того, чтобы такія дѣйствія увѣнчались успѣхомъ, конечно, совершенно недостаточно одной доброй воли со стороны Россіи, мало одного желанія надѣлать хлопотъ британ-

скому правительству. Для успѣха всякой агитаціи необходимы и нѣкоторая популярность агитирующей стороны въ средѣ агитируемой, и готовность послѣдней воспринять агитацію.

III.

Нѣкоторая популярность русскаго имени, несомнѣнно, существуетъ въ Индіи; уже возставшіе сипаи и вмѣстѣ съ ними Великій Моголъ ожидали освободителей съ Сѣвера, и вѣрили въ пришествіе побѣдоносныхъ русскихъ полчищъ. Позднѣе о томъ же мечтали Куки. До сихъ поръ, время отъ времени туземная печать грозитъ правительству пришествіемъ русскихъ.

Во всякомъ случаѣ популярность эта настолько эфемерна, что едва-ли она можетъ внушать серьёзныя опасенія государственнымъ людямъ Англіи, и если эти опасенія существуютъ, то объясненіе имъ нужно искать въ самомъ положеніи индійскихъ дѣлъ.

Сэръ Ричардъ вполнѣ искренно вѣритъ, что Индійская Имперія процвѣтаетъ и богатѣетъ, но онъ отдѣляетъ вопросъ о богатствѣ имперіи отъ вопроса о процвѣтаніи отдѣльныхъ классовъ населенія. И въ его же книгѣ отвѣтъ на второй вопросъ совершенно отличенъ отъ рѣшенія перваго вопроса. Узнаемъ, напр., что одна пятая населенія британской Индіи недостаточно питаема; правда, читателю предлагается утѣшиться соображеніемъ, что не только въ Индіи, но и во многихъ другихъ странахъ низшіе классы точно также находятся въ незавидномъ положеніи и притомъ въ Индіи, благодаря климату, недостаточность питанія далеко не причиняетъ такихъ страданій, какъ въ странахъ холодныхъ. Земледѣльческое населеніе, говорится въ другомъ мѣстѣ, совершенно въ рукахъ заимодавцевъ, стало рабомъ легальной тиранніи, болѣе невыносимой нежели насильственное порабощеніе. Земледѣліе въ Индіи отстало; земля не даетъ и двухъ третей изъ того, что̀ она могла бы производить. Заработная плата низка. Народныя массы лишены всякаго образованія, даже болѣе достаточные изъ землевладѣльцевъ не заботятся объ ученіи своихъ дѣтей. Мусульмане совершенно устраняются отъ англійскихъ школъ. Страна, вообще, недостаточно богата для расходовъ по администраціи прогрессивной эпохи. Миръ царитъ въ странѣ, но по временамъ возникаютъ безпорядки то тамъ, то здѣсь, и служатъ какъ-бы нѣкоторымъ предостереженіемъ для правительства, они какъ-бы говорятъ ему, что британская власть легко можетъ быть потрясена, что она недостаточно сильна.

Разсказывая объ успѣхахъ западной цивилизаціи въ Индіи, о созданіи англичанами цѣлаго класса образованныхъ туземцевъ, о развитіи туземной прессы, авторъ какъ-бы съ нѣкоторою грустью замѣчаетъ, что плоды воспитанія не всегда сладки, весьма часто могутъ быть и очень горьки.

Образованные туземцы, оказывается изъ словъ сэра Ричарда,

Разсказываютъ, какъ вполнѣ достовѣрный фактъ, что въ прошлую русско-турецкую войну, въ одну ночь въ Лондонѣ распространился слухъ о томъ, что русскія войска заняли константинопольскія предмѣстья. Ужасъ объялъ все населеніе извѣстившееся объ этомъ мнимомъ событіи. Парламентъ, засѣдавшій въ ту ночь, представлялъ необыкновенное зрѣлище: члены покинули свои мѣста и залу засѣданія; шумъ и ропотъ, возгласы и даже крики отчаянія наполнили зданіе. На улицѣ кругомъ парламента собралась масса народа; толпа галдѣла и едва ли не требовала войны.

До войны, однакоже, дѣло не дошло. Рѣшиться на войну англичанину—не такъ-то легко.

Англійское правительство волнуется и тревожится не только отъ появленія русскихъ войскъ на нѣкоторыхъ излюбленныхъ имъ пунктахъ, его покой нарушаютъ факты гораздо меньшей важности: появленіе какихъ-то русскихъ агентовъ въ Мервѣ, вопросъ о томъ, кому принадлежитъ Сераксъ, образованіе Закаспійской области; казалось бы всѣ эти факты изъ внутренней жизни русскихъ окраинъ не должны были бы имѣть никакого отношенія къ мирному теченію дѣлъ прогресса въ Индіи, а между тѣмъ самъ вице-король Индіи вѣдаетъ о томъ, что въ Мервѣ видѣли одного русскаго солдата, и спѣшно телеграфируетъ объ этомъ солдатѣ въ Лондонъ, а тамъ сейчасъ готовы запросы и требованія разъясненія.

Благодаря русской уступчивости и легкости, съ которой у насъ вступаютъ въ разныя невозможныя соглашенія, въ родѣ договора о нейтральной зонѣ въ Азіи, англичане, какъ народъ практическій, составили цѣлый списокъ тѣхъ мѣстъ, откуда, по ихъ искреннему убѣжденію, слѣдуетъ исключить русское вліяніе. Умѣренные начинаютъ этотъ списокъ съ Яркенда на востокѣ и заканчиваютъ Константинополемъ на западѣ; болѣе строгіе готовы расширить предѣлы запретной для Россіи территоріи. Къ умѣреннымъ слѣдуетъ отнести и сэра Ричарда Тэмпля. Обѣ его книги написаны до окончанія ахалъ-текинской экспедиціи, а потому, конечно, о нѣкоторыхъ пунктахъ запретной территоріи онъ вовсе не говоритъ, за то о другихъ, намѣченныхъ давно, въ его книгахъ сказано много назидательнаго.

На крайнемъ востокѣ двѣ великія азіатскія имперіи: русская и британская, раздѣляются узкою страною, извѣстною въ старыхъ географіяхъ подъ именемъ Малой Бухаріи или нынѣшнимъ Кашгаромъ. Кашгарія лежитъ между русскою областью Ферганомъ и Ладакомъ, входящимъ въ кашмирскія владѣнія. Всѣмъ извѣстно также, что Кашмиръ отдѣляется отъ Яркенда высочайшими горами съ проходами непреодолимой трудности для передвиженія даже малыхъ отрядовъ. Занятіе Яркенда, такимъ образомъ, въ стратегическомъ отношеніи не имѣетъ никакого значенія. Помышлять о походѣ въ Индію изъ Яркенда было бы величайшимъ сумасшествіемъ.

Тѣмъ не менѣе, говоритъ сэръ Ричардъ, если Россія, подвигаясь изъ Фергана, займетъ Кашгаръ или Яркендъ, тогда естественно она придетъ въ соприкосновеніе съ кашмирскими предѣлами и Британской имперіей. Такое дѣйствіе возбудитъ сильныя подозрѣнія и опасенія въ британскомъ правительствѣ. Будутъ страшны не военныя движенія съ этой стороны, о которыхъ не можетъ быть и рѣчи, опасно будетъ другое: такой шагъ Россіи не можетъ не имѣть непосредственнаго пожелаютъ сперва легкаго дуновенія, изъ котораго въ концѣ-концовъ можетъ разыграться буря.

Если припомнить, что Бераръ до сихъ поръ не отданъ Низаму, что Гваліорская крѣпость все еще въ рукахъ англичанъ, что кашмирскій раджа на дурномъ счету у правительства, потому что почти сосѣдъ Ферганѣ, то окажется, что въ независимыхъ владѣніяхъ безпокойныхъ, или подозрительныхъ въ этомъ смыслѣ, элементовъ многое множество. А затѣмъ въ Индіи есть и свои фанатики, и своя аристократія, оставшаяся не у дѣлъ съ появленіемъ британской власти, и главный факторъ всѣхъ волненій полуголодная масса народа; если принять все это во вниманіе, то дѣйствительно окажется, что Индія представляетъ широкое поле для всякой политической агитаціи, и у англичанъ есть основаніе страшиться всѣхъ русскихъ успѣховъ въ Азіи. Они производятъ впечатлѣніе на умъ индійцевъ, порождаютъ у нихъ надежды на близкое столкновеніе двухъ азіатскихъ имперій и какъ-бы сулятъ имъ освобожденіе отъ иноземнаго владычества въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Враждебная политическая агитація во владѣніяхъ дружественной державы, конечно, не можетъ быть оправдываема, и едва-ли кто-либо возьмется ее защищать; но слѣдуетъ-ли изъ сейчасъ описаннаго положенія дѣлъ въ Индіи, что Россія должна соглашаться на всѣ требованія, необходимыя для спокойствія англо-индійскаго правительства, поступаться своими выгодами, входить въ соглашенія, и унизительныя, и недальновидныя, въ родѣ соглашенія о нейтральной зонѣ, терпѣть вмѣшательство Англіи въ свои отношенія хотя бы напр. къ Персіи?

Во имя чего, ради какой высокой идеи приходится Россіи жертвовать своими выгодами и интересами? Успѣха западной цивилизаціи на Востокѣ? Не лучше-ли, однако-же, спросить самихъ индійцевъ о томъ, во что обходится имъ западная цивилизація, и какъ она тамъ развивается при существованіи имперскихъ интересовъ и при посредствѣ дорогой привозной администраціи?

И. Минаевъ.

275

1882 ГОЛОСЪ № 320

Изъ Петербурга пишутъ, отъ 16-го (28-го) ноября, въ вѣнскую «Politische Correspondenz» объ отношеніяхъ между Россіей и Англіей по среднеазіатскому вопросу:

«Лондонскій кореспондентъ вашъ, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ вашего изданія, опровергаетъ доводы, высказанные «Journal de St.-Pétersbourg» по вопросу о соединеніи желѣзною дорогою Кветты съ англійскою Индіей. Не входя въ подробности подвергшейся обсужденію тэмы, съ которыми въ Лондонѣ, во всякомъ случаѣ, близко знакомы, и не вступая на почву газетной полемики, не могу не выставить на видъ, что признанный органъ русской политики вовсе не хотѣлъ оспоривать самаго факта, что существуетъ намѣреніе построить на бо́льшемъ или мѐньшемъ протяженіи соединительную линію между Индіей и Афганистаномъ, а просто, призналъ необходимымъ засвидѣтельствовать, что «между русскимъ правительствомъ и кабинетомъ Гладстона существуютъ проникнутыя взаимнымъ довѣріемъ отношенія, благодаря которымъ обѣ державы въ Средней Азіи заботятся о защитѣ и развитіи своихъ интересовъ, причомъ, ни съ чьей стороны не замѣчается недовѣрія или неудовольствія по отношенію къ каждому шагу другой стороны». Постройка вышеупомянутой желѣзной дороги не можетъ, поэтому, считаться спорнымъ вопросомъ, который могъ бы нарушить доброе согласіе между обоими правительствами. Съ бо́льшимъ основаніемъ, быть можетъ, можно было бы допустить возможность нѣкотораго нарушенія гармоническихъ отношеній между обоими государствами тѣми уклончивыми объясненіями, какія англійскій кабинетъ далъ въ отвѣтъ на внесенные въ палату общинъ запросы, касающіеся разрѣшенія египетскаго вопроса. Императорскій кабинетъ обратился, поэтому, къ англійскому правительству съ опредѣлительнымъ вопросомъ по настоящему пункту и получилъ, какъ и слѣдовало ожидать, удовлетворительныя объясненія, изъ которыхъ видно, что нынѣшнее положеніе, занятое англійскимъ кабинетомъ, никакъ нельзя объяснить такими видами, которые шли бы въ разрѣзъ съ пріобрѣтенною г. Гладстономъ репутаціей честности. Осторожность эта объясняется необходимостью давать объясненія авторамъ запросовъ въ парламентѣ лишь настолько, насколько объясненія эти не могутъ остановить, затруднить или усложнить рѣшеніе египетскаго вопроса путемъ медленнаго, хорошо обдуманнаго и прилаженнаго къ обстоятельствамъ дипломатическаго воздѣйствія. Вотъ почему и въ этомъ отношеніи политическое положеніе дѣлъ никакъ не можетъ считаться омрачоннымъ. Когда наступитъ удобное для того время, относящіеся сюда вопросы будутъ разрѣшены при содѣйствіи Европы, т. е. не безъ ея участія и не въ ущербъ ея интересамъ».

277

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ—1883 г. № 9

КОЛОНІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ИНДІИ.

Обладая огромными колоніальными владѣніями во всѣхъ частяхъ свѣта, Англія выработала извѣстную колоніальную политику по отношенію къ этимъ владѣніямъ. Примѣненіе этой политики весьма разнообразно, начиная съ С. Америки, Австраліи, Канады и кончая Капскими колоніями, Индіей и друг. частями, гдѣ господствуетъ въ значительной степени инородческій районъ. Намъ представляется случай обрисовать эту колоніальную политику въ Индіи и воззрѣнія англичанъ на свои колоніи. Мы пользуемся этимъ тѣмъ охотнѣе, что это можетъ бросить нѣкоторый свѣтъ вообще на управленіе странами инородческими, и привитіе здѣсь европейской цивилизаціи, а также познакомиться съ хозяйственной системой англичанъ въ странѣ, съ которой можетъ быть намъ, русскимъ, придется сблизиться или столкнуться чрезъ Среднюю Азію.

Изъ всѣхъ британскихъ владѣній Индія болѣе всего приковывала къ себѣ вниманіе англійскаго общественнаго мнѣнія въ теченіи послѣдняго десятилѣтія. Бенгальскій голодъ 1874 года, визитъ наслѣднаго принца, провозглашеніе королевы Викторіи императрицей Индіи, новый страшный голодъ, затмившій собою бенгальскій, два года свирѣйствовавшій въ Мадрасѣ и Бомбеѣ, вызовъ туземныхъ войскъ на островъ Мальту въ 1877 году и въ Египетъ въ прошломъ году, война съ несчастнымъ авганистанскимъ эмиромъ, въ которой принимали участіе индійскія войска,—все это, повидимому, прямо или косвенно служило къ скрѣпленію тѣхъ узъ, которыя должны, по мнѣнію англичанъ, еще тѣснѣе соединить судьбу Индіи съ судьбой Великобританіи, или, другими словами, на вѣки приковать 190 милліоновъ живыхъ существъ къ тріумфальной колесницѣ представительницы всемірнаго капитала.

Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ было положено начало новой эры, и правительственная опека замѣнила собою безпорядочное хозяйничанье частной компаніи. Но посмотримъ, много ли выиграла Индія отъ перемѣны хозяина, и воспользовались ли новые правители этой страны долговременнымъ періодомъ внутренняго глубокаго спокойствія для введенія тѣхъ неотложныхъ реформъ, которыя должны были, послѣ того, какъ Индія слилась въ одно политическое цѣлое съ Великобрататаніей, обязательно сдѣлать индусовъ вполнѣ равноправными въ политическомъ отношеніи съ остальными подданными королевы Викторіи англо-саксонской расы.

Но прежде, чѣмъ приступить къ изложенію находящихся въ нашемъ распоряженіи фактовъ, считаемъ долгомъ замѣтить, что всѣ англійскіе авторы, писавшіе объ Индіи, не исключая даже тѣхъ немногихъ, которые писали въ духѣ самой рѣшительной оппозиціи англійскому правительству *), придерживались господствующей въ

*) Къ числу которыхъ принадлежитъ между прочимъ авторъ The Bankruptcy of India (Nineteenth Century, Oct. 1880), съ выводами котораго мы намѣрены познакомить читателя въ настоящей статьѣ.

англійской политикѣ точки зрѣнія такъ называемой манчестерской школы, лозунгомъ которой, какъ извѣстно, служитъ пресловутый принципъ „laissez faire laissez passer" и поэтому, какъ и слѣдовало ожидать, не подозрѣвали вовсе, что коренная причина обѣднѣнія индусскаго народа заключается въ постепенномъ систематическомъ разрушеніи древняго общиннаго строя индусовъ, подъ вліяніемъ административныхъ распоряженій англійскаго правительства, и которое не могутъ пріостановить никакія самыя либеральныя реформы. Такъ, напр., упомянутый авторъ совершенно чистосердечно раздѣляетъ убѣжденіе всѣхъ англійскихъ экономистовъ, считающихъ частное и наслѣдственное владѣніе поземельной собственностью, введенное въ Индіи впервые англичанами, величайшимъ благодѣяніемъ, оказаннымъ индусскому народу британской цивилизаціей. Ударъ, поразившій общинный бытъ туземцевъ, былъ нанесенъ завоевателями сознательно. Дѣло въ томъ, что ни одинъ англичанинъ, даже одаренный самымъ философскимъ умомъ не въ состояніи себѣ никогда усвоить понятіе о собственности иначе, какъ въ видѣ частной собственности.

Мы не будемъ распространяться здѣсь, какимъ образомъ совершался постепенный переходъ отъ общиннаго владѣнія къ частному или вѣрнѣе къ частной крупной поземельной собственности, вслѣдствіе котораго обогащались отдѣльныя личности, масса же индусскаго народа превращалась въ безземельный пролетаріатъ. Скажемъ только, что англичане въ древнемъ индійскомъ быту не видѣли ничего кромѣ кастоваго устройства и воображали, что установивъ сильное правительство въ Индіи, которое государственными законами обезпечиваетъ за каждымъ право свободно переходить отъ одного занятія къ другому, или, выражаясь языкомъ экономистовъ, обезпечивъ свободное передвиженіе труда, они устранили важнѣйшую причину экономическаго и умственнаго застоя. Они думали, что, разрушивъ касту и общину, они сдѣлали все, что можно требовать отъ „гуманной" цивилизаціи европейца. На дѣлѣ получились однако совершенно иные результаты. Оказалось, что всѣ такъ-называемыя благодѣянія англійской цивилизаціи, о которыхъ такъ много говорится въ парламентскихъ рѣчахъ, всѣ усилія самыхъ добросовѣстныхъ администраторовъ, направленныя къ поднятію экономическаго уровня индусскаго народа, безсильны въ борьбѣ съ этимъ національнымъ зломъ. Ни 7,000 миль желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ въ эти 20 лѣтъ, ни громадныя ирригаціонныя сооруженія, ни цѣлая сѣть шоссейныхъ дорогъ, которою покрылась Индія, не въ состояніи были предотвратить часто повторяющіеся голода. Шесть большихъ голодныхъ эпидемій ознаменовали собой этотъ двадцатилѣтній періодъ мира и

стоили Индіи, согласно оффиціальнымъ даннымъ, 1.400,000 человѣческихъ жизней и почти половину всего скота. Въ дѣйствительности оно можетъ быть было даже больше.

„Намъ постоянно твердятъ", говоритъ англичанинъ-авторъ, „что власть наша въ Индіи зиждется скорѣе на доброй волѣ и привязанности къ намъ народа, нежели зависитъ отъ превосходства нашихъ силъ. Что будто туземцы Индіи пользуются миромъ и благосостояніемъ подъ властью Великобританіи, и что въ частности земледѣльцы, какъ классъ, гораздо богаче прежняго, что туземная торговля процвѣтаетъ, и что вообще массѣ народонаселенія, несмотря на увеличенныя подати, гораздо лучше живется, нежели когда бразды правленія были въ рукахъ остъ-индской компаніи". „Но если это правда, то гдѣ же богатства Индіи? Что онѣ не находятся въ рукахъ крестьянъ, это ясно, такъ какъ послѣдніе едва въ состояніи выносить тяжесть налоговъ, и на большихъ пространствахъ дошли до такой нищеты, что при малѣйшей крайности прибѣгаютъ къ содѣйствію правительственныхъ работъ. Нѣтъ болѣе прекрасныхъ храмовъ и памятниковъ искусства прежнихъ временъ, на которыя уходили тогда сбереженія народа; нѣтъ общественныхъ сооруженій, построенныхъ на средства частныхъ лицъ. Индусскіе займы почти неизвѣстны, только часть громаднаго долга въ 220.000.000 ф. ст. находится въ рукахъ туземцевъ. Капиталы для желѣзныхъ дорогъ и ирригаціонныхъ сооруженій цѣликомъ заняты въ Англіи, откуда привезены и тѣ машины, которыя работаютъ теперь въ Индіи, тогда какъ туземныя мануфактуры, раззоренныя подвозомъ болѣе дешевыхъ англійскихъ товаровъ, не были замѣнены новымъ мѣстнымъ производствомъ. Капиталъ Индіи, если онъ гдѣ-либо наростаетъ, поступаетъ совершенно противно общепринятому правилу, такъ какъ онъ не примѣняется къ наиболѣе выгодному въ Индіи производству, а именно къ обработкѣ почвы, и не стремится понизить процентъ на займы, совершаемые для этой цѣли".

Богатство туземныхъ банкировъ и капиталистовъ только на бумагѣ, въ сущности же оно роздано взаймы ихъ болѣе нуждающимся соотечественникамъ. Оно представляетъ собою капиталъ, необходимый для земледѣлія милліоновъ маленькихъ фермеровъ. Если мы прослѣдимъ происхожденіе этого богатства до самаго его источника, то найдемъ, что оно заключается въ сотняхъ тысячъ головъ рогатой скотины и въ рабочихъ орудіяхъ многочисленнаго, но крайне бѣднаго народа. Да и этотъ капиталъ, который скорѣе уменьшается нежели растетъ, отдается взаймы за 12—60%. Какъ отзывается на положеніи земледѣльцевъ такой высокій процентъ, при строгомъ англійскомъ законодательствѣ относительно должниковъ, понятно для всякаго и не требуетъ доказательства.

Но настоящую причину зла надо искать не въ одномъ только деревенскомъ ростовщикѣ. Истина заключается въ томъ неподлежащемъ сомнѣнію фактѣ, что индусское общество въ цѣломъ своемъ составѣ страшно обѣднѣло при англійскомъ режимѣ и процессъ обѣднѣнія продолжается съ усиленной скоростью. „Опасность, съ которой

намъ предстоитъ современемъ столкнуться лицомъ къ лицу", говоритъ авторъ, „на самомъ дѣлѣ весьма серьезна. Не надо ни преувеличеній, ни ложной риторики, чтобы легко представить себѣ всю тяжесть отвѣтственности, которая насъ ожидаетъ. Достаточно фактовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что пока мы проводимъ время съ разными комбинаціями и коммисіями, мы, если только насъ не обманываетъ дѣйствительность и цифры, быстро приближаемся къ катастрофѣ, которая не будетъ имѣть ничего себѣ подобнаго въ исторіи. Когда видишь, что подавленные нуждой земледѣльцы въ одной части имперіи облагаются постоянною податью для поддержанія умирающихъ съ голода въ другой, которые въ свою очередь облагаются съ этою же цѣлью, при этомъ вся страна буквально высасывается громадной воинской повинностью, уплатой жалованья англійскимъ чиновникамъ, потерей при размѣнѣ серебра на золото въ Англіи, о чемъ будетъ спеціально говориться ниже, уплатой процентовъ на капиталы, затраченные на разныя публичныя сооруженія, безполезныя для народа,—то не надо особенно геніальнаго ума, чтобъ предвидѣть, что общій крахъ неизбѣженъ. Голода, раззорявшіе Индію, были голодами, происходившими преимущественно отъ финансовыхъ затрудненій. Мужчины и женщины голодали потому, что не имѣли денегъ для покупки хлѣба" (sic).

Затѣмъ авторъ, переходя къ опредѣленію средней доходности туземнаго крестьянина, жалуется на скудость статистическихъ данныхъ.

Такой же пробѣлъ въ оффиціальной статистикѣ Индіи существуетъ и въ отношеніи къ сельскому хозяйству и другимъ производствамъ. Благодаря однако нѣкоторымъ независимымъ авторитетамъ, можно считать среднимъ числомъ ежегодный валовой доходъ Индіи въ этотъ періодъ въ 300 милліоновъ ф. ст. Для примѣра авторъ приводитъ таблицу относительной доходности индійскихъ провинцій соотвѣтственно количеству пахотной земли въ каждой изъ нихъ за 1867—1868 годъ, который можетъ быть названъ довольно благопріятнымъ годомъ въ отношеніи къ урожаю.

Доходъ этотъ съ 158.618,264 акр. равнялся 277.000,000 ф. ст., что составитъ съ одного акра 1 ф. ст. 14 шил. [1]). Если 6% изъ этой суммы откинуть на посѣвы, то чистаго дохода получится и того менѣе, а именно 260.000,000. Но взявъ даже самый благопріятный годъ, и прибавивъ къ стоимости сельско-хозяйственнаго производства доходы съ мануфактуръ, невозможно получить болѣе 160 милліоновъ дохода. Принимая же въ соображеніе невѣроятно ничтожные доходы, опубликованные недавно въ Мадрасѣ, Бомбеѣ и др. провинціяхъ, не превосходившіе мѣстами 10 ш. съ акра [2]), мы смѣло можемъ возвратиться снова къ 300 милліонамъ и принять эту цифру за норму средней доходности для всей Индіи. Раздѣливъ эти 300 м. на 190 м., т.-е. на цифру народонаселенія, окажется, что средній доходъ британскаго подданнаго въ Индіи не превышаетъ 31 ш. и 6 пенсовъ [3]). Конечно, сравнивать одну страну съ другой въ отношеніи доходности не всегда удобно по причинѣ различныхъ почвенныхъ и

климатическихъ условій, тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ замѣтить, что средній валовой доходъ Соединенныхъ Королевствъ и Ирландіи обыкновенно принимается не менѣе 30 ф. ст. [4]) на человѣка, но по всей вѣроятности онъ гораздо больше. Но что особенно важно—это опредѣлить, какая часть этихъ жалкихъ 31 ш. 6 п. идетъ на удовлетвореніе ежедневныхъ жизненныхъ потребностей, или другими словами, какую часть своего дохода крестьянинъ или земледѣльческій рабочій можетъ, за вычетомъ податей, употребить на себя и свое семейство. М—ръ Робертсонъ недавно показалъ, какою роскошью счелъ бы честный фермеръ-бѣднякъ изъ Мадраса ту жизнь, которую ведетъ преступникъ, заключенный въ тюрьмѣ. При этомъ Мадрасъ считается провинціей болѣе всего расходующей на содержаніе преступника. Но взявъ, положимъ, ту цифру, которую тратитъ ежегодно на этотъ предметъ Бенгалія, а именно 23 рупіи (46 ш.) [5]), стоимость пропитанія одного арестанта, и принимая въ соображеніе содержаніе дѣтей, мы найдемъ, что стоимость пропитанія семейнаго человѣка внѣ тюрьмы, пропитанія такого, какое получаетъ арестантъ, обойдется въ 28 рупій (49 ш.). Вычтя отсюда потери отъ безпорядочной жизни и плохого хозяйничанья, останется все еще поражающій дефицитъ между 31 ш. 6 п. и стоимостью тюремнаго пропитанія. Но при этомъ не принято въ разсчетъ содержаніе скота, покупка платья, починка дома и подати.

Если бы населеніе, занимающееся земледѣліемъ и другимъ ручнымъ трудомъ и достигающее по численности, положимъ, 150 милліоновъ изъ общаго числа всего народонаселенія, т.-е. изъ 190 м., удерживало бы все то, что оно производитъ, то и тогда оно не было бы черезчуръ богато и едва ли имѣло бы возможность дѣлать какія либо сбереженія. Арендаторы и работники одинаково перебиваются со дня на день, причемъ заработная плата за черную работу (unskilled labour) въ отдаленныхъ отъ желѣзной дороги мѣстностяхъ все еще не выше $1^1/_2$—4 [6]) пенсовъ за рабочій день, хотя, судя по оффиціальнымъ даннымъ, цѣны на жизненные припасы поднялись.

---

[1]) На наши деньги по номинальному курсу 10 р. 60 к. Акръ=0,37 десятины, что составитъ 33 р. 30 к. съ десятины.

[2]) Или 10 р. 46 коп. съ десятины.

[3]) 9 р. 73 коп.

[4]) Около 180 р.

[5]) Около 15 р.

[6]) Отъ 3 до 12 коп.

Государственные доходы Индіи за 1876 г., который былъ годомъ урожайнымъ, простирались до 51.310,063 ф. ст. Большая часть этой суммы состояла изъ податныхъ статей, взятыхъ непосредственно изъ народнаго кармана, а именно:

Поземельный налогъ	21.500,000	ф. ст.
Акцизъ.	2.500,000	„ „
Соляной налогъ	6.240,000	„ „
Гербовая пошлина	2.830,000	„ „
Таможенный сборъ	2.720,000	„ „
Итого . . .	35.790,000	„ „

или круглымъ числомъ 36 милліоновъ. Остальная часть вышеозначенной суммы составляется изъ доходовъ съ опіума, дани, платимой независимыми туземными государствами, провинціальныхъ сборовъ и т. д. Такъ, одинъ доходъ съ опіума даетъ ежегодно 8 милліоновъ ф. ст. валового и болѣе 6 м. чистаго дохода. Означенные 36 м., распредѣленные поголовно, даютъ 3 ш. $9^1/_2$ пенсовъ на каждаго, съ перваго взгляда сумму ничтожную до смѣшнаго. Однако она превращаетъ упомянутые 31 ш. 6 п., которые недостаточны для покрытія самыхъ необходимыхъ нуждъ, въ 27 ш. 9 пенсовъ; 3 ш. $9^1/_2$ п. составятъ слѣдовательно немного болѣе 12%, взятыхъ изъ народнаго дохода для цѣлей чисто-правительственныхъ.

„Положеніе народа, говоритъ авторъ, быстро ухудшается подъ нашимъ управленіемъ. Въ Индіи мы всѣ знаемъ, что когда земледѣльческое сословіе бѣдно, то такая же участь ожидаетъ и остальныхъ членовъ общества". Несмотря на такое положеніе дѣлъ, правительство до сихъ поръ упорно отказывается выслушать мнѣніе самихъ туземцевъ. Въ теченіи всего этого двадцатилѣтія всего только трое туземцевъ были допрошены въ Англіи о дѣлахъ ихъ родины. Двое изъ нихъ въ точности предсказали то, что случилось вскорѣ затѣмъ въ одномъ округѣ и дали весьма знаменательное предостереженіе о судьбѣ, которая легко можетъ постигнуть всю Индійскую Имперію.

(*Продолженіе будетъ*).

289

КОЛОНІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ИНДІИ.

Перейдемъ теперь къ доводамъ автора, направленнымъ противъ тѣхъ государственныхъ людей и публицистовъ Англіи, которые, будучи приверженцами правительственной политики въ Индіи, стараются представить положеніе дѣлъ въ этой странѣ въ розовомъ цвѣтѣ, и отчеты которыхъ передъ парламентомъ и прессой вѣчно заканчиваются стереотипной фразой: „все обстоитъ благополучно".

Обыкновенной уловкой этихъ господъ, когда въ парламентѣ или въ прессѣ заходитъ рѣчь объ индійскомъ бюджетѣ, было указывать на процвѣтающую и увеличивающуюся съ каждымъ годомъ торговлю Индіи съ Англіей, въ которой ежегодный ввозъ и вывозъ въ совокупности, дѣйствительно, превышаютъ громадную цифру ста милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Посмотримъ, какія цифры даетъ намъ торговый балансъ за послѣднія 20 лѣтъ. Возьмемъ для примѣра періодъ 1857—1876 г. Весь итогъ ввоза и вывоза за это время включительно составляетъ для вывоза 997.063,848 ф. ст. и для ввоза 84.1192,237 ф. ст. Различая между товаромъ и золотыми слитками въ рубрикѣ ввоза, мы имѣемъ товару ввезеннаго въ этотъ періодъ на 569.835,243 ф. ст., а золота на 271.356,994 ф. ст. Съ 1857 по 1876 г., слѣдовательно, ввозъ и вывозъ въ совокупности увеличился съ 55.000,000 до 103.000,000, т.-е. почти удвоился. Ничего не можетъ быть удовлетворительнѣе, гласитъ близорукое общественное мнѣніе. Торговля удвоилась—превосходно, вывозъ превышаетъ ввозъ, чего же больше желать. Громадный приливъ золота—ergo страна должна богатѣть. Такъ думаетъ общество, но все ли обстоитъ такъ благополучно на самомъ дѣлѣ? Вывозъ Индіи, на которомъ, главнымъ образомъ, основываютъ свои надежды упомянутые дѣятели, состоитъ исключительно изъ продуктовъ земледѣльческаго производства, другими словами изъ сырья, а слѣдовательно надо допустить, что если вывозъ сырья изъ Индіи такъ громаденъ, то количество продуктовъ земли, какъ ни ничтожна ихъ номинальная цѣнность, должно быть, какъ мы это видимъ въ Америкѣ, Австраліи и Новой Зеландіи болѣе нежели достаточно для доставленія самимъ земледѣльцамъ, составляющимъ съ наемными рабочими $^3/_4$ народонаселенія, хотя бы умѣреннаго благосостоянія.

Но факты, какъ мы уже выше видѣли, противорѣчатъ подобному выводу. Во-первыхъ, a priori, сравнивъ валовой доходъ со всего производства съ цифрой тяготѣющихъ на народѣ налоговъ и повинностей, за уплатой которыхъ остается едва столько, сколько нужно для удовлетворенія самыхъ элементарныхъ потребностей, не говоря уже о побочныхъ расходахъ и сбереженіяхъ. Во-вторыхъ, свидѣтельствомъ компетентныхъ наблюдателей изъ разныхъ мѣстностей Индіи, единогласно разсказывающихъ о невѣроятной бѣдности народа. Громадный вывозъ не можетъ, слѣдовательно, быть разсматриваемъ, какъ слѣдствіе высокаго благосостоянія и довольства *).

Впрочемъ, если оцѣнить по достоинству вышеприведенныя цифры, вычисленныя въ индійскихъ нормахъ, то будетъ очевидно, что по крайней мѣрѣ 15% надо будетъ приложить къ цифрѣ вывоза въ видѣ барыша и т. п., и что поэтому цѣнность ввоза, могущая уравновѣсить такой вывозъ, должна быть не менѣе 1.145.000,000 ф. ст. Между тѣмъ цѣнность ввоза на самомъ дѣлѣ всего 841 м. ф. ст. Разница, слѣдовательно, болѣе чѣмъ на 300 м. Изъ цифры ввоза 271 м. ф. ст. составляютъ стоимость золотыхъ слитковъ, изъ которыхъ не менѣе 120 м. изображаютъ доходъ съ займовъ, сдѣланныхъ или гарантированныхъ правительствомъ, и ввозимыхъ въ Индію въ качествѣ заимообразно взятаго фонда для уплаты жалованья рабочимъ, техникамъ и пр., нанятымъ для публичныхъ работъ. Это деньги, занятыя въ долгъ на неопредѣленное время и которыя должны быть уплачены обратно. Слѣдовательно онѣ не могутъ быть названы ввознымъ товаромъ.

---

*) Какъ извѣстно, подобное же явленіе составляетъ злобу дня и въ нашемъ отечествѣ, вывозъ котораго состоитъ исключительно изъ продуктовъ земли. О вывозѣ продуктовъ постоянно говорятъ и въ приложеніи къ Сибири.

Такимъ образомъ, изъ Индіи исчезаютъ въ теченіи 20 лѣтъ болѣе нежели 300 м.+120 м.=420 м. или 21 м. ф. ст. въ годъ. Не трудно доказать, что исчезаетъ въ дѣйствительности больше, если взять въ разсчетъ барышъ съ торговли опіумомъ и ввозъ денегъ для частныхъ предпріятій, которыя также берутся въ долгъ. Но и приведенныхъ цифръ достаточно, чтобъ установить тотъ фактъ, что вывозная торговля Индіи дѣйствуетъ въ высшей степени истощающимъ образомъ на страну.

Обратимся теперь къ оцѣнкѣ ввоза. Главнымъ предметомъ ввоза въ Индію служитъ, конечно, красный товаръ или хлопчатобумажныя матеріи, выдѣлываемыя на англійскихъ фабрикахъ большею частью изъ индійскаго хлопка. Въ 1857 году онъ былъ ввезенъ въ Индію на 6 милліоновъ ф. ст., а въ 1876 г. ввозъ его болѣе чѣмъ утроился и достигъ 19 милліоновъ, обстоятельство безъ сомнѣнія выгодное для метрополіи—какой же выходитъ изъ этого результатъ? Безъ сомнѣнія, крестьяне получаютъ теперь свои скудныя одежды по болѣе дешевой цѣнѣ, нежели когда они покупали ихъ у мѣстныхъ фабрикантовъ, но раззореніе туземной мануфактуры, было ли оно столь выгодно для Индіи *)? Ко-

нечно, жить такъ, хотя фермеру обходится теперь его бумажный костюмъ немного дешевле прежняго, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ будетъ лучше одѣтъ нежели былъ 20 лѣтъ тому назадъ, или въ состояніи болѣе тратить на одежду—скорѣе наоборотъ. Туземные хлопчатобумажные промышленники лишились сбыта своихъ произведеній и должны были заработывать себѣ кусокъ хлѣба другимъ способомъ. Бѣднѣйшіе изъ нихъ, вѣроятно, превратились въ чернорабочихъ, а тѣ, которые владѣли земельной собственностью, перешли къ земледѣлію. „Итакъ, если Индія выигрываетъ отъ нашей торговли съ ней, спрашиваетъ въ заключеніе авторъ, если она, напротивъ, не теряетъ отъ нея съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, то гдѣ же данныя, свидѣтельствующія о ея благосостояніи"?

Перспектива голода не останавливаетъ вывоза хлѣба, и даже наступившіе уже голода не считаются препятствіемъ къ вывозу. Въ Ориссѣ, хотя голодъ ожидался въ 1865 году, предметы пищи были тѣмъ не менѣе вывезены изъ провинціи и проданы съ цѣлью добыть денегъ для уплаты податей и налоговъ. Въ минувшемъ году изъ сѣверозападныхъ провинцій вывозилась масса зерна въ Мадрасъ и въ Англію, хотя одновременно въ этихъ же провинціяхъ 300,000 народу, согласно самому достовѣрному свидѣтельству, умерли съ голода. Изобиліе хлѣба не причемъ, когда надо уплатить государственныя подати и мѣстныя повинности, затѣмъ проценты ростовщику,—запастись же хлѣбомъ для человѣка и домашней скотины можно послѣ, такова логика этой системы.

Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что въ Индіи въ настоящее время милліоны фермеровъ воздѣлываютъ исключительно хлопокъ и другія истощающія почву растенія. Воздѣлываніе хлопка и мака вытѣсняетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе воздѣлываніе риса и др. хлѣбныхъ злаковъ, потому, что на эти продукты увеличивается спросъ на иностранныхъ рынкахъ, вслѣдствіе чего капиталисты и вообще оптовые скупщики находятъ для себя болѣе выгоднымъ воздѣлывать послѣдніе, нежели хлѣбные злаки. Капиталистъ затрачиваетъ свой капиталъ только тамъ, гдѣ онъ даетъ ему наибольшій процентъ, а извѣстно вѣдь, какіе барыши получаютъ англичане отъ торговли опіумомъ съ Китаемъ. Разрушеніе общиннаго владѣнія, превратившее массу бывшихъ землевладѣльцевъ въ безпріютныхъ бобылей-пролетаріевъ, даетъ капиталистамъ возможность скупать за безцѣнокъ земли и обработывать ихъ посредствомъ этихъ же про-

*) Это равносильно паденію нашего кустарнаго производства.

летаріевъ. Собственная же пища мѣстнаго населенія годъ отъ году ухудшается, несмотря или вѣрнѣе вслѣдствіе усиливающагося вывоза.

Этотъ урокъ, который даетъ Индія подъ англійскимъ владычествомъ, въ высшей степени поучителенъ. Здѣсь можно видѣть къ чему можетъ привести разрушеніе общиннаго владѣнія, эксплуатація земель ради рынка и торговли, а также къ чему ведетъ вывозъ хлѣба изъ странъ земледѣльческихъ безъ развитія мѣстной промышленности. Этотъ примѣръ поучителенъ для тѣхъ, кто рекомендуетъ Сибири одинъ вывозъ своего сырья.

То же самое можно сказать и о другихъ предметахъ сельскаго хозяйства, а именно о домашнихъ животныхъ, такъ сказать живыхъ орудіяхъ крестьянскаго производства. Крестьянинъ въ Индіи, при обработкѣ своихъ полей нуждается въ содѣйствіи воловъ. Въ настоящее время нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Индіи количество рогатаго скота уменьшается. Это подтверждается наблюденіями лорда Лауренса. Вслѣдствіе превращенія выгоновъ въ пахатныя поля, скотъ удаляется въ пустыри и тамъ отъ плохаго корма вырождается. Много скотины пропадаетъ также отъ различныхъ эпизоотій, происходящихъ отъ дороговизны соли *). Затѣмъ, голодъ, какъ послѣдствіе засухъ также, конечно, имѣетъ большое вліяніе на уменьшеніе этихъ столь необходимыхъ индусу въ его хозяйствѣ животныхъ. Число головъ рогатаго скота, павшаго во время голода въ Орриссѣ, оцѣнено было въ 1 милліардъ ф. ст. Въ Мадрасѣ, согласно оффиціальнымъ отчетамъ, пало во время голода не менѣе 75% не-земледѣльческаго и, вѣроятно, не менѣе 40% земледѣльческаго скота. Подобныя же цифры мы встрѣчаемъ и въ оффиціальныхъ отчетахъ изъ Бомбея, Пенджаба и Бенгаліи. И такъ, не говоря уже о потеряхъ въ удобреніи, вслѣдствіе уменьшенія числа домашнихъ животныхъ, очевидно, что и земледѣльческій трудъ совершается нынѣ въ Индіи болѣе слабыми и истощенными животными и болѣе бѣдными и плохо питающимися работниками. „Нужно ли, спрашиваетъ авторъ, идти далѣе, чтобы понять наконецъ, почему голода въ Индіи умножались?

(*Продолженіе будетъ*).

297

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ—1883 г. № 12

КОЛОНІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ИНДІИ.

(*Окончаніе*).

Какія-же мѣры принимало до сихъ поръ англійское правительство для облегченія Индіи и противодѣйствія голоднымъ эпидеміямъ? Англичанинъ-авторъ приходитъ къ заключенію, что мѣры эти—заключающіяся въ постройкѣ громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ и дорогостоющихъ ирригаціонныхъ сооруженій, въ смыслѣ радикальнаго исцѣленія страны отъ недуга голодныхъ эпидемій совершенно безсильны и приносятъ болѣе вреда, нежели пользы. Мы съ своей стороны полагаемъ, что если эти предметы роскоши и принесутъ когда нибудь плоды достойные сдѣланныхъ на нихъ затратъ, то развѣ только въ далекомъ будущемъ, когда условія, при которыхъ скорѣе прозябаетъ, нежели живетъ теперь индусскій народъ, будутъ другими, болѣе способствующими его умственному и матеріальному прогрессу. Условія же эти, по нашему мнѣнію, могутъ явиться только тогда, когда правительство Англіи откажется отъ излюбленныхъ принциповъ своей кабинетской политики и вступитъ на путь чисто-народной политики, согласной съ традиціями индусскаго народа, т. е. убѣдится наконецъ, что либерально-буржуазный строй и система административной централизаціи, не могутъ никогда замѣнить древняго общиннаго быта и круговой поруки, существовавшихъ въ Индіи до завоеванія ея англичанами. Но англичане слишкомъ далеки отъ того, чтобы разстаться съ своей политикой. „Общественныя работы, производимыя на средства, берущіяся отъ народа въ видѣ налоговъ, или въ видѣ все новыхъ и новыхъ займовъ, слывутъ и теперь еще, какъ прежде, за офиціальную панацею отъ голодныхъ эпидемій. Правительство не хочетъ понять досихъ поръ, что единственный способъ, которымъ нація можетъ обезпечить себѣ на случай крайности средства въ жизни, это откладывать и запасать въ года урожая или, другими словами, сберегать деньги, полученныя отъ продажи излишка въ одномъ какомъ нибудь округѣ, гдѣ оказался такой излишекъ, съ цѣлью впослѣдствіи купить излишекъ другаго округа, въ случаѣ появленія въ первомъ голода. Но употребляя этотъ запасный капиталъ на постройку желѣзныхъ дорогъ или для другихъ какихъ либо цѣлей, правительство относительную крайность превращаетъ въ абсолютный голодъ. Намъ возражали, что посредствомъ желѣзныхъ дорогъ можно скорѣй всего подвезти хлѣбъ оттуда, гдѣ онъ въ излишкѣ туда, гдѣ его нѣтъ, забывая при этомъ, что у народа нѣтъ денегъ, чтобы его купить. Вотъ главная причина почему онъ голодаетъ и будетъ голодать, несмотря на всѣ желѣзныя дороги настоящія и будущія.“

Посмотримъ теперь, во что обошлись государству эти желѣзныя дороги. Согласно цитируемому авторомъ м-ру Юланду Данверу, 5900 миль гарантированныхъ линій были сооружены еще въ 1877 году и стоили 95.200,000 ф. ст. наличнаго капитала. Кромѣ того, 28 милліоновъ ф. ст. внесены впередъ въ видѣ гарантированныхъ процентовъ на акціи къ 31 декабря 1876 г. Такимъ образомъ въ итогѣ получается сумма свыше 130 м. ф. ст., уплаченныхъ за 6000 миль желѣзнаго пути или 21000 ф. ст. за одну милю, и это въ бѣднѣйшей земледѣльческой странѣ на свѣтѣ! Не считая упомянутаго наличнаго капитала, занятаго въ Англіи, 28 м. ф. ст. индійскихъ денегъ были затрачены на эти желѣзныя дороги, давшія дивидендъ только съ прошлаго года въ первый разъ послѣ ихъ постройки. Правительственныя дороги, на которыя затрачено 170 м. ф. ст., находятся еще въ худшемъ состояніи и не даютъ даже 1% съ затраченнаго капитала. „Не имѣетъ ли послѣ этого, восклицаетъ авторъ, каждый несчастный фермеръ, принужденный занять добавочныя 20 рупій (2 ш. 6 п.) у туземнаго ростовщика иногда за 60% для уплаты экстренныхъ податей,—и которому эта сумма доставила бы нѣсколькими сытыми днями больше въ году,—полное право спросить: то ли это, что Европа называетъ цивилизаціей, это ли плоды высшихъ соображеній англійскихъ финансистовъ!?“ *).

Хотя у индійскаго правительства неоднократно требовали въ парламентѣ отчетовъ о доходности ирригаціонныхъ сооруженій, но оно никогда ихъ не давало. Между тѣмъ, согласно отчетамъ Остиндскаго министерства финансовъ, 160 м. ф. ст. было затрачено на эти сооруженія въ эти двадцать лѣтъ правительственнаго режима. Несмотря на то, что во многихъ мѣстностяхъ земледѣльцы были силою принуждаемы брать и платить за воду, которая имъ была безполезна, все-таки все дѣло остается мертвымъ и бездоходнымъ. Что земледѣльцы, живущіе въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этими ирригаторами, могутъ имѣть отъ нихъ нѣкоторую пользу, это весьма возможно. Но такъ какъ въ ирригаціонныхъ каналахъ вода не можетъ течь въ гору или быть подъ рукой вездѣ, гдѣ случится засуха, то понятно, что массѣ всѣ эти предпріятія приносятъ болѣе косвеннаго вреда, нежели непосредственной пользы, такъ какъ и безъ того до-нельзя обѣднѣвшая она вынуждена еще уплачивать въ видѣ добавочныхъ налоговъ проценты на капиталы, занятые для постройки этихъ дорогихъ безполезностей.

Лордъ Салисбюри, бывшій государственный секретарь по дѣламъ Индіи, очень ясно понималъ всѣ эти безобразія, но по несчастью для Англіи и Индіи не имѣлъ достаточно мужества, чтобы провести свое мнѣніе, или какъ говорятъ французы „n'a pas eu le courage de ses opinions“. Впрочемъ, что касается дѣйствительныхъ мѣръ противъ частыхъ голодныхъ эпидемій, то на этотъ счетъ у г. Салюсбюри не нашлось ничего болѣе существеннаго, кромѣ платоническаго совѣта индусскому народу вести болѣе умѣренную и трезвую жизнь во время урожайныхъ годовъ съ тѣмъ, чтобы на накопленныя такимъ образомъ сбереженія существовать въ голодные годы. „Какая суровая критика на собственныя дѣйствія правительства, восклицаетъ нашъ авторъ, заключается въ этой рѣчи достопочтеннаго лорда“!

Затѣмъ авторъ на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ имъ изъ смѣты публичныхъ работъ на 1880 годъ и изъ государственнаго бюджета Индіи, подробно вычисляетъ дефицитъ, который долженъ получиться за послѣдніе три года, какъ результатъ затраченныхъ на публичныя сооруженія капиталовъ. Дефицитъ этотъ въ три года

*) Что желѣзныя дороги далеко не такъ благодѣтельны, а также, что эти дороги далеко не составляютъ спасенія отъ экономическихъ бѣдствій — фактъ весьма поучительный для странъ земледѣльческихъ.

достигъ почтенной цифры 16.000,000 ф. ст., которыя обременятъ Индію новымъ постояннымъ налогомъ въ 640,000 ф. ст.

Изъ этой рѣчи, достаточно характеризующей логику оратора, чтобы о ней стоило распространяться, очевидно однако, что теперь, когда дѣло разрушенія сдѣлано, когда община въ Индіи погибла безвозвратно, и такъ называемый „экономическій прогресъ", этотъ безпощадный спутникъ европейской цивилизаціи, провелъ рѣзкую грань между голодающимъ большинствомъ и пресыщеннымъ меньшинствомъ,—всѣ голода въ Индіи могутъ дѣйствительно отнынѣ считаться, какъ утверждаетъ нашъ авторъ, происходящими, непосредственно по крайней мѣрѣ, отъ несообразныхъ съ истинными нуждами народа финансовыми мѣропріятіями англійскаго правительства. Въ этомъ отношеніи нашъ авторъ совершенно правъ, хотя, какъ англичанинъ, онъ не замѣчаетъ глубже лежащихъ соціальныхъ причинъ народнаго бѣдствія. Далѣе авторъ говоритъ еще о другихъ истощающихъ Индію въ денежномъ отношеніи причинахъ, а именно о постепенно возрастающихъ потеряхъ, которыя терпитъ индійское правительство при размѣнѣ своего серебра на золото въ Англіи для уплаты такъ называемыхъ home-charges, т. е. жалованья мѣстнымъ чиновникамъ.

Остающійся за вычетомъ расходовъ на сборъ податей чистый доходъ, получаемый индійскимъ правительствомъ, не превышаетъ 40 м. ф. ст. Изъ этой суммы бюджетъ арміи и флота, включая сюда и случайные расходы на военныя цѣли, составляетъ приблизительно 19 м. ф. ст. Проценты на долгъ 5.400,000 и жалованье политическимъ агентамъ съ сопряженными съ нимъ расходами 2.500,000 ф. ст., и если къ этимъ расходамъ прибавить еще упомянутый убытокъ, терпимый индійскимъ правительствомъ при размѣнѣ серебра на золото, т. е. 3½ м. ф. ст. и потери на бездоходныя сооруженія, то отъ 40 милліоновъ останется немного для цѣлесообразной администраціи, не говоря уже объ улучшеніи участи 190 милліоновъ человѣческихъ душъ. Упомянувъ еще о возрастающихъ издержкахъ на содержаніе арміи, авторъ пророчитъ Индіи въ недалекомъ будущемъ неминуемое банкротство.

Въ заключеніе авторъ предлагаетъ принять безотлагательно слѣдующія предварительныя мѣры. Уменьшить расходы на содержаніе арміи, прекратить постройку на государственный счетъ (т. е. на счетъ податныхъ суммъ, взимаемыхъ съ народа) желѣзныхъ дорогъ и прочихъ публичныхъ сооруженій; постепенно замѣнить дорого стоющихъ англійскихъ чиновниковъ туземцами и, наконецъ, понизить во что бы то ни стало подати всѣхъ родовъ.

„Мы должны, говоритъ авторъ, сдѣлать это ради насъ самихъ, ради нашихъ личныхъ интересовъ. Всѣ согласны, что пока земледѣльческій классъ расположенъ къ намъ, онъ будетъ сражаться на нашей сторонѣ въ случаѣ возстанія болѣе интеллигентныхъ городскихъ класовъ, и мы можемъ тогда легко удержать за собой власть. Но если и этотъ классъ будетъ недоволенъ своей судьбой, то трудно даже представить себѣ во что обойдется намъ подавленіе возстанія. Отговариваться тѣмъ, что та или другая реформа не можетъ быть введена, значитъ желать наступленія дня разсчета, который будетъ самымъ страшнымъ днемъ какъ для Индіи, такъ и для насъ. Мы чуждая власть, управляющая главнымъ образомъ силой характера и административной ловкостью. Пока туземцы вѣрятъ, что всякая власть, которая послѣдуетъ за нами, туземная или европейская, будетъ ихъ еще болѣе обременять податями, нежели мы, до тѣхъ поръ мы можемъ быть спокойны. Если же восторжествуетъ противное мнѣніе, то мы утратимъ тотъ престижъ, которымъ теперь пользуемся. Затѣмъ, наши же собственные интересы заставляютъ насъ желать улучшенія быта нашихъ индійскихъ подданныхъ. Эти земледѣльцы были бы лучшими покупщиками нашихъ мануфактурныхъ издѣлій, если бы мы предоставили самому терпѣливому и выносливому крестьянину на свѣтѣ средства улучшить свое положеніе. Въ настоящее время ихъ запросъ на наши мануфактурныя издѣлія не простирается выше 2 ш. 6 п. съ души, хотя, чтобы обезпечить себѣ эту ничтожную сумму, мы уничтожили въ корнѣ мѣстную мануфактурную промышленность. Запросъ на 1 ф. ст. былъ бы конечно ничтоженъ въ сравненіи съ запросомъ остальныхъ нашихъ колоній, но далъ бы намъ въ Индіи ежегодно 190 м. ф. ст. Не было бы необходимости ломать себѣ голову надъ пріисканіемъ новыхъ рынковъ“ *).

Таково экономическое состояніе аграрнаго класса Индіи, если смотрѣть на него безъ предубѣжденія, а не чрезъ очки напыщеннаго англійскаго самолюбія. И какъ просто и ясно, хотя и съ чисто британской утилитарной точки зрѣнія, излагаетъ авторъ сущность всей этой сложной системы, постепенно, но неизбѣжно ведущей къ финансовому банкротству Индіи. Простой ариѳметической выкладкой вы убѣждаетесь въ томъ, что наступитъ скоро моментъ, когда тремъ четвертямъ населенія Индіи будетъ буквально нечего ѣсть. И нѣтъ ничего невѣроятнаго, если еще нашему поколѣнію придется пережить тотъ день, когда ограбленный народъ въ страшномъ возстаніи жестоко отмститъ своимъ притѣснителямъ, и на развалинахъ британскаго владычества будетъ основана какая нибудь индійская республика—новые соединенные штаты Азіи. Историческій законъ, управлявшій колонизаціями древнихъ грековъ и финикіянъ, господствуетъ также и въ современныхъ отношеніяхъ Англіи къ ея колоніямъ. Подобно тому какъ постепенно всѣ колоніи финикіянъ и грековъ сбросили съ себя иго своихъ метрополій и сдѣлались самостоятельными республиками, такъ точно и въ наше время колоніи, основанныя британцами, начинаютъ понемногу освобождаться изъ-подъ ярма эксплуатирующаго ихъ Альбіона. Финансовое банкротство Индіи дастъ толчокъ къ подобному движенію и среди индусскаго народа. Признаки этого настроенія

уже, какъ видно, появляются въ Индіи. Вотъ что мы читаемъ напримѣръ въ газетахъ подъ многозначительнымъ девизомъ:

Индія для индійцевъ! Возгласъ этотъ пока раздается осторожно, но англійскіе политики обращаютъ на него серьезное вниманіе. Въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ газетъ Индіи, „Progress", появилась за подписью самаго популярнаго изъ тамошнихъ туземцевъ статья, въ которой, именно, требуется, чтобы Индія была предоставлена сама себѣ, такъ какъ столѣтняя англійская опека оказалась безусловно вредною. Авторъ категорически опровергаетъ мнѣніе о матеріальномъ и нравственномъ процвѣтаніи Индіи подъ британскимъ владычествомъ: „нужда,—говоритъ онъ:—ростетъ съ каждымъ днемъ и принимаетъ по-истинѣ ужасающіе размѣры. Цѣны на всѣ предметы жизненной потребности болѣе чѣмъ удвоились, а заработная плата осталась прежняя. Англійское правосудіе обходится странѣ слишкомъ дорого и система грабежа англійскихъ ростовщиковъ поощряется и поддерживается англійскимъ закономъ о банкротствѣ. Число преступленій увеличивается въ ужасающей прогрессіи, такъ какъ англійскіе суды непригодны для Индіи. Налоги взыскиваются съ безпощадною строгостью, несмотря на неурожайные годы. Сооруженіе обширной желѣзнодорожной сѣти, служащей, исключительно, стратегическимъ интересамъ, содержаніе многочисленной арміи и увлекаемыя каждый годъ изъ страны и отправляемыя въ Англію болѣе 70.000,000 ф. м. разоряютъ Индію окончательно". Въ заключеніе авторъ прямо говоритъ: „Мы требуемъ свободной и объединенной Индіи, исключительно управляемой индійцами". Если принять во вниманіе, какое значеніе имѣетъ Индія для могущества и богатства Англіи, то станетъ понятнымъ, почему англійскія газеты такъ встревожились этими симптомами, почему онѣ приглашаютъ правительство обратить вниманіе на обнаруживающійся въ Индіи сепаратизмъ и положить ему конецъ введеніемъ реформъ.

И—латовъ.

307

2433 НОВОЕ ВРЕМЯ

Вамбери о средне-азіятскихъ дѣлахъ.

Мнѣніе Вамбери о восточныхъ дѣлахъ, въ особенности же о дѣлахъ въ Средней Азіи, признается весьма авторитетнымъ въ Англіи. Поэтому и намъ не безъинтересно прислушиваться къ этому мнѣнію, хотя оно и высказывается такимъ завзятымъ ненавистникомъ Россіи, какъ венгерскій профессоръ восточныхъ языковъ. На этотъ разъ Вамбери высказался по поводу англійскихъ побѣдъ въ Египтѣ. По мнѣнію Вамбери, война Англіи въ Египтѣ не принесетъ для Индіи той пользы, которая могла бы уравновѣсить преимущества, достигнутыя Россіей въ послѣднее время въ Средней Азіи. Вамбери получилъ письма отъ своихъ пріятелей, людей вліятельныхъ въ Мешедѣ, въ которыхъ его извѣщаютъ, что русская экспедиція подъ начальствомъ Лессара встрѣчена была весьма сочувственно туркменами племени солоровъ. Это дало возможность русскому инженеру сдѣлать съемку всей дороги, проходящей по западнымъ склонамъ Парапамиза и недоступной [illegible] до сихъ поръ для каравановъ. Ещ[illegible] недавно полковнику (нынѣ генер[illegible]ралу) Гродекову не удалось пройдти по ней.

Вамбери думаетъ, что не смотря на послѣднее рѣшеніе англійскаго правительства о дальнѣйшемъ продолженіи желѣзной дороги отъ Сиби до Кветты, Россія, тѣмъ не менѣе, будетъ вскорѣ имѣть преобладающее значеніе надъ Англіей въ этой части Азіи. Вопервыхъ, потому, что населенія, живущія между границами Индіи и нынѣшними владѣніями Русской имперіи, будутъ менѣе враждебны къ Россіи, всегда твердо державшейся своихъ проектовъ, чѣмъ къ Англіи, которая завоевала страну и затѣмъ предоставила ее собственному произволу. Вовторыхъ, и это самое главное, Россія пріобрѣла уже надъ Англіей громадное преимущество въ томъ, что у нея короче разстоянія отъ операціоннаго базиса. Въ настоящее время русскіе находятся въ Асхабадѣ; скоро (?) они очутятся въ Серакcѣ, откуда имъ остается всего только двѣсти двадцать миль до Герата, куда дорога идетъ по ровной мѣстности, представляя всевозможныя удобства для движенія войскъ.

Между тѣмъ Англія, даже послѣ проведенія желѣзной дороги до Кветты, будетъ все-таки удалена отъ Герата на четыреста сорокъ миль, то есть на разстояніе равное разстоянію отъ Асхабада до Герата и вдвое большее противъ разстоянія отъ Серакса до Герата. Англійскія войска могутъ прибыть въ Гератъ чрезъ семьдесятъ дней, а русскія—чрезъ тридцать два дня. Что касается передвиженія русскихъ войскъ далѣе Серакса, то профессоръ Вамбери замѣтилъ, что предпріятіе этого рода считалось довольно труднымъ; но съ тѣхъ поръ какъ профессоръ былъ у туркменовъ, среди ихъ произошла чрезвычайная перемѣна. Пять лѣтъ тому назадъ іомуды оказывали содѣйствіе русскимъ въ усмиреніи ихъ соплеменниковъ теке; теперь теке готовы помогать русскимъ противъ солоровъ и сароховъ, равно какъ и противъ афганъ; между тѣмъ какъ англичане врядъ ли встрѣтятъ среди ихъ какое нибудь дружественное племя, на которое они могли бы положиться. Вообще Вамбери того мнѣнія, что продолженіе линіи желѣзной дороги отъ Сиби до Кветты врядъ ли вознаградитъ за нравственныя и матеріальныя потери, понесенныя Англіей вслѣдствіе очищенія Кандахара. Онъ вполнѣ убѣжденъ, что для Россіи достаточно будетъ годового срока для проложенія рельсовъ до Серакса и даже благодаря ровной мѣстности, быть можетъ до границы Афганистана. Между тѣмъ какъ Англія, даже при желѣзной дорогѣ до Кветты, должна все-таки пройдти по гористой странѣ, то есть по Ходжакскому ущелью, чтобы только добраться до Кандахара. Для Россіи нѣтъ никакихъ затрудненій, чтобы построить упомянутую желѣзную или простую дорогу, такъ какъ вся страна до Асхабада принадлежитъ ей; недавнее соглашеніе ея съ мервскими туркменами даетъ ей свободный проходъ и право постройки дороги до Серакса.

«Я, сказалъ въ заключеніе Вамбери, или же по крайней мѣрѣ мой сынъ доживутъ до того, что будутъ свидѣтелями борьбы съ русскими за Индію, и мнѣ горько сознаться, что они будутъ имѣть на своей сторонѣ всѣ преимущества надъ англичанами въ этой борьбѣ».

311

ОТНОШЕНІЯ РОССІИ И АНГЛІИ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Положеніе Англіи въ Средней Азіи по отношенію къ Россіи не отличается особеннымъ достоинствомъ, котораго можно бы было желать. Это безконечные вопросы, увѣренія, требованія объясненій и даже угрозы, по крайней мѣрѣ въ журналахъ и въ средѣ парламента, но никогда ни одного дѣйствія. Громко кричали по поводу хивинской экспедиціи; но когда занятіе дѣйствительно воспослѣдовало, люди и даже журналы объявили, что не видятъ въ этомъ ничего дурнаго!.. «Было бы, кажется, благоразумнѣе и достойнѣе вмѣсто того, чтобы утомлять русскую канцелярію мелкими сплетнями, откровенно объявить Россіи, за какіе предѣлы она не должна переступать, подвигаясь впередъ. Взаимное недовѣріе не предвѣщаетъ ничего хорошаго для отношеній двухъ правительствъ!» Это строгое сужденіе, произнесенное г. Скайлеромъ объ англійской политикѣ, есть прямой отголосокъ чувствъ, которыя царствуютъ въ С.-Петербургѣ; но колебанія англійской политики между твердостью и слабостью являются послѣдствіями перемѣнъ въ парламентѣ, которыя по очереди предоставляютъ власть то людямъ манчестерской школы, присяжнымъ сторонникамъ повсемѣстнаго мира, не взирая ни на какія траты, то торіямъ, стремящимся болѣе поддержать извнѣ могущество и вліяніе Англіи. По разсказамъ однихъ, Россія устраиваетъ въ Средней Азіи разсадникъ солдатъ для завоеванія Индіи; по словамъ другихъ, она подготовляетъ новыхъ кліентовъ для англійскихъ прядильщиковъ. Какимъ образомъ при такомъ различіи взглядовъ слова могутъ согласоваться съ дѣйствіями? Англичане несправедливы не менѣе своихъ соперниковъ, обвиняя русскую политику въ недостаткѣ откровенности и довѣрія. Они сопоставляютъ знаменитый циркуляръ князя Горчакова 1866 г. и завоеванія, которыя за

нимъ послѣдовали, обязательства, принятыя въ началѣ 1873 г. графомъ Шуваловымъ, и присоединеніе части хивинской территоріи къ русскимъ владѣніямъ. Противорѣчіе обѣщаній съ дѣйствіями, проявившееся въ событіяхъ, не предумышленно: оффиціальные документы и въ особенности инструкціи, данныя въ разное время туркестанскимъ властямъ, достаточно это доказали. С.-Петербургскій кабинетъ, вниманіе котораго обращено исключительно на западъ и который принужденъ вмѣстѣ съ Англіею заниматься разрѣшеніемъ европейскихъ вопросовъ, нисколько не расположенъ вредить успѣху болѣе важныхъ и значительныхъ переговоровъ изъ удовольствія присоединить къ обширной территоріи русскаго государя нѣсколько туркменскихъ племенъ. Посылаемыя въ Туркестанъ инструкціи неизмѣнно воспрещаютъ новыя присоединенія; но генералъ-губернаторы, злоупотребляя отдаленностью своею отъ центральной власти и большими полномочіями, которыя необходимо давать имъ, никогда не стѣсняются поставить свое правительство лицемъ къ лицу съ совершившимся фактомъ, предоставляя ему трудъ объяснить и оправдать его. Мѣстныя усложненія, военныя нужды, увлеченіе къ завоеваніямъ не позволяютъ остановиться. Предложеніямъ русскаго правительства настолько же не слѣдуютъ въ Ташкентѣ, насколько мало обращаютъ вниманія на предложенія парламента и остъ индскаго правительства въ Калькуттѣ. Каждый шагъ, который оба государства дѣлаютъ впередъ, стоитъ короны какому-нибудь средне-азіатскому хану или индустанскому раджѣ.

Оба правительства пріискивали средства: нельзя ли преждевременнымъ раздѣломъ Средней Азіи устранить всякій поводъ къ соперничеству и къ столкновенію. Въ началѣ 1869 г., въ разговорѣ съ барономъ Брунновымъ, русскимъ посломъ въ Лондонѣ, лордъ Кларендонъ, объявляя, что британское правительство не имѣетъ причинъ безпокоиться относительно быстрыхъ успѣховъ русскихъ въ Средней Азіи, прибавилъ, что все-таки необходимо было-бы предпринять кое-что для успокоенія волненія и сомнѣнія народа и журналовъ англійскихъ. Поэтому онъ подалъ мысль установить между владѣніями обоихъ государствъ полосу, нейтральность которой была-бы признана и гарантирована Англіею и Россіею. Князь Горчаковъ благосклонно принялъ это предложеніе и съ своей стороны предложилъ для нейтральнаго пояса

Афганистанъ. Это не входило въ разсчеты Англіи, покровительствовавшей и платившей пенсію кабульскому эмиру и возвратившей ему тронъ, съ котораго онъ былъ свергнутъ, дабы оставить за собою право вмѣшиваться въ дѣла Афганистана.

Вслѣдствіе свиданія лорда Кларендона въ Гейдельбергѣ съ княземъ Горчаковымъ, англійскій кабинетъ рѣшился послать въ С.-Петербургъ г. Дугласа Фарсайта, который отлично зналъ средне-азіятскія дѣла и намѣренія англо-индійскихъ властей. Калькутское правительство предлагало гарантировать не полную независимость, но существованіе и самоуправленіе маленькихъ туземныхъ государствъ, окаймляющихъ обѣ имперіи;—Келатъ, Афганистанъ и Кашгаръ должны были остаться подъ вліяніемъ Англіи, Бухара и Коканъ подъ вліяніемъ Россіи. Этотъ проектъ былъ отклоненъ, но согласились на томъ, чтобы Россія воздерживалась отъ вмѣшательства въ дѣла Афганистана и что Англія приметъ на себя такія же обязательства по отношенію странъ, расположенныхъ на сѣверъ отъ Афганистана и исключительно предоставленныхъ Россіи. Еще было условлено, что подъ Афганистаномъ будутъ разумѣть всѣ земли, которыя признали власть Достъ-Мухаммеда. Оставалось только опредѣлить точно границы; съ одной и съ другой стороны потребовали свѣдѣній изъ Азіи.

Два года тянулись переговоры, не смотря на усилія англійскаго правительства прійти къ окончательному рѣшенію. Наконецъ 17-го октября 1872 г. лордъ Гренвиль послалъ лорду Лофтусу, англійскому послу въ Петербургѣ, для сообщенія русскому правительству, депешу, извѣщавшую, что англійское правительство, не получивъ никакихъ свѣдѣній отъ русскаго, должно было основаться на самыхъ лучшихъ данныхъ, которыя ему удалось получить, и что оно рѣшилось признать собственностью кабульскаго эмира: 1) Бадахшанъ съ принадлежащими ему землями, уаханскій округъ, озеро Сарикуль на востокѣ и рѣку Кокча до соединенія ея съ Сыръ-Дарьею, которая должна была во всю свою длину составить сѣверную границу Афганской области; 2) Афганскій Туркестанъ, понимая подъ этимъ названіемъ округа Кундузскій, Кульмскій и Балхскій и граничащіе на сѣверѣ Сыръ-Дарьею, отъ соединенія этой рѣки съ Кокчою до поста Ходжа-Салехъ включительно, на дорогѣ изъ Балха въ Бухару: афганскій эмиръ не будетъ имѣть притязаній на правый берегъ

Сыръ-Дарьи ниже Ходжи-Салеха; 3) внутренніе округа Акша, Серипуль, Маймане, Шибберджанъ и Андхой, — послѣдній долженъ былъ составлять на сѣверо-западѣ границу Афганистана,—а также и пустыню, которая тянется далѣе и принадлежитъ независимымъ туркменскимъ племенамъ; 4) западный Афганистанъ съ Гератомъ и подчиненными ему землями, границы которыхъ со стороны Хорассана, персидской области, были слишкомъ замѣтны, чтобы нуждались въ какомъ-либо опредѣленіи.

Сперва князь Горчаковъ въ отвѣтъ на это сообщилъ англійскому правительству донесеніе генерала Кауфмана и памятную записку, составленную г. Струве, въ которыхъ оспаривалось подчиненіе Бадахшана и Уахана кабульскому эмиру. Но въ видахъ русскаго правительства было выгодно принять англійскія предложенія, предоставлявшія ему самые интересные для Россіи пункты,—страну, занятую туркменами Текке, и оазисъ Мервъ; поэтому въ слѣдующей нотѣ князь Горчаковъ заявилъ, что въ угоду англійскому кабинету онъ беретъ назадъ возраженія относительно Бадахшана и Грахана. Онъ прибавилъ: «Мы тѣмъ болѣе расположены оказать эту любезность англійскому правительству, что оно берется всѣмъ своимъ вліяніемъ удержать Ширъ-Али-хана въ мирѣ и заставить его отказаться отъ всякаго вторженія и отъ новыхъ завоеваній. Необходимо, чтобы это вліяніе произвело свое дѣйствіе; такъ какъ оно поддерживается не только нравственнымъ и вещественнымъ превосходствомъ Англіи, но также и субсидіями, получаемыми отъ нея Широмъ-Али. При такомъ порядкѣ вещей мы видимъ въ увѣреніяхъ, высказываемыхъ намъ Англіею, дѣйствительную гарантію сохраненія мира». Кажется, дѣло было улажено; но когда это посланіе сообщено было парламенту и опубликовано, тогда спросили, до чего простиралось обязательство, о которомъ упоминала нота князя Горчакова, и должна-ли была Англія прибѣгать къ вооруженному вмѣшательству, чтобы удержать эмира въ мирѣ съ его сосѣдями. Г. Гладстонъ объявилъ въ палатѣ общинъ, 23-го апрѣля 1873 г., что Англія не брала на себя никакой отвѣтственности и что ея вліяніе должно было ограничиваться совѣтами и дружескими предложеніями. Русское правительство сочло это объявленіе формальнымъ отказомъ привести проектъ въ исполненіе, такъ какъ Россія не могла гарантировать неприкосновенность афганскихъ предѣловъ, если Англія съ своей стороны несогласна принять

на себя обязательства принудить афганцевъ уважать земли, находящіяся по другую сторону Сыръ-Дарьи и принадлежащія вассаламъ Россіи, на которыя послѣдняя смотрѣла какъ на свои собственныя. Оффиціальная с.-петербургская газета по поводу рѣчи г. Гладстона объявила слѣдующее: «Если Англія предоставила себѣ свободу дѣйствія, то Россія съ своей стороны сдѣлала тоже; поэтому въ сущности оба правительства не приняли одно относительно другаго стѣснительныхъ обязательствъ, которыя могли бы поставить ихъ въ ложное положеніе. На самомъ дѣлѣ все остается въ томъ же положеніи, въ какомъ было до переговоровъ 1869 и 1872 гг.; согласились только относительно границъ Афганистана. Если не будетъ новаго соглашенія, Россія будетъ совершенно въ правѣ, въ случаѣ смутъ на берегахъ Сыръ-Дарьи, перейти рѣку и наказать войска и области Шира-Али.»

Чтобы понять силу этого объявленія, нужно знать, что Россія имѣетъ про запасъ въ Самаркандѣ афганскаго принца, племянника и прежняго соперника Ширъ-Али, Абдуррахмана, который въ теченіи пяти лѣтъ оспаривалъ у него владычество надъ Афганистаномъ, и которому удалось въ 1866 г. прогнать его изъ Кабула. Ширъ-Али спасла только помощь Англіи, отторгнувшей отъ его соперника нѣкоторыхъ афганскихъ предводителей. Окончательно побѣжденный въ 1869 г. Абдуррахманъ укрылся сперва въ Мешедѣ, въ Персіи, затѣмъ отправился въ Самаркандъ, гдѣ русскіе позволили ему пребывать съ правомъ на полученіе 25,000 руб. пенсіи. Абдуррахманъ сказалъ Скайлеру, что ему только-бы получить отъ Россіи нѣсколько пушекъ, да 100,000 рублей и онъ устроитъ возмущеніе въ Кабулѣ, гдѣ у него остались еще приверженцы, свергнетъ Ширъ-Али и обратитъ всѣ афганскія племена противъ Англіи, возбудивъ ихъ религіозныя страсти. Другой племянникъ Ширъ-Али, Искандеръ-ханъ, тоже нашелъ убѣжище въ русскихъ владѣніяхъ. Послѣдній былъ посланъ въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ получилъ чинъ полковника въ гвардейскихъ гусарахъ.

Съ 1873 г. оба правительства, не довѣряя другъ другу, старательно избѣгали подать одно другому какой-либо поводъ къ неудовольствію. На просьбу о помощи и предложеніе союза хановъ хивинскаго и бухарскаго Англія отвѣтила совѣтомъ жить съ Россіею въ добромъ согласіи. Туркестанскій генералъ-губернаторъ пишетъ къ ка-

бульскому эмиру не иначе, какъ прилагая къ своимъ письмамъ англійскіе переводы, давая такимъ образомъ понять, что вся его переписка сообщается калькутскимъ властямъ. Въ позапрошломъ году одинъ англійскій офицеръ, капитанъ Бернеби, знающій восточные языки, получилъ отъ русскаго военнаго министра паспортъ для проѣзда въ Туркестанъ; ему было только предложено не переходить за русскіе предѣлы; это было объяснено невозможностью защитить его внѣ мѣстностей, подчиненныхъ Россіи. Уступая непреодолимому любопытству, капитанъ Бернеби скрылся отъ присмотра и верхомъ добрался до Хивы. Русскія власти не скрыли своего неудовольствія и такъ какъ шалость капитана Бернеби совпала съ пробужденіемъ восточнаго вопроса, то лондонскій кабинетъ, извѣщенный своимъ посломъ изъ Петербурга, послалъ по телеграфу приказъ капитану Бернеби не только покинуть Хиву, но даже немедленно возвратиться въ Англію. Это происшествіе было причиною затребованія объясненій отъ палаты лордовъ въ засѣданіи ея 12-го марта 1877 г.

Всѣ путешественники на сѣверъ отъ Сыръ-Дарьи считаются англійскими шпіонами, а на югъ рѣки русскими соглядатаями. Подозрѣнія эти не всегда были напрасны: въ 1866 г., во время возстанія въ Афганистанѣ и войны Россіи съ Музиффалъ-Эддиномъ, бухарскимъ ханомъ, туркестанскій генералъ-губернаторъ послалъ одного агента изъ туземцевъ, Джубалъ-хана, съ увѣреніями сочувствія къ афганскимъ предводителямъ, возставшимъ противъ Ширъ-Али (?), и предложеніемъ прогнать послѣдняго изъ Кабула; въ тоже время ученый индусъ, находящійся въ гражданской службѣ при англійскомъ правительствѣ, направился черезъ Джеллалабадъ и Кабулъ въ Бухару, подъ предлогомъ торговли, чтобы изучить положеніе дѣлъ въ Бухарѣ. Другъ за другомъ слѣдятъ съ неимовѣрною бдительностью. Нуженъ былъ особый приказъ великаго князя Михаила, чтобы полковникъ Беккеръ могъ посѣтить портъ и крѣпость Чикишляръ, устраиваемые русскими на берегу Каспійскаго моря, близъ устья Атрека. Г. Скайлеръ, привезя съ собою самыя лучшія рекомендаціи, все-таки возбудилъ подозрѣніе мелкихъ чиновниковъ Туркестана своимъ желаніемъ все видѣть. Съ другой стороны онъ былъ не мало удивленъ, когда одинъ индусъ, торговавшій на ташкентскомъ базарѣ, прослышавъ, что г. Скайлеръ говоритъ по-англійски, захотѣлъ имѣть съ нимъ частный разговоръ.

Конечно, г. Скайлеръ не подалъ вида, что онъ догадался, поэтому разговоръ ограничился похвалами справедливости англичанъ и жалобами на злобу ташкентскихъ жителей. Чувства обоихъ лагерей не трудно угадать. Въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи о Средней Азіи полковникъ Терентьевъ говоритъ объ англійскомъ господствѣ, какъ о нечистой язвѣ на прекрасномъ тѣлѣ Индіи; онъ сожалѣетъ, что язва эта не уничтожена въ 1857 г. возмущеніемъ сипаевъ, и выражаетъ надежду, что это дѣло съ помощью русскихъ возобновится и съ успѣхомъ. Полковникъ Беккеръ обвиняетъ русскихъ въ оклеветаніи туркменъ съ намѣреніемъ оправдать свои захваты желаніемъ услужить цивилизаціи. Капитанъ Бернеби требуетъ образованія всеобщаго возстанія азіятскихъ народовъ противъ русскихъ (!!).

Отношеніе Англіи и Россіи другъ къ другу составляетъ предметъ главной, если не единственной, заботы азіятскихъ народовъ. На востокѣ существуетъ всеобщая увѣренность, что борьба между двумя имперіями неизбѣжна и въ скоромъ будущемъ. Полковникъ Беккеръ имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ во время своихъ изысканій на сѣверѣ Персіи въ 1873 г. Полковникъ не могъ достигнуть Мерва и Герата, какъ онъ сперва предполагалъ, такъ какъ персидскія власти воспротивились, чтобы онъ двинулся далѣе; но онъ добрался до границъ пустыни. Вездѣ онъ нашелъ курдскихъ предводителей, хорошо ознакомленныхъ съ дѣлами Средней Азіи; онъ былъ пораженъ ихъ политическими познаніями, быстротою и вѣрностью ихъ свѣдѣній. Предводители эти имѣютъ въ сосѣднихъ странахъ тайныхъ корреспондентовъ, называемыхъ мирзами, которые извѣщаютъ ихъ о политическихъ событіяхъ или черезъ посредство каравановъ, или же, въ случаѣ надобности, черезъ особенныхъ гонцевъ. Всѣ предводители курдовъ были убѣждены, что полковникъ Беккеръ имѣлъ порученіе отъ англійскаго правительства; они его распрашивали о намѣреніяхъ Англіи и о поддержкѣ, которую можно бы было отъ нея ожидать, въ случаѣ если придется обороняться противъ русскихъ. Нѣкоторые разговоры, приводимые полковникомъ, весьма интересны. Вотъ одинъ изъ нихъ съ Алаяръ-ханомъ, наслѣдственнымъ правителемъ Дерегезской области:

«Не слѣдуетъ говорить, продолжалъ Алаяръ-ханъ, о Персіи, Афганистанѣ или Бухарѣ. Въ Азіи только двѣ державы—Англія и Россія; черезъ нѣсколько лѣтъ остальныя государства будутъ вассалами той или другой. Вы мнѣ говорите объ Афганистанѣ,

какъ о независимомъ государствѣ. Мы очень хорошо знаемъ, что Ширъ-Али долженъ быть болѣе или менѣе вассаломъ Англіи и Россіи. Можетъ быть, вы думаете, что мы не знаемъ значенія Герата? Чтобы вы ни говорили и ни думали, нѣтъ ни одного базара въ Индустанѣ, гдѣ не придерживались бы мнѣнія, что ваше царствованіе можно будетъ признать погибшимъ въ тотъ день, когда этотъ городъ попадетъ въ руки русскихъ... Что станется съ вами, когда всѣ индусы обратятся противъ васъ, что они не преминутъ сдѣлать, если русскіе будутъ въ Гератѣ? Я вѣрю вашимъ богатствамъ, но не числу вашихъ солдатъ. Вы сами признаете, что у Россіи армія гораздо многочисленнѣе вашей? Это ничего не значитъ, пока она далеко; но она все болѣе и болѣе приближается. Ваша безопасность заключается въ томъ, чтобы ее удерживать вдали — а вы между тѣмъ дозволяете ей съ ужасною быстротою двигаться впередъ: черезъ нѣсколько лѣтъ вы пожалѣете объ этомъ, но будетъ уже поздно. Посмотрите, сколько она прошла въ десять лѣтъ. Еще десять лѣтъ и она будетъ на вашихъ границахъ; не воображайте, чтобы вашъ народъ въ Индустанѣ оставался спокойнымъ, когда она тамъ будетъ. Нѣтъ, вы постоянно будете имѣть интриги и войны. Мнѣ кажется, что вы хорошо управляете — такъ говорятъ, вы стараетесь сдѣлать добро народу, который вы покорили. Но вы его покорили и онъ пожелаетъ перемѣны. Можетъ быть, впослѣдствіи онъ раскается, но это не помѣшаетъ ему обратиться противъ васъ.

«Я заговорилъ объ Афганистанѣ, какъ о преградѣ, которая воспротивится слишкомъ близкому сосѣдству.

«Вы думаете, что афганцы хотя минуту устоятъ противъ русскихъ; 10,000 русскихъ пройдутъ, когда захотятъ, отъ Кизиль-Арвата до Кандагара. Нѣтъ! теперь мы ничего не можемъ сдѣлать противъ нихъ: мы не можемъ бороться противъ вашихъ новыхъ пушекъ и мы не имѣемъ никакого военнаго образованія. Англійскія войска могли бы остановить русскихъ; афганцы этого не могутъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, не думаете ли вы, что афганцы будутъ за васъ? За деньги они готовы все сдѣлать. Вы имъ заплатите.—Русскіе тоже. Половина будетъ за васъ, половина за русскихъ.— но это не важно. Они не удержатся ни противъ васъ, ни противъ русскихъ; но... — и онъ сдѣлалъ на этомъ удареніе, — какимъ образомъ намѣрены вы помѣшать Россіи взять Гератъ, если она будетъ уже въ Мервѣ? Развѣ вы пошлете войска въ Гератъ?»

«Объ этомъ и не думаютъ покуда, сказалъ я ему, а Россія еще не въ Мервѣ.

«Но она скоро тамъ будетъ, если вы ее не предупредите. Вы говорите объ Афганской границѣ, но гдѣ же эта граница? Она то здѣсь, то тамъ; зависитъ это отъ человѣка, который царствуетъ въ Гератѣ и въ Кабулѣ... Рѣка Мургабъ спускается къ Мерву... Вы очень хорошо знаете, что въ этихъ краяхъ, гдѣ только есть вода, войска могутъ двигаться. Берега Мургаба плодоносны. До какого мѣста отъ Герата допустите вы русскихъ и дозволите имъ утвердиться на этой рѣкѣ! Вы говорите, что это будетъ не скоро; но это будетъ, и вамъ придется сражаться, когда уже будетъ поздно; если же вы станете дѣйствовать теперь, то этотъ роковой часъ не наступитъ.»

Отчетъ полковника Беккера и политическая и стратегическая записка, которую онъ къ нему приложилъ, открыли англійскому обществу важность Мерва и долины Мургаба. На самомъ дѣлѣ въ этомъ и заключается опасность для Англіи. Нѣкоторые русскіе писатели обвиняли Англію въ желаніи съ помощью Кашгара и Памира напасть на русскія владѣнія и въ преувеличеніи затруднительности сообщеній этой страны съ Индіею для усыпленія бдительности своей соперницы. Обвиненія эти плодъ фантазіи. Памиръ не существуетъ ни какъ отдѣльная область, ни тѣмъ болѣе какъ государство. Полковникъ Гордонъ опредѣлилъ, что Памиръ есть общее названіе, даваемое кара-киргизами всякой долинѣ, достаточно закрытой и достаточно снабженной водою, которая удобна для зимовки ихъ стадъ. Донесенія полковника Гордона и капитановъ Троттера и Биддульфа, подкрѣпленныя произведенными съемками, доказываютъ, что Каракорумскій проходъ, едва доступный для каравановъ, не можетъ служить ни англичанамъ для нападенія на Туркестанъ, ни русскимъ для нападенія на Индію. Цѣлый корпусъ, съ транспортомъ и артиллеріею, не въ состояніи переправиться черезъ проходъ, находящійся на высотѣ въ 5,500 метровъ надъ уровнемъ моря; достигнуть его можно только, перебравшись черезъ цѣлый рядъ ледниковъ, а защищать его въ силахъ горсть рѣшительныхъ людей противъ самаго многочисленнаго войска.

Англичане тоже не имѣютъ серьезной причины опасаться русской арміи, такъ какъ Сыръ-Дарья, поднимаясь до выхода изъ Бадахшанскихъ ущелій, вступаетъ въ многочисленныя горы, пересѣченныя глубокими долинами, достигаетъ Кабула, за-

тѣмъ въ Хейберскій проходъ и оттуда впадаетъ въ Пенджабъ. Они на опытѣ испытали, чего стоитъ арміи идти по этой дорогѣ; затрудненія, представляемыя почвою между Кабуломъ и Пешаверомъ, еще не такъ велики, какъ между Кабуломъ и Балхомъ. Караваны идутъ тринадцать дней отъ Бухары до Балха, тринадцать отъ Балха до Кабула и двѣнадцать отъ Кабула до Пешавера. Въ двѣнадцать дней они могутъ пройти отъ Бухары до Кабула, оставляя въ сторонѣ Балхъ и проходя прямо черезъ Кульмъ; но послѣдняя дорога для экипажей и артиллеріи совершенно не проходима. Слѣдовательно остаются двѣ дороги, по которымъ прошли всѣ завоеватели Индіи, начиная съ Александра Великаго: одна ведетъ черезъ Гератъ и Боланскій проходъ въ середину долины Инда, другая вдоль берега Персидскаго залива до устья той-же рѣки.

Безопасность русскихъ проектовъ, которую преподаютъ политики Манчестерской школы, могла-бы быть объяснена только въ томъ случаѣ, еслибы Россія, для нападенія на Индію, должна была провести армію черезъ степи, отдѣляющія Оренбургъ отъ Аральскаго моря, или же изъ Сибири черезъ Туркестанъ къ Сыръ-Дарьѣ. Препятствія, которыя едва не погубили Хивинскую экспедицію, были-бы непреодолимы для многочисленной арміи: вся Азія не могла-бы доставить достаточное количество верблюдовъ, чтобы предохранить эту армію отъ жажды при переходѣ ея черезъ пустыню. Не безъ основанія утверждали, что приготовленія къ экспедиціи въ Индію потребовали-бы столько времени и усилій, что Англія спокойно могла-бы приготовиться къ оборонѣ. Положеніе значительно измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ Россія создала значительныя учрежденія на восточномъ берегу Каспійскаго моря, назначеніемъ которыхъ было подчинить русскимъ законамъ туркменовъ Текке, и задумала занять Мервъ, значеніе котораго Алаяръ-Ханъ объяснилъ полковнику Беккеру.

Чтобы перевезти армію изъ Москвы къ Каспійскому морю, Россія можетъ воспользоваться одновременно желѣзною дорогою и волжскими пароходами. Флотъ Каспійскаго моря въ нѣсколько дней доставитъ армію и ея снаряды или въ Красноводскъ, имѣющій великолѣпный по своей величинѣ, глубинѣ и безопасности портъ, или къ самому устью Атрека, въ Чикишлярскій портъ. Двадцать дней ходьбы, не болѣе, слѣдуя по долинѣ Атрека и подножію Кур-

ренъ-Дагскаго хребта, черезъ страну, хорошо снабженную водою и изобилующую пастбищами и другими вспомогательными средствами, привели-бы эту армію безъ утомленія и лишеній въ Мервъ. Въ Мервѣ, отстоящемъ на 8 дней ходьбы отъ Бухары, она найдетъ подкрѣпленія и снаряды, коpыми туркестанскій генералъ-губернаторъ могъ-бы располагать; она подновила-бы свои припасы и затѣмъ прослѣдовала-бы въ Гератъ двумя отрядами, черезъ долины Мургаба и Герируда. Разъ Гератъ взятъ, откроется дорога въ Индію. Если въ этомъ предпріятіи Персія будетъ союзницею Россіи, какъ надо предполагать, то часть русскихъ силъ высадится въ Астрабадѣ и черезъ Шарудъ и Мешедъ достигнетъ долины Герируда дорогою болѣе удобною и короткою. Поэтому походъ русской арміи въ Индію не слѣдуетъ считать обманчивымъ сновидѣніемъ. Теперь обѣ державы довольно близки другъ къ другу, такъ что, если война возгорится между ними, Средняя Азія по неволѣ будетъ полемъ битвы, или потому, что каждая изъ нихъ возбудитъ къ возстанію вассаловъ другой, или потому, что онѣ прямо пустятъ въ дѣло европейскія силы.

Государственные люди Англіи должны понять теперь, насколько англійское правительство было неосмотрительно и недогадливо, сломивъ въ 1838 г., основанную на преданіи, политику своей страны на востокѣ. Наученная проектами Наполеона и Павла I, Англія захотѣла сдѣлать изъ Персіи бульваръ въ Индію и съ ежегодною субсидіею въ 6 милліоновъ она обезпечила себѣ преобладающее вліяніе при Тегеранскомъ дворѣ. Эта субсидія не только была прекращена, но Англія принудила шаха силою оружія отказаться отъ завоеванія Герата, который владѣтели Персіи всегда считали своею собственностью. Возстановленіе персидской державы не могло имѣть для Англіи неудобства. Очагъ шіитскаго раскола, Персія не могла имѣть опаснаго вліянія на мусульманъ Индіи, суннитовъ: то же самое религіозное соперничество всегда дѣлало непрочнымъ владычество Персіи надъ Гератомъ и туркменскими племенами. Итакъ Персія не могла быть страшна, и еслибы ей дали свободу къ удовлетворенію ея честолюбія, возстановленіемъ господства надъ маленькими сосѣдними государствами и надъ туркменскими племенами, разбросанными отъ Мерва до Каспійскаго моря, Россія не имѣла бы никакого предлога проникнуть въ этотъ край. Защищая права Персіи, Англія обезпечила бы собственную

безопасность. Англійская экспедиція въ Персидскомъ заливѣ разрушила въ глазахъ азіятцевъ персидское могущество: она бросила униженную и испуганную Персію въ объятія Россіи, ея прежней непріятельницы, которая ловко приняла на себя оставленную Англіею роль союзницы, и вліяніе которой, съ тѣхъ поръ, преобладаетъ въ Тегеранѣ. Нынѣ англійскіе писатели единогласно предлагаютъ своему правительству союзъ съ Персіею: нужно ободрить эту страну, чтобы она выступила съ своими правами и возстановила свою власть въ долинѣ Атрека, надъ туркменами Текке, и надъ Мервомъ. Какъ будто эти права сильнѣе тѣхъ, которыя Англія отказалась принять, когда дѣло коснулось Герата. Англія ничего не можетъ предложить Персіи, чтобы оторвать ее отъ союза въ Россіею; Россія же напротивъ можетъ обѣщать, въ случаѣ войны съ Англіею, Гератъ, а въ случаѣ войны съ Турціею Багдадскую область, т. е. долину Евфрата, или Армянскую область Мешедъ-эль-Али, столица которой заключаетъ въ себѣ гробницу Али,— предметъ почитанія всѣхъ Персіянъ. Эти двѣ области были причиною всѣхъ войнъ Турціи съ Персіею; удовлетворивъ жадность своей вассалки, Россія откроетъ себѣ дорогу въ Индію черезъ Персидскій заливъ.

Какія же оборонительныя мѣры можетъ принять Англія, чтобы отвратить опасность, которая угрожаетъ? Независимо отъ тѣснаго союза съ Персіею, полковникъ Беккеръ, въ своей запискѣ, предлагаетъ англійскому правительству обезпечить себѣ сочувствіе туркменскихъ племенъ, покупкою у нихъ всѣхъ лошадей, необходимыхъ для арміи въ Индіи. Племена эти пришли бы къ тому, что признали бы власть Афганистана, а нѣсколько хорошихъ инструкторовъ составили бы изъ туркменъ превосходную кавалерію, которая пресѣкла бы сообщенія и захватывала бы всѣ транспорты вторгающейся арміи. Англійскіе резиденты въ Кабулѣ, Кандагарѣ и Гератѣ наблюдали бы за политикою Афганистана, которая была бы привлечена на сторону Англіи устройствомъ желѣзныхъ дорогъ и развитіемъ торговли. Такъ какъ самаркандскіе склады русскаго оружія ближе къ Герату, чѣмъ шикарпурскіе англійскаго, то Англія должна воспользоваться правомъ, которое ей даютъ трактаты съ Афганистаномъ, и силою занять Кетагъ, впереди Боланскаго прохода, чтобы имѣть возможность предупредить въ Гератѣ всякую непріятельскую силу, будетъ ли она изъ Пер-

сіи или изъ Туркестана. Наконецъ полковникъ Беккеръ требовалъ полнаго преобразованія индійской арміи и значительнаго увеличенія ея артиллеріи.

Англійское правительство уже начало дѣйствовать. Оно уже не придерживается мнѣнія, что присоединеніе Синда и владѣніе устьями Инда достаточно обезопасили Индію отъ вторженія со стороны Персидскаго залива. Поэтому начальники всѣхъ племенъ Белуджистана собраны въ Келатѣ: имъ назначена ежегодная субсидія и они обязались не безпокоить болѣе населеніе Синда и дѣйствовать заодно съ Англіею противъ Персіи и всякаго другаго врага. Были начаты и долго продолжались въ Пешаверѣ переговоры съ кабульскимъ эмиромъ для болѣе яснаго опредѣленія обязательствъ Афганскаго владѣтеля по отношенію къ державѣ, доставившей ему корону. Скоропостижная смерть посланца Ширъ-Али и болѣзнь англійскаго полномочнаго посланника, сэра Левиса Пелли, внезаппо пріостановили заключеніе этого уже подготовленнаго соглашенія. Наконецъ англійское правительство спѣшитъ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ въ Индіи, которыя должны быть самыми дѣйствительными мѣрами къ оборонѣ. Когда англо-индійскія власти были убѣждены, что совершенно достаточно только обезпечить себѣ подчиненіе Синда и Пенджаба, тогда онѣ дозволили постройку одной желѣзной дороги отъ порта Куррачи до Котри, въ началѣ дельты Инда, и другой, направляющейся отъ Дели до Лагора и до Мултана, на берегу Инда. Въ проведеніи желѣзной дороги между Котри и Мультаномъ они отказали, считая это преждевременнымъ предпріятіемъ и безполезнымъ расходомъ: они предполагали, что судоходство по Инду могло удовлетворить всѣ торговыя потребности Пенджаба; также отклонены были всѣ продолженія и вѣтви, которыя предполагалось прибавить къ обѣимъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ настоящее время англійское правительство вдохновлено совсѣмъ другими мыслями. Линія изъ Дели въ Пенджабъ была продолжена на счетъ правительства до Пешавера въ 6 миляхъ отъ прохода Хейберскаго. Соединительная линія между Котри и Мултаномъ тоже строится на счетъ правительства,—ничего не щадили и окончили ее въ концѣ 1877 г. Кромѣ того было приказано сдѣлать изысканія и по возможности скорѣе начать постройку вѣтви, которая отъ этой линіи пойдетъ къ Боланскому проходу. Недалекъ тотъ день, когда безпрерывная линія желѣзныхъ дорогъ рас-

тянется во всю длину долины Инда и дозволитъ перевозить въ нѣсколько часовъ къ одному изъ двухъ проходовъ, ведущихъ въ Афганистанъ, войска, высаженныя въ Куррачѣ, самый близкій къ Англіи портъ на пути черезъ Суэцкій каналъ. Англія тѣмъ болѣе имѣетъ выгоду развить свою сѣть желѣзныхъ дорогъ въ этомъ краѣ, что открытіе первыхъ путей въ Пенджабѣ произвело доброе вліяніе на образъ дѣйствій пограничныхъ афганскихъ племенъ. Имѣя обезпеченный, весьма выгодный и легкій сбытъ зерна и скота, племена болѣе и болѣе отказываются отъ своихъ хищническихъ привычекъ, которыя навлекали на нихъ строгія наказанія, чтобы предаться земледѣлію и торговлѣ ихъ обогащающей. Такимъ образомъ желѣзныя дороги, которыя Англія проводитъ въ Индіи, вдвойнѣ укрѣпляютъ ея владычество въ этой странѣ: онѣ полагаютъ основаніе связи между туземными и англійскими интересами и укрѣпляютъ оборонительную линію.

Въ этомъ заключается вся задача. Въ борьбѣ между Англіею и Россіею, если такая начнется, всѣ выгоды будутъ на сторонѣ той державы, которая будетъ въ состояніи легче и быстрѣе двинуть свои силы на опредѣленные, стратегическіе пункты: Персидскій заливъ, Гератъ и Кабулъ. Изъ этой неоспоримой истины вытекаетъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе, большое измѣненіе интересовъ и политики Англіи. Турецкіе государственные люди, не смотря на политическое чутье, отличающее ихъ народность, совершенно ошиблись въ разсчетахъ, упорно считая до послѣдняго дня помощь Англіи несомнѣнно пріобрѣтенною для ихъ страны. Заблужденіе произошло оттого, что они не давали себѣ отчета въ двухъ событіяхъ, совершившихся послѣ 1854 г., вслѣдствіе которыхъ узелъ восточнаго вопроса перемѣнилъ свое положеніе по отношенію къ Англіи. Эти два событія: открытіе Суэцкаго канала и успѣхи Россіи въ Средней Азіи. Когда Россія еще не перешла Эмбу на западѣ и долину Или на востокѣ, когда Евфратская долина представлялась единственною дорогою, могущею провести русскую армію въ Индію, и когда англійскіе корабли не могли достигнуть Персидскаго залива, иначе какъ черезъ мысъ Доброй Надежды, тогда нужно было защищать Индію изъ Чернаго моря и изъ Константинополя. Теперь же, когда Россіи уже нѣтъ необходимости занимать земли турецкія и даже персидскія и когда переходъ въ семьдесятъ дней можетъ привести русскую армію отъ каспійскихъ портовъ

339

въ долину Инда, Англія должна состязаться со своимъ врагомъ въ скорости, и Турція не можетъ принести ей въ этомъ никакой пользы. Въ настоящее время аванпосты Индіи находятся въ Суэсѣ и Александріи. Никакой англичанинъ, даже г. Гладстонъ, не согласится, что на благоденствіе англо-индійской имперіи можетъ навлечь опасность, непріязнь или даже нейтралитетъ владѣтеля Египта. Ни на одинъ день дорога черезъ Красное море не можетъ быть закрыта англійскимъ силамъ. Слѣдовательно безопасность Индіи требуетъ, чтобы Англія располагала по близости Суэца большимъ портомъ, гдѣ могъ бы стоять флотъ, способный защитить и каналъ и желѣзную дорогу Нижняго Египта. Если Россія переберется черезъ Балканы или попытается отдать Евфратскую долину въ руки Персіи, ея вассалки, то на слѣдующій же день Англія будетъ въ Суэцѣ и Александріи.

Н. Стремоуховъ.

341

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ—1882 г.

НАШИ ОТНОШЕНІЯ КЪ КИТАЮ.

Разрѣшеніе китайскаго правительства разработывать пустопорожнія земли въ Маньчжуріи наводитъ страхъ на нашихъ пограничныхъ дѣятелей и доморощенныхъ дипломатовъ (смотри «Московскія Вѣдомости» № 91, 3 апр. 1882 г.) Имъ чудится, что все это предпринято съ цѣлію вытѣснить насъ не только изъ-за Уссурійскаго края, но даже отнять и Амуръ; винятъ трактатъ съ Цзэномъ, требуютъ усиленія флота на Восточномъ океанѣ, увеличенія пограничныхъ войскъ и нещаженія издержекъ для увеличенія русскаго народонаселенія. Что касается этихъ требованій, то мы совершенно согласны, что исполненіе ихъ принесетъ большую пользу Россіи. Нашъ флотъ, напримѣръ, могъ бы почти всецѣло быть переведенъ въ Восточный океанъ, потому что онъ отсюда гораздо лучше могъ бы охранять и другія, лежащія при морѣ границы; тогда морскія державы поопасались бы вступать съ нами въ борьбу, такъ какъ отдѣлять большія морскія силы въ такой дальній край имъ было бы опасно, и планъ дѣйствія нашихъ военныхъ судовъ былъ бы для нихъ загадкой. Только Восточный океанъ съ его необозримыми берегами и нѣдрами, съ несравненными богатствами какъ материка, такъ и обширныхъ острововъ, представляетъ въ будущности возможность называться морскими тѣмъ державамъ, которыя на немъ укрѣпятся. Нашъ флотъ не можетъ считать себя безопаснымъ ни въ Балтійскомъ, ни въ Черномъ морѣ; тамъ ему нѣтъ ни свободы, ни времени, ни простора для практики. Вотъ почему очень желательно, чтобы не только нашъ флотъ былъ переведенъ въ Восточный океанъ (какъ жаль, что не воспользовались для этого экспедиціей Лесовскаго!), но чтобы и всѣ средства для постройки въ будущности флота, для снабженія его всѣмъ необходимымъ были добыты и развиты на мѣстѣ. И наши владѣнія на Восточномъ океанѣ представляютъ для этого всѣ средства, не говоря о превосходномъ строительномъ матеріалѣ. Мы знаемъ уже и теперь, что тамъ у насъ есть богатѣйшія желѣзныя руды, неистощаемыя залежи каменнаго угля, подъ рукой даже и дешевѣйшіе въ свѣтѣ работники — китайцы, оказывающіеся въ простой плотничной работѣ искуснѣе нашихъ столяровъ. Мы полагаемъ, что въ такихъ случаяхъ одними заботами о созданіи дѣйствительнаго флота мы предостаточно бы на первый разъ помогли желательному и посильному развитію края.

Мы не беремся также защищать нашихъ дипломатовъ отъ упрековъ за неумѣлые (см. тамъ же «Моск. Вѣд.») переговоры съ китайцами въ послѣднее время. Притомъ, вѣдь, если у насъ появились неуго-

монные ворчуны на берлинскій трактатъ, такъ надобно имъ напомнить: когда же мы не проигрывали въ сношеніяхъ съ китайцами? Вотъ ужъ почти двѣсти лѣтъ, какъ они не разъ насмѣхались надъ нами, не только на бумагѣ (по поводу бѣгства калмыковъ, заявленій Кропотова и проч.), но почти на дѣлѣ (Спафари, графъ Головкинъ,—да кто велъ переговоры съ Маркизомъ Цзэномъ?) Мы все великодушно прощали. Двѣсти лѣтъ ужъ мы сосѣди съ Китаемъ, а до войны все-таки ни разу дѣло не доходило, Богъ дастъ не будетъ ея и впереди; какъ нибудь уживемся; китайцы не такъ глупы, чтобъ безъ важныхъ причинъ затѣять съ нами самую рискованную войну. Какъ бы ни подзадоривали ихъ наши западные сосѣди, они и безъ напоминанія нашихъ дипломатовъ знаютъ хорошо, что во всей четырехтысячелѣтней исторіи ихъ существованія не бывало ни одного примѣра, чтобъ не столкнуться съ своими сосѣдями цѣлые двѣсти лѣтъ! Хотя насъ и упрекаютъ, что мы считаемъ Китай все такимъ же, какимъ онъ былъ за двадцать пять лѣтъ тому назадъ, что онъ теперь имѣетъ и оружейные заводы и корабельныя верфи (видите-ли чего будто мы не знали!), завелъ телеграфъ, готовъ приступить къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, но мы отвѣтимъ на это русской поговоркой: Улита ѣдетъ — когда-то будетъ! Пекинскому двору всего важнѣе укрѣпиться въ собственномъ Китаѣ, чтобы изъ-за ящиковъ опіума, или изъ-за гнилой лорхи кто нибудь не вошелъ въ устья Янъцзы-Цзяна или не разорилъ загороднаго пекинскаго дворца. Да и съ чего это представляютъ себѣ, что Китай окончательно рѣшился передѣлать себя на европейскій манеръ! Если бы намъ пришлось имѣть дѣло не съ невѣжественными верхоглядами, такъ мы спросили бы ихъ: развѣ китайцы совсѣмъ отказались отъ своихъ классическихъ книгъ, въ которыхъ они видятъ одну только истинную науку. Развѣ они совсѣмъ забросили на военномъ экзаменѣ испытаніе въ стрѣльбѣ изъ луковъ и въ подниманіи камней. Развѣ вретъ пекинская газета, на авторитетъ которой мы ссылаемся, что̀ другимъ именно и не нравится, когда въ ней то-и-дѣло читаемъ о мѣрахъ къ усиленію и распространенію изученія классическихъ книгъ и такого военнаго искусства, которое основано на лукахъ и камняхъ!

Да, когда нибудь можетъ быть и будетъ, что Китай, не утративъ своей самостоятельности (что очень сомнительно), не будетъ исключать изъ своего образованія реальныхъ наукъ, усвоитъ всѣ европейскія изобрѣтенія, культивируетъ всѣ принадлежащія только нынѣшнему правительству (происходящему отъ манчьжуровъ, а не китайцевъ) земли, но и тогда можетъ ли быть серьёзная опасность для Россіи? Не думаемъ—подъ его ударами скорѣе сокрушатся выскочки, такъ высоко поднимающіе предъ нимъ носъ. И какая выгода жителю юга стремиться на сѣверъ, а не на югъ! Неужели наша дикая Сибирь для Китая дороже прилегающей Индіи или южныхъ острововъ Восточнаго океана всѣхъ подъ рядъ! Такъ вотъ, развѣ когда кончится эта борьба, тогда и можно будетъ говорить о дѣйствительной опасности, и то въ дипломатическомъ смыслѣ. Китай-

скаго тщеславія вы никакъ не искорените; оно не можетъ допустить, чтобы на свѣтѣ кто нибудь могъ претендовать на независимость отъ его правительства (но какъ много значитъ эта самоувѣренность! что бы и намъ, болѣе имѣющимъ на это право, ею воодушевиться!) Тогда дѣйствительно намъ придется не подчиниться, а поклониться Китаю. Caeseant Consules...

Но какъ еще далеко до этого! Сколько труда предстоитъ еще правительству поправить разоренье, внесенное тридцатилѣтней инсуррекціей въ собственный Китай, его кормящій, сколько времени должно пройти до того, когда онъ заселитъ и устроитъ свои огромные пустыри, лежащіе на нашей границѣ: Манчьжурію, Монголію, бывшую Цзюнгарію, Туркестанъ! Да вѣдь и мы, Богъ дастъ, за это время не будемъ дремать, все же что нибудь сдѣлаемъ и для своего укрѣпленія. Что же касается до возможности столкновенія нашего съ Китаемъ въ ближайшемъ будущемъ, такъ право кажется смѣшно и говорить объ этомъ. Если у насъ не будетъ охоты напасть на него, такъ ему нѣтъ для этого никакой возможности. Съ чего это взяли, что онъ можетъ угрожать намъ со стороны Манчьжуріи; да при первомъ же движеніи эта страна первая и очутилась бы въ нашихъ рукахъ. Вѣдь тутъ не нужно будетъ нашимъ солдатамъ двигаться сухимъ путемъ. Вся главная часть Манчьжуріи расположена по системѣ рѣки Сунгари, притока Амура, и устье и лѣвый берегъ котораго въ нашихъ рукахъ; у насъ по немъ плаваютъ ужъ пароходы, которыхъ достаточно, прежде чѣмъ шевельнутся китайцы, чтобъ привезти наши войска подъ самый Гиринь, дѣйствительную столицу дѣйствительной Манчжуріи (вѣдь Муабеньская провинція только нынѣшней династіей причислена къ Манчьжуріи, на дѣлѣ это скорѣе продолженіе Китайской земли), а какъ скоро этотъ городъ будетъ въ нашихъ рукахъ, такъ китайцамъ мы совсѣмъ отрѣжемъ отъ нея путь. Скажутъ, но вѣдь въ Манчьжуріи много войска; знаемъ и напомнимъ, что еще за 25 лѣтъ предъ этимъ въ своемъ описаніи Манчьжуріи мы насчитали до 40 т. и указали гдѣ его сколько стоитъ. Мы сообщали также, что когда затѣвалось послѣднее столкновеніе, то пекинское правительство распорядилось набрать тогда въ Маньчжуріи для ея охраны 10,000 подростковъ, и ассигновало даже 10,000 ланъ на ихъ вооруженіе копьями и алебардами! Скажутъ, что это было въ попыхахъ, а теперь и тамъ хотятъ обучать войска по европейски; согласны, что хотятъ, или грозятъ, но вотъ голый фактъ, который мы встрѣчаемъ въ пекинской газетѣ, напечатанный въ январѣ нынѣшняго года. Хуланскій военачальникъ (дивизіонный генералъ, а Хуланъ городъ, лежащій на Сунгари въ срединѣ теченія ея отъ Гириня до устья) представляетъ, вслѣдствіе предписанія обучать подвѣдомственныя ему войска, что такъ какъ у него имѣется всего 10 аркебузъ (тай-цянъ *) и 40 ружей, то чтобъ прибавили еще 40 аркебузъ и 160 ружей, иначе нельзя будетъ производить маневровъ, и чтобы потребные на обученіе войска, на порохъ и фитили, расходы казна отпускала слѣдующія суммы. Вотъ такое обученье и вооруженье что-ли кажется страшнымъ

нашимъ пессимистамъ? Имъ не худо бы узнать, что въ Китаѣ нѣтъ дѣйствующей арміи, что вся его многочисленная армія разбросана по гарнизонамъ и пикетамъ, какъ внутренняя стража—оттого-то не только европейцы, но и инсургенты могли свободно дѣйствовать.

Если ужъ Манчьжурія намъ не опасна, то можетъ ли быть рѣчь о какой нибудь возможности удержаться при первомъ столкновеніи съ нами въ западной сторонѣ, т.-е. на С. и Ю. Тяньшаньскаго хребта. Мы знаемъ тамъ свои силы, къ нимъ на помощь мы можемъ прислать хоть сотню тысячъ изъ внутренностей Россіи; отъ Екатеринбурга имъ придется пройти только 300 верстъ, чтобы достигнуть Тюмени, и оттуда по обской системѣ подойти къ Зайсанскому посту. А китайцамъ и десяти тысячъ не прислать на подмогу изъ внутренностей Китая. Чего десять тысячъ! Да вотъ вамъ еще другой фактъ, почерпнутый изъ той же недовѣряемой пекинской газеты. Извѣстно, что въ Монголіи, за исключеніемъ ея южной границы, нѣтъ ни одного китайскаго солдата, такъ что,

*) Не могу припомнить хорошенько, какъ называются на артиллерійскомъ языкѣ эти ружья; они длиной больше сажени, объемомъ вокругъ дула съ футъ; когда стрѣляютъ, то одинъ солдатъ становится на колѣни, и на его плечо кладется дуло по серединѣ, затѣмъ другой, держащій въ рукахъ ложе, прицѣливается, прицѣливается и наконецъ прикладываетъ фитиль. Этой процедурѣ я былъ очевидцемъ на богдыханскихъ маневрахъ.

когда вторгнулись въ нее дунгане, такъ для защиты нашего консульства въ Ургѣ вызваны были русскіе солдаты—тогда, конечно, опасаясь какъ бы мы не оставили край за собой, выслали изъ Калгана и другихъ мѣстъ 1000 человѣкъ регулярнаго будто войска, надъ эволюціями котораго въ Ургѣ довольно потѣшались въ нашихъ газетахъ ургинскіе корреспонденты; какъ эти войска прибыли—не помнимъ, но помнимъ, что по минованіи надобности для возвратнаго ихъ слѣдованія нанято было ургинскимъ амбанемъ тысяча тѣлегъ. Станутъ вамъ маршировать китайскіе солдаты цѣлыя тысячи верстъ! Въ прошломъ году китайское правительство, подъ вліяніемъ вѣроятно тѣхъ друзей, которымъ мы давали радушный пріемъ въ своемъ посольствѣ, и отъ которыхъ и теперь пользуемся свѣдѣніями о всемъ, что дѣлается въ Китаѣ, надумалось отправить въ Ургу снова тысячу солдатъ. Прибыли они въ Калганъ изъ Гириня (вотъ, значитъ, какъ усиливаютъ китайцы свои войска въ Манчьжуріи!) осенью, но какъ идти далѣе: ургинскій правитель доноситъ, что для похода въ наступающее холодное время нѣтъ никакихъ перевозочныхъ средствъ, станціи разорены, согнать подводы и юрты не откуда, достать прокормленія тоже, и потому, чтобъ будущіе герои не перемерли съ голоду и холоду, проситъ оставить ихъ на зиму въ Калганѣ. Сверхъ того прибавляетъ ургинскій амбань Сичанъ, такъ какъ у солдатъ все европейскія ружья, такъ въ случаѣ, если они испортятся, некому ихъ будетъ поправить! Если бы наши пессимисты узнали заранѣе о такомъ фактѣ, что китайцы посылаютъ въ Ургу 1000 солдатъ, они навѣрное подняли бы переполохъ и сказали бы, что китайцы ужъ

надвигаютъ на насъ со всѣхъ сторонъ свои войска, а мы предаемся сладкой безпечности!

Принимать мѣры предосторожности, хотя бы напримѣръ и въ отношеніи такого дружественнаго, взлелѣяннаго нами государства, какъ Пруссія, конечно, нисколько не мѣшаетъ. Но когда преувеличиваютъ опасенія по отношенію къ Китаю, то всегда кажется, что тутъ кроются другія цѣли...

Изъ-за чего возникли настоящія опасенія? Изъ-за того, что пекинскій дворъ разрѣшилъ бѣднымъ своимъ подданнымъ разработывать пустолежащія земли Маньчжуріи. Давно бы ему слѣдовало взяться за умъ; ему подчинены столько незаселенныхъ мѣстъ, а онъ преспокойно смотрѣлъ какъ его подданные, чтобъ спастись отъ голодной смерти, продавались чуть не въ рабство иноземцамъ. Но полно, и теперь добровольно ли согласилось правительство открыть доступъ хотя бы въ одну Маньчжурію? Извѣстно, что поводомъ къ этому послужило открытіе, что на маньчжурскихъ земляхъ у корейскихъ границъ самовольно поселились десятки тысячъ китайцевъ—не сгонять же ихъ было всѣхъ. Какъ скоро упущеніе со стороны мѣстнаго начальства прошло даромъ, такъ и другія начальства, въ томъ числѣ и гириньское, которыя знали, что и въ районѣ ихъ вѣдомства существуютъ тѣ же грѣхи, вошли съ представленіемъ, чтобъ и ихъ поселенцевъ внесли въ счетъ, и правительство разрѣшило разработывать пустопорожнія мѣста въ Нингута, Сань-Синѣ и Хунь-Чунь. Въ вѣдомствѣ послѣдняго открылось, что корейцы перешли чрезъ границу и распахали землю!

Намъ кажется, что намъ слѣдуетъ не печалиться, а радоваться, если въ сосѣдствѣ нашихъ границъ гдѣ бы то ни было появится трудолюбивое и многочисленное китайское населеніе; до сихъ поръ наши сношенія съ пекинскимъ дворомъ и не могли стать на твердую почву, потому что насъ разъединяли пустыни, не было общихъ пограничныхъ интересовъ. До внутреннихъ рынковъ собственнаго Китая намъ нечего было и мечтать добраться, сосѣди наши были такъ бѣдны, что не могли ни намъ ничего дать, ни отъ насъ что взять. Особенно же процвѣтаніе сѣверной Маньчжуріи, доступъ въ которую со стороны моря и водянаго сообщенія исключительно въ нашихъ рукахъ, будетъ служить намъ большимъ подспорьемъ къ развитію нашей дѣятельности въ нашихъ собственныхъ владѣніяхъ, лежащихъ на востокъ отъ Байкала вплоть до границъ Кореи. Одно то уже, что всѣ маньчжурскія произведенія могутъ сбываться въ самый Китай изъ нашихъ рукъ, обѣщаетъ намъ большія выгоды.

Окончимъ нашу статью небольшимъ замѣчаніемъ слышаннымъ отъ одного очевидца того, какъ наши морскіе офицеры отрѣзали въ 1880 г. косу китайцу, бросавшему въ нихъ на улицу камнями. Изъ-за-Уссурійскаго края жалуются, что не могутъ справиться съ маньцзами. По мнѣнію его лучше бы было ихъ перемѣтить—тотъ, кто считаетъ себя китайскимъ подданнымъ, долженъ, конечно, представить паспортъ, а кто выдаетъ себя за мѣстнаго обывателя, тотъ пусть обрѣжетъ косу. Китайцы до поко-

ренія ихъ маньчжурами связывали на головѣ волосы въ пучокъ, какъ японцы или корейцы; только когда маньчжуры завоевали Китай, то велѣли новымъ своимъ подданнымъ брить голову и отпускать косу; тогда китайцы уже не смѣли болѣе желать возстановленія власти природныхъ богдыхановъ, потому что правительство признало бы въ отпущеніи косы всѣ признаки измѣны и непремѣнно стало бы казнить всѣхъ провинившихся. Эта-то ничтожная, повидимому, мѣра и послужила къ удержанію китайцевъ въ маньчжурскомъ подданствѣ; такъ точно манцьзя съ отрѣзанной косой не посмѣетъ уже болѣе перебѣгать въ Маньчжурію. Не будемъ судить о жителяхъ востока по-своему.

В. Васильевъ.

353

НАШИ ОТНОШЕНІЯ КЪ КИТАЮ И КИТАЙЦАМЪ.

(Письмо въ редакцію).

Обыкновенно, разсуждая о нашихъ сосѣдяхъ китайцахъ и о возможности столкновенія съ ними въ будущемъ, мы привыкли выставлять на показъ нашу двухсотъ-лѣтнюю съ ними дружбу. Говорятъ, что худой миръ лучше доброй ссоры. Этой миролюбивой пословицы мы держимся и въ отношеніи англичанъ, которые, какъ всѣмъ извѣстно, находясь съ нами въ мирѣ и дружбѣ, давно ведутъ противъ насъ упорную политическую и экономическую войну, крайне для насъ раззорительную, а что хуже всего — затяжную. Посмотримъ, насколько искренны миролюбивыя отношенія дружественнаго намъ Китая.

Со временъ Пекинскаго и Тянь-дзинскаго трактатовъ, исполнялась ли китайцами въ точности хотя одна статья этихъ договоровъ? Плаваніе по р. Сунгари (притоку Амура) до послѣдняго времени намъ не дозволялось вопреки трактату, и наше право на это плаваніе вновь подтверждено послѣднимъ петербургскимъ договоромъ по поводу передачи Кульджи. Торговцы наши въ Китаѣ всегда и вездѣ терпѣли убытки и стѣсненія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно было совершенно устранить ихъ торговыя операціи, имъ дѣлали самыя ребяческія придирки въ родѣ того, что вамъ-молъ дозволяется считать отъ пяти до шести, а *отъ шести до пяти* нельзя. На сѣверной границѣ Монголіи и Манджуріи дѣла идутъ хотя туго, но по крайней мѣрѣ безъ явныхъ препятствій, безъ грабежей и убійствъ. Не то мы видимъ на западной границѣ.

Восточныя окраины наши прилегаютъ къ Китаю на протяженіи около 2000 верстъ. На этомъ громадномъ протяженіи, болѣе удобные торговые пути въ китайскія земли существуютъ только въ трехъ мѣстахъ, и тѣ проходятъ черезъ высокіе горные хребты. Караваны наши въ рѣдкихъ случаяхъ проникаютъ далѣе 500—600 верстъ отъ крайнихъ пограничныхъ постовъ, а именно въ г. Аксу въ Кашгаріи, въ Ши-хо, укрѣпленное мѣстечко и постоянный лагерь китайскихъ войскъ (до 4-хъ тысячъ человѣкъ), оттуда изрѣдка доходятъ до Урумчи (на востокъ отъ Кульджи), и наконецъ въ Чугучакъ близъ сибирской границы.

письмо Шубкина къ Комлеву: Добрѣйшій Михаилъ Логиновичъ! Скоро, братъ, я имянинникъ, т.-е. 30 сего августа, деньжонокъ нѣтъ, а жалованье все удержится; нельзя-ли сколько нибудь получить отъ вашихъ крохъ, хотя 5 рублей изъ раціоновъ за сентябрьскую треть сего года. Если можно, то увѣдомь меня поскорѣе для удостовѣренія на полученіе Алексѣю Павловичу (Аносову). Прошу принять мое почтеніе съ пожеланіемъ здоровья. Уважающій Александръ Шубкинъ.

На этихъ трехъ путяхъ, въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, разграблено нашихъ товаровъ, при открытыхъ нападеніяхъ на караваны, на сумму 330 тысячъ рублей. При этомъ убито до 60-ти человѣкъ и уведено въ рабство болѣе 30-ти. Многіе изъ пропавшихъ до сихъ поръ еще томятся въ китайскихъ тюрьмахъ, а тѣ, которымъ удавалось уйти, показывали ужасные слѣды пытокъ на своемъ тѣлѣ. Положимъ, это были не русскіе православные купцы, но все же русскіе подданные — хотя и мусульмане. Невозможность защитить ихъ вредно вліяетъ на умы восточнаго населенія Туркестана, гдѣ каждый базарный слухъ передается съ быстротой телеграфа и легковѣрные азіяты видятъ въ китайцахъ силу, превосходящую власть русскаго *ярымъ-падишаха*, какъ называютъ мусульмане генералъ-губернатора.

Не разъ такія дѣла доводились до свѣдѣнія нашего посланника въ Пекинѣ, но и онъ въ концѣ-концовъ отзывался, что ничего не можетъ добиться отъ Дайцинскаго правительства, которое всегда отговаривается тѣмъ, что не получало еще оффиціальныхъ донесеній изъ отдаленныхъ западныхъ провинцій. Между тѣмъ въ нападеніяхъ на наши караваны нерѣдко участвуютъ китайскія власти со своими начальниками во главѣ.

На сѣверной границѣ Монголіи главный предметъ ввоза составляетъ чай. На западной—наоборотъ, чай привозится отъ насъ въ Китай, слѣдуя туда съ Ирбитской ярмарки, несмотря на противодѣйствіе мѣстныхъ китайскихъ властей, часто конфискующихъ этотъ товаръ безъ всякаго права и вопреки трактатамъ. Дѣйствуютъ они такъ желая покровительствовать привозу туда своего кирпичнаго чаю (неоплаченнаго пошлиной) прямо изъ восточнаго Китая, несмотря на труднопроходимыя дороги черезъ Голодную степь.

Къ намъ вывозится изъ западнаго Китая, полученное въ обмѣнъ за товары, серебро въ слиткахъ или *ямбахъ* опредѣленнаго вѣса (въ 100—120 руб.) (*) и клейменыхъ, но и тутъ часто случается, что китайцы подсовываютъ нашимъ купцамъ, особенно татарамъ и сартамъ, фальшивые слитки съ примѣсью свинца и чугуна, или

(*). Есть ямбы и въ 25 р. Странно видѣть какъ наши купцы, получивъ ихъ за кирпичный чай (около 2-хъ руб. за кирпичъ) иногда посылаютъ почтой въ Кяхту для закупки тамъ чаю, чтобы его снова провезти черезъ всю Сибирь и отправить въ Китай съ другаго конца.

врѣзаютъ въ нихъ кусочки этихъ металловъ. Прибавьте ко всему эпитетъ «янъ-гуйзы» (заморскій чортъ), которымъ провожаютъ въ китайской мѣстности каждаго русскаго, также какъ и всякаго другаго европейца; тысячи непріятностей, которыя испытывали всѣ наши путешественники въ этихъ негостепріимныхъ странахъ, и вы получите хотя слабое понятіе о дружественномъ къ намъ расположеніи Китая, какъ правительства и такъ китайцовъ, какъ націи.

Взглянемъ на карту Азіи. Какія громадныя сибирскія клещи стиснули съ сѣвера Китай. Однимъ концомъ этихъ клещей служитъ Уссурійскій край — на дальнемъ востокѣ, другимъ служилъ Кульджинскій.

Манджурія охвачена съ трехъ сторонъ и ей, кромѣ открытой для плаванія Сунгари, угрожаютъ еще два серьёзные военные пункта: Благовѣщенскъ и Цурухайтуевское укрѣпленіе.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что Китай никогда не былъ такъ силенъ, какъ теперь, потому что тамъ есть уже и регулярное войско (?), и магазинныя ружья, и крупповскія пушки. Свѣдѣнія эти отчасти вѣрны, объ этомъ доносили консулы; но люди не-военные и не-спеціалисты въ военномъ дѣлѣ вѣроятно не знаютъ, что ружья эти большею частью испорчены и заржавлены до невозможности, патроновъ къ нимъ нѣтъ или очень мало; пушки хотя и хороши, но нѣтъ артиллеристовъ.

Трусливый китаецъ самъ готовъ убѣжать отъ грома выстрѣла и безъ смѣха нельзя видѣть, какія гримасы дѣлаютъ они при стрѣльбѣ, отворачивая лицо и вытягивая шею, а главное, что въ войскѣ ихъ никогда не можетъ быть никакого воодушевленія, ни фанатизма, а потому нѣтъ силы даже для самозащиты. Это просто сбродъ полуголодныхъ дикарей, часто враждебныхъ другъ другу и другъ друга не всегда понимающихъ (въ Китаѣ, что ни провинція, то особое нарѣчіе). Доказательствомъ слабости подобной массы людей служитъ избіеніе въ западномъ Китаѣ милліоннаго китайскаго населенія пятидесятью тысячами почти безоружныхъ дунганъ въ 1868 году. Никто такъ легко не подвергается паникѣ, какъ китайцы. Въ исторіи мусульманскаго возстанія есть примѣры, что толпы преслѣдуемыхъ китайцевъ бросались съ горъ въ пропасти, убивали другъ друга и даже убивали сами себя,—обезумѣвъ отъ страха.

Глядя на эту обширную, богато-надѣленную страну, съ многомилліоннымъ населеніемъ, на эту трудолюбивую расу, обреченную на вѣковой застой, на невѣжество и идолопоклонство, невольно сравниваешь судьбу ея съ судьбою Индіи, и провидишь въ далекомъ будущемъ неизбѣжную цивилизующую власть надъ ней Россіи.

Фатальнымъ образомъ мы будемъ привлечены къ тому, если бы и не желали. Не пойдемъ мы сами въ Китай, насъ принудитъ къ тому назойливый сосѣдъ, который становится годъ-отъ-году все нахальнѣе и дерзновеннѣе. Рано или поздно Россія будетъ призвана засвѣтить въ этомъ царствѣ мрака и суевѣрія тотъ свѣточъ, который призываетъ всѣ народы къ жизни и истинной цивилизаціи; но пока наступитъ это время, намъ не мѣшаетъ точнѣе ознакомиться съ истиннымъ положеніемъ Китая, котораго такъ неосновательно боится европейская Россія, а съ ней и вся Европа, какъ какого-то таинственнаго *Гога и Магога*, долженствующаго когда нибудь хлынуть на западъ, какъ нѣкогда полчища Чингизъ-хана.

Китайцамъ пока найдется довольно мѣста и внутри Китая, за ихъ Великой стѣной. Обширные оазисы Кашгаріи, отдѣленные отъ Кашмирской долины горной цѣпью Гиндухуша съ переваломъ въ 16 тыс. футовъ, съ прекрасными нагорными пастбищами, представляютъ громадное слабонаселенное пространство. Вольно же имъ сидѣть до сихъ поръ за своей каменной ширмой и пухнуть съ голоду вмѣсто того, чтобы проводить ирригаціонные каналы, для орошенія сосѣднихъ степей и равнинъ.

Дѣло въ томъ, что у китайцевъ много своихъ внутреннихъ враговъ, которыхъ они то трепещутъ, то коварно и безпощадно преслѣдуютъ. Это дунгане, торгауты, монголы и на западѣ му-

сульмане арійскаго племени. Они всегда волнуются, и мелкія одиночныя возстанія ихъ, болѣе или менѣе серьёзныя, не перестаютъ никогда въ центральномъ и югозападномъ Китаѣ.

Само Дайцинское правительство (Манджурская династія), въ лицѣ своего юнаго Богдо-хана, его тетки—правительницы и приближенныхъ министровъ, сознаютъ очень хорошо, что собственно китайцы (никанцы) ихъ ненавидятъ, а потому естественно стараются наружно дружить съ нами, показывая на словахъ и на бумагѣ всѣ возможные знаки вниманія и дружбы. Въ оффиціальной перепискѣ они постоянно изъявляютъ горячее желаніе, чтобы дружба эта продолжалась еще 10 тысячъ лѣтъ.

И неужели мы этому добродушно вѣримъ?

Манджурамъ конечно прямой разсчетъ играть такую роль въ надеждѣ на поддержку въ будущемъ, какъ это было уже во время возстанія тайпинговъ въ 1867—68 году, когда для защиты Урги былъ отправленъ туда отрядъ нашихъ войскъ. Пока существуетъ Манджурская династія, натянутая дружба наша съ Китаемъ будетъ продолжаться, хотя въ ущербъ нашей торговлѣ; но почему же, зная эту слабую сторону уповающаго на насъ, въ случаѣ будущихъ невзгодъ, правительства Китая, не воспользоваться этимъ и не потребовать отъ него болѣе серьёзныхъ гарантій относительно точнаго исполненія *всѣхъ* статей договоровъ?

Въ настоящую минуту правительство Китая дѣйствительно нѣсколько окрѣпло внутренно. Всѣ западныя провинціи, отпавшія въ 1868 году, пріобрѣтены имъ снова и весьма дешево, инсуррекція почти повсемѣстно подавлена, слѣдовательно въ насъ теперь надобности нѣтъ и скоро не предвидится, отчего же и не попробовать постращать насъ той массой, которой они сами болѣе всего боятся? Это совершенно въ китайскомъ духѣ, да и примѣръ Англіи не могъ не быть поощрителенъ для самолюбивыхъ китайцевъ. Вожаки настоящихъ южныхъ китайцевъ (никанцевъ) дѣйствительно желаютъ войны, мечтая воспользоваться ею, чтобы свергнуть манджурское иго, которое они признаютъ для себя постыднымъ. Дунгане, знающіе лучше всѣхъ все, что дѣлается внутри Китая, говорятъ, что у никанцевъ давно уже есть и кандидатъ на престолъ Срединной Имперіи съ весьма либеральной программой реформъ. У этихъ истыхъ китайцевъ есть свои партіи и свои интриги. Ихъ вліяніемъ отчасти объясняется та воинственная политика, которой держалось Дайцинское правительсто во все время Кульджинскаго вопроса, причина которой такъ охотно приписывалась нами наускиванью англичанъ. Зная все это, почему же намъ не имѣть побольше настойчивости въ сношеніяхъ нашихъ съ Пекиномъ и не поучиться этой настойчивости у нашихъ западныхъ друзей.

А. Сумароковъ.